

ISSN (print) 2686-9764 Том 17, № 1 (61),
ISSN (online) 2782-1986 2023

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

научно-практический журнал

Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

science and practice journal

of Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service

Volume 17, No. 1 (61),
2023

PENITENTIARY SCIENCE

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ НАУКА

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2023, том 17, № 1 (61)

научно - практический журнал

Вологодского института права и экономики

Федеральной службы исполнения наказаний

Научно-практический
журнал
«Пенитенциарная
наука»

издается с 2007 года,
до августа 2019 года
выпускался под назва-
нием «Вестник институ-
та: преступление, нака-
зание, исправление»

Учредитель:
ВИПЭ ФСИН России

Журнал
зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации средства
массовой информации
ПИ № ФС77-76598
от 15.08.2019

Журнал размещается
в следующих
реферативных и
полнотекстовых
базах данных:
DOAJ, EBSCOhost,
WorldCat, East View
Information Services,
Российский индекс
научного цитирования
(РИНЦ), научная
электронная библиотека
«КиберЛенинка»,
электронный
периодический
справочник «Система
ГАРАНТ»

Все права защищены.
Перепечатка
материалов только
с разрешения редакции
журнала

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Каравалева Ю. И. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат социологических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Аветисян С. С. – профессор кафедры уголовного права и уголовно-процессуального права института права и политики Российско-Армянского университета, судья уголовной палаты Кассационного суда Республики Армении, председатель армянского представительства региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Армении;

Антонян Ю. М. – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского государственного гуманитарного университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор;

Кругликов Л. Л. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Международной академии наук высшей школы и Российской академии естественных наук;

Мацкевич И. М. – ректор Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мешко Г. – профессор факультета уголовного правосудия и безопасности Университета Марибор (Словения), доктор, профессор криминологии;

Панченко В. Ю. – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Московского университета им. А. С. Грибоедова, доктор юридических наук, доцент;

Пастушеня А. Н. – заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Международного университета «МИТСО», доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь;

Поздняков В. М. – профессор кафедры научных основ экстремальной психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Стоянов В. – проректор по учебной работе Варненского свободного университета им. Черноризца Храбра (Болгария), доктор психологических наук, профессор;

Чукмаитов Д. С. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Жетысуского государственного университета им. И. Жансугурова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминологии Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Авторские материалы рецензируются и не возвращаются. Редакция сохраняет за собой право производить сокращения и редакционные изменения рукописи

Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

Адрес редакции:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:
160002, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:
426035, г. Ижевск,
ул. Тимирязева, д. 5,
оф. 5

Телефоны:
(8172) 51-82-50,
51-46-12,
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru,
pennauka@vipe.fsin.gov.ru

Сайт:
<https://jurnauka-vipe.ru>

Подписной индекс
41253 по электронному
каталогу «Урал-Пресс»

Свободная цена

© ВИПЭ ФСИН России

Дата выхода в свет:
31.03.2023

Тираж 1000 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Букалерева Л. А. – заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Голодов П. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Дворянсков И. В. – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными юридического факультета ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Зубкова В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, главный научный сотрудник лаборатории сравнительного правоведения юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Ковтуненко Л. В. – профессор кафедры педагогики и педагогической психологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета, доктор педагогических наук, доцент;

Козаев Н. Ш. – заместитель начальника Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России по учебной и научной работе, доктор юридических наук, доцент;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Малышев К. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Пантелеева Н. В. – заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова (Республика Беларусь), кандидат юридических наук, доцент;

Поникаров В. А. – профессор кафедры административного и финансового права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Цветков В. Л. – начальник кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного процесса Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Шмонин А. В. – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Северо-Западного института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические науки (юридические науки); 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки); 5.3.9. Юридическая психология и психологическая безопасность (психологические науки); 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	4
РОМАШОВ Р. А., СВИНИН Е. В., КИРИЛОВСКАЯ Н. Н. Проблемы понимания, оформления, систематизации источников современного российского пенитенциарного права: обзор докладов и выступлений участников межрегионального круглого стола «Источники современного пенитенциарного права России» (Вологда, ВИПЭ ФСИН России, 17 января 2023 г.)	4
ОГАНЕСЯН С. С., ШАМСУНОВ С. Х. О некоторых актуальных проблемах профилактики и противодействия экстремистским и террористическим воззрениям в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.	11
СЕЛИВЕРСТОВ В. И. Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства в современных условиях: основные факторы и направления	19
ЮЖАНИН В. Е. Соотношение целей и задач уголовного закона, наказания и его исполнения.	30
БАБАЯН С. Л., КОХМАН Д. В. Совершенствование средств дисциплинарного воздействия в отношении осужденных к ограничению свободы и условно осужденных.	39
ШУРУХНОВ Н. Г. Проблемы квалификации преступлений против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы	52
ЛУЦЕНКО П. А. Компаративный анализ процессуальной формы подготовки уголовного дела к судебному разбирательству в странах англосаксонской и континентальной систем права	62
КАРПОВ Э. С. К вопросу о правовом регулировании государственной службы иных видов в системе государственной службы Российской Федерации.	72
РОМАНОВ С. А. Реформирование системы государственного контроля (надзора) в условиях изменения действующего законодательства	82
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	89
БОВИН Б. Г., ДВОРЯНЧИКОВ Н. В., МЕЛЬНИКОВА Д. В., БОВИНА И. Б. К проблеме оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде	89
СУСЛОВ Ю. Е., КУЛАКОВА С. В. Предубеждения в отношении психологии как фактор повышения экстремальности службы и дезадаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы	98
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	105
КРЯЖЕВА С. Г., КОВТУНЕНКО Л. В. Актуальное состояние и перспективные направления профессионально- педагогической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к работе с несовершеннолетними правонарушителями	105

Обзорная статья

УДК 343.8

doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.001

Проблемы понимания, оформления, систематизации источников современного российского пенитенциарного права: обзор докладов и выступлений участников межрегионального круглого стола «Источники современного пенитенциарного права России» (Вологда, ВИПЭ ФСИН России, 17 января 2023 г.)

РОМАН АНАТОЛЬЕВИЧ РОМАШОВ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ СВИНИН

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, evsvinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА КИРИЛОВСКАЯ

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

Реферат

Публикуемый обзор по итогам состоявшегося 17 января 2023 г. в Вологодском институте права и экономики ФСИН России межрегионального круглого стола «Источники современного пенитенциарного права России» подготовлен в целях упорядочить новую информацию, критически переосмыслить вклад докладчиков в научную дискуссию, определить тенденции исследований и выявить проблемные аспекты. В материале рассматриваются теоретические вопросы понятия, сущности и системы источников пенитенциарного права. Обращается внимание на необходимость осуществления их типологии. Обосновывается необходимость разграничения типичных и нетипичных источников. Существование последних обусловлено актуализацией проявлений «живого» права, связанных с нормотворческой практикой издания подзаконных актов ведомственного нормотворчества, облекаемых в весьма расплывчатые атрибутивные формы (письма, рекомендации, указания и т. п.), либо выраженных в форме устного распоряжения начальствующего субъекта. Высказаны идеи о необходимости учитывать роль «квазиисточников», которые отражают правотворческую ориентированность отдельных решений Верховного и Конституционного судов Российской Федерации в сфере их правоинтерпретационной деятельности. Пристальное внимание уделяется проблеме технико-юридического качества источников пенитенциарного права. Акцент делается на рисках, которые таит в себе широкий подход к понятию «законодательство», особенностях понятия «правовая культура источников пенитенциарного права», формах проявления правопорядка в системе источников пенитенциарного права, роли и соотношении источников международного и пенитенциарного права, особенностях антикоррупционного и делегированного законодательства в системе источников пенитенциарного права.

Ключевые слова: пенитенциарное право; источники права; квазиисточники права; система права; международное право; правовая культура; пенитенциарный правопорядок.

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.

Для цитирования: Ромашов Р. А., Свинин Е. В., Кириловская Н. Н. Проблемы понимания, оформления, систематизации источников современного российского пенитенциарного права: обзор докладов и выступлений участников межрегионального круглого стола «Источники современного пенитенциарного права России» (Вологда, ВИПЭ ФСИН России, 17 января 2023 г.) // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 4–10. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.001.

Problems of Understanding, Registering, Systematizing Sources of Modern Russian Penitentiary Law: Review of Reports and Speeches of Participants of the Interregional Round Table “Sources of Modern Penitentiary Law of Russia” (Vologda, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, January 17, 2023)

ROMAN A. ROMASHOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

EVGENII V. SVININ

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, evsvinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>

NATAL'YA N. KIRILOVSKAYA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

Abstract

The article reviews speeches made at the interregional round table “Sources of Modern Penitentiary Law of Russia” (Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, January 17, 2023) to streamline new information, critically assess the contribution of reports to scientific discussions, identify research trends and determine problematic aspects. This paper reveals theoretical issues of the concept, essence and system of sources of penitentiary law. Attention is drawn to the necessity to build a typology of penitentiary law sources. The article substantiates the relevancy of distinguishing between typical and atypical sources and the existence of the latter due to the actualization of manifestations of “living” law associated with the rule-making practice of issuing subordinate acts of departmental rulemaking, clothed in very vague attributive forms (letters, recommendations, instructions, etc.) or expressed in the form of an oral order of commanding officers. It is proposed to consider the role of “quasi-sources” that reflect the law-making orientation of individual decisions of the Supreme and Constitutional Courts in the sphere of their law enforcement activities. Close attention is paid to the problem of technical and legal quality of penitentiary law sources. Attention is focused on risks of applying a broad approach to the concept “legislation”, features of the concept of legal culture of penitentiary law sources, forms of manifestation of law and order in the penitentiary law sources system, the role and correlation of sources of international and penitentiary law, characteristics of anti-corruption and delegated legislation in the system of penitentiary law sources.

Keywords: penitentiary law; sources of law; quasi-sources of law; system of law; international law; legal culture; penitentiary law and order.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Romashov R.A., Svinin E.V., Kirilovskaya N.N. Problems of understanding, registering, systematizing sources of modern Russian penitentiary law: review of reports and speeches of participants of the interregional round table “Sources of Modern Penitentiary

17 января 2023 г. в Вологодском институте права и экономики ФСИН России состоялся межрегиональный круглый стол «Источники современного пенитенциарного права России».

Мероприятие было организовано Вологодским институтом права и экономики ФСИН России совместно с межрегиональной общественной организацией «Научный пенитенциарный клуб», Кузбасским институтом ФСИН России, а также Иркутским региональным отделением Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права.

С приветственным словом к участникам круглого стола обратился начальник Вологодского института права и экономики ФСИН России полковник внутренней службы кандидат юридических наук, доцент Евгений Леонидович Харьковский.

Тема круглого стола представляется весьма важной и значимой. В современных условиях динамичного развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации ключевая роль отводится формальным источникам пенитенциарного права. Они выступают мощными драйверами обновления и развития системы исполнения наказаний. Этим обстоятельством определяется не только теоретическая, но и практическая значимость вынесенных на обсуждение проблемных вопросов. Достижение целей исправления осужденных, повышение эффективности функционирования пенитенциарной системы возможны только при условии пристального внимания к содержательным особенностям и юридическим формам пенитенциарного права.

В рамках работы круглого стола участникам предстоит обсудить широкий круг вопросов, связанных с понятием и сущностью источников права, особенностями пенитенциарного права как отрасли российского права, соотношением национальных и международных источников пенитенциарного права, ролью актов стратегического планирования в деятельности пенитенциарной системы, направлениями реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г.

Широкий круг вопросов проблемного поля, включающий как общетеоретические, так и отраслевые аспекты источников пенитенциарного права, свидетельствует о важности и актуальности проводимого круглого стола.

Основной доклад на тему «Истоки и источники современного пенитенциарного права» был представлен профессором кафедры государственно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России доктором юридических наук, профессором Романом Анатольевичем Ромашовым.

Проблема источников права в целом и формальных источников пенитенциарного права в частности

имеет как научно-теоретическое, так и практическое значение. Представляется целесообразным акцентировать внимание на трех аспектах: анализе соотношения понятий «исток» и «источник» применительно к пенитенциарному праву; понимании и систематизации типичных источников пенитенциарного права; нетипичных источниках «живого» пенитенциарного права современной России.

Понятия «исток» и «источник» соотносятся как предпосылка и условие. Истоки пенитенциарного права складываются из общественных отношений в сфере пенитенциарной жизнедеятельности (материальные истоки); идейно-теоретических концепций ученых-пенитенциаристов, доктринальных позиций политических деятелей и практических работников ФСИН России (идеологические истоки), которые, имея непосредственное отношение к системе пенитенциарного права, вместе с тем не обладают реальной юридической силой и не способны оказывать регулятивно-охранительное воздействие на пенитенциарные отношения. Формально-юридические источники пенитенциарного права представляют внешне выраженные в определенных юридических формах (материальных и процессуальных) правовые предписания, наделенные юридической силой и применяемые управомоченными субъектами в качестве средств правового регулирования и правовой охраны пенитенциарных отношений.

Система типичных источников пенитенциарного права складывается из трех основных юридических форм: нормативно-правовых актов (конституции, законов, подзаконных актов), нормативных договоров, юридических обычаев. Иерархическое структурирование системы источников предполагает главенствующую роль нормативно-правовых актов, как определяющих особенности формального выражения и содержательного наполнения производных от них договоров и обычаев, так и наделяющих их юридической силой. Особое место в системе типичных источников занимают документы стратегического планирования (федеральные концепции, федеральные программы), основной целью которых является среднесрочное прогнозирование развития ФСИН России.

Внедренное в понятийный аппарат современного российского права понятие «живого» права («живой» конституции) актуализирует проблему понимания источников «живого» пенитенциарного права. В качестве таковых могут рассматриваться многочисленные подзаконные акты ведомственного нормотворчества, облакаемые в весьма расплывчатые атрибутивные формы (письма, рекомендации, указания и т. п.) либо представленные в виде устного распоряжения начальствующего субъекта. Проведение СВО обусловило применение такого нетипичного ис-

точника правового воздействия, как опережающая правоприменительная практика, когда пенитенциарные отношения возникают в условиях пробела в праве и в своей динамике основываются исключительно на волеизъявлении лиц, наделенных властными полномочиями (задержание в СВО осужденных к наказанию в виде лишения свободы, содержание в СИЗО военнопленных и т. п.).

Полищук Николай Иванович, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, выступил с докладом на тему «Квазиисточники права и их роль в право-реализационной деятельности государства».

В силу своего исторического пути зарождения, становления и развития, специфики правотворчества и право-реализационной деятельности, наличия других особенностей существующие национальные системы права, как правило, одновременно используют несколько базовых источников права, формирующих их основу, а также ряд квазиисточников, выполняющих вспомогательную роль.

Под базовыми источниками права мы понимаем объективно устоявшиеся в суверенных государствах (правовых семьях) источники, с помощью которых легализуются официальные регуляторы общественных отношений, а под квазиисточниками – те, которые выполняют второстепенную, вспомогательную роль в нормотворческой, право-реализационной и право-интерпретационной деятельности.

В российской национальной системе права к базовым источникам относятся правовая обычай, нормативный правовой акт, договор нормативного содержания и принципы права, так как именно в них содержатся основополагающие идеи, определяющие содержание и главные направления правового регулирования общественных отношений, а также узакониваются правовые нормы, создаваемые для воплощения этих целей. Их характерной особенностью является то, что они стабильно используются в нормотворческой и право-реализационной деятельности, а следовательно, на их основе создается и функционирует вся национальная система права.

Квазиисточниками российского права являются интерпретационные документы (решения, постановления, определения), исходящие от уполномоченных органов государства (Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного суда Российской Федерации и др.), направленные на единообразное применение базовых источников.

Квази-право-творчество высших судебных и иных уполномоченных на то органов не противоречит принципу разделения властей и осуществляется в строгом соответствии с действующим законодательством Российской Федерации. Все документы, исходящие от них, являются квазиисточниками российского права, выполняют второстепенную, вспомогательную роль в нормотворческой и право-реализационной деятельности государства. Потреб-

ность в квазиисточниках права возникает тогда, когда в право-реализационной деятельности субъектов наличествуют нетипичные ситуации, связанные с пробелами в праве, коллизиями правовых норм, нарушениями основополагающих принципов и норм международного права, санкционированием значительного усмотрения правоприменителя и т. д.

В выступлении доцента кафедры теории и истории государства и права и международного права Юридического института Самарского национального исследовательского университета имени С. П. Королева кандидата юридических наук, доцента Михаила Юрьевича Спирина на тему «Соотношение законодательства и законодательной деятельности» была затронута проблематика различных смыслов категорий «законодательство» и «законодательная деятельность».

Участник круглого стола обратил внимание на значительные для право-понимания и последующего право-применения риски восприятия данных категорий в слишком широком значении, охватывающем подзаконные нормативные правовые акты главы государства, правительства, министерств и ведомств и т. д. и соответствующую деятельность по их изданию. Была отмечена спорность тезиса о происхождении юридической силы исключительно от свойств внешней оболочки правовых норм (формального источника права), прозвучавшего в основном докладе; определено существование в этом вопросе двусторонней диалектической связи между формой и содержанием, поскольку основные свойства правовых норм, закрепленных в конкретном формальном источнике права (а не только его место в иерархии таких источников права и полномочия субъекта право-творчества), также влияют на его юридическую силу.

М. Ю. Спирин задал генеральному докладчику вопрос по поводу возможности и необходимости употребления термина «формы права» в значении формальных источников права, в том числе источников пенитенциарного права. Профессор Р. А. Ромашов отметил важность заданного вопроса, однако указал на устойчивое употребление в юридической науке и практике терминов «форма материального права» и «форма процессуального права», а также на потенциальные практические трудности при использовании категории «форма права» во множественном числе в значении формальных источников права.

Наталья Николаевна Кириловская, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, выступила с докладом на тему «Актуальные проблемы соотношения норм международного и национального права».

Вопрос о соотношении норм международного и национального права всегда был предметом острой дискуссии как в теории права, так и в теории международного права. Не стала исключением и пенитенциарная наука. Руководствуясь нормами Конституции Российской Федерации, в пенитенциарной

сфере, как и в любой другой, ратифицированный международный договор, не противоречащий положениям Конституции Российской Федерации, будет обладать приоритетом над федеральными законами. Данная конституционная норма носит императивный характер. В то же время пенитенциарная сфера относится к области принятия на международном уровне преимущественно документов рекомендательного характера. Обязано ли государство следовать нормам рекомендательного характера? Так, например, известные в международном пенитенциарном праве Правила Нельсона Манделы носят рекомендательный характер, по правому статусу являются резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН и на них не распространяется правило п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации. Однако государства, являясь членами международных организаций, принимают на себя определенные обязательства по членству и в связи с этим должны стремиться к принятию и выполнению общепринятых правил. Однако рекомендательный характер норм не обязывает государства-члены неукоснительно им следовать, предоставляя им возможность самим определить целесообразность реализации решений международных организаций в части или в полном объеме, а также формат их внедрения.

Евгения Владимировна Лунгу, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, в своем выступлении на тему «Проблемы классификации источников права» обратила внимание на то, что классификация источников права имеет существенное значение для регулирования общественных отношений.

В российской юридической науке особое место всегда отводилось вертикальной классификации источников права по такому основанию, как юридическая сила нормативных правовых актов. Однако в условиях правовой реальности данный подход не позволяет учесть как все разнообразие нормативных правовых актов, так и их положение в системе источников российского права. Решение данной проблемы видится в выделении новых оснований классификации источников права, учитывающих объективно сложившуюся практику.

Доклад Виктории Викторовны Карпуниной, доцента кафедры государственно-правовых дисциплин Воронежского института ФСИН России, кандидата юридических наук, доцента, «Правовая культура источников пенитенциарного права» был посвящен проблеме соотношения и взаимодействия правовой культуры, источников права и правопорядка.

Правовая культура является одним из значимых показателей технико-юридического развития и совершенствования законодательства.

Действующий Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации был подготовлен в середине 1990-х гг., в период кардинального обновления законодательства, и выполняет фундаментальную роль в

регулировании пенитенциарных правовых отношений. В то же время нельзя не отметить, что отдельные нормы и институты, закрепленные в УИК РФ, способствуют излишней неопределенности в правовом регулировании, тем самым снижая уровень технико-юридической культуры. К примеру, уголовно-исполнительное законодательство широко использует выражения «может», «вправе», что с позиции института антикоррупционной экспертизы рассматривается как проявление такого технико-юридического дефекта, преодоление которого возможно посредством законодательного закрепления понятия и видов законных интересов осужденных и иных лиц.

Проблемным аспектом правовой культуры источников пенитенциарного права может являться нечеткость и непоследовательность предмета регулирования. К примеру, гл. 21 УИК РФ регламентирует основания освобождения от наказания, тем самым конкурируя с гл. 12 УК РФ. Действующий УИК РФ содержит преимущественно материальные нормы, вследствие чего ряд подзаконных актов, в частности Правила внутреннего распорядка, приобретают фактически сопоставимое с УИК РФ значение, тем самым претендуя на условный статус закона в материальном смысле. Преодоление указанных и ряда иных технико-юридических недостатков будет способствовать повышению уровня правовой культуры источников пенитенциарного права.

Евгений Валерьевич Свинин, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, в своем выступлении на тему «Источники пенитенциарного права как нормативная основа пенитенциарного правопорядка» акцентировал внимание на необходимости исследования взаимодействия этих явлений.

Одной из проблем, заслуживающей пристального внимания, является множественность форм подзаконных правовых актов. Использование той или иной формы подзаконного акта должно быть обосновано необходимостью регламентации определенного вида общественных отношений, тем самым каждая форма подзаконного акта должна иметь свой специфический предмет регулирования. В настоящее время этот вопрос не имеет однозначного правового разрешения, более того, в правотворческой практике встречаются подзаконные нормативные правовые акты, которые формально не предусмотрены Постановлением Правительства Российской Федерации от 13.08.1997 № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации». В этой связи для укрепления пенитенциарного правопорядка представляется важным оптимизировать используемые формы права, четко ограничив предмет их правовой регламентации.

Доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации кандидат юридических наук Галия Талгатовна Ромашова посвятила свое выступ-

пление рассмотрению темы **«Антикоррупционное законодательство и его место в системе источников пенитенциарного права современной России»**.

Пенитенциарная система Российской Федерации характеризуется большим числом коррупционных рисков, что само по себе актуализирует проблему антикоррупционной безопасности как основанной на антикоррупционном законодательстве деятельности органов и должностных лиц, входящих в единую систему публичной власти, по профилактике правонарушений коррупционной направленности и противодействию им. В качестве фактора, снижающего регулятивно-охранительную эффективность антикоррупционного законодательства, выступает ведомственная разобщенность, обуславливающая множественные нормативные коллизии, а также отсутствие единого кодифицированного акта в данной области правового регулирования.

Выступление Олеси Валерьевны Мошненко, доцента кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России, кандидата экономических наук, было посвящено теме «Правовая природа решений Конституционного Суда Российской Федерации».

О. В. Мошненко обратила внимание на то, что проблема значения и роли решений Конституционного Суда Российской Федерации не потеряла своей актуальности и на сегодняшний день. Представляется, что некоторые решения Конституционного Суда Российской Федерации могут рассматриваться в качестве источников права. Речь идет о тех из них, в которых дается толкование норм Конституции или законов Российской Федерации. Они, действительно, обладают некоторыми свойствами источников права (например, общеобязательностью), которые придают им нормативный характер.

Несмотря на тот факт, что Конституционный Суд Российской Федерации не устанавливает новых правил поведения и не вносит изменений в существующее законодательство, тем не менее его решения могут предполагать отмену того или иного действующего нормативного акта либо отдельной нормы, что, в свою очередь, порождает новые права и обязанности у участников общественных отношений. Такого рода решения КС РФ, на наш взгляд, имеют нормотворческий характер, и их можно признать источником права.

Однако мы полагаем, что по своей правовой природе решения конституционного суда есть не судебные прецеденты, а особый самостоятельный вид

источников права. Решения КС РФ, имеющие нормативное содержание, правомерно отнести к источникам права в формально-юридическом понимании этой категории. Уникальная, особая юридическая природа решений КС РФ проявляется в первую очередь в сочетании нормативных и доктринальных начал, а также в распространении их на наиболее важные вопросы, касающиеся всех отраслей права, в том числе и право пенитенциарного.

Юлия Владимировна Перрон, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, свое выступление посвятила такой важной проблеме, как «Роль и место международных стандартов в системе пенитенциарного права».

В современных условиях при определении места международных стандартов исполнения уголовных наказаний в системе источников права следует ориентироваться в большей степени не на источник их закрепления, а на природу происхождения и содержание. Возникающие коллизии международных стандартов с российским правом следует разрешать с помощью принципов иерархии источников или приоритета применения, учитывая положения ч. 4 ст. 15, ст. 17, 46, 62, 63, 67.1, 69, 79, п. «б» ч. 5.1 и ч. 6 ст. 125 Конституции Российской Федерации.

Анна Петровна Веселова, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России, кандидат исторических наук, обратилась к анализу отдельных тенденций правотворчества и выступила с докладом на тему «Делегирование как тенденция современной правотворческой практики».

Говоря о формальных источниках права, без сомнения, следует отдавать себе отчет, в рамках действительности какой правовой семьи происходит рассуждение. Однако, несмотря на необходимую детализацию, значительный интерес вызывают общие тенденции, направляющие развитие источников права как системной категории в Новейшее время. Одна из таких – наделение органов исполнительной власти законодательными полномочиями. Ее ретроспективное формирование представлено появлением феномена делегированного законодательства. С течением времени сам факт делегирования постепенно теряет необходимость формального выражения, что является в большей степени не следствием усложнения общественных отношений, но сопутствующим процессом усиления органов исполнительной власти в системе государственного управления.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

РОМАН АНАТОЛЬЕВИЧ РОМАНОВ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН

ROMAN A. ROMANOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Distinguished Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia,

России, Вологда, Россия, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ СВИНИН – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, evsvinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>

НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА КИРИЛОВСКАЯ – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

Vologda, Russia, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

EVGENII V. SVININ – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, evsvinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>

NATAL'YA N. KIRILOVSKAYA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

Статья поступила 25.01.2023

Научная статья

УДК 343.28

doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.002

О некоторых актуальных проблемах профилактики и противодействия экстремистским и террористическим воззрениям в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации

СЕРГЕЙ СЯДОВИЧ ОГАНЕСЯННаучно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, ossduma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>**САЛИХ ХАБИБОВИЧ ШАМСУНОВ**Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия, shamsunov46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1194-6905>

Реферат

Введение: статья посвящена проблемам, которые стали для пенитенциарной системы актуальными лишь в последние два-три десятилетия, поскольку ни в годы СССР, ни в начальный период становления России в качестве суверенного государства тема профилактики и противодействия экстремизму не вставала так остро. *Цель:* раскрыть проблемы, возникшие перед уголовно-исполнительной системой России в связи с активизацией экстремистских и террористических проявлений как в нашей стране, так и за ее пределами, а также предложить возможные пути их решения. Назрела потребность в создании комплексной системы подготовки специальных кадров из числа сотрудников пенитенциарной системы России, а также научного и организационного сопровождения деятельности, направленной на профилактику и противодействие противоправной деятельности носителей экстремистских и террористических воззрений. *Результаты:* научную и практическую значимость данного исследования мы видим в том, что в нем впервые раскрывается необходимость учета специфики каждого из видов экстремистской и террористической деятельности с точки зрения мотивов, обусловленных ментальной спецификой носителей экстремистских и террористических воззрений, и подготовки специальных кадров из числа сотрудников пенитенциарной системы России для профилактики и противодействия данным крайне деструктивным явлениям. *Методы:* для решения поставленных исследовательских задач эффективно использовано сочетание логического, системного методов, а также концептуальных видов анализа современного состояния профилактики и противодействия экстремистской деятельности в УИС. Также применялись герменевтические, сравнительные и экзегетические методы исследования источников, которые предопределяют сознание, когнитивные способности и поведение современных экстремистов и террористов. *Вывод:* авторы констатируют актуальность исследуемой проблемы, ее многоаспектность и предлагают с учетом сформулированных в статье результатов разработку концепции профилактики и противодействия самым разнообразным видам экстремистских и террористических воззрений, которая, в свою очередь, должна найти отражение в концепциях психологической, воспитательной, оперативной и режимной служб и всей системы ФСИН России. Кроме того, не менее важной задачей, которая все еще не решена, представляется введение в учебные планы высших и средних учебных заведений ФСИН России цикла предметов, связанных с профилактикой экстремистских и террористических воззрений с учетом специальности обучаемых.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система Российской Федерации; экстремизм; терроризм; ментальные цивилизации; профилактика и противодействие противоправным деяниям.

5.1.1. Теоретико-исторические науки.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Оганесян С. С., Шамсунов С. Х. О некоторых актуальных проблемах профилактики и противодействия экстремистским и террористическим воззрениям в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 11–18. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.002.

On Some Urgent Problems of Prevention and Counteraction to Extremist and Terrorist Ideas in the Russian Penal System

SERGEI S. OGANESYAN

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ossduma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>

SALIKH Kh. SHAMSUNOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, shamsunov46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1194-6905>

Abstract

Introduction: the article considers problems that became urgent for the penitentiary system only in the last two or three decades, since neither in the years of the USSR, nor in the initial period of Russia's formation as a sovereign state, the issue of prevention and countering extremism was relevant. *Purpose:* to reveal problems that the Russian penal system faces in connection with the intensification of extremist and terrorist manifestations both in our country and abroad, as well as to suggest possible ways to solve them. There is a need to create a comprehensive system for training special personnel from among employees of the Russian penitentiary system, as well as scientific and organizational support for activities aimed at preventing and countering illegal activities of carriers of extremist and terrorist views. *Results:* the research has scientific and practical significance, since it reveals for the first time the need to take into account the specifics of each type of extremist and terrorist activity in terms of illegal activity motives driven by the mental specifics of carriers of extremist and terrorist ideas, as well as the necessity to train special personnel from among penitentiary institution employees in preventing and counteracting these extremely destructive phenomena. *Methods:* a combination of logical, systematic methods, as well as conceptual types of analysis of the current state of prevention and counteraction to extremist activity in the penal system is effectively used to solve the set research tasks. Hermeneutical, comparative and exegetic methods help study sources that determine consciousness, cognitive abilities and behavior of modern extremists and terrorists. *Conclusion:* the authors state the relevance of the problem under study, its complexity and propose, taking into account the results formulated in the article, elaboration of the concept of prevention and counteraction to the most diverse types of extremist and terrorist views, which, in turn, should be reflected in the concepts of psychological, educational, operational and regime services, as well as the entire system of the Federal Penitentiary Service of Russia. In addition, the authors consider the introduction of a cycle of subjects related to prevention of extremist and terrorist views into curricula of higher and secondary educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia to be an equally important task, which has not yet been solved, taking into account specialization of students.

Keywords: penal system of Russia; extremism; terrorism; mental civilizations; prevention and counteraction to illegal acts.

5.1.1 Theoretical and historical sciences.

5.1.4 Criminal law sciences.

For citation: Oganessian S.S., Shamsunov S.Kh. On some urgent problems of prevention and counteraction to extremist and terrorist ideas in the Russian penal system. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 11–18. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.002.

Введение

Широко известно, что именно в силу своей отнесенной новизны формы и виды экстремизма и терроризма малоизучены как в теоретическом, так и в практическом планах. Обращает на себя внимание тот факт, что проявления экстремизма, которые в современном мире квалифицируются в качестве противоправных, таковыми не считались даже лет сто тому назад. Более того, практически во всех странах мира они воспринимались в качестве деяний, демонстрирующих беззаветную преданность

своей религии, своему языку и своему отечеству [1]. Достаточно вспомнить, например, известный слоган, с которым воины царской России шли в бой, не щадя своих жизней: «За веру, за царя, за отечество», или произведения как устного народного творчества, так и художественной литературы, которые с точки зрения современного права подпадают под действие ст. 280 и 282 УК РФ: «Слово о полку Игореве», «Тарас Бульба» и др.

По нашему глубокому убеждению, экстремистскими являются и тексты таких священных писаний, как

Тора, Новый Завет и Коран, иначе 23 ноября 2015 г. В. В. Путин не подписал бы специальный закон о неподсудности содержания Библии, Корана, Танаха и Ганджура, а также цитат из них [2].

Подчеркнем, что в годы советской власти в УИС не существовало проблем ни с религиозным, ни с иными видами экстремизма (расовым, этническим, языковым и пр.), поскольку страна жила с идеологическими установками атеизма и интернационализма, которые благодаря государственной системе агитации и пропаганды, а также эффективной системе образования и просвещения достигали своей цели.

Проявление даже простой религиозности осуждалось большинством общества, а любое политическое инакомыслие или отклонение от основного курса КПСС жестко подавлялось всеми средствами и способами, включая силовые. И поэтому тот незначительный опыт содержания в местах лишения свободы политических заключенных, который накопила царская Россия до 1917 г., в годы советской власти был начисто забыт, будучи не востребован на практике. Сами же понятия, выражаемые словосочетаниями «религиозный экстремизм», «политический экстремизм», «социальный экстремизм», «расовый экстремизм» и т. д., воспринимались в СССР в качестве явлений, свойственных сугубо капиталистическим странам.

Безусловно, были в СССР проявления и ксенофобии, и религиозной нетерпимости, и политического противостояния, но власть считалась народной, а все те, кто выступал против нее, назывались врагами народа со всеми вытекающими отсюда последствиями. Как правило, несогласные попадали в места лишения свободы в виде исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР, где считалось, что само заключение под стражу и принудительный труд дадут требуемый воспитательный эффект и без целенаправленной системы ресоциализации.

Цель, поставленная нами в данной статье, – показать новые вызовы и связанные с ними проблемы, которые возникли перед УИС России в связи с активизацией экстремистских и террористических воззрений и проявлений в нашей стране, а также наметить наиболее эффективные пути их решения.

В отличие от проблем экстремизма проблема терроризма и противодействия ему актуальна для УИС России сугубо в связи с задачей ресоциализации осужденных за это деяние, поскольку периодически возникающие так называемые тюремные бунты никак нельзя отнести к терроризму. Профилактика и противодействие экстремизму не только чрезвычайно важны, но и сложны для всех служб, причем не только уголовно-исполнительной системы нашей страны, но и пенитенциарных систем всех государств мира.

Достаточно вспомнить, что правовые акты, направленные на законодательное урегулирование экстремистской и террористической деятельности в Российской Федерации, появились лишь в начале и середине 2000-х гг. В частности, федеральный закон

№ 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» был принят 25 июля 2002 г., а федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» вступил в силу 6 марта 2006 г.

Поскольку в рамках журнальной статьи нет возможности обозначить все проблемы, связанные с ресоциализацией лиц с экстремистскими и террористическими воззрениями в УИС России, остановимся на отдельных, с нашей точки зрения самых актуальных, и попытаемся наметить наиболее целесообразные пути их решения.

Методы исследования

Мы прибегли к комплексу методов. Первая группа включала в себя логический, системный и концептуальные виды анализа современного состояния профилактики и противодействия экстремистской деятельности в УИС и выявление нерешенных проблем ресоциализации лиц с экстремистскими и террористическими воззрениями, которые требуют своего осмысления. Во вторую вошли герменевтические, сравнительно-сопоставительные и экзегетические методы исследования источников, которые определяют сознание, когнитивные способности и поведение современных экстремистов и террористов.

Обсуждение

Считаем принципиально важным для нашей темы определиться с такими терминами и понятиями, как ресоциализация, профилактика и противодействие, которые, несмотря на частое употребление, нередко вызывают разночтения и противоречивые толкования. Мы не будем останавливаться на раскрытии понятий «экстремизм» и «терроризм» не только потому, что в последнее десятилетие они широко и, с нашей точки зрения, верно представлены в специальных словарях (юридических, политических, социологических и пр.), но и потому, что они четко определены в современных законодательных актах нашего государства, в частности Федеральном законе от 25.07.2002 № 114-ФЗ (последняя редакция) «О противодействии экстремистской деятельности» и Федеральном законе от 06.03.2006 № 35-ФЗ (последняя редакция) «О противодействии терроризму», которыми обязаны руководствоваться также и сотрудники УИС России. Другое дело, что в современном мире, включая нашу страну, возникают кроме перечисленных в упомянутых федеральных законах и иные виды экстремистской деятельности, которые находятся в центре внимания сотрудников УИС России. Этой проблеме нами была посвящена специальная работа, поэтому на ней мы останавливаться не будем, отсылая заинтересованных читателей к соответствующей публикации [1].

Существует общепринятое и отраженное в специальных словарях определение термина «ресоциализация». В частности, мы понимаем под ресоциализацией процесс формирования у осужденных за уголовные преступления тех норм и правил социальной жизни, а также культурных ценностей, которые приняты в нашей стране. Достигается ресоциализация целенаправленным воздействием на сознание,

мышление и поведение подозреваемых, обвиняемых и осужденных, включая экстремистов и террористов, самых разнообразных психологических и педагогических методов, способов, приемов и средств при обязательном учете специфики вида экстремистской деятельности и мотивов совершения террористических деяний.

Под профилактикой (от греч. *prophylaktikos* – предохранительный) нами понимается совокупность определенным образом систематизированных мер (мероприятий) предупредительного характера, которые направлены на укрепление или формирование у лиц, находящихся в местах лишения свободы, законодательно закрепленных или общепринятых в той или иной сфере норм и правил поведения наших соотечественников. В частности, речь идет о формировании у них терпимости к религиозному, этническому, языковому, расовому и прочему многообразию людей, воспитание (именно воспитание) толерантного мышления и поведения.

Под противодействием экстремистским и террористическим воззрениям понимается деятельность сотрудников УИС, направленная на блокирование деструктивного воздействия носителей экстремистских и террористических воззрений в УИС России, что предполагает целенаправленное формирование у них соответствующего социальной норме морально-нравственного мира и поведения в обществе.

Из этих определений следует, что и профилактика, и противодействие экстремизму и терроризму в УИС являются неотъемлемой частью ресоциализации лиц, находящихся в местах лишения свободы.

Одной же из самых сложных проблем, связанных с ресоциализацией экстремистов и террористов, можно считать определение в этом процессе функций сотрудников каждой из служб УИС России.

В наших публикациях мы касались вопросов, связанных с ролью священнослужителей в процессе формирования у подозреваемых, обвиняемых и осужденных веротерпимости и этнической толерантности, поэтому не будем останавливаться на них здесь, заметив, однако, что лица, облеченные духовным саном, в силу специфики своей профессиональной деятельности, а также имеющихся у них знаний, умений и навыков, не способны обеспечить эффективную ресоциализацию экстремистов в политической, языковой и социальной сферах [3].

Сложность данной проблемы заключается не только в том, что до сегодняшнего дня нет понимания, каковы функции каждого из подразделений ФСИН России в процессе ресоциализации экстремистов и террористов (поэтому УИС все еще не располагает учебными планами, программами подготовки и переподготовки кадров для профилактики и противодействия экстремизму и терроризму в вузах, средних учебных заведениях и на курсах подготовки и переподготовки кадров ФСИН России), но и, что не менее важно, в крайне недостаточном количестве научно обоснованных исследований и, соответственно, рекомендаций, во-первых, по функциональным обя-

занностям каждой из служб по ресоциализации экстремистов и террористов, во-вторых, по выявлению ментальной (шире – мировоззренческой) специфики тех, кто придерживается экстремистских и террористических воззрений в самых различных сферах бытия людей [4].

Не секрет, например, что лица, придерживающиеся религиозных экстремистских и террористических воззрений, принципиально отличаются по своему мировосприятию и устремлениям от носителей националистических и шовинистических взглядов уже потому, что для монотеистических религий (иудаизма, христианства и ислама) не имеют никакого значения этническое происхождение человека или его расовые и языковые отличия, ибо нормам и правилам поведения, ниспосланным Единым Богом, обязаны подчиняться все люди земли, а разнообразие людей на земле, согласно священным писаниям, предусмотрено самим Богом. Отсюда, в частности, берут начало проповедь Всемирного халифата в современном исламе или устремленность апологетов католицизма и православия к тому, чтобы все люди земли приняли именно их постулаты веры как самые правильные и поэтому богоугодные.

К примеру, сотрудники УИС обязаны знать, что политический экстремизм направлен, прежде всего, на изменение конституционного строя страны, а языковой – на уничтожение, подавление и вытеснение всех остальных языков, употребляемых в стране, путем изменения государственной языковой политики. При этом политический, языковой, социальный, этнический и другие виды экстремизма, как правило, не выходят за границы того или иного государства, хотя экстремисты могут поддерживать тесные идейно-идеологические контакты с родственными им по мировоззренческим основам группами националистов, шовинистов и политических экстремистов из других стран [4].

Способны ли сотрудники УИС организовать эффективную работу по ресоциализации экстремистов и террористов, не зная ментальной специфики своих подопечных, не будучи осведомленными о наиболее эффективных путях, методах и приемах профилактики и противодействия самым разнообразным видам и формам экстремизма? Естественно, нет. Об этом более чем убедительно говорит не только отечественный, но и соответствующий мировой опыт. Отнюдь не случайно известный британский психолог после теракта, совершенного 30 ноября 2019 г. его подопечным, с которым он, как и сотрудники других служб пенитенциарной системы Великобритании, работал на протяжении шести лет в Лондонской тюрьме, заявил, что психологи не способны «перепрограммировать» сознание религиозных экстремистов и террористов [5]. Нам представляется, британские психологи оказались беспомощными при работе с религиозными экстремистами и террористами сугубо по причине того, что они не используют мировоззренческие основы самих священных писаний для формирования не только веротерпимости, но и этнической толерант-

ности. Они не знают, например, таких наиважнейших строк Нового Завета и Корана, как «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Евангелие от Матфея, гл. 10:28); «И только Сатана склоняет вас страшиться близких. Вы их не бойтесь, а страшитесь лишь Меня, Коль предались и веруете вы» (Сура 3:175).

Именно приведенными назиданиями Нового Завета и Корана руководствуются те, кто идет на самопожертвование ради своих религиозных убеждений, будучи уверенными, что они полчат на небесах не только жизнь вечную, но и все блага рая.

Британские психологи не принимают во внимание также такие строки Корана, как «Не разрешил в религии Он принуждения, разнится ясно истина от заблуждения; Кто зло отверг и верует (в Аллаха), обрел себе надежную опору, для коей сокрушения нет, – Аллах, поистине, все слышит и всеведущ!» (Сура 2:256). Подавляющее большинство современных специалистов, включая тех, кто работает в УИС России, игнорируют и назидание Иисуса (Исы, сына Марьям): «Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими» (Евангелие от Матфея, гл. 5:9).

Отнюдь не случайно в последние два–три десятилетия возникли и интенсивно развиваются такие направления в психологии, как, например, православная психология и исламская психология, которые ориентируются в первую очередь на ментальные особенности религиозных людей, на их специфическое мировосприятие. Однако их появление осталось незамеченным психологами УИС России. То, что эти знания не задействованы в работе по ресоциализации лиц с религиозными экстремистскими и террористическими воззрениями, как и в работе с так называемыми политическими, социальными, расовыми и языковыми экстремистами и террористами, убедительно свидетельствуют рекомендованные западными психологическими школами методики, среди которых важное место занимают, например, «Минессотский многопрофильный личностный опросник» (MMPI), «Калифорнийский личностный опросник» (CPI), «Многоуровневый личностный опросник» (МЛО) А. Г. Маклакова, «Миссисипская шкала посттравматического стресса» (МШ); «Восьмицветовой тест» М. Люшера, «Характерологический личностный опросник» (EPI) Г. Айзенка, «Личностный опросник агрессивности» (BD) Баса – Дарки, «Шкала депрессивности Бека» (BDI), «Методика многофакторного исследования личности Кеттелла» (16 PF), «Дифференциальный диагностический опросник» (ДДО), «Методика диагностики темперамента» (PTS) Я. Стреляу и др.

Названные методики, как правило, не учитывают ни этнических, ни сословных, ни религиозных особенностей лиц, находящихся в местах лишения свободы. К примеру, то, что религиозный экстремист – это человек не с девиантным поведением, а тот, чье мировосприятие, образ мышления, устремления и поведение предопределены священными писаниями,

которые на протяжении тысячелетий регулировали жизнь и быт как конкретных этносов и народов, так и всего человечества, что эти люди являются носителями хоть и уходящей с исторической арены, но тем не менее все еще существующей в реальной жизни внушительной части человечества ментальности. Причем неприкосновенность последней гарантируется ст. 28 Конституции Российской Федерации, в которой ясно сказано: «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

Поведение современных людей, которые относят себя, например, к геям и лесбиянкам, религиозный человек искренне считает отклонением от нормы, по которой жили сотни поколений его предков, руководствуясь предписаниями, изложенными в Торе, Новом Завете и Коране. Религиозный экстремист полагает, что он не может оставаться в стороне от отклонений современной эпохи, и поэтому активно встает на защиту тех духовных ценностей, которые считает праведными и правильными. Причем он не задумывается над тем, что встает на путь экстремизма в нарушение всех норм толерантности, которые свойственны современной ментальной цивилизации людей, обладающих научным мировосприятием [6].

Другое дело, что психолог, воспитатель и начальник отряда ИУ должны настолько хорошо знать священные писания, чтобы убедительно показать религиозному экстремисту, что его взгляды идут вразрез с теми сведениями о ментальной специфике человека, а также об этапах ментального развития человечества, которые приведены в самих писаниях. В частности, они должны быть готовы рассказать о неизбежном переходе основной массы человечества от эпохи языческих воззрений к монотеистическим, а от них к научному мировосприятию и самостоятельному регулированию собственной жизнедеятельности именно в силу ментальной специфики человека, принципиально отличной от всех иных существ земли [6]. Ведь в силу этого жизнь по конституциям современных светских государств является неизбежностью, которую обязан принять любой истинно религиозный человек.

Отнюдь не случайно сказано в Торе, а следом в Новом Завете и Коране, что человек является носителем Духа Божьего, что именно он (в отличие от всех других существ земли) создан по образу и подобию Всевышнего и что сам Бог обучил человека названию всего, что «суще» в мироздании.

Однако даже если психолог, воспитатель и начальник отряда будут достаточно полно осведомлены об идейной и мировоззренческой основе писаний, их структуре, композиционном построении и сюжетно-событийном единстве, то и этого будет недостаточно, поскольку им необходимо не только владеть методами, способами и приемами работы со своими подо-

печными, но и располагать определенным набором средств обучения, включая соответствующий дидактический материал для осужденных [7].

Кстати, о сведениях священных писаний относительно неизбежности смены ментальных цивилизаций не скажут религиозным экстремистам и террористам священники, которые посвятили себя тюремному служению, иначе они вынуждены будут признать, что их роль в жизни общества ограничена сугубо религиозными ментальными эпохами (язычества и монотеизма) и что в своей жизни человеку, проживающему в светском государстве, необходимо, прежде всего, руководствоваться конституцией и другими нормативно-правовыми актами страны, а не предписаниями, изложенными в религиозных источниках [4].

Своя специфика существует и в ресоциализации националистов, неонацистов, шовинистов, расистов. К примеру, сотрудник оперативной службы не сможет организовать эффективную агентурную работу, если не будет осведомлен об особенностях националистов и расистов.

Однако проблемы психологов, воспитателей, начальников отрядов, а также сотрудников оперативных и режимных служб, возникающие в процессе ресоциализации экстремистов и террористов разных мастей, заключаются не только и не столько в перечисленных моментах. Они, как отмечалось, в первую очередь связаны с отсутствием научно обоснованной концепции роли, места и конкретных функций всех служб УИС в ресоциализации экстремистов и террористов. Те цели и задачи, которые были определены и поставлены перед сотрудниками психологических, воспитательных, оперативных и режимных служб в начале 2000-х гг., не учитывали вопросов, которые выдвинули на первый план новые времена.

Так, приказ Минюста России от 12.12.2005 № 238 не ставит ни перед психологической, ни перед другими службами соответствующих направлению их служебной деятельности целей и задач в интересующей нас сфере, равно как и Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, оформленная в виде приказа Минюста России от 20.05.2013 № 72.

Так, в частности, психологам в названном документе предлагается совместно с «заинтересованными службами» разрабатывать и проводить «профилактические мероприятия с лицами, поставленными на профилактический учет». Причем на учет наряду с другими осужденными берутся «лидеры и активные участники группировок отрицательной направленности, а также лица, оказывающие негативное влияние на других подозреваемых, обвиняемых и осужденных... изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию». И более ничего. И это несмотря на то, что, как было отмечено выше, экстремисты и террористы отнюдь не однородны, что они имеют совершенно различные мотивы противоправной деятельности, обла-

дают разными взглядами на жизнь и мироустройство и, соответственно, требуют специфических форм, методов и средств ресоциализации.

Справедливости ради следует сказать, что определенные усилия по организации и методическому обеспечению профессиональной работы пенитенциарных психологов и сотрудников оперативных служб с осужденными экстремистами и террористами предпринимались работниками НИИ ФСИН России в союзе с УВСПр и ГОУ ФСИН России. При этом аналогичные действия не осуществлялись в направлении воспитательной работы (начальники отрядов). Так, в 2018 г. на основе исследования обобщенных, типологических социально-психологических характеристик осужденных экстремистов и террористов сотрудниками НИИ ФСИН России была разработана Базовая программа психологической коррекции личности для лиц, осужденных за преступления террористической направленности (далее – БП). БП была одобрена руководством УВСПр ФСИН России и направлена в территориальные органы ФСИН России для практического использования в работе психологов.

Вслед за БП сотрудниками НИИ ФСИН России в 2019 г. была подготовлена программа повышения квалификации «Профилактика противодействия терроризму и экстремизму в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Ресоциализация лиц, осужденных за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности» (далее – ПВК). Предполагалось, что она будет активно использоваться ведомственными пенитенциарными образовательными организациями и институтами повышения квалификации работников ФСИН России в целях профессиональной подготовки к работе с осужденными экстремистами и террористами. Но этого не случилось, поскольку уже на этапе составления БП и ПВК их разработчики поняли, насколько сложной категорией для изучения являются лица, осужденные за экстремизм и терроризм. Стало очевидно, что ограничиваться лишь обобщенными, типологическими социально-психологическими характеристиками осужденных экстремистов и террористов нельзя по причине того, что слишком уж разными были различные категории этого контингента по своей ментальной или уже – психологической специфике. Выводы, сделанные в результате научно-исследовательской работы, наталкивают на мысль о необходимости внесения соответствующих изменений в содержание приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 20.05.2013 № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» в отношении лиц, изучающих, пропагандирующих, исповедующих либо распространяющих экстремистскую идеологию.

Кстати, здесь нельзя не остановиться и на другом проблемном моменте организации работы психологов и воспитателей в аспекте ресоциализации экстремистов и террористов в УИС России. Он напрямую

связан с численностью психологов в расчете на количество осужденных. В соответствии с существующими нормативами сотрудник психологической службы обязан одновременно осуществлять психологическое сопровождение 300 подозреваемых, обвиняемых, осужденных, а также сотрудников своего учреждения (органа).

Нагрузка начальника отряда (старший воспитатель в ВК) установлена в пределах 50–100 чел. в зависимости от вида режима учреждения. Нетрудно подсчитать, сколько времени (минут в неделю) может уделить каждый отдельный психолог, воспитатель и начальник отряда каждому осужденному, если даже сотрудники всех служб объединят свои усилия и четко распределят обязанности по ресоциализации экстремистов и террористов.

С другой стороны, встает вопрос, целесообразно ли из каждого сотрудника УИС готовить специалиста в сфере профилактики и противодействия экстремизму и терроризму, тем более что любая разновидность экстремизма и терроризма, имея свою специфику, требует обширных специальных знаний, а также владения специфическими методами, умениями и навыками. С нашей точки зрения, нет.

Думается, что проблему можно решить с помощью введения в штатное расписание каждого территориального органа ФСИН России двух–трех специалистов по профилактике и противодействию экстремизму и терроризму, которые должны направлять и координировать работу всех заинтересованных служб. Сегодня, надо признать, такими сотрудниками ФСИН России не располагает, поэтому крайне востребована система переподготовки соответствующих лиц.

Выводы

Таким образом, мы затронули лишь часть проблем, вызванных необходимостью ресоциализации экстре-

мистов и террористов в УИС России, не останавливаясь, например, на тех, которые связаны с созданием специальных программ подготовки и переподготовки сотрудников психологических, воспитательных, режимных и оперативных служб, предназначенных для профилактики и противодействия каждому из видов экстремистской и террористической деятельности, разработкой соответствующих учебников и учебных пособий, а также самых разнообразных аудиовизуальных учебных средств с использованием цифровых технологий.

Современный мир столкнулся с ранее не существовавшими вызовами, которым государствам придется противостоять в том числе и с помощью своих пенитенциарных систем. УИС России не может отмахнуться от них, рассчитывая, что все устроится и утрясется с помощью одного лишь заключения осужденного под стражу без решения задач перепрограммирования мировосприятия, мышления и поведения экстремистов и террористов. Именно поэтому одной из самых важных задач, стоящих перед УИС России, следует назвать разработку концепции профилактики и противодействия самым разнообразным видам экстремистских и террористических воззрений, которая, в свою очередь, должна найти отражение в концепциях психологической, воспитательной, оперативной и режимной служб, как и всей системы ФСИН России. Кроме того, не менее велика потребность во введении в учебные планы высших и средних учебных заведений ФСИН России цикла предметов, связанных с противодействием экстремистским и террористическим воззрениям с учетом специфики специальности обучаемых. И, конечно же, необходима систематическая разработка методов, приемов и самых разнообразных средств, направленных на профилактику и противодействие экстремизму и терроризму, как для учебных заведений, так и для мест лишения свободы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Оганесян С. С. Виды экстремистской деятельности и проблемы ресоциализации экстремистов в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 1 (236). С. 13–18.
2. Путин подписал закон о неподсудности священных книг. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/11/23/617980-nepodsudnosti-svyaschennih-knig> (дата обращения: 15.10.2022).
3. Оганесян С. С. О функциях священнослужителей в уголовно-исполнительной системе России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2021. № 6. С. 8–12.
4. Оганесян С. С., Румянцев Н. В., Шамсунов С. Х. Основные направления профилактики и противодействия экстремизму и терроризму в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации : моногр. М., 2021. 128 с.
5. Британский психолог: «Мы не можем перепрограммировать террориста». URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/221391780> (дата обращения: 15.10.2022).
6. Оганесян С. С. Кому решать религиозные проблемы современной пенитенциарной системы России? // Уголовно-исполнительная система: вчера, сегодня, завтра : материалы научно-представительских мероприятий ФКУ ДПО Санкт-Петербургский ИПКР ФСИН России / отв. ред. С. А. Копыткин. СПб., 2019. С. 106–120.
7. Дебольский М. Г. Психологическая служба уголовно-исполнительной системы России: опыт организации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-sluzhba-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-rossii-opyt-organizatsii/viewer> (дата обращения: 15.07.2022).

REFERENCES

1. Oganessian S.S. Types of extremist activity and problems of resocialization of extremists in the penitentiary system of the Russian Federation. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy = News of the Penal System*, 2022, no. 1 (236), pp. 13–18. (In Russ.).
2. Putin signed the law on the non-jurisdiction of sacred books. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/11/23/617980-nepodsudnosti-svyaschennih-knig> (In Russ.). (Accessed October 15, 2022).
3. Oganessian S.S. On functions of clergy in the Russian penal system. *Ugovolno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*, 2021, no. 6, pp. 8–12. (In Russ.).
4. Oganessian S.S., Rummyantsev N.V., Shamsunov S.Kh. *Osnovnye napravleniya profilaktiki i protivodeistviya ekstremizmu i terrorizmu v ugovolno-ispolnitel'noi sisteme Rossiiskoi Federatsii: monogr* [Key directions of prevention and counteraction to extremism and terrorism in the penal system of the Russian Federation: monograph]. Moscow, 2021. 128 p.
5. British psychologist: "We cannot reprogram a terrorist". Available at: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/221391780> (In Russ.). (Accessed October 15, 2022).
6. Oganessian S.S. Who should solve religious problems of the modern Russian penitentiary system? In: Kopytkin S.A. (Ed.). *Ugovolno-ispolnitel'naya sistema: vchera, segodnya, zavtra: materialy nauchno-predstavitel'skikh meropriyatii FKU DPO Sankt-Peterburgskii IPKR FSIN Rossii* [The penal system: yesterday, today, head of department: materials of scientific and representative events of the FKU DPO Saint Petersburg IPKR of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Saint Petersburg, 2019. Pp. 106–120. (In Russ.).
7. Debol'skii M.G. *Psikhologicheskaya sluzhba ugovolno-ispolnitel'noi sistemy Rossii: opyt organizatsii* [Psychological service of the penal system of Russia: organization experience]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/psikhologicheskaya-sluzhba-ugovolno-ispolnitelnoy-sistemy-rossii-opyt-organizatsii/viewer> (accessed July 15, 2022).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СЕРГЕЙ САЯДОВИЧ ОГАНЕСЯН – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, ossduma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>

САЛИХ ХАБИБОВИЧ ШАМСУНОВ – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, shamsunov46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1194-6905>

SERGEI S. OGANESYAN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ossduma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>

SALIKH Kh. SHAMSUNOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, shamsunov46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1194-6905>

Статья поступила 17.11.2022

Научная статья

УДК 343.8

doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.003

Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства в современных условиях: основные факторы и направления

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ СЕЛИВЕРСТОВ

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

vis_home@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9554-5438>

Реферат

Введение: современная российская действительность изменила соотношение между факторами, определяющими совершенствование уголовно-исполнительного законодательства. В период с момента принятия Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и до начала 2022 г. этот процесс осуществлялся под приоритетным воздействием внешнеполитических факторов, заключающихся в необходимости поддержания на должном уровне межгосударственного сотрудничества и выполнения международных, в первую очередь европейских, стандартов обращения с осужденными. Прекращение членства России в Совете Европы привело к нивелированию влияния международных стандартов обращения с осужденными на уголовно-исполнительное законодательство. При ослаблении внешнеполитического фактора в современных условиях возрастает значение экономических факторов, которые препятствуют полномасштабной кодификации уголовно-исполнительного законодательства и принятию нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. *Цель* данной статьи – ответ на вопрос, какие направления совершенствования уголовно-исполнительного законодательства будут актуальными с учетом сложившихся современных условий в России. *Методы:* используется факторный анализ, учитывающий складывающиеся в государстве и обществе политические, экономические, социальные и духовные условия или факторы. *Выводы:* с учетом изменения влияния различных факторов в статье рассмотрены основные направления совершенствования уголовно-исполнительного законодательства, в числе которых регламентация общественных отношений, связанных с принятием в Российской Федерации закона о пробации, выполнением осужденными конституционной обязанности по защите Отечества, установлением дополнительных гарантий обеспечения прав и законных интересов осужденных. Отдельно аргументируется задача устранения пробелов, противоречий и ошибок в уголовно-исполнительном законодательстве.

Ключевые слова: осужденный; кодификация; факторы; уголовно-исполнительное законодательство; международные стандарты; гарантии прав осужденных; пробация; адвокат; посещения учреждений и органов, исполняющих наказания; участие осужденных в специальной военной операции.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Селиверстов В. И. Совершенствование уголовно-исполнительного законодательства в современных условиях: основные факторы и направления // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 19–29. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.003.

Enhancing the Penal Legislation in Modern Conditions: Key Factors and Directions

VYACHESLAV I. SELIVERSTOV

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

vis_home@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9554-5438>

Abstract

Introduction: the modern Russian reality has changed correlation between the factors determining the penal legislation improvement. In the period from the adoption of the Penal Code of the Russian Federation until the beginning of 2022, this process was carried out under the priority influence of foreign policy factors, consisting in the need to maintain interstate cooperation at the proper level and comply with international, primarily European standards for the treatment of convicts. The termination of Russia's membership in the Council of Europe has led to the leveling of the influence of international standards for treating convicts on the penal legislation. With the weakening of the foreign policy factor in modern conditions, the importance of economic factors that hinder full-scale codification of the penal legislation and adoption of the new Penal Code of the Russian Federation increases. *The purpose* of this article is to determine relevant directions for the penal legislation enhancement in modern conditions in Russia. *Methods:* a factual analysis helps consider political, economic, social and spiritual conditions or factors prevailing in the state and society. *Conclusions:* taking into account the changed influence of various factors, the author contemplates directions for improving the penal legislation, including regulation of public relations related to the adopted Probation law in the Russian Federation, convicts' fulfillment of the constitutional duty to protect the Fatherland, establishment of additional guarantees for protecting the rights and legitimate interests of convicts. The task of eliminating gaps, contradictions and errors in the penal legislation is also discussed.

Keywords: convict; codification; factors; penal legislation; international standards; guarantees of the rights of convicts; probation; lawyer; visits to institutions and bodies executing sentences; participation of convicts in the special military operation.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Seliverstov V.I. Enhancing the penal legislation in modern conditions: key factors and directions. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 19–29. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.003.

Введение

В последние десятилетия в юридической науке активно исследуются факторы, определяющие уголовно-исполнительную политику и уголовно-исполнительное законодательство [1, с. 54; 2; 3]. В их числе выделяют факторы объективные и субъективные [4], постоянные и временные [5, с. 95], внутренние и внешние [6, с. 6, 7] и т. п. Как нам представляется, наиболее перспективен факторный анализ, учитывающий складывающиеся в государстве и обществе политические, экономические, социальные и духовные условия, или факторы [7]. Причем на различных этапах развития государства и общества влияние тех или иных факторов приобретает решающий или приоритетный характер, а роль других факторов ослабевает.

Так, в период с момента принятия Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) и до начала 2022 г. совершенствована

уголовно-исполнительного законодательства осуществлялось под приоритетным воздействием внешнеполитических факторов, заключающихся в необходимости поддержания на должном уровне межгосударственного сотрудничества и выполнения международных, в первую очередь европейских, стандартов обращения с осужденными. Наиболее активными проводниками тенденции учета европейских стандартов обращения с осужденными были Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее – ЕКПП) и Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ). ЕКПП путем ежегодных инспекций мест принудительного содержания России изучал и обобщал практику обращения с осужденными и свои рекомендации направлял государственным властям Российской Федерации. ЕСПЧ по жалобам осужденных и их родственников с учетом материалов инспекций ЕКПП принимал ре-

шения о нарушении Россией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и при- суждал выплату финансовой компенсации пострадавшим лицам. Кроме того, ЕСПЧ в своих решениях в отношении России предписывал принять так назы- ваемые меры общего характера, нередко заключаю- щиеся в изменениях и дополнениях уголовно-испол- нительного и иного законодательства Российской Федерации. Вся эта деятельность сопровождалась различными формами дипломатического убеждения и экономического принуждения.

Современный период российской действительности изменил приоритеты среди факторов, определяющих совершенствование уголовно-исполнительно- го законодательства. Выбор между однополярным и многополярным миром привел к чрезвычайному обо- стрению межгосударственных противоречий между Российской Федерацией и рядом западных стран. Проведение специальной военной операции на Украине повлекло применение в отношении России экономических и политических санкций. Наша страна с 16 марта 2022 г. перестала быть членом Совета Европы, а федеральным законом от 16.03.2022 пре- кращено действие в отношении Российской Федера- ции следующих международных договоров: Устава Совета Европы от 05.05.1949; Генерального соглаше- ния о привилегиях и иммунитетах Совета Европы от 06.11.1952 с соответствующими протоколами к нему; Европейской конвенции о пресечении терроризма от 27.01.1977; Европейской хартии местного само- управления от 15.10.1985; Европейской социальной хартии от 03.05.1996; Европейской конвенции о за- щите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 с соответствующими факультативными протокола- ми к ней (далее – Конвенция о правах человека или Конвенция).

Прекращение членства в Совете Европы автома- тически повлекло выход России из-под юрисдик- ции ЕСПЧ, который в постановлении от 22.03.2022 «О последствиях прекращения членства Россий- ской Федерации в Совете Европы в свете статьи 58 Европейской конвенции о правах человека» кон- статировал то, что Россия перестает быть Высокой Договаривающейся Стороной Конвенции 16 сентя- бря 2022 г. При этом ЕСПЧ сохраняет компетенцию рассматривать жалобы, направленные против Рос- сийской Федерации в связи с действиями или без- действием, которые могут представлять собой нару- шение Конвенции, при условии, что они имели место до 16 сентября 2022 г.

В противовес приведенному выше решению ЕСПЧ в Российской Федерации был принят Феде- ральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ «О внесе- нии изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов

Российской Федерации», согласно которому поста- новления ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 мар- та 2022 г., не подлежат исполнению в России. Вы- плата денежной компенсации по постановлениям ЕСПЧ, вступившим в силу до 15 марта 2022 г. вклю- чительно, производится исключительно в россий- ских рублях на счета в российских кредитных орга- низациях и не может быть произведена на счета в иностранных кредитных организациях, расположен- ных в иностранных государствах, совершающих не- дружественные действия в отношении Российской Федерации.

Все это привело к ослаблению фактора влияния международных стандартов обращения с осужден- ными на уголовно-исполнительное законодатель- ство и фактически потере им своего приоритетного значения. Однако, на наш взгляд, нельзя сказать, что он нивелирован полностью.

Во-первых, сохранилось влияние стандартов ООН, которые представлены в своем большинстве рекомендательными актами, например Минималь- ными стандартными правилами обращения с заклю- ченными (Правила Нельсона Манделы). Имеющиеся акты, обязательные для исполнения государствами, включая Россию, ограничены несколькими конвен- циями и пактами. В первую очередь следует назвать Пакт ООН о гражданских и политических правах и Конвенцию ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее – Конвенция ООН против пыток).

В самих документах ООН и факультативных про- токолах к ним предусмотрены конвенционные меха- низмы контроля за соблюдением указанных между- народных соглашений, заключающиеся:

а) в представлении и защите периодических до- кладов государств о соблюдении гражданских и по- литических прав и выполнении обязательств по Кон- венции ООН против пыток;

б) рассмотрении жалоб лиц, находящихся под юрисдикцией России, о нарушениях гражданских и политических прав человека и применении пыток;

в) рассмотрении заявлений других государств о нарушениях в России гражданских и политических прав человека и применении пыток.

Такая форма контроля за соблюдением положе- ний Конвенции ООН против пыток, как создание и деятельность превентивного механизма, в России не введена.

Во-вторых, в настоящее время нет оснований для вывода о том, что полностью устранено влияние на уголовно-исполнительное законодательство евро- пейских стандартов обращения с осужденными. В заявлении Министерства иностранных дел Россий- ской Федерации от 15.03.2022 «О запуске процедуры выхода из Совета Европы» констатируется, что «по-

ложения основных договорно-правовых актов Совета Европы включены в российское законодательство. Продолжится выполнение уже принятых постановлений Европейского Суда по правам человека, если они не противоречат Конституции Российской Федерации». Кроме того, МИД России заявил, что «Россия остается открытой к прагматичному и равноправному взаимодействию с членами Совета Европы по вопросам, представляющим взаимный интерес, и в рамках тех конвенций, участие в которых мы решим продолжать» [8].

При ослаблении влияния на совершенствование уголовно-исполнительного законодательства внешнеполитического фактора в современных условиях возрастает значение экономических факторов. Прежде всего речь идет о тех из них, которые характеризуют состояние экономики в России (валовый внутренний продукт, его объем и динамика) и приоритеты экономической политики государства. В условиях действия экономических санкций, повышенных расходов на Вооруженные Силы Российской Федерации и обеспечение обороноспособности страны, необходимости восстановления разрушенной инфраструктуры присоединенных к России территорий следует ожидать если не сокращения, то замораживания средств, выделяемых на уголовно-исполнительную систему. Все это повышает риски реализации отдельных проектов, требующих дополнительных затрат федерального бюджета. В числе таких рискованных проект строительства и открытия в 2024 г. учреждения объединенного типа, предусмотренный Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г. Соответственно, становится проблематичным и дополнение уголовно-исполнительного законодательства нормами, регламентирующими особенности отбывания наказания в вышеназванных учреждениях.

В 2012–2019 гг. в науке обсуждалась идея новой кодификации уголовно-исполнительного законодательства [9, с. 22–23]. Предлагалось это осуществить путем разработки и принятия нового УИК РФ или новой редакции УИК РФ, причем либо вместе с принятием нового УК РФ [10, с. 281; 11, с. 84], либо отдельно от него [12, с. 114]. Во многом эти предложения были инициированы примерами стран СНГ, которые осуществили принятие новых криминальных кодексов. Так, Республика Казахстан в 2015 г. разработала и ввела в действие новые уголовный, уголовно-исполнительный, уголовно-процессуальный и административный кодексы. Примеру Казахстана последовали Республика Кыргызстан и отчасти Республика Армения.

В России реформа уголовного и уголовно-исполнительного и иного криминального законодательства вылилась во внесение многочисленных изме-

нений и дополнений в действующие кодексы. Так, на начало 2023 г. в УИК РФ были внесены изменения и дополнения 106 федеральными законами, 16 статей и приложение к кодексу были признаны утратившими силу, а также была введена 31 новая статья. Изменения и дополнения в УИК РФ затронули 140 статей из 190 первоначально содержащихся в нем, что составило 73,7 %. Наиболее стабильными явились статьи, регламентирующие исполнение уголовных наказаний в отношении осужденных военнослужащих (арест, ограничение по военной службе и помещение в дисциплинарную воинскую часть), – изменения и дополнения затронули 44,8 % из них. И наоборот, наименее стабильными оказались статьи, регламентирующие контроль за условно осужденными (изменениям и дополнениям подверглись 100 %), наказания без изоляции от общества (88,6 %), лишение свободы (80,2 %). В Общей части УИК РФ изменения и дополнения коснулись 15 из 24 статей (62,5 %), в разделах освобождения от отбывания наказания и исполнения смертной казни – по 66,7 %. Даже в разделе об исполнении уголовного наказания в виде ареста, не применяемого в судебной и уголовно-исполнительной практике с момента принятия уголовного и уголовно-исполнительного кодексов, 40,0 % статей было изменено и дополнено за эти годы.

Как представляется, путь внесения изменений и дополнений в уголовно-исполнительное законодательство будет превалировать и на современном этапе, и в среднесрочной перспективе. Причем принимаемые изменения и дополнения не должны требовать бюджетных расходов на их реализацию. Аналогичное правило будет действовать и в отношении иных, кроме УИК РФ, законодательных актов, относящихся к уголовно-исполнительному законодательству. Примером может быть принятый 06.02.2023 Федеральный закон № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – Закон о пробации), в пояснительной записке к которому определено, что его введение не потребует дополнительных затрат из федерального бюджета.

Рассмотрим далее направления совершенствования уголовно-исполнительного законодательства, которые будут особо актуальны с учетом сложившихся современных условий в России.

Регламентация в нормах УИК РФ общественных отношений, связанных с принятием в Российской Федерации Закона о пробации.

Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации состоит из кодекса и других федеральных законов (ч. 1 ст. 2 УИК РФ). Им устанавливаются общие положения и принципы исполнения наказаний, применения иных мер уголовно-правового характера, предусмотренных УК РФ; порядок и условия исполнения и отбывания наказаний, приме-

нения средств исправления осужденных; порядок деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания; порядок участия органов государственной власти и органов местного самоуправления, иных организаций, общественных объединений, а также граждан в исправлении осужденных; порядок освобождения от наказания; порядок оказания помощи освобождаемым лицам (ч. 2 ст. 2 УИК РФ).

В Законе о пробации закреплено, что он регулирует общественные отношения, возникающие в сфере организации и функционирования пробации в Российской Федерации, в том числе определяет цели, задачи и принципы пробации, правовое положение лиц, в отношении которых применяется пробация, направления деятельности и полномочия субъектов пробации в Российской Федерации (ст. 1). При этом пробация определяется как совокупность мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации, в том числе ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация, защита прав и законных интересов указанных лиц.

Выделены три вида пробации. Первый – это исполнительная пробация, представляющая собой совокупность мер, применяемых уголовно-исполнительными инспекциями в отношении лиц, находящихся в трудной жизненной ситуации, при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества (за исключением осужденных к штрафу, назначенному в качестве основного наказания, и принудительным работам), и иных мер уголовно-правового характера.

Второй – пенитенциарная пробация, применяемая в отношении осужденных в учреждениях, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, представляющая собой совокупность мер, направленных на исправление осужденных, а также подготовку осужденных, отбывающих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, к освобождению из указанных учреждений.

Третий – постпенитенциарная пробация, применяемая в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, и оказавшихся в трудной жизненной ситуации, представляющая собой совокупность мер, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию.

Как видно из изложенного, предмет Закона о пробации большей частью входит в предмет уголовно-исполнительного законодательства. И уго-

ловно-исполнительное законодательство, и Закон о пробации регулируют общественные отношения по применению основных средств исправления осужденных во время исполнения (отбывания) уголовных наказаний и иных мер уголовно-правового характера, а также оказанию помощи освобождаемым лицам. В небольшой части предмет Закона о пробации выходит за пределы предмета уголовно-исполнительного законодательства за счет регулирования отношений по оказанию помощи лицам, освобожденным от наказания по отбытии срока лишения свободы или принудительных работ. При этом оказание аналогичной помощи лицам, условно-досрочно освобожденным от указанных наказаний, охватывается предметом уголовно-исполнительного законодательства, поскольку мы разделяем мнение Ю. А. Головастовой и других ученых о том, что условно-досрочное освобождение представляет собою иную меру уголовно-правового характера [13, с. 92].

Закон о пробации предусматривает довольно разнообразный набор мер ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, попадающих под пробацию. В своем большинстве они охватываются предусмотренными в ч. 1 ст. 9 УИК РФ основными средствами исправления осужденных, например воспитательной работой с осужденными, получением ими общего и профессионального образования, общественным воздействием. Однако в Законе о пробации предусмотрено применение и иных мер исправительного воздействия, например социальной работы в виде различных форм оказания материальной и иной социальной помощи осужденным. В ст. 17 Закона о пробации регламентировано оказание содействия в восстановлении и укреплении социальных связей осужденных.

Следует напомнить, что в теории уголовно-исполнительного права ранее предлагали расширить предусмотренный ч. 2 ст. 9 УИК РФ перечень основных средств исправления осужденных за счет включения в него социальной работы с осужденными и поддержания ими позитивных социальных связей [9, с. 33]. Как нам представляется, с принятием Закона о пробации появились дополнительные основания для реализации этих предложений. Это необходимо сделать в целях обеспечения ведущей роли УИК РФ как кодифицированного законодательного акта системного характера в сфере регулирования уголовно-исполнительных отношений.

Следует учесть и опыт государств СНГ. В ст. 7 УИК Республики Казахстан 2015 г., например, предусмотрено в качестве основного средства исправления осужденных поддержание ими позитивных социальных связей.

Регулирование в уголовно-исполнительном законодательстве отношений, связанных с выполнением

осужденными конституционной обязанности по защите Отечества

В ст. 8 УИК РФ закреплён принцип демократизма, при реализации которого обеспечивается участие осуждённых в делах государства. При всей негативной реакции государства и общества на совершенные осуждёнными преступления было бы ошибочным рассматривать их как изгоев, отрезанную от государства и общества социальную группу. Это краеугольное для уголовно-исполнительной политики и законодательства положение закреплено в ст. 10 УИК РФ, согласно которой осуждённый независимо от вида отбываемого наказания не лишается гражданства и правового статуса гражданина. Данное положение закона позволяет в повседневной практике исполнения наказаний обращаться к гражданским чувствам осуждённых и тем самым разнообразить арсенал воспитательной работы. Примеры обращения к гражданским чувствам осуждённых имели место в истории нашего государства, например во время Великой Отечественной войны. Были они и в последующий период, например при ликвидации последствий землетрясения в Спитаке (Армения, 1988 г.), в случае взрыва газа и гибели пассажиров двух пассажирских поездов (Башкирия, 1989 г.). Имеются они и в современное время, об этом можно узнать из материалов официального сайта ФСИН России, описывающего помощь осуждённых в тушении лесных пожаров в Красноярском крае, Республике Коми и других регионах нашей страны.

Можно выделить несколько форм участия осуждённых в делах государства, что позволяет сделать вывод о том, что осуждённый гражданин, как и другие граждане, является субъектом управления государством [14]. Одной из таких форм является защита своего Отечества. Для этого, на наш взгляд, имеются необходимые конституционно-правовые основания. Следует в первую очередь указать на ст. 59 Конституции Российской Федерации, которой на граждан возложена почетная обязанность защищать Отечество. Как совершенно правильно замечает председатель Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан доктор юридических наук, профессор К. Б. Толкачев (в 90-х гг. прошлого века преподаватель Рязанской высшей школы МВД СССР), «осуждённые тоже имеют право чувствовать себя гражданами и нести ответственность за будущее страны, в которой они живут. Ограничивать их возможности в реализации этой обязанности было бы в корне неправильно» [15].

Определённые шаги для создания законодательной базы выполнения осуждёнными гражданского долга по защите Отечества были предприняты законодателем. Так, Федеральным законом от 04.11.2022 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный

закон “О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации”» было предусмотрено, что мобилизации не подлежат граждане, имеющие неснятую или непогашенную судимость за совершение не всех тяжких преступлений, а только преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего либо преступлений по перечню, установленному в ч. 4 ст. 17 Закона о мобилизации. Указанный закон создал правовую основу для военной мобилизации осуждённых, отбывших уголовное наказание, но имеющих судимость, а также для осуждённых условно на основании ст. 73 УК РФ, поскольку возможно возложение обязанности по осуществлению контроля за условно осуждёнными на командование воинских частей в соответствии с ч. 1 ст. 187 УИК РФ.

Однако для военной мобилизации осуждённых, отбывающих уголовные наказания, правовых оснований по-прежнему не создано. Нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства не содержат оснований для приостановления наказания или освобождения от его отбывания по причине военной мобилизации осуждённого. Положение могло бы частично поправить принятие законопроекта, внесённого в конце сентября 2022 г. Государственным Собранием – Курултаем Республики Башкортостан в Государственную Думу Российской Федерации и призванного путем изменения норм уголовного законодательства узаконить участие осуждённых, отбывающих лишение свободы и принудительные работы, в специальной военной операции. Однако этого недостаточно. Было бы целесообразно, только на несколько иных принципах, решить законодательно вопрос и в отношении военной мобилизации осуждённых, отбывающих наказания без изоляции от общества. Речь идет о таких наказаниях, как обязательные работы, штраф (если он исполняется в рассрочку или отсрочен в исполнении), исправительные работы, ограничение свободы, лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью, принудительные работы.

Также целесообразно урегулировать основания и порядок освобождения осуждённых к лишению свободы условно (ст. 73 УК РФ) и условно-досрочно освобождённых от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ). Едва ли можно этот список дополнить за счет лиц, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания в связи с лечением от наркомании (ст. 82.1 УК РФ) или воспитанием ребенка единственным родителем (ст. 82 УК РФ).

Установление в уголовно-исполнительном законодательстве дополнительных гарантий обеспечения прав и законных интересов осуждённых

Прекращение членства в Совете Европы и выход из-под юрисдикции ЕСПЧ не должны повлечь сниже-

ние уровня защиты прав человека на национальном уровне. Как представляется, в сложившихся реалиях должны быть предприняты меры по усилению гарантий соблюдения прав субъектов уголовно-исполнительных отношений, для чего требуются изменения и дополнения норм уголовно-исполнительного законодательства.

Одно из таких изменений необходимо внести в ст. 24 УИК РФ, регламентирующую основания и порядок посещения без специального на то разрешения учреждений и органов, исполняющих наказания. Исходя из перечисления субъектов, которым предоставлено это право, следует признать то, что подобные посещения не есть самоцель. Они направлены на решение задач по обеспечению соблюдения прав и законных интересов осужденных и повышение эффективности деятельности государства по исполнению уголовных наказаний. Одной из гарантий выполнения указанных задач является возможность получения достоверной информации непосредственно от осужденных. Действующей редакцией ч. 2.1 ст. 24 УИК РФ предусмотрено, что правом беседовать с осужденными наедине в условиях, позволяющих представителю администрации учреждения или органа, исполняющего наказания, видеть беседующих, но не слышать их, пользуются только Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации. Эта норма ставит в неравное положение имеющих аналогичные задачи по защите прав человека Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации, Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации. Между тем им, как никому иному, также должны быть предоставлены гарантии конфиденциальности бесед с осужденными, поскольку помимо сведений о нарушениях прав человека во время отбывания наказания в беседах с указанными омбудсменами могут быть оглашены сведения о частной жизни лица, например тайна усыновления или коммерческая тайна.

Кроме того, буквальное толкование ч. 2.1 ст. 24 УИК РФ в сопоставлении с ч. 1 ст. 24 УИК РФ позволяет сделать вывод о том, что другие должностные лица, указанные в ч. 1 ст. 24 УИК РФ, не имеют права беседовать с осужденными наедине в условиях, позволяющих представителю администрации учреждения или органа, исполняющего наказания, видеть беседующих, но не слышать их. Это положение не позволяет сотрудникам прокуратуры, вышестоящих органов уголовно-исполнительной системы выполнять свои должностные обязанности в рамках осу-

ществляемого ими прокурорского надзора или ведомственного контроля.

Применительно к Президенту Российской Федерации, Председателю Правительства Российской Федерации, министру юстиции Российской Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы и другим должностным лицам, указанным в ч. 1 ст. 24 УИК РФ, отсутствие права беседовать с осужденными наедине ущербно в этическом аспекте, поскольку фактически означает недоверие к ним.

В связи с изложенным в ч. 2.1 ст. 24 УИК РФ слова «Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уполномоченные по правам человека в субъектах Российской Федерации» следует заменить словами «Должностные лица, указанные в части 1 настоящей статьи». Подобное решение предлагается в теоретической модели Общей части нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [16, с. 216].

Необходимо еще раз проработать вопрос о роли адвоката в оказании юридической помощи осужденным и усилении гарантий ее реализации. В качестве примера приведем гарантии соблюдения адвокатской тайны.

В настоящее время в УИК РФ регламентированы такие формы получения осужденными к лишению свободы юридической помощи от адвокатов, как свидания и переписка с ними. При этом установлено, что свидания осужденных с адвокатом предоставляются наедине, вне пределов слышимости третьих лиц и без применения технических средств прослушивания. Тайна переписки с осужденным, согласно ч. 3 ст. 91 УИК РФ, гарантируется уже не адвокатам, а лишь защитнику осужденного, что существенно ограничивает применение этой нормы: защитник – это процессуальное положение адвоката в уголовном процессе и производстве по делам об административных правонарушениях. Однако адвокат может выступать представителем осужденного в гражданском процессе, например при разводе и разделе имущества, административном процессе, например при обжаловании незаконных действий администрации исправительного учреждения в суде или иных государственных органах. И в том, и в другом случаях необходимо обеспечение адвокатской тайны, в которую в соответствии с ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» входят любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю.

Также следует учитывать, что тайна переписки осужденного с защитником не гарантируется во всех случаях. Если администрация исправительно-го учреждения располагает достоверными данны-

ми о том, что содержащиеся в переписке сведения направлены на инициирование, планирование или организацию преступления либо вовлечение в его совершение других лиц, контроль писем, почтовых карточек, телеграфных и иных сообщений осуществляется по мотивированному постановлению начальника исправительного учреждения или его заместителя. Данное исключение также вызывает сомнения в его обоснованности: в теории уголовно-исполнительного права неоднократно предлагалось субъектом принятия решения о контроле переписки осужденного с защитником сделать суд, а не начальника исправительного учреждения, тем более его заместителя [16, с. 147].

Телефонные переговоры осужденного с адвокатом, выступающим как в качестве защитника, так и в качестве представителя, могут контролироваться персоналом исправительного учреждения (ч. 5 ст. 92 УИК РФ). Такое решение законодателя представляется нам довольно противоречивым. Если адвокат лично встречается с осужденным, то гарантируется конфиденциальность информации, а если разговаривает по телефону с осужденным, то нет. Между тем в Исполнительном кодексе Республики Молдова от 24.12.2004 № 443-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.07.2022) содержится запрет осуществления цензуры переписки и прослушивания телефонных переговоров осужденного с адвокатом без каких-либо исключений (ст. 210). Возможно, это же следует закрепить и в УИК РФ.

Устранение пробелов, противоречий и ошибок в уголовно-исполнительном законодательстве

Пробелы, системные и частные противоречия и ошибки, к сожалению, встречаются в большинстве законодательных актов. Они свидетельствуют о низком качестве законотворческой работы. В УИК РФ они как присутствуют с самого начала действия данного кодекса, так и проявляются в моменты внесения непродуманных изменений и дополнений в него. В теории уголовно-исполнительного права данным недостаткам уделяется определенное внимание [17]. Не ставя задачи их исчерпывающего перечисления и подробного анализа, остановимся лишь на одном, наиболее показательном противоречии.

Статья 158 УИК РФ регламентирует порядок проведения свиданий с осужденными военнослужащими, отбывающими наказание в дисциплинарной воинской части. В ч. 3 этой статьи установлено, что длительные свидания осужденным военнослужащим предоставляются с супругом (супругой) и близкими родственниками, а с разрешения командира дисциплинарной воинской части – с иными лицами четыре раза в течение года продолжительностью до трех суток с правом совместного проживания

в специально оборудованном помещении дисциплинарной воинской части либо по усмотрению командира дисциплинарной воинской части за ее пределами.

Между тем, согласно ч. 1 ст. 55 УК РФ, содержание в дисциплинарной воинской части назначается военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, а также военнослужащим, проходящим военную службу по контракту на должностях рядового и сержантского состава, если они на момент вынесения судом приговора не отслужили установленно-го законом срока службы по призыву.

Согласно ч. 1 ст. 22 Федерального закона от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 24.09.2022) «О воинской обязанности и военной службе» (с изм. и доп., вступил в силу с 13.10.2022) призыву на военную службу подлежат граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет, состоящие на воинском учете или не состоящие, но обязанные состоять на воинском учете и не пребывающие в запасе.

Таким образом, в дисциплинарных воинских частях отбывают наказание исключительно лица мужского пола. Предоставление возможности военнослужащему лицу мужского пола проводить свидания с супругом (лицом мужского пола) предполагает заключение между ними однополого брака, однако в Российской Федерации такие браки не могут быть заключены. В ст. 72 Конституции Российской Федерации институт брака определяется как союз мужчины и женщины. Об этом же свидетельствуют нормы Семейного кодекса Российской Федерации, где в ч. 3 ст. 1 указывается на такой принцип семьи, как добровольность союза мужчины и женщины. А в ст. 12 этого же кодекса условием вступления в брак определено взаимное согласие мужчины и женщины.

Это противоречие появилась в кодексе по итогам прохождения в 1996 г. лингвистической экспертизы проекта УИК РФ после второго чтения. Объяснялось оно необходимостью обеспечения гендерного равенства. Однако такое равенство может в данном случае обеспечиваться, если в дисциплинарной воинской части будут отбывать наказание женщины. Для этого необходимо ввести обязательный призыв на срочную воинскую службу женщин, как это предусмотрено в Израиле. Пока такого решения не предвидится в перспективе, поэтому указанное противоречие необходимо исправить.

Выводы

1. Современный период российской действительности изменил приоритеты среди факторов, определяющих совершенствование уголовно-исполнительного законодательства. Существенно ослабло (но не исчезло) влияние внешнеполитических факторов, заключающихся в необходимости поддержания на должном уровне межгосударственного сотрудниче-

ства и выполнения международных стандартов обращения с осужденными.

2. При ослаблении влияния на совершенствование уголовно-исполнительного законодательства внешнеполитических факторов в современных условиях возрастает значение факторов экономических. Прежде всего речь идет о тех из них, которые характеризуют состояние экономики России (валовый внутренний продукт, его объем и динамика) и приоритеты экономической политики государства.

3. Под влиянием экономических факторов путь внесения частичных изменений и дополнений в уголовно-исполнительное законодательство будет превалять и на современном этапе, и в среднесрочной перспективе. Причем принимаемые изменения и

дополнения не должны требовать бюджетных расходов на свою реализацию.

4. Наиболее актуальными (но не единственными) направлениями совершенствования уголовно-исполнительного законодательства с учетом сложившихся в России современных условий можно назвать регламентацию общественных отношений, связанных с принятием в Российской Федерации Закона о пробации, выполнением осужденными конституционной обязанности по защите Отечества, установлением дополнительных гарантий обеспечения прав и законных интересов осужденных. Отдельного внимания заслуживает задача устранения пробелов, противоречий и ошибок в уголовно-исполнительном законодательстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонян Е. А. Особенности уголовно-исполнительной политики в современном обществе // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 7 (35). С. 50–54.
2. Грушин Ф. В. Влияние системы факторов на развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации : моногр. / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М., 2017. 208 с.
3. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века : учеб. для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Зубкова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006. 720 с.
4. Наташев А. Е. Основные факторы развития исправительно-трудоустройства // К новой жизни. 1972. № 4. С. 35–41.
5. Грушин Ф. В. Система факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 652 с.
6. Уткин В. А. Уголовно-исполнительное право : учеб.-метод. комплекс. 4-е изд., испр. и доп. Томск, 2015. 120 с.
7. Грушин Ф. В., Селиверстов В. И. Уголовно-исполнительная политика // Уголовная политика Российской Федерации: проблемы и перспективы : моногр. / под ред. С. В. Максимова и В. Л. Шульца. М., 2021. С. 717–741.
8. О запуске процедуры выхода из Совета Европы : заявление Министерства иностранных дел Российской Федерации от 15.03.2022. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804379/?ysclid=lee02rb88t76885926 (дата обращения: 22.11.2022).
9. Селиверстов В. И. Концепция разработки Общей части нового уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации // Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М., 2017. С. 20–36.
10. Щедрин Н. В. К вопросу о согласованной подготовке нового уголовного и уголовно-исполнительного кодексов: «лошадь впереди телеги или телега впереди лошади» // Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М., 2017. С. 279–298.
11. Грушин Ф. В. Новый Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: предмет правового регулирования и структура // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 82–85.
12. Головастова Ю. А. Перспективы и основные направления кодификации уголовно-исполнительного законодательства // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 107–118.
13. Головастова Ю. А. Уголовно-исполнительное право как отрасль российского права: предмет, метод, источники и система : моногр. / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М., 2019. 560 с.
14. Селиверстов В. И. Осужденный как субъект управления государством // Уголовное право как средство управления обществом : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 17 марта 2022 г.). М., 2022. Ч. 2. С. 97–106.
15. Жукова А. Надо ли привлекать заключенных для участия в СВО? URL: <https://www.gazetametro.ru/articles/spornyj-vopros-nado-li-privlekat-zakljuchennyh-dlja-uchastija-v-svo-03-10-2022> (дата обращения: 22.11.2022).
16. Общая часть нового Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: итоги и обоснования теоретического моделирования / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М., 2017. 328 с.
17. Храмов А. А. Пробелы в уголовно-исполнительном законодательстве России : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2022. 230 с.

REFERENCES

1. Antonyan E.A. Peculiarities of the penal policy in the modern society. *Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2017, no. 7 (35), pp. 50–54. (In Russ.).
2. Grushin F.V. *Vliyaniye sistemy faktorov na razvitiye ugovolno-ispolnitel'noi politiki i ugovolno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii: monogr.* [Influence of the system of factors on the development of penal policy and penal legislation of the Russian Federation: monograph]. Ed. by Seliverstov V.I. Moscow, 2017. 208 p.
3. *Ugovolno-ispolnitel'noe pravo Rossii: teoriya, zakonodatel'stvo, mezhdunarodnye standarty, otechestvennaya praktika kontsa 19 – nachala 21 veka : ucheb. dlya vuzov* [Penal law of Russia: theory, legislation, international standards, domestic practice of the late 19th – early 21st century: textbook for universities]. Ed. by Zubkov A.I. Moscow, 2006. 720 p.
4. Natashev A.E. The main factors of the development of correctional labor legislation. *K novoi zhizni = To a New Life*, 1972, no. 4, pp. 35–41. (In Russ.).
5. Grushin F.V. *Sistema faktorov, opredelyayushchikh razvitiye ugovolno-ispolnitel'noi politiki i ugovolno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva: dis. ... d-ra yurid. nauk* [System of factors determining development of penal policy and penal legislation: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Ekaterinburg, 2019. 652 p.
6. Utkin V.A. *Ugovolno-ispolnitel'noe pravo: ucheb.-metod. kompleks* [Penal law: educational and methodological complex]. Tomsk, 2015. 120 p.
7. Grushin F.V., Seliverstov V.I. Penal policy. In: Maksimov S.V., Shul'ts V.L. (Eds.). *Ugovolnaya politika Rossiiskoi Federatsii: problemy i perspektivy: monogr.* [Criminal policy of the Russian Federation: problems and prospects: monograph]. Moscow, 2021. Pp. 717–741. (In Russ.).
8. On the launch of the procedure for withdrawal from the Council of Europe: Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation of March 15, 2022. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804379/?ysclid=lee02rb88t76885926 (In Russ.). (Accessed November 22, 2022).
9. Seliverstov V.I. The concept for developing the General Part of the new Penal Code of the Russian Federation. In: Seliverstov V.I. (Ed.). *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [The General Part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and conditions of theoretical modeling]. Moscow, 2017. Pp. 20–36. (In Russ.).
10. Shchedrin N.V. On the issue of coordinated preparation of new criminal and penal codes: “a horse ahead of a cart or a cart ahead of a horse”. In: Seliverstov V.I. (Ed.). *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [The General Part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and conditions of theoretical modeling]. Moscow, 2017. Pp. 279–298. (In Russ.).
11. Grushin F.V. New Penal Code of the Russian Federation: subject of legal regulation and structure. *Ugovolnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2019, no. 14, pp. 82–85. (In Russ.).
12. Golovastova Yu.A. Prospects and main directions of the codification of the criminal-executive legislation. *Zhurnal Rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 5, pp. 107–118. (In Russ.).
13. Golovastova Yu.A. *Ugovolno-ispolnitel'noe pravo kak otrasl' ros-siiskogo prava: predmet, metod, istochniki i sistema: monogr.* [Penal law as a branch of Russian law: subject, method, sources and system: monograph]. Ed. by Seliverstov V.I. Moscow, 2019. 560 p. (In Russ.).
14. Seliverstov V.I. Convicted as a subject of state management. In: *Ugovolnoe pravo kak sredstvo upravleniya obshchestvom: materialy vseros. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 17 marta 2022 g.). Ch. 2.* [Criminal law as a means of managing society: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Moscow, March 17, 2022). Part 2]. Moscow, 2022. Pp. 97–106. (In Russ.).
15. Zhukova A. Is it necessary to attract prisoners to participate in the special military operation? Available at: <https://www.gazetametro.ru/articles/spornyj-vopros-nado-li-privlekat-zakljuchennyh-dlja-uchastija-v-svo-03-10-2022> (In Russ.). (Accessed November 22, 2022).
16. *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [The General Part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and justifications of theoretical modeling]. Ed. by Seliverstov V.I. Moscow, 2017. 328 p.
17. Khramov A.A. *Probely v ugovolno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Gaps in the penal legislation of Russia: Candidate of Sciences dissertation]. Ryazan, 2022. 230 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ СЕЛИВЕРСТОВ – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовно-

VYACHESLAV I. SELIVERSTOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Law

го права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного лингвистического университета, Москва, Россия, главный научный сотрудник отдела координации, организации и планирования научно-исследовательской работы Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, vis_home@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9554-5438>

and Criminology of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, Chief Researcher at the Department of Coordination, Organization and Planning of Research Work of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, vis_home@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9554-5438>

Статья поступила 10.02.2023

Соотношение целей и задач уголовного закона, наказания и его исполнения

ВЯЧЕСЛАВ ЕФИМОВИЧ ЮЖАНИН

Юридический институт Рязанского государственного Университета имени С. А. Есенина, Рязань, Россия, yuzhanin1950@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3123-1293>

Реферат

Введение: в статье анализируются нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, предусматривающие их задачи, цели наказания и его исполнения, устанавливается их соотношение. Утверждается, что основная социальная задача этих законодательств – охрана человека, общества и государства от преступных посягательств, а основной юридической их задачей является предупреждение преступлений. Последней должны быть подчинены все институты и нормы уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а также цели наказания, в том числе исправление осужденного. Исправление – основной способ предупреждения новых преступлений. Рассматривается в этом контексте также проблема ресоциализации осужденных. Исправление призвано стать частью ресоциализации. *Цель:* на основе обобщения исторического и современного законодательного опыта формирования целей, задач уголовного закона, наказания и его исполнения выявить их общие и отличительные признаки, определить их оптимизацию и сориентировать в этой области законодателя и правоприменительную практику. *Методы:* исследование основано на использовании традиционных для уголовного и уголовно-исполнительного права методов: анализа и синтеза, логического, ретроспективного, формально-логического, сравнительно-правового, толкования юридических норм. *Результаты:* представляется, что задачи уголовного закона, наказания и его исполнения не должны совпадать. Основная задача, на которую должны ориентироваться наказание и его исполнение, – социально-правовая, закрепленная в ч. 1 ст. 2 УК РФ: охрана интересов личности, общества и государства от преступных посягательств. При этом предупреждение новых преступлений должно являться основной целью наказания, а ресоциализация – основной целью уголовно-исполнительного законодательства, обеспечивающего исполнение наказания. Главное – восстановить действие запрещающей нормы уголовного закона (состояние позитивной уголовной ответственности). Все это определяется современной тенденцией к оптимизации целей, которые могут быть достигнуты в условиях уголовно-исполнительной системы, переносу усилий с исправления преступников на ресоциализацию как постепенное приобщение их к условиям жизни в обществе, что отвечает рекомендациям международных норм права. Задачи уголовного-исполнительного права должны выходить за пределы целей наказания, а уголовно-исполнительное право – включать в себя не только пенальный, но и постпенальный блоки норм. *Выводы:* в результате проведенного исследования обоснована необходимость пересмотра целей и задач уголовной и уголовно-исполнительной правовых систем, оптимизации их в соответствии с требованиями новых трендов социального развития и международных норм права, с тем чтобы направить деятельность уголовной юстиции на выполнение востребованных и доступных для нее задач.

Ключевые слова: социально-охранительная задача; защитная функция уголовного закона; предупреждение преступлений; исправление преступника; ресоциализация осужденного.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Южанин В. Е. Соотношение целей и задач уголовного закона, наказания и его исполнения // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 30–38. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.004.

Original article

Correlation of Goals and Tasks of Criminal Law, Punishment and Its Execution

VYACHESLAV E. YUZHANINLaw Institute of the Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russia, yuzhanin1950@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3123-1293>

Abstract

Introduction: the article analyzes criminal and penal legislation norms, their tasks, goals of punishment and its execution, as well as determines their correlation. It is argued that the main social task of these legislations is to protect a person, society and the state from criminal encroachments, while their main legal task is to prevent crimes. All institutions and norms of criminal and penal legislation, as well as purposes of punishment, including correction of the convicted person, should be subordinated to this task. Correction is the main way to prevent new crimes. The problem of convicts' resocialization is also considered in this context. Correction should be part of resocialization of convicts. *Purpose:* on the basis of generalized historical and modern legislative experience in the formation of goals, tasks of criminal law, punishment and its execution, to identify their common and distinctive features, determine their optimization and draw attention of the legislator and law enforcement practice to them. *Methods:* the research is based on the use of methods traditional for criminal and penal law: analysis and synthesis, logical, retrospective, formal-logical, and comparative-legal ones, as well as interpretation of legal norms. *Results:* the author comes to the conclusion that the tasks of criminal law, punishment and its execution should not coincide. The main task that punishment and its execution should focus on is a socio-legal task, which is defined in Part 1 of Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation: protection of the individual, state and society's interests from criminal encroachments. At the same time, prevention of new crimes should be the main goal of punishment, and re-socialization – the key goal of penal legislation ensuring punishment execution. It is crucial to restore the effect of the prohibitive norm of the criminal law (the state of positive criminal liability). All this is determined by the current trend to optimize the goals that can be achieved in the penal system conditions, shift efforts from correcting the offender to his/her re-socialization and adoption to the conditions of life in society, which meets international law recommendations. The tasks of penal law should go beyond the goals of punishment, and penal law should include not only penal, but also post-penal blocks of norms. *Conclusions:* conducting the research, the author substantiates the necessity of revising the goals and objectives of the criminal law and penal legal systems, optimizing them in accordance with the requirements of new trends in social development and international norms of law, directing activities of criminal justice on fulfilling the tasks in demand.

Keywords: socio-protective task; protective function of criminal law; crime prevention; correction of a criminal; resocialization of a convict.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Yuzhanin V.E. Correlation of goals and tasks of criminal law, punishment and its execution. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 30–38. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.004.

Введение

Основной интерес в уголовно-правовом преследовании составляет охрана интересов личности, общества и государства от преступных посягательств. Данная социально-правовая функция определена законодателем в ч. 1 ст. 2 УК РФ. Она была и остается неизменной на протяжении всей истории существования российского государства. Эта же функция предопределяет цели наказания. Она воспринимается как конечная цель наказания и других институтов уголовного права.

Приведенное положение находит подтверждение во взглядах мыслителей и ученых, которые обращались к соответствующей теме в XIX и XX вв. Так, Чезаре Беккариа утверждал, что право суверена карать за преступления основывается «на необходимости

защищать хранилище общего блага от посягательств отдельных лиц» [1, с. 200]. Русский правовед А. Ф. Кистяковский полагал, что «конечная цель наказания от первого момента его появления и до наших дней была и есть одна и та же... Цель эта и есть: самосохранение» [2, с. 292–293]. Карл Маркс также отмечал, что наказание «есть не что иное, как средство самозащиты общества против нарушения условий его существования» [3, с. 531]. Примерно об этом же писал русский ученый Н. Д. Сергиевский [4, с. 8].

О том же идет речь и в современных западных уголовно-правовых теориях. Так, английская доктрина о наказании относит к его целям воздаяние, торжество справедливости, устрашение, исправление преступника и защиту общества. Последняя продолжает оставаться главной целью наказания [5, с. 40].

Очень важную мысль высказывал в 70-х гг. прошлого столетия французский ученый Марк Ансель: он акцентировал внимание на том, что разные эпохи создавали различные цели наказания, но все они служили обеспечению охраны общества от преступлений, то есть социальной защите [6, с. 27–28].

Советские ученые также разделяли данную точку зрения. Так, например, В. В. Кирин, исследуя взаимосвязь отраслей уголовно-правового комплекса, отмечал, что уголовное наказание является средством выполнения уголовным законодательством задачи по охране правопорядка от преступных посягательств [7, с. 146], И. И. Карпец, изучив социальные, правовые и криминологические аспекты наказания, пришел к выводу, что главной его целью является защита общества [8, с. 140], сходное мнение высказывал М. П. Мелентьев, анализируя функции исправительно-трудового права [9, с. 19].

Таким образом, мы определились с главной задачей уголовного закона и наказания, которая берет свое начало с момента возникновения государства. Социально-охранительная задача диктует необходимость законодательного оформления иных задач. Нам предстоит ответить на вопрос, как соотносятся между собой иные цели и задачи таких институтов уголовного и уголовно-исполнительного права, как наказание и его исполнение.

Уголовно-правовая охрана и предупреждение преступлений (защитная и охранительная функции)

В ч. 1 ст. 2 УК РФ в виде задачи уголовно-правовых норм определен главный интерес государства, социальный ориентир – охрана человека, общества и государства от преступных посягательств. Определяя наказание, его цели, государство стремится к удовлетворению этого интереса. С позиции уголовного права наказание обеспечивает данный социальный интерес, является средством его достижения. Вне зависимости от смены эпох и общественно-экономических формаций основной интерес у государства всегда оставался, ибо на кону было существование самого государства. Социально-охранительная задача первична, все остальные уголовно-правовые цели и задачи вторичны по отношению к ней, так как обеспечивают ее реализацию.

Логика уголовного законодательства указывает на эту задачу как сущностную для него. Отказ от нее приводит к искусственному выдвиганию других задач в качестве основных, оттеснению самого важного на второй план. С юридической точки зрения уголовно-правовая охрана исходит из наличия общественно опасных деяний и реакции государства на них. Это станет очевидным, если обратить внимание на последние, довольно часто повторяемые изменения, привносимые Государственной Думой Российской Федерации в УК РФ: государство активно защищается от возможных или продолжающихся преступных посягательств.

Основная охранительная задача-функция государства обеспечивается преимущественно путем установления в уголовном законе запретов на

совершение общественно опасных действий. Прежде всего, это происходит в режиме добровольной позитивной реализации гражданами норм уголовного закона. Запрещающая норма в виде диспозиций статей Особенной части признается регулятивной нормой уголовного права, она призывает граждан не нарушать закон (состояние позитивной уголовной ответственности). Этим самым запрещающая норма обеспечивает правопорядок в стране, в чем выражается результат выполнения социально-охранительной функции уголовного закона.

Уголовно-правовая охрана является стратегической задачей уголовного законодательства, которая реализуется не только через установление запретов, но и посредством создания условий, обеспечивающих добровольное исполнение гражданами запретов, воздержание от совершения преступлений: доведение запретов для граждан, установление ответственности за их несоблюдение и практика ее реализации. Очень важно, чтобы государство выступало активным центром этого процесса: только в таком динамическом движении со стороны государственных органов возможно эффективное решение поставленной задачи.

Уголовно-правовые нормы реализуются также посредством системы средств, воздействующих на сознание и психику лиц, совершивших преступления, преобразующих их личности, делающих их в перспективе общественно неопасными. Для этого законодатель использует еще одну задачу – предупреждение преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Это основная юридическая задача уголовного закона, которой, на наш взгляд, должны быть подчинены все уголовно-правовые средства ее решения. Ее смысл заключается в предупреждении рецидивных преступлений.

Названные две задачи (социально-охранительная и юридическая) получили международное признание. Так, 4 правило Правил Нельсона Манделы гласит: «Целями приговора к тюремному заключению или аналогичному лишению свободы являются главным образом защита общества от преступников и сокращение случаев рецидивизма».

Предупредительная задача дополняет социально-охранительную, действует воедино с ней (ч. 1 ст. 2 УК РФ), но в то же время является подчиненной по отношению к главной задаче, так как обеспечивает выполнение последней.

Посредством чего решаются основные задачи уголовного законодательства? Ответ на этот вопрос дается в ч. 2 ст. 2 УК РФ, где отмечается, что УК РФ определяет составы преступлений, виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за их совершение. Устанавливая составы преступлений, то есть запреты, законодатель назидательно предупреждает, что нарушать их нельзя, за этим последует наказание. Уголовно-правовая норма действует в двух режимах: а) режиме общего предупредительного воздействия запретов на всех граждан; б) режиме частного предупредительного воздействия наказания на лицо, совершившее преступление. В

первом случае она реализуется в качестве позитивного социального аналога ответственности, во втором – в качестве негативного юридического аналога. Эти задачи существуют воедино, не отрываясь друг от друга. Реализация норм закона о наказании восстанавливает нормы-запреты. Наказание выполняет обеспечительную функцию по отношению к запретам: оно призвано восстанавливать жизнеспособность (правосубъектность) последних.

Если уголовно-правовая охрана выполняет общепредупредительную функцию посредством установления запретов, то вторая основная задача УК РФ – предупреждение преступлений – реализует частнопредупредительную функцию. На наш взгляд, именно это имел в виду законодатель, когда закреплял эти две основные задачи закона. Иначе бы они накладывались друг на друга, повторялись, что недопустимо в юридическом смысле, ведь каждое понятие должно иметь свое сущностное определение и содержание.

Предупреждение преступлений выполняет защитную функцию, а не охранительную. Охранительная функция уголовно-правовых запретов статична, превентивна, воздействует на всех граждан и не связана с конкретным субъектом. На основе этого возникают так называемые абсолютные общепредупредительные правоотношения. Охрана реализуется, как мы уже отмечали, в виде широких мероприятий предупредительного характера, и организуются они постоянно, независимо от того, состоялось правонарушение или нет.

Частнопредупредительные меры проявляются в реализации защитной функции, как элементы реагирования на факты нарушения запрета или реальной угрозы такого нарушения. Защита в виде частного предупреждения преступлений реализуется при наличии факта нарушения запрещающей нормы уголовного права, когда совершено деяние, именуемое преступлением. Защитные меры осуществляются в рамках особых правоотношений, складывающихся между лицом, совершившим преступление, и государственными органами, правомочными привлечь его к ответственности.

Охрана прав и интересов человека, общества и государства существует постоянно и направлена на их обеспечение, а защита в виде частного предупреждения новых преступлений проявляется при нарушении или угрозе нарушения. Охрана – это вся совокупность мер, обеспечивающих права и интересы. Они могут быть правовыми и неправовыми (организационными, педагогическими, социальными, психологическими и т. п.). Как мы уже ранее замечали, охрана действует постоянно и имеет ярко выраженный общепредупредительный характер. Защита же обеспечивается применением наказания, иных мер уголовно-правового характера через реализацию таких их целей, как восстановление социальной справедливости, исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений. Объектом охраны выступают предполагаемые объекты право-

отношений (права, интересы, общественные отношения), объектом защиты являются конкретные субъекты правоотношений (преступник, потерпевший, государство).

Реализация абсолютных прав государства при охране осуществляется в рамках регулятивного правоотношения, а при защите прав и обязанностей субъектов – в рамках конкретного особого уголовно-правового отношения, причем это происходит при назначении и исполнении уголовно-правовой меры.

Если использовать концепцию уголовно-правовой нормы, действующей в запрещающем превентивном регулятивном режиме (санкции), то понятие охраны включает в себя защиту как частный случай, когда принимаются активные ремонтно-восстановительные меры по возобновлению действия уголовно-правового запрета. Эти меры связаны с применением наказания, исправлением преступника и предупреждением с его стороны новых рецидивных преступлений.

Запреты и наказание за их нарушение (ч. 2 ст. 2 УК РФ) – это способы реализации основных задач, определенных законодателем в ч. 1 ст. 2 УК РФ. В то же время наказание как явление самостоятельное в уголовном праве, выступая частным случаем решения основных задач уголовного закона, имеет свои цели и задачи, которые могут совпадать, а могут и не совпадать с основными задачами уголовного кодекса. Правильно, на наш взгляд, об этом сказал В. А. Григорьев: «Отождествлять цели уголовного закона с целями наказания – является одним из средств, с помощью которого решаются задачи правового регулирования. Цели уголовного закона первичны по отношению к целям наказания. Если наказание является единственным средством решения задач по достижению цели уголовного закона, то его цели будут совпадать с целями закона. Если наказание является одним из средств, то его цели могут быть лишь частью совокупности целей, стоящих перед законом» [10, с. 42].

Предупреждение новых преступлений и исправление осужденных

Статья 43 действующего УК РФ определяет следующие цели наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений. Из содержания данной нормы следует, что лишь одна цель – предупреждение новых преступлений – совпадает со второй задачей уголовного закона.

Но здесь законодатель определяет эти цели как равные, не выдвигает доминирующую цель. Однако ученые по-разному оценивают эти цели, выделяя среди них основную [8, с. 85–92]. Большинство из них главной целью считают исправление [11, с. 15–20]. Так, например, еще в позапрошлом веке русский ученый М. В. Духовицкий писал в условиях зарождения позитивистского подхода к проблеме наказания, что уголовное право должно узнать, как следует организовать наказание так, чтобы оно достигло главной, но и единственной своей цели – поддержания порядка

в общественном строе. Оно не должно только карать и мстить преступнику, как традиционно считала классическая школа уголовного права, но должно исправлять его [12, с. 29, 32–33]. Затем эту идею поддержало большинство ученых-юристов, в том числе А. Ф. Кистяковский, И. Я. Фойницкий, Н. С. Таганцев, Н. Д. Сергиевский, С. В. Познышев и др. Так, А. Ф. Кистяковский писал: «Рассматривая обеспечительность наказания по отношению к единственно возможному и действительно господствующему в наше время наказанию, каково тюремное заключение разных видов, необходимо признать обеспечительность тождественную с исправительностью... Таким образом, исправительность наказания есть не столько произведение любви к ближнему, сколько реальная потребность, вызываемая чувством самосохранения самого общества» [2, с. 302].

Многие современные ученые считают, что исправление является конечным результатом деятельности по исполнению наказания, то есть у осужденного должны быть сформированы уважительное отношение к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стремление к правопослушному поведению (ч. 1 ст. 9 УИК РФ). Исправился – значит не опасен и не совершит нового преступления. Эта цель представляет собой гарантированный результат деятельности всей системы уголовной юстиции.

Действующее уголовное законодательство также связывает применение многих институтов, в том числе направленных на улучшение правового положения осужденных, с достижением цели исправления. Так, при назначении наказания суд должен учитывать его влияние на исправление осужденного (ч. 3 ст. 60 УК РФ). При назначении наказания при рецидиве, опасном и особо опасном рецидиве принимаются во внимание обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным (ч. 1 ст. 68 УК РФ). Условное осуждение виновному может быть назначено в случае, если суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания (ч. 1 ст. 73 УК РФ). Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания может быть применено, если осужденный для своего исправления не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания (ч. 1 ст. 79 УК РФ). Законодатель также связывает с возможностью исправления несовершеннолетних применение принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 90, ч. 2 ст. 92 УК РФ).

Исходя из толкования законодателем исправления осужденных, многие авторы считают, что этой цели должны подчиняться все иные цели наказания, в том числе и предупреждение новых преступлений. В связи с этим делается вывод о том, что частное предупреждение преступлений представляет собой одно из средств достижения цели исправления. Исправление воспринимается как главный способ обеспечения основной социально-охранительной задачи уголовного закона. В советское время даже выдвигалась

идея воспитания осужденных в духе морального кодекса строителя коммунизма: предполагалось, что они должны соблюдать не только уголовно-правовые запреты, но и другие законы и нравственные нормы, причем исправление и перевоспитание опирались на принуждение, поддерживаемое политорганами. Сегодня все меняется, так как в психологии сотрудников ИУ закрепились идея о невозможности исправления осужденных. Наши опросы практических работников показали, что на первый план они выдвигают решенные задачи обеспечения режима и дисциплины (73 % опрошенных). Исправлению отводят главную роль лишь 13 % респондентов. За период реформ произошла существенная деформация сознания персонала ИУ, вылившаяся в отказ от иллюзии, что можно исправить каждого осужденного, как это считалось в советское время. Эту задачу мы когда-то называли задачей-фикцией при исполнении наказания [13, с. 124–125].

Теперь зададим себе вопрос: для чего осуществляется исправление осужденных? Ответ напрашивается сам собой: для того, чтобы осужденный не совершил новое преступление. Не зря законодатель определил в ч. 1 ст. 2 УК РФ в качестве основной задачи уголовного закона предупреждение преступлений. Эта же задача актуальна и для наказания как одного из основных институтов уголовного закона (ч. 2 ст. 43 УК РФ). С точки зрения права основная идея заключается в том, что задача исправления осужденных обусловлена предупредительной задачей, выступает в качестве средства решения последней.

Предупреждение преступлений – конечная цель всей системы уголовной юстиции. Здесь ставится задача восстановить действие запрещающей нормы уголовного закона, чтобы она не нарушалась ни преступником, ни иными лицами. За пределы этого не должно выходить исправление осужденных. Главное – находиться в рамках уголовного закона. О воспитании и перевоспитании преступника должно заботиться все общество, а не уголовно-исполнительная система. Уголовный закон очертил пределы своего действия – это сроки погашения судимости лица, отбывшего наказание (ст. 86 УК РФ).

Идея признания исправления преступника способом достижения цели предупреждения новых преступлений получила признание в работах М. Д. Шаргородского, Н. А. Стручкова, Н. А. Огурцова, В. Н. Кудрявцева, Э. А. Саркисовой, И. И. Карпеца, В. И. Зубковой, М. Н. Тагиева и др. Интересную мысль в этом плане высказал Н. А. Стручков, заметивший, что система мер борьбы с преступностью в то же время есть система мер ее предупреждения, предупредительную направленность имеет и исправительная система [14, с. 6]. Обеспечить реализацию наказания – значит не допустить со стороны преступника нового преступления, а главное, обезопасить общество [15, с. 14].

В данном случае речь идет о юридическом исправлении, при котором осужденный не совершит новых преступлений. В настоящее время эта точка зрения

находит все больше сторонников. А. Э. Жалинский отмечает, что цель исправления «по существу представляет собой цель специального предупреждения (специальной превенции) преступлений и достигается, когда осужденный не совершит новых преступлений» [16, с. 376]. А. В. Наумов также утверждает, что это «реальная задача, которую возможно решить и заставить осужденного хотя бы под страхом наказания не нарушать уголовный закон, то есть не совершать в будущем новых преступлений» [17, с. 530].

Следует здесь добавить, что уголовно-правовая защитная реакция заканчивается с погашением (снятием) судимости. Все ограничительные меры, связанные с судимостью, имеют ярко выраженную предупредительную направленность. Поэтому положительный результат исправления должен обнаружиться, если осужденный не совершит нового преступления в пределах отрезка времени, отведенного законом на судимость.

Не представляется возможным согласиться с авторами комментариев к УК РФ и УИК РФ в том, что предупреждение преступлений связывается с реализацией правоограничений, свойственных наказанию, а также профилактических мер, воспитательных мероприятий, направленных на предупреждение совершения новых преступлений в период отбывания наказания, а также после его отбытия. Заметим, что постпенальный период они не сопрягают с судимостью [9; 18, с. 217; 19].

Прослеживается еще одна, компромиссная, позиция. Суть ее заключается в том, что исправление направлено на предупреждение нарушения норм не только УК РФ, но и других законов, с тем чтобы осужденный вел впоследствии правопослушный образ жизни. Эта идея ярко воплощена в ст. 7 УИК Республики Беларусь, где зафиксирована задача УИК в виде «формирования у осужденного готовности вести правопослушный образ жизни».

На наш взгляд, ни идея исправления осужденных в духе уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общества и стимулирования правопослушного поведения (ч. 1 ст. 9 УИК РФ), ни идея готовности вести правопослушный образ жизни (ст. 7 УИК Республики Беларусь) не отвечают нормоположениям уголовного закона. Скорее всего, они соотносятся с процессом, а не определяют конечные результаты исправления. Если их использовать в качестве задач уголовно-исполнительного законодательства, то они будут завышенными для уголовно-исполнительной системы – это задачи всего общества. Главное в уголовно-правовой системе, частью которой является система уголовно-исполнительная, – это восстановить действие запрещающих уголовно-правовых норм, чтобы выполнялась социально-охранительная функция государства.

Цели и задачи уголовного и уголовно-исполнительного законодательства должны быть оптимизированы следующим образом: 1) активная охрана человека, общества и государства от преступных

посягательств – основная цель законодательства, регламентирующая борьбу с преступностью; 2) предупреждение преступлений – главное направление и результат ее достижения; 3) исправление осужденных – одно из средств предупреждения новых преступлений.

Исправление и ресоциализация осужденных

В последнее время многие авторы стали признавать одной из целей уголовного наказания ресоциализацию, понимаемую как «усвоение осужденным утраченных навыков поведения в обществе, социальных норм и ценностных ориентаций, восстановление нарушенных положительных социальных связей» [20, с. 1107].

О процессе ресоциализации ученые заговорили давно, особенно это стало заметно, когда многие государства стали включать соответствующую цель наказания в законодательство. В настоящее время на страницах российской научной печати идея ресоциализации стала вытеснять идею исправления. Многие диссертационные работы в различных отраслях знаний посвящены ресоциализации, а не исправлению [21–25]. Проявилось понимание этого и в уголовно-исполнительной политике: в концепциях развития УИС уголовно-исполнительное ведомство оперировало чаще термином «ресоциализация», а не «исправление».

Дело в том, что преступника можно исправить, но если ему не помочь адаптироваться после освобождения в социальной жизни, то он может вновь встать на преступный путь. Социальная адаптация является частью ресоциализации, одним из признаков, отличающих последнюю от исправления. Ресоциализация связана с социализацией личности в обществе, это возобновление ее социализации в социально приемлемые формы жизнедеятельности [26, с. 42].

В настоящее время исследователи пришли к выводу, что правомерное поведение после отбытия наказания возможно в результате нормальной социализации преступника, а не в силу его исправления. Поэтому цель ресоциализации осужденного должна найти свое место в законодательстве. Исправление осужденных – это лишь один из способов ресоциализации. Вот как об этом пишет М. С. Рыбак, который занимается проблемой ресоциализации: «Ресоциализация – дефиниция более широкая, включающая в себя и понятие “исправление осужденных”, охватывает временной период не только на срок отбывания осужденными наказания, но и адаптации этой личности к условиям на свободе» [22, с. 89].

Неплохо данная цель определена в УИК Украины. Кодекс «регламентирует порядок и условия исполнения и отбывания уголовных наказаний с целью защиты интересов личности, общества и государства путем создания условия для исправления и ресоциализации... необходимым условием ресоциализации является исправление осужденного» [27, с. 806].

Помимо исправления процесс ресоциализации должен включать в себя обеспечение отбывания на-

казания по прогрессивной системе, восстановление социально полезных связей осужденного, подготовку к освобождению, решение проблем социальной адаптации после освобождения и пр.

Предмет уголовно-исполнительного законодательства не должен ограничиваться регулированием средств исправления осужденных как цели уголовного наказания. Эта отрасль законодательства должна стать ресоциализационной отраслью, «включать регулирование тех отношений, которые возникают у осужденного как субъекта, отбывшего наказание, но сохраняющего в течение судимости ограничительный правовой статус» [28, с. 28].

Подобный подход к определению целей и задач наказания применительно к лишению свободы и его исполнению зафиксирован в правиле 4 Правил Нельсона Манделы: «Эти цели могут быть достигнуты только в том случае, если срок заключения используется, насколько это возможно, для обеспечения реинтеграции таких лиц в общество после их освобождения, с тем чтобы они могли вести законопослушный и самостоятельный образ жизни». Правило 87 рекомендует принимать меры к постепенному возвращению заключенного к жизни в обществе, вводя особый режим для освобождаемых лиц, а правило 90 устанавливает, что «необходимо иметь государственные или частные органы, способные проявлять действенную заботу об освобождаемых заключенных, борясь с предрассудками, жертвами которых они являются, и помогая им вновь включиться в жизнь общества».

Чтобы подобные рекомендации международных норм действительно стали реальностью, нужно им-

плементировать их в российское законодательство, лучше всего уголовно-исполнительное. Интересную мысль в этом плане высказал В. А. Уткин. С позиции международного подхода, по его мнению, уголовно-исполнительное право можно рассматривать в качестве мегаотрасли исполнительного права, включающей три крупных блока: допенальный, пенальный и постпенальный [29, с. 79].

Расширяя предмет уголовно-исполнительного законодательства, необходимо помнить, что он не должен выходить за рамки действия уголовно-правовых норм, связанных с установлением временных интервалов погашения судимости. Конечная стадия ресоциализации, основанная на иных средствах, чем исправление осужденных, должна осуществляться в рамках судимости. В этом законодатель видит предел решения задачи предупреждения рецидивных преступлений. После погашения (снятия) судимости лицо уже не связано со своим прошлым преступлением.

Выводы

Соотношение целей и задач уголовного закона и его институтов (наказания и его исполнения) может быть представлено следующим образом (от общего к частному): социально-охранительная задача (как основная задача уголовного закона) – предупреждение преступлений (как задача уголовного закона и наказания) – ресоциализация осужденных (как основная задача уголовно-исполнительного законодательства) – исправление осужденных (как часть ресоциализации и один из способов предупреждения новых преступлений в наказании).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М., 1939. 463 с.
2. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Т. 1. Общая часть. Киев, 1875. 413 с.
3. Маркс К. Смертная казнь. – Памфлет г-на Кобдена. – Мероприятия английского банка // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 8 т. М., 1957. Т. 8. 736 с.
4. Сергеевский Н. Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887. 300 с.
5. Преступление и наказание в Англии, США, Франции, ФРГ, Японии: Общая часть уголовного права / отв. ред. Н. Ф. Кузнецова. М., 1991. 287 с.
6. Ансель М. Новая социальная защита. Гуманистическое движение в уголовной политике. М., 1970. 312 с.
7. Киринов В. А. Законодательство о борьбе с преступностью: отрасли и их взаимосвязь. М., 1978. 279 с.
8. Карпец И. И. Наказание: социальные, правовые и криминальные проблемы. М., 1973. 287 с.
9. Мелентьев М. П. Функции и структура советского исправительно-трудового права : учеб. пособие. Рязань, 1977. 89 с.
10. Григорьев В. А. Цели уголовного закона // Проблемы реализации уголовной ответственности и наказания (социально-криминологические аспекты) : учеб.-метод. материалы по итогам межкафедр. теорет. семинара. Рязань, 1992. 143 с.
11. Сундуков Ф. Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей. Казань, 1976. 144 с.
12. Духовицкий М. В. Задачи науки уголовного права. Ярославль, 1872. 106 с.
13. Южанин В. Е. Нормы-фикции в институте исполнения наказания в виде лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2018. № 2. С. 124–129.
14. Советское исправительно-трудовое право : в 3 ч. / сост. А. И. Васильев, А. В. Маслихин; под ред. А. И. Зубкова. Рязань, 1990. Ч. 2. 151 с.
15. Павлужин А. Н. О целях наказания в советском уголовном праве // Цели уголовного наказания : учеб.-метод. материалы по итогам межкафедр. теорет. семинара. Рязань, 1990. С. 7–17.
16. Уголовное право России : учеб. для вузов : в 2 т. / отв. ред. А. Н. Игнатов, Ю. А. Красиков. М., 1998. Т. 1. 592 с.
17. Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций : в 3 т. М., 2016. Т. 1. 742 с.

18. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Чучаева. М., 2013. 672 с.
19. Комментарии к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации и Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными / под общ. ред. П. Г. Мищенкова. М., 1997. 795 с.
20. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М., 1989. 1633 с.
21. Тумаров К. С. Ресоциализация осужденных в пенитенциарном учреждении в условиях современной России : дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2012. 181 с.
22. Рыбак М. С. Правовые вопросы политико-воспитательной работы с лицами, отбывающими наказание в исправительно-трудовых учреждениях : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1972. 277 с.
23. Лукин Е. Е. Практики ресоциализации пожилых осужденных : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2012. 20 с.
24. Латышева Л. А. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 229 с.
25. Гуцев О. В. Подготовка работников пенитенциарной системы к деятельности по ресоциализации осужденных : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Владимир, 2012. 30 с.
26. Баранов Ю. В. Стадии ресоциализации осужденных в свете новых социолого-антропологических воззрений и социальной философии. СПб., 2006. С. 272.
27. Уголовно-исполнительное право : учеб. / под ред. Г. А. Кориниенко. Рязань, 2013. 822 с.
28. Чорный В. Н. Тенденции развития уголовно-исполнительного права в современных условиях // От исправительно-трудового права к уголовно-исполнительной отрасли : материалы междунар. науч.-практ. семинара. Рязань, 2006. С. 25–29.
29. Уткин В. А. Ресоциализация освобожденных от наказания: история и современность // Уголовная юстиция. 2014. № 1 (3). С. 75–80.

REFERENCES

1. Bekkaria C. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On crimes and punishments]. Moscow, 1939. 463 p.
2. Kistyakovskii A.F. *Elementarnyi uchebnyk obshchago ugovnogo prava. T. 1. Obshchaya chast'* [Elementary textbook of general criminal law. Volume 1. General part]. Kiev, 1875. 413 p.
3. Marx K. Capital Punishment. — Mr. Cobden's Pamphlet. — Regulations of the Bank of England. In: Marx K., Engels F. *Soch. T. 8.* [Essays. Volume 8]. Moscow, 1957. 736 p. (In Russ.).
4. Sergeevskii N.D. *Nakazanie v russkom prave 17 veka* [Punishment in Russian law of the 17th century]. Saint Petersburg, 1887. 300 p.
5. *Prestuplenie i nakazanie v Anglii, SShA, Frantsii, FRG, Yaponii: Obshchaya chast' ugovnogo prava* [Crime and punishment in England, USA, France, Germany, Japan: General part of criminal law]. Ed. by N.F. Kuznetsov. Moscow, 1991. 287 p.
6. Ancel M. *Novaya sotsial'naya zashchita. Gumanisticheskoe dvizhenie v ugovnoi politike* [New social defense. Humanistic movement in criminal policy]. Moscow, 1970. 312 p.
7. Kirin V.A. *Zakonodatel'stvo o bor'be s prestupnost'yu: otrasli i ikh vzaimosvyaz'* [Legislation on combating crime: branches and their interrelation]. Moscow, 1978. 279 p.
8. Karpets I.I. *Nakazanie: sotsial'nye, pravovye i kriminal'nye problem* [Punishment: social, legal and criminal problems]. Moscow, 1973. 287 p.
9. Melent'ev M.P. *Funktsii i struktura sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava: uchebnoe posobie* [Functions and structure of the Soviet correctional labor law: textbook]. Ryazan, 1977. 89 p.
10. Grigor'ev V.A. Goals of the criminal law. In: *Problemy realizatsii ugovnoi otvetstvennosti i nakazaniya (sotsial'no-kriminologicheskie aspekty): uchebno-metodicheskie materialy po itogam mezhkafedral'nogo teoreticheskogo seminar* [Problems of executing criminal liability and punishment (socio-criminological aspects): educational and methodological materials based on the results of the interdepartmental theoretical seminar]. Ryazan, 1992. 143 p. (In Russ.).
11. Sundurov F.R. *Sotsial'no-psikhologicheskie i pravovye aspekty ispravleniya i perevospitaniya pravonarushitelei* [Sociopsychological and legal aspects of correction and re-education of offenders]. Kazan, 1976. 144 p.
12. Dukhovitskii M.V. *Zadachi nauki ugovnogo prava* [Tasks of the criminal law science]. Yaroslavl, 1872. 106 p.
13. Yuzhanin V.E. Norms of fiction in the institute of execution of punishment in the form of deprivation of liberty. *Ugovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2018, no. 2, pp. 124–129. (In Russ.).
14. *Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo: v 3 ch. Ch. 2.* [Soviet correctional labor law: in 3 parts. Part 2]. Comp. by Vasil'ev A.I., Maslikhin A.V. Ed. by Zubkov A.I. Ryazan, 1990. 151 p.
15. Pavluzhin A.N. *On the goals of punishment in Soviet criminal law.* In: *Tseli ugovnogo nakazaniya: uchebno-metodicheskie materialy po itogam mezhkafedral'nogo teoreticheskogo seminar* [Goals of criminal punishment: educational and methodological materials based on the results of the interdepartmental theoretical seminar held in December 1989]. Ryazan, 1990. Pp. 7–17. (In Russ.).
16. *Ugovnoe pravo Rossii: uchebnyk dlya vuzov: v 2-kh tomakh. Tom 1* [Criminal law of Russia: textbook for universities: in 2 volumes. Volume 1]. Ed. by Ignatov A.N., Krasikov Yu.A. Moscow, 1998. 592 p.
17. Naumov A.V. *Rossiiskoe ugovnoe pravo: kurs lektsii: v 3 tomakh* [Russian criminal law: course of lectures: in 3 volumes]. Moscow, 2016. 742 p.

18. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi)*. [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)]. Ed. by Chuchaev A.I. Moscow, 2013. 672 p.
19. *Kommentarii k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii i Minimal'nym standartnym pravilam obrashcheniya s zaklyuchennymi* [Commentary to the Penal Code of the Russian Federation and the United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners]. Ed. by Mishchenkov P.G. Moscow, 1997. 795 p.
20. *Sovetskii entsiklopedicheskii slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary]. Ed. by Prokhorov A.M. Moscow, 1989. 1,633 p.
21. Tumarov K.S. *Resotsializatsiya osuzhdennykh v penitentsiarnom uchrezhdenii v usloviyakh sovremennoi Rossii: dissertatsiya ... kandidata sotsiologicheskikh nauk* [Resocialization of convicts in a penitentiary institution in conditions of modern Russia: Candidate of Sciences (Sociology) dissertation]. Stavropol, 2012. 181 p.
22. Rybak M.S. *Pravovye voprosy politiko-vospitatel'noi raboty s litsami, otbyvayushchimi nakazanie v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal issues of political and educational work with persons serving sentences in correctional labor institutions: Candidate of Sciences (Law)]. Saratov, 1972. 277 p.
23. Lukin E.E. *Praktiki resotsializatsii pozhiykh osuzhdennykh: avtoreferat dissertatsii ... kandidata sotsiologicheskikh nauk* [Practices of resocialization of elderly convicts: Candidate of Sciences (Sociology) dissertation abstract]. Saratov, 2012. 20 p.
24. Latysheva L.A. *Problemy resotsializatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody: ugolovno-ispolnitel'nyi i kriminologicheskii aspekty: dissertatsiya ... kandidata yuridicheskikh nauk* [Problems of resocialization of persons sentenced to imprisonment: penal and criminological aspects: Candidate of Sciences (Law)]. Ekaterinburg, 2015. 229 p.
25. Gutsev O.V. *Podgotovka rabotnikov penitentsiarnoi sistemy k deyatel'nosti po resotsializatsii osuzhdennykh: avtoreferat dis. ... kandidata pedagogicheskikh nauk* [Training penitentiary system workers in conducting activities for resocialization of convicts: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Vladimir, 2012. 30 p.
26. Baranov Yu.V. *Stadii resotsializatsii osuzhdennykh v svete novykh sotsiologo-antropologicheskikh vozzrenii i sotsial'noi filosofii* [Stages of resocialization of convicts in the light of new socio-anthropological views and social philosophy]. Saint Petersburg, 2006. 272 p.
27. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: uchebnyk* [Penal law: textbook]. Ed. by Korinienko G.A. Ryazan, 2013. 822 p.
28. Chornyi V.N. Trends in the development of penal law in modern conditions. In: *Ot ispravitel'no-trudovogo prava k ugolovno-ispolnitel'noi otrasli: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. seminar* [From correctional labor law to the penal enforcement branch: proceedings of international scientific and practical seminar]. Ryazan, 2006. Pp. 25–29.
29. Utkin V.A. Resocialization of those released from punishment: history and modernity. *Ugolovnaya yustitsiya. Nauchno-prakticheskii zhurnal = Russian Journal of Criminal Law*, 2014, no. 1 (3), pp. 75–80. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВЯЧЕСЛАВ ЕФИМОВИЧ ЮЖАНИН – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы, профессор кафедры уголовного права и криминологии Юридического института Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина, Рязань, Россия, yuzhanin1950@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3123-1293>

VYACHESLAV E. YUZHANIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, Distinguished Employee of Higher School, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Institute of the Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russia, yuzhanin1950@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3123-1293>

Статья поступила 14.09.2022

Научная статья

УДК 343.8

doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.005

Совершенствование средств дисциплинарного воздействия в отношении осужденных к ограничению свободы и условно осужденных

СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ БАБАЯН

Вологодский институт права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

bsi09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>**ДМИТРИЙ ВАДИМОВИЧ КОХМАН**

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург,

Россия, kokhman2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1899-3894>

Реферат

Введение: в статье анализируются проблемы стимулирования правопослушного поведения лиц, отбывающих наказание в виде ограничения свободы, и лиц, осужденных условно. Последовательно раскрыты особенности средств дисциплинарного воздействия, закрепляемых в нормах двух схожих правовых институтов – условного осуждения и ограничения свободы. Многие осужденные продолжают допускать нарушения установленного порядка отбывания наказания и уклоняться от исполнения обязанностей, возложенных на них судом. Ежегодно статистика демонстрирует почти неизменное количество лиц, снятых с учета уголовно-исполнительной инспекции в связи с совершением повторного преступления. Ситуацию осложняет то обстоятельство, что это происходит на фоне постоянно растущего числа лиц, осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с лишением свободы. Анализ практики реализации норм действующего уголовно-исполнительного законодательства показал, что сотрудники уголовно-исполнительных инспекций не всегда эффективно применяют стимулы правопослушного поведения осужденных, делая акцент на мерах взыскания и редко используя средства поощрительного воздействия. Необходимость изменения системы мер стимулирования правопослушного поведения в правовых институтах ограничения свободы и условного осуждения рассматривается через призму деятельности зарубежных служб пробации, а также психологических реакций лиц, поднадзорных уголовно-исполнительным инспекциям. Дополнительно изучено мнение практических работников, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с исполнением наказания в виде ограничения свободы и осуществлением контроля за условно осужденными. *Цель:* обосновать необходимость совершенствования средств стимулирования правопослушного поведения, применяемых в отношении осужденных к ограничению свободы и условно осужденных, а также сформулировать конкретные предложения по их развитию. *Методы:* сравнительный анализ; методы деконструкции и апперцепирования; опрос, проведенный посредством анкет с открытыми вопросами; формально-логические методы. *Вывод:* разработаны рекомендации по совершенствованию мер, направленных на стимулирование правопослушного поведения лиц, осужденных к ограничению свободы, и лиц, условно осужденных. Во-первых, необходимо предусмотреть в ч. 1 ст. 74 УК РФ норму о том, что если условно осужденному назначен дополнительный вид наказания и до истечения испытательного срока он своим поведением доказал свое исправление, а также отбыл не менее половины срока дополнительного вида наказания, то суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, может постановить об отмене условного осуждения и снятии с осужденного судимости с освобождением от дополнительного вида наказания. Одновременно потребуются внести изменения в ст. 86 УК РФ для устранения противоречий, связанных с действующим порядком погашения судимости лица, осужденного к более мягкому наказанию, чем лишение свободы. Во-вторых, следует установить в законодательстве возможность освобождаться условно-досрочно для осужденных, отбывающих ограничение свободы в качестве основного вида наказания. В-третьих, целесообразно дополнить ст. 58 УИК РФ положением о том, что осужденный признается злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы постановлением начальника инспекции одновременно с наложением на него взыскания в виде официального предостережения и данный статус продолжает действовать до момента снятия или погашения всех взысканий.

Ключевые слова: наказание; поощрение; взыскание; пробация; испытательный срок; дисциплинарное воздействие.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Бабаян С. Л., Кохман Д. В. Совершенствование средств дисциплинарного воздействия в отношении осужденных к ограничению свободы и условно осужденных // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 39–51. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.005.

Original article

Improving Disciplinary Measures against Persons Sentenced to Restriction of Liberty and suspended sentence

SERGEI L. BABAYAN

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
bsl09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

DMITRII V. KOKHMAN

Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee, Saint Petersburg, Russia, kokhman2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1899-3894>

Abstract

Introduction: the article analyzes problems of stimulating law-abiding behavior of persons sentenced to restriction of liberty and a suspended sentence. The specifics of disciplinary measures enshrined in the norms of two similar legal institutions, such as a suspended sentence and restriction of freedom, are consistently disclosed. Many convicts continue to violate the established procedure for serving their sentences and evade the duties imposed on them by the court. Every year, statistics show an almost constant number of persons removed from the register of criminal executive inspections in connection with the commission of a repeat crime. The situation is complicated by the fact that this is happening against the background of an ever-increasing number of persons sentenced to punishments and measures of a criminal nature not related to deprivation of liberty. The analysis of the practice to implement norms of the current penal legislation shows that the staff of criminal executive inspections do not always effectively apply incentives for law-abiding behavior of convicts, focusing on penalties. The need to change the system of measures to stimulate law-abiding behavior in legal institutions of restriction of liberty and a suspended sentence is considered through the prism of activities of foreign probation services, as well as psychological reactions of persons registered with criminal executive inspections. What is more, the article presents the point of view of practitioners whose professional activity is directly related to the execution of punishment in the form of restriction of freedom and monitoring of the conditionally sentenced. *Purpose:* to substantiate the need to improve means of stimulating law-abiding behavior applied to prisoners sentenced to restriction of liberty and a suspended sentence, as well as to formulate specific proposals for their development. *Methods:* comparative analysis; methods of deconstruction and apperception; survey conducted by means of questionnaires with open questions; formal-logical methods. *Conclusion:* recommendations have been developed to improve measures aimed at stimulating law-abiding behavior of persons sentenced to restriction of liberty and a suspended sentence. First, Part 1 of Article 74 of the Criminal Code of the Russian Federation should fix the norm that in case a person serving a suspended sentence is assigned an additional type of punishment and before the expiration of the probation period he/she has corrected his/her behavior and has already served at least half of the term of the additional type of punishment, then the court on the recommendation of the body exercising control over his/her behavior can decide to cancel a suspended sentence and remove the criminal record from the convicted person with exemption from an additional type of punishment. At the same time, it will be necessary to amend Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation to eliminate contradictions related to the current order of repayment of the criminal record of a person sentenced to a milder punishment than imprisonment. Second, it is necessary to establish the opportunity for convicts serving restriction of liberty to be released on parole in the legislation. Third, it is advisable to supplement Article 58 of the Criminal Code of the Russian Federation by the provision that the convicted person is recognized as maliciously evading from serving a sentence in the form of restriction of freedom by the resolution of the inspection head and the imposed penalty in the form of an official warning remains relevant until all penalties are lifted or extinguished.

Keywords: punishment; incentives; penalty; probation; probation period; disciplinary impact.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Babayan S.L., Kohman D.V. Improving disciplinary measures against persons sentenced to restriction of liberty and suspended sentence. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 39–51. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.005.

Введение

Теория ретрибутивизма с ее радикально карательной направленностью и основной целью – причинить виновному страдания, соразмерные преступлению, – снискала большое количество противников. Еще Р. Гарофало [1, с. 47] и Ч. Беккариа [2, с. 89] отмечали, что целью наказания должно являться сдерживание людей от совершения преступлений, а не социальная месть. Этому высказыванию полностью соответствуют современные постулаты пенологии. Альтернативные меры уголовно-правового воздействия, неся в себе меньше ограничений прав и свобод осужденных в сравнении с лишением свободы, также призваны обеспечить частную и общую превенцию. Однако повторная преступность среди лиц, отбывающих наказания и меры уголовно-правового характера без изоляции от общества, продолжает оставаться на высоком уровне. Так, в 2015 г. 11 549 осужденных были сняты с учета уголовно-исполнительных инспекций (УИИ) в связи с совершением нового преступления (это 3,76 % от общего числа лиц, состоящих на учете). Аналогичные показатели в 2016 г. – 10 652 (2,51 %), 2017 г. – 15 692 (3,11 %), 2018 г. – 19 002 (3,72 %), 2019 г. – 19 413 (3,99 %), 2020 г. – 16 732 (3,6 %), 2021 г. – 15 929 (1,76 %). Между тем мерилом эффективности работы сотрудников инспекции не может быть только уровень повторной преступности состоящих на учете осужденных. Интересно, что схожие по своему функционалу с российскими уголовно-исполнительными инспекциями английские и уэльские службы пробации признают в качестве основного критерия эффективности работы сотрудников не наличие либо количество повторных правонарушений, а статистику изменения рисков, свидетельствующую об успешности коррекционного воздействия [3].

Изменение рисков совершения осужденными правонарушений достигается путем непрерывного исправительного воздействия на протяжении всего периода нахождения на учете. Непременным условием результативности исправительного воздействия является точное и неукоснительное исполнение законов, укрепление правопорядка и стабильная криминогенная обстановка. В этом сотрудникам уголовно-исполнительных инспекций помогают правовые, организационные, психологические, социальные и иные средства, в частности предусмотренные действующим уголовно-исполнительным законодательством меры поощрения и взыскания, применяемые к осужденным. Учитывая сходство правового положения осужденных к ограничению свободы и условно осужденных, а также значительное количество этих

лиц, состоящих на учете инспекций, становится востребованной работа по поиску способов совершенствования мер стимулирования их правопослушного поведения.

Методология исследования

Для изучения практической деятельности сотрудников инспекций в сравнении с зарубежными службами пробации применялся метод компаративного анализа. С помощью методов деконструкции и апперцепирования отдельные фрагменты научной и прикладной литературы использовались для аргументации позиции авторов и констатации проблем в сфере стимулирования правопослушного поведения лиц, отбывающих наказания и меры уголовно-правового характера, не связанные с лишением свободы. Эмпирическую основу составило организованное в мае 2021 г. исследование группы ученых Научно-исследовательского института ФСИН России, которое заключалось в очном опросе 50 сотрудников инспекций в 10 территориальных органах при помощи анкет с открытыми вопросами. Среди респондентов были сотрудники, состоящие на должностях начальника филиала уголовно-исполнительной инспекции (60,7 %); заместителя начальника филиала (9,3 %); старшего инспектора филиала (14,8 %); инспектора филиала (15,2 %). Все участники опроса имеют высшее образование, стаж службы в обозначенных должностях составил: более 10 лет (59,8 %), от 6 до 10 лет (24,6 %), от 2 до 5 лет (15,2 %). Формально-логические методы определили достоверность и обоснованность сформулированных авторами выводов и рекомендаций.

Результаты

Ограничение свободы и условное осуждение – два близких по своей сущности правовых института в России [4], несмотря на то, что первый именуется наказанием, а второй – мерой уголовно-правового характера. В то же время правовая природа условного осуждения до конца не определена [5–8]. Отметим лишь, что по своей сути данная мера уголовно-правового воздействия сводится к назначению условного наказания, которое не приводится в исполнение, если виновное лицо в период испытательного срока докажет свое исправление. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.04.2021 № 1138-р, в качестве одной из приоритетных задач закрепляет повышение эффективности индивидуально-профилактической работы по недопущению правонарушений в среде осужденных, что актуализирует поиск новых и совершенствование существующих

щих мер стимулирования правопослушного поведения. Сущность данных мер основана прежде всего на взаимосвязанных между собой функциях: 1) индивидуализации наказания, которая играет первостепенную роль в воспитательном воздействии на осужденных; 2) обеспечении реализации как основных, так и факультативных средств исправления.

При этом понятием «средства стимулирования правопослушного поведения» следует охватывать не только меры поощрения и взыскания, которые прямо именуется законодателем, но и другие меры, предусмотренные действующим законодательством, которые улучшают правовой статус осужденных или направлены на предоставление им каких-либо благ и преимуществ (меры позитивного воздействия) либо, наоборот, направлены на лишение благ, преимуществ и ухудшение правового статуса (меры негативного воздействия). Например, мерой позитивного воздействия можно считать предусмотренную ч. 1 ст. 74 УК РФ досрочную отмену условного осуждения и снятие с осужденного судимости, мерой негативного воздействия – замену неотбытой части наказания в виде ограничения свободы на принудительные работы или лишение свободы.

Некоторые ученые проводят знак равенства между понятиями «меры дисциплинарного воздействия» и «меры взыскания». Так, В. Н. Чорный отмечает, что «важное место принадлежит мерам дисциплинарного воздействия. Меры взыскания, применяемые к осужденным, представляют собой один из видов юридической ответственности, имеющей ряд специфических признаков...» [9, с. 5]. Из данного контекста очевидно, что меры дисциплинарного воздействия и меры взыскания употребляются как взаимозаменяемые.

С нашей точки зрения, понятие «меры дисциплинарного воздействия» должно считаться родовым по отношению к мерам взыскания, поскольку дисциплина любого лица (не только осужденного) представляет собой баланс, сочетающий в себе как позитивные меры стимулирования должного поведения, так и негативные. В связи с этим представляет интерес мнение Е. А. Сизой, которая предлагает вместо отраслевого и специального принципа «рациональное применение мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения» установить в уголовно-исполнительном законодательстве общеправовой принцип стимулирования. Таким образом, данный принцип, подразумевающий и меры принуждения (взыскания), и меры поощрения, станет более понятным и конкретным для правоприменителя [10, с. 49].

В научной литературе встречаются также мнения, относящие те или иные меры позитивного воздействия к мерам уголовно-правового характера. Так, И. Э. Звечаровский причисляет к мерам уголовно-правового характера условно-досрочное освобождение, замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания, амнистию и др. [11, с. 7]. Однако данные поощрительные институты не совсем вписы-

ваются в канву мер уголовно-правового воздействия, так как не предназначены для непосредственной реакции государства на совершенное общественно опасное деяние, а служат для последующей дифференциации и индивидуализации наказания. Следует согласиться с Е. В. Медведевым, утверждающим, что виды освобождения от наказания «не являются аутентичными средствами уголовного закона, применяемыми за совершение преступлений. Все виды освобождения от наказания, его отбывания, отсрочки, а также виды замены наказаний являются неотъемлемыми элементами системы наказаний, которые не могут существовать вне ее пределов» [12, с. 142–143].

Основываясь на приведенных выше умозаключениях, предлагаем для целей настоящей статьи рассматривать как равнозначные следующие понятия: средства (меры) стимулирования правопослушного (правомерного) поведения; стимулы правопослушного (правомерного) поведения; средства (меры) дисциплинарного воздействия.

Меры поощрения и взыскания – это привычная для многих стран практика стимулирования правопослушного поведения осужденных [13, с. 16]. Воздействуя данными раздражителями на чувства и эмоции лиц, отбывающих наказания и меры уголовно-правового характера без изоляции от общества, можно побудить их к соблюдению норм, установленных в обществе и государстве. При этом предсказуемы различные реакции осужденных, порождаемые такого рода стимулами: при взысканиях – злость, агрессия, отчаяние, безысходность, страх, раздражение, беспокойство, растерянность, обида, паника; при поощрениях – удовлетворение, радость, вдохновение, равнодушие, удивление и др. Однако если осужденный неправильно реагирует на полученные взыскания и поощрения или прослеживается неискренность в его положительных поступках, совершаемых только благодаря имеющемуся контролю со стороны сотрудников пенитенциарного ведомства, то впоследствии это все равно повлияет на выстраивание перспективных линий поведения. В противном случае к нему будет применена самая строгая мера воздействия. Точно такой же путь ожидает осужденного по законодательству многих зарубежных государств. Например, в соответствии с уголовными кодексами Швейцарии и Австрии, как отмечает А. В. Серебряникова, суд уполномочен отменить условное осуждение, если во время испытательного срока состоящее на учете компетентного органа лицо, имеющее официальное предупреждение, совершит повторное преступление или проступок, нарушающий указания суда, а также продолжит уклонение от охранительного надзора или иным способом будет пренебрегать предоставленным ему при вынесении приговора доверием [14, с. 152].

Дж. Лейбрих называет путь от преступности к правопослушному поведению извилистым. Проведенное данным ученым исследование показало, что примерно половина осужденных и лиц со снятой или погашенной судимостью продолжают при-

держиваться антиобщественного поведения: злоупотребляют алкоголем, принимают наркотические и психотропные вещества, были уличены в драках, хулиганстве или конфликтах с органами правопорядка [15, с. 134]. Совершение вышеперечисленных поступков можно рассматривать как паттерны преступного поведения, то есть модели поведения, похожие по психологическому механизму на уголовные деяния. При этом профилактикой аморального поведения и незначительных правонарушений могут и должны выступать стимулы правомерного поведения.

Ф. Доэрти справедливо указывает на необходимость наделятия сотрудников службы пробации широкими полномочиями в вопросе о том, как добиваться соблюдения осужденными установленных правил. С учетом этого показателен случай из округа Харрис штата Техас в США, где сотрудники службы пробации могут адаптировать на первый взгляд негибкие нормы, регламентирующие их деятельность, для обеспечения условий испытательного срока. Например, чтобы трудоустроить осужденных Департамент пробации округа Харрис придерживался политики, согласно которой безработные осужденные каждый будний день обязаны подавать заявление четырем работодателям, чтобы доказать достаточность проявляемых ими усилий по трудоустройству. В 2013 г. суд по представлению инспектора пробации назначил поднадзорному лицу двухлетний тюремный срок, так как была установлена излишняя разборчивость в подаче заявок о приеме на работу: осужденный пытался трудоустроиться только в те организации, которые были связаны с его профессией. Данное решение не было отменено в Апелляционном суде Техаса [16, с. 313–314].

В приведенном случае мы констатируем значительные полномочия у инспектора службы пробации, но одновременно с этим присутствует многовариантность санкционного воздействия на его подопечных. Похожая картина наблюдается во всех службах пробации США, имеются различные возможности оказания дисциплинарного воздействия на осужденных за нарушение условий испытательного срока. Ходатайствовать перед судом об отмене испытательного срока и направлении лица в тюрьму – это только самый суровый из всех возможных вариантов. Сотрудники службы пробации обязаны реагировать на каждое нарушение осужденного. Например, имеется возможность применить выговор, ужесточить требования к отчетности, ограничить поездки или усилить так называемое открытое наблюдение. Если нарушения повторяются, имеется положительный результат теста на наличие в крови наркотических средств или запрещенных препаратов, происходит новый арест за деяния, не являющиеся уголовным преступлением, то допускается применение более строгих санкций, таких как усиление надзора, комендантский час, домашнее содержание под стражей, электронный мониторинг, помещение в приемный пункт для мониторинга [16, с. 314].

Применение к осужденным, состоящим на учете уголовно-исполнительных инспекций, дисциплинарных взысканий аналогичным образом выступает некой промежуточной стадией перед отменой условного осуждения или заменой наказания на более строгий вид наказания. Также в случае с условным осуждением меры дисциплинарного воздействия напрямую связаны с возможностью лица досрочно сняться с учета и быть несудимым. При этом меры поощрения и взыскания в отношении указанной категории осужденных законодательством не устанавливаются, а дисциплинарное воздействие осуществляется за счет предусмотренных ст. 190 УИК РФ предупреждений о возможности отмены условного осуждения, выносимых сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций в письменной форме.

Кроме этого, согласно п. 124–126, 128, 129 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной приказом Минюста России от 20.05.2009 № 142, при уклонении осужденного от исполнения возложенных на него судом обязанностей либо при нарушении им общественного порядка, за которое на него было наложено административное взыскание, инспекция вызывает осужденного либо посещает его по месту жительства, проводит с ним профилактическую беседу. При повторном выявлении фактов уклонения осужденного от исполнения возложенных на него судом обязанностей либо при нарушении им общественного порядка, за которое на него было наложено административное взыскание, инспекция не позднее трех рабочих дней вновь выносит предупреждение о возможности отмены условного осуждения. Если условно осужденный в течение испытательного срока систематически нарушал общественный порядок, за что привлекался к административной ответственности, систематически не исполнял возложенные на него судом обязанности либо скрылся от контроля, инспекция в течение трех суток (без учета выходных и праздничных дней) с момента установления данных фактов направляет в суд представление об отмене условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда [17].

Необходимо отметить, что сотрудники уголовно-исполнительных инспекций активно используют единственную возможность стимулирования правопослушного поведения условно осужденных в виде предупреждения. Согласно отчету Федеральной службы исполнения наказаний России ФСИН-1 (разд. 15 «Сведения о деятельности уголовно-исполнительных инспекций») в 2021 г. нарушение условий прохождения испытательного срока допустили 12 426 условно осужденных (на 0,96 % меньше, чем в 2020 г.), из них в отношении 11 669 чел. ранее направлялись материалы в суд для решения вопроса об отмене условного осуждения, продлении испытательного срока или возложении дополнительных обязанностей (на 0,52 % больше, чем в 2020 г.).

В практической деятельности возникают вопросы по поводу целесообразности применения к условно

осужденным меры поощрительного характера в виде отмены условного осуждения и снятия судимости, если им назначено дополнительное наказание. Как предписывает п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21, если условно осужденному назначен дополнительный вид наказания, но он до истечения испытательного срока своим поведением доказал свое исправление, то суд вправе принять решение об отмене условного осуждения и снятии судимости лишь после отбытия им дополнительного наказания.

В Российской Федерации наблюдается смещение дисциплинарного воздействия в отношении осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера без изоляции от общества в сторону взысканий. Например, по данным вышеуказанного отчета ФСИН России, в 2021 г. 267 274 осужденных, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций, имели предупреждение или официальное предостережение, а поощрения были применены к 590 осужденным. Примерное соотношение мер поощрения и взыскания составило 1:453. Можно выделить несколько причин ничтожно малого количества поощрений. Во-первых, из всех лиц, состоящих на учете инспекций, применение мер поощрения, согласно действующему уголовно-исполнительному законодательству, возможно только к отбывающим наказание в виде ограничения свободы. Во-вторых, сотрудники, исполняя наказание в виде ограничения свободы, более ориентированы на применение мер взыскания, так как это является одним из показателей статистики, который регулярно сравнивается с аналогичными периодами прошедших лет, что в итоге влияет на оценку эффективности работы инспекции. В-третьих, наблюдается излишнее внимание к мерам поощрения и мерам поощрительного характера со стороны прокурорских работников, которые рассматривают их как коррупциогенные факторы и требуют от сотрудников в каждом случае привести достаточные основания применения той или иной меры.

Думается, что выравнивание в процентном соотношении применения мер поощрения и взыскания, расширение полномочий сотрудников уголовно-исполнительных инспекций в этом аспекте, а также включение в уголовно-исполнительное законодательство новых стимулов правопослушного поведения осужденных послужат дополнительным импульсом к развитию и совершенствованию дисциплинарной практики и воспитательного воздействия в целом. Если основываться на принципах педагогики, то соотношение мер поощрения и мер взыскания должно быть примерно 1:1. Одним из шагов к усилению мер поощрительного характера является увеличение количества применений меры в виде досрочного снятия с учета лиц, осужденных условно.

Результаты исследования, проведенного НИИ ФСИН России, свидетельствуют о том, что 73,2 % опрошенных сотрудников уголовно-исполнительных инспекций считают целесообразным предусмотреть в ч. 1 ст. 74 УК РФ норму о том, что лица, осужденные

условно, могут быть полностью освобождены от отбывания и дополнительного вида наказания, если своим поведением доказали исправление. С одной стороны, такая мера позволит уравнивать в правовом статусе условно осужденных, как имеющих дополнительное наказание, так и не имеющих его, но с другой – дополнительное наказание имеет важное превентивное значение, особенно когда судом назначается лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Учитывая это, представляется обоснованным дополнить ст. 74 УК РФ ч. 1.1 следующего содержания: «Если условно осужденному назначен дополнительный вид наказания и до истечения испытательного срока он своим поведением доказал свое исправление, исполнив требования, предусмотренные частью первой настоящей статьи, а также отбыл не менее половины срока дополнительного вида наказания, то суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, может постановить об отмене условного осуждения и о снятии с осужденного судимости с освобождением от дополнительного вида наказания. При этом если условно осужденному дополнительное наказание назначено в виде штрафа, то условное осуждение может быть отменено только при уплате штрафа в полном размере».

Стоит обратить внимание на то обстоятельство, что подобные изменения будут противоречить действующей редакции ст. 86 УК РФ, поскольку исходя из п. «б» ч. 3 данной статьи судимость в отношении лиц, осужденных к более мягким видам наказания, чем лишение свободы, погашается по истечении одного года после их отбытия (исполнения). В связи с этим мы солидарны с мнением Т. Г. Черненко, которая, основываясь на меньшей общественной опасности условно осужденных в сравнении с лицами, осужденными к реальному лишению свободы, предлагает установить для них более мягкие правила погашения судимости, чем для лиц, к которым условное осуждение не применялось. Таким образом, в ст. 86 УК РФ целесообразно внести дополнение, в соответствии с которым судимость у лиц, осужденных условно и имеющих дополнительное наказание, должна погашаться сразу после отбытия дополнительного наказания или отмены условного осуждения в порядке ч. 1 ст. 74 УК РФ [18, с. 129]. Кроме этого, потребуется скорректировать п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2011 № 21 в соответствии с вышеуказанными изменениями уголовного закона.

Безусловным преимуществом отечественного законодательства является наличие норм, устанавливающих меры поощрения и взыскания, применяемые в отношении осужденных к ограничению свободы. Порядок их применения регламентируется ст. 57–59 УИК РФ, а также разд. V, VI Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы, утвержденной приказом Минюста России от 11.10.2010 № 258. Кроме того, к мерам по-

ощрительного характера стоит относить, например, прекращение применения в отношении осужденных к ограничению свободы технических средств надзора и контроля [19, с. 103].

Согласно отчету Федеральной службы исполнения наказаний России – ФСИН-1 в 2018 г. 515 осужденных к ограничению свободы имели поощрения, что составляет 1,34 % от общей численности осужденных к ограничению свободы, состоявших на учете уголовно-исполнительных инспекций на конец года. Аналогичные показатели фиксируются в последующие три года: в 2019 г. – 549 осужденных (1,41 %), 2020 г. – 601 осужденный (1,56 %), 2021 г. – 590 (1,6 %). В данном случае видим незначительный рост применения мер поощрения. Между тем за этот период число осужденных к ограничению свободы, состоящих на учете инспекций на конец года, несколько снизилось (с 38 370 чел. в 2018 г. до 36 971 чел. в 2021 г.). Сама возможность применения к осужденным мер поощрения является наиболее важным средством коррекции их поведения наряду с воспитательной работой. Система мер поощрения, как и мер взыскания, должна быть разнообразной, содержать в себе меры примерно одинакового порядка вместе с менее или более значимыми мерами. Тем самым закрепляются основы прогрессивной системы отбывания наказаний. В связи с этим примечательна широта должностных полномочий сотрудника службы пробации в Пакистане. В целях стимулирования правопослушного поведения лиц, находящихся под надзором, он может применять поощрения, используя различные социальные, развлекательные и образовательные возможности отдельного территориального образования [20, с. 3–4]. Среди таких поощрений можно выделить: право бесплатного очного или дистанционного обучения (прохождение курсов, тренингов, посещение конференций, лекций, вебинаров и семинаров), право бесплатного посещения музеев, выставок, галерей, спортивных, культурных и духовных мероприятий.

Интерес вызывает тот факт, что отличительной чертой французского и английского уголовного процесса является наличие отдельных судей, разрешающих вопросы на стадии исполнения приговора. Они осуществляют контроль за осужденными посредством отчетов, предоставляемых сотрудниками службы пробации, на основе которых суд может смягчить ограничительные меры, применяемые в отношении осужденного [21, с. 226]. Таким образом, осужденные должны работать над накоплением доказательств, в том числе поощрений, демонстрирующих возможность принятия судом решения о снижении объема ограничительных мер. Бремя доказывания такого права целиком ложится на осужденного, что заставляет его быть ответственным за свое поведение и одновременно с этим позволяет оценить прогресс в достижении целей наказания.

Тем не менее пиком всей прогрессивной системы отбывания наказания в сторону смягчения участи виновного лица должно быть досрочное освобождение. Очевидно, что с целью позитивного стимули-

рования правопослушного поведения осужденных, отбывающих наказание в виде ограничения свободы в качестве основного наказания, рационально предусмотреть возможность освободиться раньше обозначенного в приговоре срока. На основании ч. 1 ст. 74 УК РФ суд вправе применить к условно осужденному поощрительную норму в виде отмены условного осуждения и снятия с него судимости, но к осужденным к ограничению свободы подобных стимулов по досрочному освобождению не предусмотрено. Условно осужденные и осужденные к ограничению свободы находятся почти в одинаковых условиях. Правовые ограничения и обязанности, предусмотренные ч. 5 ст. 73 УК РФ в отношении условно осужденного и ч. 1 ст. 53 УК РФ в отношении осужденных к ограничению свободы, схожи по своему характеру и объему. Поэтому, с нашей точки зрения, осужденные к ограничению свободы необоснованно лишены возможности освободиться досрочно.

В Республике Беларусь, в отличие от Российской Федерации, условно-досрочное освобождение применимо к лицам, отбывающим наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительных работ, ограничения по военной службе, ограничения свободы [22, с. 203].

Советские ученые-пенитенциаристы настаивали на досрочном освобождении лиц, в отношении которых удалось достичь целей уголовного наказания. Так, Б. С. Утевский отмечал, что осужденный, подвергаясь исправительно-трудовому воздействию, укрепляет черты характера и навыки, способствующие привлечению его к труду, удержанию от совершения дальнейших преступлений, поднятию его общего уровня развития. Но эта задача может быть разрешена и до истечения срока, назначенного приговором суда [23, с. 5].

Стремление осужденного к досрочному освобождению полностью коррелирует с положениями теории целеполагания, разработчиком которой является американский психолог Э. Локк [24]. Преломляя основные выводы данной теории применительно к проблеме стимулирования правопослушного поведения осужденных, можно спрогнозировать, что если конечной целью для лица, подвергнутого наказанию, станет досрочное освобождение, то все его поведение будет определяться заявленной целью и, соответственно, мы можем ожидать исключительно положительных поступков с его стороны.

По нашему мнению, условность освобождения предполагает обязательное наличие ограничений и запретов, устанавливаемых в отношении лица после его досрочного освобождения от наказания. Учитывая сущность условно-досрочного освобождения, осужденные к ограничению свободы вновь будут контролироваться уголовно-исполнительными инспекциями, возможно с набором меньших ограничений и запретов. В случае уклонения от возложенных на освобожденное лицо обязанностей или совершения административного правонарушения, посягающего

на общественный порядок, инспекция будет вправе выйти в суд с представлением об отмене условно-досрочного освобождения и исполнении неотбытой части наказания в виде ограничения свободы. Если освобожденное лицо допустит совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, то неотбытая часть наказания в виде ограничения свободы будет присоединена к наказанию, назначенному по новому приговору суда. Данные гарантии будут служить средством профилактики совершения нарушений и воздействовать на освобожденное лицо более эффективно.

М. Гамильтон утверждает, что при оценке рисков совершения повторных преступлений в будущем судом не учитываются реабилитационные успехи, то есть достижения подсудимого, которые были связаны с прошлым криминальным поведением (восстановление ущерба, причиненного его деяниями, выполнение общественно полезных работ, наличие поощрений и др.) [25, с. 130–132]. Видится обоснованным, что такие признаки могут иметь релевантное значение не только для оценки рисков рецидива, но и для принятия решения об условно-досрочном освобождении от наказания осужденных к ограничению свободы. Исследователь, анализируя динамические факторы риска повторных правонарушений, затрагивает проблему закрепления позитивных усилий состоящих на учете службы пробации осужденных, которые перестают сопротивляться исправительному воздействию. Такое закрепление заключается в вознаграждении, что, в свою очередь, также помогает справиться некоторым лицам с подавляющим их волю чувством вины и снизить риски повторных правонарушений, а также позволяет осужденным переоценить свое прошлое, прекратить идентифицировать себя с деструктивными элементами, дарует им веру в то, что человек может измениться с течением времени. В более отдаленной перспективе это еще и успешная реинтеграция осужденного в общество, но все начинается именно с применения к нему наименьшего по статусу поощрения.

Меру поощрительного характера в виде досрочного освобождения следует применять к осужденным, отбывающим ограничение свободы исключительно в качестве основного вида наказания. При этом логично установить такое формальное условие освобождения, как фактическое отбытие не менее половины от назначенного по приговору суда срока наказания, а для несовершеннолетних – не менее одной трети срока наказания, что продиктовано их индивидуально-психологическими особенностями развития личности. Минимальный срок, после отбытия которого возможно будет условно-досрочное освобождение, рационально определить в размере шести месяцев, а для несовершеннолетних – трех месяцев, так как сотрудникам уголовно-исполнительных инспекций требуется определенное время для изучения личности осужденного и степени его исправления.

В целом применение к лицам, осужденным к ограничению свободы, наиболее значимой меры поощрительного характера в виде досрочного освобождения

необходимо рассматривать как эффективное средство стимулирования правоупослушного поведения способное оказать действенное воспитательное воздействие, а также обеспечить достижение целей исправления и профилактики преступлений среди данной категории осужденных.

Другой стороной средств дисциплинарного воздействия на осужденных к ограничению свободы являются меры взыскания. В соответствии с ч. 2 ст. 58 УИК РФ за нарушение осужденным порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы сотрудник инспекции подвергает его дисциплинарному взысканию в виде предупреждения. Если осужденный в течение одного года после вынесения предупреждения совершает любое из нарушений, перечисленных в ч. 1 ст. 58 УИК РФ, то сотрудник применяет к нему меру взыскания в виде официального предостережения о недопустимости нарушения установленных судом ограничений.

Согласно отчету ФСИН-1 за последние годы сложилась следующая дисциплинарная практика в отношении осужденных к ограничению свободы: в 2018 г. 23 541 осужденный допустил нарушение порядка и условий отбывания наказания (61,35 % от общей численности осужденных к ограничению свободы, состоящих на учете уголовно-исполнительной инспекции на конец года); в 2019 г. – 24 825 чел. (64,04 %); в 2020 г. – 24 343 чел. (63,13 %), в 2021 г. – 24 014 чел. (64,95 %). Кроме этого, в 2018 г. 22 412 осужденных к ограничению свободы имели предупреждение или официальное предостережение, в 2019 г. – 23 536, в 2020 г. – 23 143, в 2021 г. – 22 795. Таким образом, в процентном соотношении доля лиц, допустивших нарушения порядка и условий отбывания наказания, среди осужденных, состоящих на учете уголовно-исполнительных инспекций на конец года, всегда превышала 60 %, что свидетельствует о повышенных рисках совершения повторных правонарушений данной категорией лиц. В приведенной статистике мы видим незначительные ежегодные отличия по количеству осужденных, подвергнутых дисциплинарному взысканию. Этот факт также указывает на почти неизменные показатели по допущенным дисциплинарным проступкам среди подучетных лиц с 2018 г.

Отчасти причиной изложенной выше ситуации, как нам видится, является определенный недостаток в правовом механизме привлечения к дисциплинарной ответственности осужденных к ограничению свободы. В соответствии с п. «а» ч. 4 ст. 58 УИК РФ осужденный к ограничению свободы признается злостно уклоняющимся от отбывания наказания, если в течение одного года после применения к нему взыскания в виде официального предостережения допускает новое нарушение порядка и условий отбывания наказания. Данное обстоятельство служит основанием для внесения сотрудником инспекции в суд представления о замене осужденному наказания в виде ограничения свободы на принудительные работы или лишение свободы (ч. 5 ст. 58 УИК РФ). Сложность состоит в том, что в случае отказа суда удовлетворить

данное представление дальнейшие возможности еще более строгого дисциплинарного воздействия на него в уголовно-исполнительном законодательстве отсутствуют.

В итоге складывается тупиковая ситуация, когда сотрудники не могут применить взыскание к осужденному, признанному злостно уклоняющимся от отбывания наказания, если он вновь допускает нарушения. На практике данная проблема решается отбором объяснения у лица, вновь допустившего нарушение порядка и условий отбывания наказания, и повторным направлением в суд представления о замене неотбытой части наказания в виде ограничения свободы на принудительные работы или лишение свободы.

Более того, ч. 4 ст. 59 УИК РФ предписывает считать осужденного не имеющим взыскания, если в течение одного года со дня его наложения не будет применено новое взыскание и, соответственно, в этом случае злостно уклоняющийся от отбывания наказания в виде ограничения свободы перестанет считаться таковым. Для наглядности представим следующую ситуацию: в январе 2021 г. к осужденному применено взыскание в виде официального предостережения, а в декабре 2021 г. он допустил нарушение порядка и условий отбывания наказания. В связи с этим инспекция направила в суд представление о замене неотбытой части наказания в виде ограничения свободы на принудительные работы или лишение свободы. Суд вынес решение об отказе, соответственно с января 2022 г. этот осужденный считается уже не имеющим взыскания согласно ч. 4 ст. 59 УИК РФ.

Решения судов об отказе в удовлетворении представлений о замене неотбытой части наказания в виде ограничения свободы на принудительные работы или лишение свободы могут иметь две группы причин: 1) наличие определенных ошибок сотрудников уголовно-исполнительных инспекций в применении взысканий и интерпретации уголовно-исполнительного законодательства в части признания осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания; 2) субъективное видение судом нецелесообразности замены наказания в данный момент и необходимости предоставить осужденному возможность исправиться в рамках отбывания наказания, не связанного с лишением свободы, то есть дать ему второй шанс. Дополнительно в таких случаях суд может мотивировать свое решение различными трудными жизненными обстоятельствами осужденного.

Приведем пример из судебной практики, касающийся первой группы причин. Начальник филиала по г. Димитровграду УИИ УФСИН России по Ульяновской области обратился в суд с представлением о замене неотбытой осужденным Г. части наказания в виде ограничения свободы лишением свободы. Суд пришел к выводу об отсутствии оснований для признания Г. злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы, поскольку осужденный после вынесения ему официального предостережения совершил административное правонарушение, посягающее на общественную безопасность, а не

на общественный порядок. После вынесения Г. официального предостережения он совершил административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.6.1 КоАП РФ, которое осужденным не оспаривается. Судом было установлено, что вышеуказанные обстоятельства не являются основанием для удовлетворения представления инспекции, так как, согласно п. «д» ч. 1 ст. 58 УИК РФ, к нарушениям порядка и условий отбывания наказания в виде ограничения свободы относится совершение не любого административного правонарушения, а связанного с нарушением общественного порядка, за которое осужденный был привлечен к административной ответственности (Постановление Димитровградского городского суда Ульяновской области от 10.06.2021 по делу № 22-64/2021).

Примером второй группы причин отказа судов в удовлетворении представления о замене неотбытой части наказания в виде ограничения свободы лишением свободы может служить следующее постановление. Начальник филиала по Краснокамскому району УИИ ГУФСИН России по Пермскому краю обратился в суд с представлением о замене осужденному А. неотбытого срока ограничения свободы лишением свободы.

Как следует из рассматриваемого решения суда, А. 20 апреля 2017 г. был привлечен к административной ответственности по ст. 20.21 КоАП РФ, за что инспекцией осужденному вынесено предупреждение. В период с 8 по 14 июля 2017 г. А. не находился по месту жительства, в связи с чем постановлением инспекции данное время не засчитано осужденному в срок отбытого наказания. Постановлением Краснокамского городского суда Пермского края от 21.07.2017 в отношении Ж. установлено дополнительное ограничение «не уходить с места проживания с 21:00 до 06:00 часов». Между тем 21 июля 2017 г. Ж. вновь совершил административное правонарушение, предусмотренное ст. 20.21 КоАП РФ, за которое ему было вынесено официальное предостережение. 20 октября 2017 г. Ж. не находился по месту жительства, чем нарушил вмененную ему обязанность, что в совокупности с ранее совершенными нарушениями стало основанием для направления в суд представления о замене оставшейся части ограничения свободы на лишение свободы.

Суд, приняв во внимание сведения о личности осужденного, в частности наличие у него заболевания и инвалидности III группы, а также двух малолетних детей, принял решение отказать в удовлетворении представления уголовно-исполнительной инспекции. Таким образом, несмотря на фактическое установление всех предусмотренных законом оснований для замены неотбытой части наказания в виде ограничения свободы лишением свободы, суд не удовлетворил представление (Постановление Краснокамского районного суда Пермского края от 13.12.2017 по делу № 22-457/2017).

В связи с этим для дальнейшего воздействия на лиц, в отношении которых были вынесены решения

судов, основанные на второй группе причин, представляется целесообразным закрепить в УИК РФ положение об официальном наделении осужденного статусом злостно уклоняющегося от отбывания наказания. Данный статус он будет иметь вплоть до погашения или снятия всех имеющихся у него взысканий. Если после отказа суда удовлетворить представление о замене неотбытого срока наказания в виде ограничения свободы на принудительные работы или лишение свободы последует повторное нарушение осужденным порядка и условий отбывания наказания, то это вновь будет служить основанием для направления представления о замене неотбытого срока наказания в виде ограничения свободы на принудительные работы или лишение свободы.

Для реализации подобной правовой конструкции стимулирования правопослушного поведения осужденных к ограничению свободы предлагается формально наделять лицо статусом злостно уклоняющегося от отбывания наказания одновременно с направлением в суд представления о замене неотбытой части ограничения свободы более строгим видом наказания. Таким образом, как и установлено действующим законодательством, после первого нарушения следует взыскание в виде предупреждения. Если лицо в течение года после вынесенного предупреждения вновь совершает нарушение, то к нему применяется взыскание в виде официального предупреждения. После совершения в течение одного года лицом, имеющим официальное предупреждение, нового нарушения выносится постановление начальника уголовно-исполнительной инспекции о признании осужденного злостно уклоняющимся от отбывания наказания одновременно с наложением взыскания в виде официального предупреждения. В свою очередь данный факт обязывает инспекцию направить в суд представление о замене неотбытой части наказания в виде ограничения свободы принудительными работами или лишением свободы.

Эти изменения в законе позволят не допустить безнаказанности в случае отказа суда в замене неотбытой части наказания в виде ограничения свободы на принудительные работы или лишение свободы. Следует отметить, что одним из аргументов в пользу внесения данных изменений в действующее уголовно-исполнительное законодательство является то, что, согласно ч. 4 ст. 116 УИК РФ, осужденный к лишению свободы признается злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания постановлением начальника исправительного учреждения по представлению администрации исправительного учреждения одновременно с наложением взыскания. Более того, если начальником исправительного учреждения вынесено постановление о признании осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, то этот статус будет отождествляться с ним вплоть до момента освобождения, поскольку в УИК РФ отсутствуют нормы, закрепляющие порядок прекращения указанного статуса в процессе отбывания наказания. Это обстоя-

тельство регулярно подмечается в научных работах пенологической тематики [26, с. 65].

Следовательно, осужденный к ограничению свободы должен признаваться злостно уклоняющимся от отбывания наказания одновременно с наложением на него взыскания в виде официального предупреждения. В связи с этим целесообразно дополнить ст. 58 УИК РФ ч. 4.1 следующего содержания: «Осужденный признается злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы постановлением начальника инспекции одновременно с наложением на него взыскания в виде официального предупреждения и считается таковым до момента снятия или погашения всех взысканий». При этом если ограничение свободы назначено в качестве дополнительного вида наказания, то осужденный, признанный в установленном порядке злостно уклоняющимся от отбывания наказания, подлежит уголовной ответственности по ч. 1 ст. 314 УК РФ.

Вывод

Долгое время российский законодатель в аспекте воспитательного воздействия на осужденных делал акцент на институте лишения свободы. Альтернативные виды наказания не получили должного внимания в плане развития дисциплинарной практики. Между тем стимулы и ограничения имеют важное значение для процесса исправления осужденных вне зависимости от степени ограничения их прав и свобод. Несмотря на сам факт осуждения и слова внушения, прозвучавшие в адрес осужденного со стороны сотрудников правоохранительных органов, наиболее действенный эффект все же оказывают конкретные обстоятельства, улучшающие или ухудшающие его положение. Это легко объяснимо известным высказыванием К. Маркса и Ф. Энгельса: «Бытие определяет сознание» [7, с. 491]. Только реальные вещи объективной действительности способны повлиять на поведение подопечных уголовно-исполнительных инспекций.

Ограничение свободы и условное осуждение – схожие по своей сути правовые институты и могут быть рассмотрены совместно в аспекте применения к осужденным мер стимулирования правопослушного поведения. Универсальным тезисом будет служить высказывание о том, что поощрительное воздействие не только стимулирует самые разные формы социальной активности (выполнение установленных правил отбывания наказания или меры уголовно-правового характера, выполнение обязанностей, возложенных судом, участие в воспитательных мероприятиях и т. п.), но и способствует исправлению и ресоциализации осужденных. В противовес поощрительным мерам выступают меры взыскания, применение которых также должно быть взвешенным, объективным и оправданным. Поэтому система мер дисциплинарного воздействия должна давать правоприменителю возможность выбора способа поощрения или привлечения к дисциплинарной ответственности, соответствующего поведению осужденного, а поступательный процесс их применения должен

отражать достижение целей наказания и исключать возможность избежать ответственности в случае несоблюдения действующих нормативных предписаний.

Проведенное нами исследование выявило ряд пробелов в системе средств дисциплинарного воздействия, оказываемого на условно осужденных и осужденных к ограничению свободы, восполнить которые можно за счет следующих рекомендаций:

– дополнить ст. 74 УК РФ ч. 1.1 следующего содержания: «Если условно осужденному назначен дополнительный вид наказания и до истечения испытательного срока он своим поведением доказал свое исправление, исполнив требования, предусмотренные частью первой настоящей статьи, а также отбыл не менее половины срока дополнительного вида наказания, то суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, может постановить об отмене условного осуждения и о снятии с осужденного судимости с освобождением от дополнительного вида наказания. При этом если условно осужденному дополнительное наказание назначено в виде штрафа, то условное осуждение может быть отменено только при уплате

штрафа в полном размере». Одновременно потребуются внести изменения в ст. 86 УК РФ для устранения противоречий, связанных с действующим порядком погашения судимости лица, осужденного к более мягкому наказанию, чем лишение свободы;

– установить в уголовно-исполнительном законодательстве для осужденных, отбывающих ограничение свободы в качестве основного вида наказания, возможность освободиться условно-досрочно. При этом представляется важным определить формальное основание условно-досрочного освобождения для осужденных к ограничению свободы в виде фактического отбытия не менее половины от назначенного по приговору суда срока наказания, для несовершеннолетних – не менее одной трети срока наказания;

– дополнить ст. 58 УИК РФ ч. 4.1 следующего содержания: «Осужденный признается злостно уклоняющимся от отбывания наказания в виде ограничения свободы постановлением начальника инспекции одновременно с наложением на него взыскания в виде официального предостережения и считается таковым до момента снятия или погашения всех взысканий».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Garofalo R. *Criminologia*. Torino, 1891. 270 p.
2. Bekkaria Ch. *On crimes and punishments*. NY, 2009. 151 p.
3. Симонов Ю. И. Дневник поездки в Англию: изучаем пробацию. URL: <https://yvision.kz/post/772565> (дата обращения: 15.08.2021).
4. Дядькин Д. С. Конкуренция норм о назначении наказания в виде ограничения свободы с нормами об условном осуждении // *Уголовное право*. 2010. № 3. С. 34–37.
5. Жижиленко А. А. Проект министра юстиции об условном осуждении // *Право*. 1907. № 16–17. С. 1187–1199.
6. Карпец И. И. *Индивидуализация наказания*. М., 1962. 152 с.
7. Кравец Ю. П. *Условное осуждение по советскому уголовному праву* : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 24 с.
8. Якубович М. И. О правовой природе условного осуждения // *Советское государство и право*. 1946. № 11–12. С. 55–59.
9. Чорный В. Н. *Дисциплинарная практика и дисциплинарные меры в тюрьмах европейских государств* : аналит. обзор. Рязань, 2014. 47 с.
10. Сизая Е. А. Принцип рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения // *Закон и право*. 2008. № 7. С. 47–49.
11. *Российское уголовное право* : курс лекций : в 2 т. / под ред. А. И. Коробеева. Владивосток, 1999. Т. 2. 572 с.
12. Медведев Е. В. *Функции уголовного права и меры уголовно-правового воздействия как средства их реализации* : моногр. Ульяновск, 2020. 384 с.
13. Whitehead P., Thompson J. *Knowledge and the probation service: Raising standards for trainees, assessors and practitioners*. New Jersey, 2004. 240 p.
14. Серебренникова А. В. *Условное осуждение по уголовным кодексам Австрии и Швейцарии* // *Союз криминалистов и кримиологов*. 2018. № 2. С. 151–155.
15. Leibrich J. *Straight to the point: Angles on giving up crime*. Dunedin, 1993. 312 p.
16. Doherty F. *Obey All Laws and Be Good: Probation and the Meaning of Recidivism* // *Georgetown Law Journal*. 2016. Vol. 104. Pp. 291–354.
17. Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества : приказ Минюста России от 20.05.2009 № 142. Доступ из справочной правовой системы «Гарант».
18. Черненко Т. Г. Некоторые проблемные вопросы исчисления сроков судимости // *Вестник Томского государственного университета*. *Право*. 2020. № 36. С. 126–135.
19. *Исполнение уголовного наказания в виде ограничения свободы* : учеб. пособие / под общ. ред. А. М. Потапова. Вологда, 2018. 133 с.
20. Khan A. *Probation and Parole System: A Case Study of Pakistan*. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2256316 (дата обращения: 25.04.2021).

21. Fernando R. Desistance from crime and probation supervision: Comparing experiences of English and French probationers // *Probation Journal*. 2021. Vol. 68, no. 1. Pp. 224–242.
22. Тит А. А. Правовая природа условно-досрочного освобождения в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Беларусь // *Вестник Московского университета МВД России*. 2017. № 5. С. 202–206.
23. Утевский Б. С. Досрочное освобождение и амнистия. М., 1927. 68 с.
24. A theory of goal setting and task performance / E. A. Locke, G. P. Latham, K. J. Smith, R. E. Wood. New Jersey, 1990. 413 p.
25. Hamilton M. Back to the Future: The Influence of Criminal History on Risk Assessment. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2555878 (дата обращения: 26.01.2021).
26. Новиков Е. Е. Актуальные проблемы правового регулирования применения мер взыскания в исправительных учреждениях // *Вестник Кузбасского института*. 2016. № 2. С. 59–67.
27. Энгельс Ф., Маркс К. Сочинения : В 29 т. М., 1935. Т. 12. Ч. 1: К критике политической экономии. 771 с.

REFERENCES

1. Garofalo R. *Criminologia*. Torino, 1891. 270 p.
2. Bekkaria Ch. *On crimes and punishments*. New York, 2009. 151 p.
3. Simonov Yu.I. Diary of a trip to England: studying probation. Available at: <https://yvision.kz/post/772565> (In Russ.). (Accessed August 15, 2021).
4. Dyad'kin D.S. Competition of the norms on the imposition of punishment in the form of restriction of freedom with the norms on a suspended sentence. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2010, no. 3, pp. 34–37. (In Russ.).
5. Zhizhilenko A.A. Draft law of the Minister of Justice on conditional imprisonment. *Pravo = Law*, 1907, no. 16–17, pp. 1, 187–1, 199. (In Russ.).
6. Karpets I.I. *Individualizatsiya nakazaniya [Individualization of punishment]*. Moscow, 1962. 152 p.
7. Kravets Yu.P. *Uslovnnoe osuzhdenie po sovetskomu ugovnomu pravu: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Conditional conviction under Soviet criminal law: dissertation abstract]*. Moscow, 1991. 24 p.
8. Yakubovich M.I. On the legal nature of conditional conviction. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1946, no. 11–12, pp. 55–59. (In Russ.).
9. Chorny V.N. *Distsiplinarnaya praktika i distsiplinarnye mery v tyur'makh evropeiskikh gosudarstv: analit. obzor [Disciplinary practice and disciplinary measures in prisons of European states: analytical review]*. Ryazan, 2014. 47 p.
10. Sizaya E.A. The principle of rational application of measures of coercion, means of correction of convicts and stimulation of their law-abiding behavior. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2008, no. 7, pp. 47–49. (In Russ.).
11. *Rossiiskoe ugovnoe pravo: kurs lektsii: v 2 t. T. 2. [Russian criminal law: course of lectures: in 2 volumes. Volume 2]*. Ed. by Korobeev A.I. Vladivostok, 1999. 572 p.
12. Medvedev E.V. *Funktsii ugovnogo prava i mery ugovno-pravovogo vozdeistviya kak sredstva ikh realizatsii: monogr. [Functions of criminal law and measures of criminal legal impact as a means of their implementation: monograph]*. Ulyanovsk, 2020. 384 p.
13. Whitehead P. Thompson J. *Knowledge and the probation service: raising standards for trainees, assessors and practitioners*. New Jersey, 2004. 240 p.
14. Serebrennikova A.V. Conditional conviction in criminal codes of Austria and Switzerland. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = Union of Criminologists and Criminologists*, 2018, no. 2, pp. 15–155. (In Russ.).
15. Leibrich J. *Straight to the point: angles on giving up crime*. Dunedin, 1993. 312 p.
16. Doherty F. Obey all laws and be good: probation and the meaning of recidivism. *Georgetown Law Journal*, 2016, vol. 104, pp. 291–354.
17. *Ob utverzhdenii Instruktsii po organizatsii ispolneniya nakaza-nii i mer ugovno-pravovogo kharaktera bez izolyatsii ot obshchestva: prikaz Minyusta Rossii ot 20.05.2009 № 142 [The Rules on organizing execution of punishments and measures of a criminal-legal nature without isolation from society, approved by the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 142 of May 20, 2009]*. Access from the reference legal system "Garant".
18. Chernenko T.G. Some problematic issues of calculating the terms of criminal record. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2020, no. 36, pp. 126–135. (In Russ.).
19. *Ispolnenie ugovnogo nakazaniya v vide ogranicheniya svobody: ucheb. posobie [Execution of criminal punishment in the form of restriction of freedom: manual]*. Ed. by Potapov A.M. Vologda, 2018. 133 p.
20. Khan A. Probation and parole system: a case study of Pakistan. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2256316 (accessed April 25, 2021).
21. Fernando R. Desistance from crime and probation supervision: comparing experiences of English and French probationers. *Probation Journal*, 2021, vol. 68, no. 1, pp. 224–242.
22. Tit A.A. Legal nature of parole in the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, no. 5, pp. 202–206. (In Russ.).
23. Utevsii B.S. *Dosrochnoe osvobozhdenie i amnistiya [Early release and amnesty]*. Moscow, 1927. 68 p. (In Russ.).
24. Locke E.A., Latham G.P., Smith K.J., Wood R.E. *A theory of goal setting and task performance*. New Jersey, 1990. 413 p.

25. Hamilton M. Back to the future: the influence of criminal history on risk assessment. *Berkeley Journal of Criminal Law*, pp. 76–133. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2555878 (accessed January 26, 2021).
26. Novikov E.E. Actual problems of legal regulation of the application of penalties in correctional institutions. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2016, no. 2, pp. 59–67. (In Russ.).
27. Engels F., Marx K. *Sochineniya T. 12. Ch. 1: K kritike politicheskoi ekonomii [Essays. Volume 12. Part 1: For a Critique of the Political Economy]*. Moscow, 1935. 771 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СЕРГЕЙ ЛЬВОВИЧ БАБАЯН – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными Вологодского института права и экономики ФСИН России, Вологда, Россия, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, bsl09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

ДМИТРИЙ ВАДИМОВИЧ КОХМАН – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, Санкт-Петербург, Россия, kokhman2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1899-3894>

SERGEI L. BABAYAN – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, Senior Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, bsl09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

DMITRII V. KOKHMAN – Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines of the Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee, Saint Petersburg, Russia, kokhman2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1899-3894>

Статья поступила 13.11.2022

Проблемы квалификации преступлений против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
Калужский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Калуга, Россия
matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

Реферат

Введение: преступления против установленного порядка несения службы, субъектами которых являются сотрудники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, обозначены законодателем не в УК РФ, а в п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, где определена компетенция начальников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы по производству неотложных следственных действий по указанной категории преступлений, по которым производство предварительного следствия обязательно. *Цель* статьи заключается в попытке ответить на вопрос правоприменителя о том, какие противоправные деяния относятся к преступлениям против установленного порядка несения службы, субъектами которых являются сотрудники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Автором было определено несколько самостоятельных предметов исследования: 1) нормы УК РФ; 2) гл. 30 УК РФ, перечисляющая преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления; 3) отдельные положения уголовных кодексов РСФСР 1922, 1926, 1960 гг.; 4) монографии; 5) учебники, в которых рассматривается специфика преступлений, посягающих на государственную власть, интересы государственной службы; 6) статистика ФСИН России за 2021 г., раскрывающая категории преступлений, учитываемых и совершаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы; 7) судебная практика, обобщенная и изданная Конституционным Судом Российской Федерации, Верховным Судом СССР, Российской Федерации; 8) раздел V Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.; 9) федеральные законы, регламентирующие некоторые вопросы прохождения государственной службы; 10) федеральный закон, закон Российской Федерации, указ Президента Российской Федерации, положение, устанавливающие правила прохождения службы сотрудниками уголовно-исполнительной системы. Объемность и разнообразие предмета исследования потребовали, в свою очередь, использования ряда *методов* научного исследования, таких как описание, сравнение, конкретизация, идеализация, аналогия, экспертные оценки, опорные точки, дедукция, индукция, сравнительно-правовое исследование. *Выводы:* формулировка п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ не в полной мере корректна. Вряд ли целесообразно указывать на «порядок несения службы», являющийся объектом противоправной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, если об этом не говорится в УК РФ.

Ключевые слова: государственный служащий; сотрудник уголовно-исполнительной системы; преступления против государственной власти, интересов государственной службы, порядка несения службы.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Шурухнов Н. Г. Проблемы квалификации преступлений против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 52–61. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.006.

Original article

Problems of Qualifying Crimes against the Established Order of Service Committed by Employees of Institutions and Bodies of the Penal System

NIKOLAI G. SHURUKHNOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
Kaluga Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Kaluga, Russia
matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

Abstract

Introduction: crimes against the established order of service, committed by employees of institutions and bodies of the penal system, are determined by the legislator not in the Criminal Code of the Russian Federation, but in Paragraph 5 of Part 2 of Article 157 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, which defines the competence of heads of institutions and bodies of the penal system to perform urgent investigative actions on the specified category of crimes for which the preliminary investigation is mandatory. *Purpose:* to answer the question posed by the law enforcement officer about which illegal acts relate to crimes against the established order of service, the subjects of which are penal system employees. The author identifies several independent research subjects: 1) norms of the Criminal Code of the Russian Federation; 2) Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation, listing crimes against state power, the interests of public service and service in local self-government bodies; 3) certain provisions of the criminal codes of the RSFSR of 1922, 1926, 1960; 4) monographs of scientists; 5) textbooks that consider the specifics of crimes encroaching on state power, the interests of public service; 6) statistics of the Federal Penitentiary Service of Russia for 2021, revealing the categories of crimes taken into account and committed by employees of the penal system; 7) judicial practice, generalized and published by the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the USSR, the Russian Federation; 8) Section V of the Code of Criminal and Correctional Punishments (1845); 9) federal laws regulating certain issues of public service; 10) the federal law, the law of the Russian Federation, the decree of the President of the Russian Federation, and regulations establishing the rules of service for the penal system employees. The volume and variety of the research subject require, in turn, the use of a number of scientific *methods*, such as description, comparison, specification, idealization, analogy, expert assessments, reference points, deduction, induction, and comparative legal research. *Conclusion:* the wording of Paragraph 5 of Part 2 of Article 157 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation is not fully correct. It is hardly advisable to point out the "order of service", which is the object of illegal activity of penal system employees, if this is not stated in the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: civil servant; employee of the penal system; crimes against state power, interests of public service, order of service.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Shurukhnov N.G. Problems of qualifying crimes against the established order of service committed by employees of institutions and bodies of the penal system. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 52–61. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.006.

Введение

Правоприменительная практика в идеальном варианте должна зеркально отражать положения, прописанные в законе, исключив нарушение прав, свобод и законных интересов граждан. Нужно стремиться к ситуации, при которой закон во всех аспектах описывает противоправное деяние, упрощая правоприменителям квалификацию (применение). Деяние, появившееся в определенный период времени, воспринимается сознанием граждан как обыденное, не содержащее вред, не являющееся опасным, и лишь после того, как оно признается таковым и подпадает под законодательный запрет, уполномоченные должностные лица получают возможность борьбы с

ним правовыми средствами. Таким образом, только с момента объявления деяния преступным оно практически получает статус преступления со всеми вытекающими правовыми последствиями. Говоря юридическим языком, противоправность есть свидетельство того, что государством признается общественная опасность поступка. Объявление поступка уголовно наказуемым является правовым актом государственной власти. Диспозиция уголовно-правовой нормы описывает деяние, за совершение которого предусмотрено конкретное наказание. Таков общий подход к построению уголовно-правовых норм.

В статье исследуются преступления против установленного порядка несения службы, совершенные

сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, о которых говорится в п. 5 ч. 2 ст. 157 УК РФ. Данная проблема находилась в центре внимания многих ученых [1, с. 59–327; 2–7]. Помимо мнения ученых анализировались такие источники, как УК РФ, правоприменительная практика, обобщенная Конституционным Судом Российской Федерации, Верховным Судом СССР, Российской Федерации, статистика ФСИН России, правовые акты Российской империи, РСФСР.

Исследовательская часть

В действующей редакции УК РФ около 90 раз употребляется слово «служба», но при этом отсутствует словосочетание «служащий уголовно-исполнительной системы». Глава 23 УК РФ содержит семь перечней преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях [8, с. 577–589], гл. 30 – 17 составов преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления [8, с. 837–868]. Перечень преступлений, в которых упоминается слово «служба», приводится и в гл. 33, но все они непосредственно связаны с процессом прохождения военной службы (22 состава). Исходя из того (и не только), что родовым объектом воинских преступлений являются отношения, складывающиеся по поводу обеспечения установленного порядка прохождения воинской службы [8, с. 932–950], для их квалификации используются дополнительные профильные правовые акты (диспозиции статей носят бланкетный характер), такие, к примеру, как федеральные законы от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 24.09.2022 № 370-ФЗ) «О воинской обязанности и военной службе», от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 01.07.2021 № 272-ФЗ) «О статусе военнослужащих», указы Президента Российской Федерации от 16.09.1999 № 1237 (ред. от 14.11.2022 № 823) «Вопросы прохождения военной службы» вместе с Положением о порядке прохождения военной службы, от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 31.07.2022) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации».

В приведенных нормативных правовых актах максимально обозначены сферы жизнедеятельности военнослужащего. Поэтому установленные противоправные деяния военнослужащих посягают на определенные составляющие порядка прохождения военной службы, например неисполнение приказа (ст. 332 УК РФ) – на порядок подчиненности, дезертирство (ст. 338 УК РФ) – на порядок прохождения военной службы.

Если бы были на то воля законодателя и потребность практики, возможно было бы даже сформировать отдельную главу в УК РФ «Преступления против порядка несения службы в уголовно-исполнительной системе». Нормативных правовых актов, конкретизирующих ее отдельные обстоятельства, достаточное количество, только вот практика противоправной деятельности не столь разнообразна, да и деятельность уголовно-исполнительной системы (ее служащих)

принципиально отличается от порядка и условий прохождения военной службы.

Исходя из предмета исследования, сосредоточимся на противоправных деяниях, заключенных в гл. 30 УК РФ, отдельные из представленных составов которой посягают на государственную власть и интересы государственной службы. Они отличаются от иных преступных посягательств и именуется специалистами уголовного права как должностные. Применительно к уголовно-исполнительной системе рассматриваемые преступления посягают на общественные отношения, обеспечивающие нормальную и законную деятельность органов власти иных государственных органов. Исследователи указывают на то, что «непосредственным объектом данной группы преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие нормальное функционирование отдельных звеньев государственного аппарата... В некоторых составах дополнительным объектом могут выступать законные интересы граждан или организаций (ст. 285, 286 УК РФ), здоровье (ч. 3 ст. 286 УК РФ), жизнь (ч. 2 ст. 293 УК РФ), собственность (ст. 285, 286, 293 УК РФ)» [8, с. 838].

Специфика рассматриваемых преступлений обусловлена государственной службой – профессиональной деятельностью по обеспечению исполнения полномочий государственных органов – должностных обязанностей уполномоченными лицами. Напомним, что Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» в систему государственной службы включал государственную гражданскую службу, военную службу, правоохранительную службу. В ст. 7 правоохранительная служба определялась как «вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина».

Дополнительно отметим, что в п. 1 ст. 19 данного закона в первой редакции делалась оговорка о том, что «определение правоохранительной службы как вида федеральной государственной службы может применяться со дня вступления в силу федерального закона о правоохранительной службе» (курсив наш. – Н. Г.). Работа над проектом федерального закона «О правоохранительной службе Российской Федерации» велась около десяти лет, но до настоящего времени не завершена.

По этой причине с 1 января 2016 г. данная статья утратила силу. Федеральный закон от 13.07.2015 № 262-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части уточнения видов государственной службы и признании утратившей силу части 19 статьи 323 Федерального закона «О таможенном регулировании в Российской Федерации»» внес изменения в ст. 2

федерального закона «О системе государственной службы в Российской Федерации». В новой редакции система государственной службы включает государственную гражданскую службу, военную службу, государственную службу иных видов. В ч. 3 этой статьи отмечается, что «военная служба и государственная служба иных видов, которые устанавливаются федеральными законами, являются видами федеральной государственной службы». В соответствии с п. 2 ст. 9 перечни типовых должностей федеральной государственной службы иных видов утверждаются Президентом Российской Федерации. Но до настоящего времени интересующий нас перечень отсутствует.

Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ (ред. от 30.04.2021 № 116-ФЗ) «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» не раскрывает специфики данной службы. Он, как бы повторяя положения аналогичных федеральных законов, говорит о том, что она является видом «федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации... на должностях в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» (п. 1 ст. 1). При этом указывается, что «должности сотрудников уголовно-исполнительной системы... учреждаются в федеральном органе исполнительной власти» (п. 2 ст. 1). Специфика профессиональной деятельности представляемых федеральных государственных служащих в определенной мере отражена в Законе Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 26.05.2021) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

Примечательно, что в ч. 1 ст. 26 обозначенного закона указывается на делегирование (передачу) полномочий юридических лиц сотрудникам. В ней сказано, что «сотрудники уголовно-исполнительной системы исполняют свои обязанности и пользуются в пределах их компетенции правами, предоставленными учреждениям либо органам уголовно-исполнительной системы, которые предусмотрены настоящим Законом и другими законодательными актами Российской Федерации». А в правах учреждений (ст. 14), исполняющих наказания, прописано осуществление контроля над соблюдением комплекса требований, применение по отношению к правонарушителям предусмотренных нормативными актами мер воздействия и принуждения, производство досмотра и обыска осужденных, иных лиц, их вещей, транспортных средств (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 06.03.2008 № 428-О-П «По жалобе гражданки Кирихиной Ирины Петровны на нарушение ее конституционных прав частью шестой статьи 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и пунктом 6 статьи 14 Закона Российской Федерации «Об учрежде-

ниях и органах исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»).

В гл. V и п. 12 ст. 14 закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» предусматривается порядок применения сотрудниками уголовно-исполнительной системы физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. При этом указываются территории (учреждения, исполняющие наказания, следственные изоляторы, прилегающие к ним территории, на которых установлены режимные требования, охраняемые объекты уголовно-исполнительной системы) и обязанности, подлежащие исполнению (конвоирование и в иных случаях, установленных законом).

От краткой характеристики специфики службы сотрудников уголовно-исполнительной системы возвратимся к категории преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, указанных в гл. 30 УК РФ. Они могут совершаться только:

- специальными субъектами (должностными лицами [9], представителями власти (наделенными правом личного применения мер государственного принуждения), находящимися на службе в государственных органах). Исключением являются дача взятки и посредничество во взяточничестве, а также присвоение полномочий должностного лица и служебный подлог (за совершение служебного подлога ответственность несут и должностные лица);

- в силу занимаемого лицом служебного положения или с использованием предоставленных ему по должности полномочий [10; 11];

- с причинением вреда нормальной деятельности органов государственной власти, государственной службе [8, с. 838–839].

«В самих статьях Уголовного кодекса, – отмечает Б. В. Волженкин, – не предлагается никаких критериев для определения существенности нарушения прав и законных интересов граждан, организаций, общества или государства, а также критериев ограничения существенного нарушения от тяжких последствий. Вредные последствия служебных преступлений, совершенных в различных сферах деятельности должностных лиц, бывают весьма разнообразными, и перечислить их конкретно в законе вряд ли возможно. Существенное нарушение прав и законных интересов не сводится только лишь к причинению материального ущерба. Это может быть вред физический, моральный, политический, идеологический и т. д.» [1, с. 129].

Исходя из положений гл. 30 УК РФ, приведенного умозаключения, сделанного известным российским ученым, другими исследователями в обозначенных нами работах, следует вывод о том, что правоприменителям предоставлено право самим давать аргументированную, основанную на доказательствах оценку, которая позволит отнести противоправное деяние к одной из названных категорий служебного

преступления. Таким образом, речь идет об оценочном понятии.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 18 Постановления от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» разъяснил, что «под существенным нарушением прав граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий следует понимать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации (например, права на уважение чести и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан, права на неприкосновенность жилища и тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также права на судебную защиту и доступ к правосудию, в том числе права на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и компенсацию ущерба, причиненного преступлением, и др.). При оценке существенности вреда необходимо учитывать степень отрицательного влияния противоправного деяния на нормальную работу организации, характер и размер понесенного ею материального ущерба, число потерпевших граждан, тяжесть причиненного им физического, морального или имущественного вреда и т. п.».

По мнению В. И. Динеки и Н. Г. Кадникова, «для оценки существенности нарушения прав и законных интересов следует учитывать совокупность обстоятельств дела: к таковым можно относить число потерпевших, чьи права нарушены; размер и характер вреда, его существенность для потерпевшего, правоохраняемых интересов; наличие убытков и упущенной выгоды для гражданина, государственной... организации; создание обстановки, затрудняющей деятельность организации; срыв рабочего процесса и т. д.» [8, с. 840].

Следует согласиться с точкой зрения Б. В. Волженкина о том, что «составы преступлений, включенные в гл. 30 УК, – это составы так называемых общих преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. Они могут совершаться любыми должностными лицами (служащими) в любой сфере управленческой деятельности, любом государственном или муниципальном органе либо учреждении, равно как в Вооруженных Силах, других войсках и воинских формированиях РФ, и влечь разнообразные последствия. Помимо них, в других главах УК РФ, есть немало специальных составов преступлений, совершенных конкретно определенными должностными лицами либо в определенной, указанной в законе сфере деятельности, либо посягающих на определенные социальные блага и интересы, кроме нормальной деятельности публичного аппарата управления» [1, с. 153]. Соглашаясь с приведенными положениями и выводами отметим, что в

законе нет указаний на должностных лиц уголовно-исполнительной системы и соответствующую сферу деятельности.

С целью установить, какие конкретно преступления против установленного порядка несения службы совершают сотрудники уголовно-исполнительной системы, обратимся к статистике ФСИН России, которую ведет НИИИТ ФСИН России [12].

В 2021 г. по 211 уголовным делам были вынесены обвинительные заключения (приводятся наименования учитываемых и совершенных преступлений) по следующим категориям преступлений:

- преступления против жизни и здоровья (гл. 16 УК РФ): убийство (ст. 105), убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), убийство, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107), убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108) – 2; причинение смерти по неосторожности (ст. 109) – 0; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111), умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112) – 2;

- преступления против собственности (гл. 21 УК РФ): кража (ст. 158) – 8; мошенничество (ст. 159) – 13; присвоение или растрата (ст. 160) – 1; вымогательство (ст. 163) – 0;

- преступления против общественной безопасности (гл. 24 УК РФ): хулиганство (ст. 213) – 0;

- преступления против здоровья населения и общественной нравственности (гл. 25 УК РФ): незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228) – 19;

- преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (гл. 27 УК РФ): нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264) – 9;

- преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (гл. 30 УК РФ): злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285) – 8; превышение должностных полномочий (ст. 286) – 45; получение взятки (ст. 290) – 71; служебный подлог (ст. 292) – 3; халатность (ст. 293) – 14 (преступлений против службы – 141, или 66,8 %);

- иные преступления (другие главы и статьи УК РФ) – 16 (7,58 %).

Как видно из приведенных данных, сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы никаких специфических преступлений против установленного порядка несения службы, о которых говорится в п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ, в 2021 г. совершено не было. В 66,8 % их противоправная деятельность, предусмотренная гл. 30 УК РФ, была направ-

лена против государственной власти и интересов государственной службы.

Чтобы быть более обстоятельными, обратимся к истории вопроса, рассмотрим отдельные правовые документы Российской империи, РСФСР. Выдающийся русский дореволюционный ученый Н. С. Таганцев писал: «Известно то важное значение, какое имеет историческое толкование в сфере действующего законодательства. Если мы, например, желаем изучить какой-нибудь юридический институт, существующий в данное время, то для правильного его уяснения себе мы должны проследить историческую судьбу его, то есть те поводы, в силу которых появилось данное учреждение, и те видоизменения, которым подверглось оно в своем историческом развитии» [3, с. 21].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [14] имелся пятый раздел «О преступлениях и проступках по службе государственной и общественной». Он содержал одиннадцать глав (ст. 329–505), каждая из которых имела свое индивидуальное название в соответствии с содержанием уголовно-правовых норм (рис.), которые охватывали самую разнообразную противоправную деятельность и предусматривали различные виды наказаний. Для предмета нашего исследования определен интерес представляет одиннадцатая глава, а в ней первое «О преступлениях и проступках чиновников при следствии и суде» (ст. 456–464) и третье «О преступлениях и проступках чиновников полиции» (ст. 475–488) отделения.

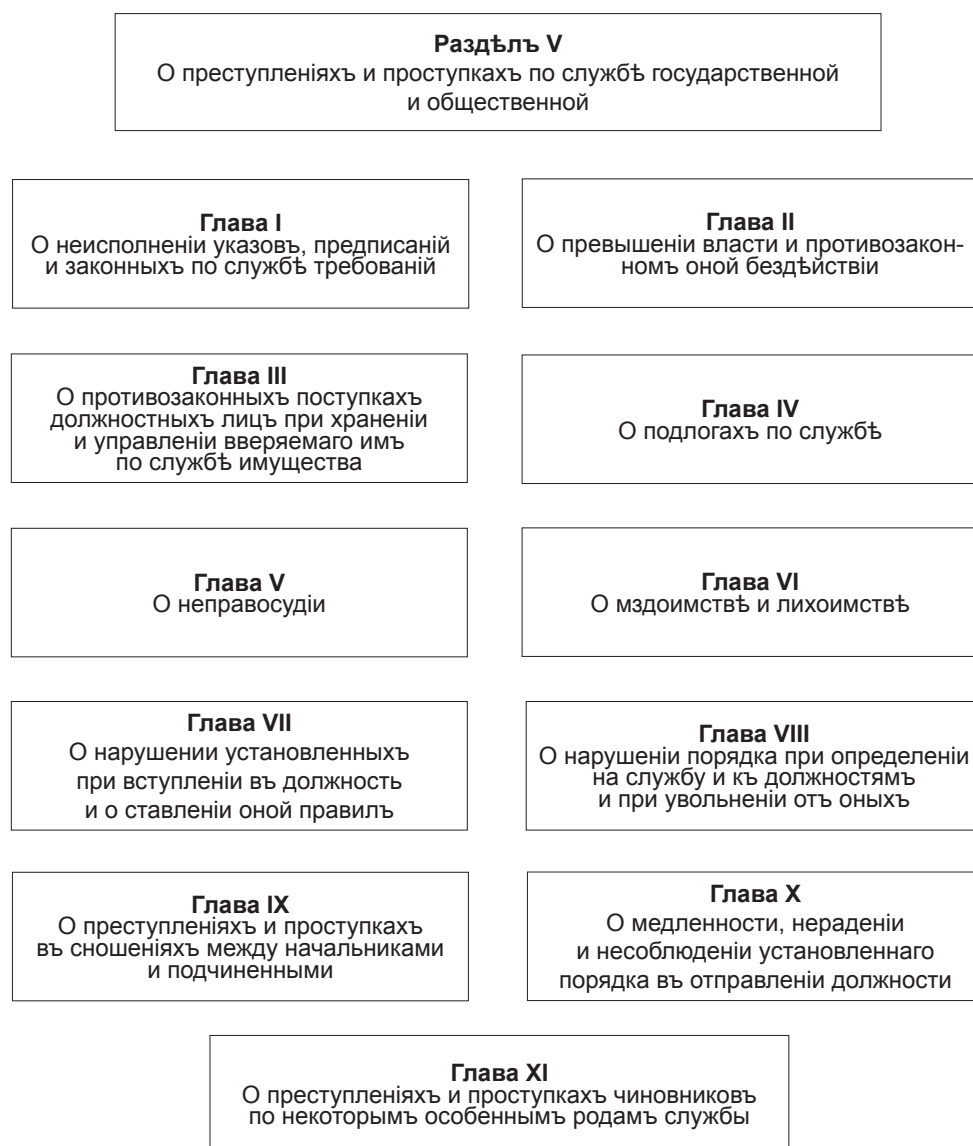

Рис. Уложение о наказанияхъ уголовныхъ и исправительныхъ (1845 г.)

В первом отделении были прописаны составы преступлений и правонарушений с определенными мерами наказания. Это было связано:

– с неисполнением чиновником при производстве следствия предписанных законами правил и форм

по нерадению или незнанию своих обязанностей (1) либо с корыстной или иной личной целью (2) (ст. 456);

– нерадением чиновника, не приступившего к следствию, имея достаточный повод (1), или если он виновен в сем упущении по излишнему снисхожде-

нию или какому-либо пристрастию к лицам, подлежащим следствию (2) (ст. 459);

– неснятием с обвиняемого первоначального допроса в течение суток после его явки или привода судебным следователем или чином полиции, который в случае неприбытия следователя для снятия допроса в течение суток не составил о том протокол, приобщаемый к делу, и не объявил обвиняемому о причинах его задержания (ст. 460);

– медлительностью чиновника в производстве следствия при отсутствии особых препятствий или трудностей или по ненависти, вражде, другим противозаконным побуждениям (ст. 461);

– угрозами принуждения следователем обвиняемого к признанию или свидетеля к показаниям или если при следствии употреблены были истязания и жестокость (ст. 462);

– дачей чиновником виновному недозволенных законом средств к оправданию при следствии или суде или за ослабление силы улик и доказательств против виновного (ст. 463);

– всяким упущением или злоупотреблением «в случаях, не означенных именно в сем отделении» в отправлении своей должности при производстве следствия или в суде (ст. 464).

В третьем отделении предусматривалась ответственность:

– за непредставление начальству бумаг, подаваемых содержащимся под стражей, если это не воспрещено законом (ст. 478);

– несвоевременность информирования начальства чиновником полиции, взявшим под стражу гражданина, когда это предусмотрено законом (в городах в течение одних суток, в уезде в течение недели или с первой почтой) (ст. 479);

– содержание под стражей больше определенного судебным приговором срока (без законных оснований) (1) или если будет доказано, что это им учинено по вражде, мщению или по другим подобным причинам (2) (ст. 480);

– нерадение чиновника или стражи, допустивших побег арестанта (1), или умышленное благоприятствование, способствование побегу (2) (ст. 481);

– всякое против содержащихся под стражей насилие и за употребление даже для предупреждения побегов или усмирения заключенных какой-либо не указанной и не дозволенной законом меры со стороны тюремных смотрителей, надзирателей и стражи (ст. 482);

– пристрастие к одной из сторон во вред другой при исполнении судебного решения со стороны чиновника (ст. 484);

– притеснение какой-либо стороны при исполнении судебного решения (ст. 485);

– смягчение наказания (по ошибке, снисхождению или слабости) вопреки судебному приговору при его исполнении (1) или из корысти иных личных видов (2) (ст. 486);

– усиление наказания сверх меры, установленной судебным приговором, осуществленное чиновником

полиции по ошибке (1) или когда это допущено с намерением, из мщения, корысти (2) (ст. 487);

– упущение или злоупотребление в отправлении должности в случаях, «не означенных именно в сем отделении или же в особых обязанностях и ответственности чиновников полиции» (ст. 488).

Содержательно представив два профильных для нашего исследования отделения Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., обозначим положения уголовного законодательства советского периода.

Глава вторая УК РСФСР 1922 г. называлась «Должностные (служебные) преступления». В ней были предусмотрены составы следующих преступлений: злоупотребление властью (ст. 105, имелось примечание: «под должностными лицами понимаются лица, занимающие постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач»); превышение власти (ст. 106); бездействие власти (ст. 107); халатное отношение к службе (ст. 108); дискредитирование власти (ст. 109); злоупотребление властью, превышение или бездействие власти и халатное отношение к службе (ст. 110); постановление судьями из корыстных или иных личных видов неправоудного приговора (ст. 111); незаконное задержание, незаконный привод, а также принуждение к даче показаний при допросе путем применения незаконных мер со стороны, производящей следствие или дознание (ст. 112); присвоение должностным лицом денег или иных ценностей, находящихся в его ведении в силу его служебного положения (ст. 113); получение лицом, стоящим на государственной, союзной или общественной службе, лично или через посредников, в каком бы то ни было виде взятки за выполнение или невыполнение в интересах дающего какого-либо действия, входящего в круг служебных обязанностей этого лица; те же действия, совершенные должностным лицом, облеченным особыми полномочиями, или присвоение особо важных государственных ценностей; посредничество в совершении означенного преступления, а равно укрывательство взяточничества; получение взятки, совершенное при отягчающих обстоятельствах, как-то: а) особые полномочия принявшего взятку должностного лица, б) нарушения им обязанностей службы или в) допущение вымогательства или шантажа (ст. 114) (лицо, давшее взятку, не наказывается лишь в том случае, если своевременно заявило о вымогательстве взятки или оказало содействие раскрытию дела о взяточничестве); провокация взятки (ст. 115); служебный подлог (ст. 116); разглашение должностными лицами не подлежащих оглашению сведений (ст. 117); непредставление должностными лицами в срок по требованию центральных или местных властей необходимых сведений, справок, отчетов и т. п.,

представление коих для них обязательно по закону (ст. 118).

Как отмечают исследователи, в приведенную главу «наряду с составами общих должностных преступлений, которые могут быть совершены в любой сфере деятельности и любым субъектом, относящимся к категории должностных лиц, были включены и составы специальных преступлений по службе, которые впоследствии (в УК РСФСР 1960 г.) были выделены как преступления против правосудия» [1, с. 31–32].

Глава третья УК РСФСР 1926 г. «Должностные (служебные) преступления» практически повторяла главу вторую УК РСФСР 1922 г. с отдельными редакционными уточнениями. Глава седьмая Особенной части УК РСФСР 1960 г. именовалась «Должностные преступления» и включала в себя шесть статей (в последующем она была дополнена отдельными составами преступлений): ст. 170 (злоупотребление властью или служебным положением, с примечанием: «Под должностными лицами в статьях настоящей главы понимаются лица, постоянно или временно осуществляющие функции представителей власти, а также занимающие постоянно или временно в государственных или общественных учреждениях, организациях или на предприятиях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, или выполняющие такие обязанности в указанных учреждениях, организациях и на предприятиях по специальному полномочию»); ст. 171 (превышение власти или служебных полномочий); ст. 172 (халатность); ст. 173 (получение взятки); ст. 174 (дача взятки, с примечанием: «Лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если в отношении его имело место вымогательство взятки или если это лицо после дачи взятки добровольно заявило о случившемся»); ст. 175 (должностной подлог).

Не вдаваясь в обстоятельный анализ, отметим, что количество преступлений против государственной власти и интересов государственной службы в советский период значительно сократилось, а их наименования были созвучны Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.

Заключение

Подведем некоторые итоги:

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных исчерпывающе обозначало противоправную деятельность чиновников, чиновников полиции,

смотрителей тюремных замков, надзирателей, стражи, судебных следователей и в зависимости от характера противоправного деяния предусматривало определенный вид наказания. Отметим один интересный вид наказания, который был бы актуальным и сегодня. Речь идет о вычете из времени службы (из выслуги лет) от шести месяцев до одного года. Такое наказание было бы эффективным и в современных условиях, положительно сказывалось бы на ответственности решений, принимаемых государственными служащими, не влекло бы за собой судимости и других отрицательных последствий.

2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – важнейший правовой акт Российской империи, отдельные его положения представляют несомненный интерес и для современных законодателей, ученых. Вне всяких сомнений, россияне должны иметь представление о нем как значимом историческом правовом памятнике. Однако это не предполагает бездумного копирования его положений без учета современной действительности. Привлекательность документа не может компенсироваться сложностью его практического применения, в нем (в разных редакциях по-разному и без учета внесенных дополнений) содержалось 1711 норм.

3. В п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ не следует говорить о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, так как о такой категории противоправных деяний не упоминается в УК РФ. Все новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, должны включаться в данный кодекс. Из этого следует вывод о том, что (новые) уголовно-правовые нормы не могут содержаться ни в каком другом нормативном акте. В данном случае имеем в виду УПК РФ.

4. Посягательства сотрудников уголовно-исполнительной системы на порядок несения службы не отражены в нормах УК РФ, как показывает статистика, их нет и в практической деятельности. Совершаемые рассматриваемыми субъектами противоправные деяния охватываются правовыми нормами, сосредоточенными в гл. 30 УК РФ, предусматривающими преступления против государственной власти и интересов государственной службы. На это и должно указываться в п. 5 ч. 2 ст. 157 УПК РФ. Нет нужды устанавливать специальные нормы, касающиеся посягательств на порядок несения службы сотрудниками уголовно-исполнительной системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М., 2000. 368 с.
2. Сапожков А., Щепельков В., Егорова Н. А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управленческие функции (управленческие преступления) : моногр. Волгоград, 2006. 552 с.
3. Коростелев В. С. Система служебных преступлений по уголовному праву России: вопросы истории, теории, практики : моногр. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. А. Г. Безверхов. М., 2015. 216 с.
4. Зорина И. В. Общая характеристика преступлений, совершаемых чиновниками против государственной власти и интересов государственной службы // Вестник науки. 2019. Т. 4, № 6 (15). С. 157–161.

5. Комолова Э. В. Служебные преступления как основание привлечения к ответственности сотрудников пенитенциарных учреждений во второй половине XIX – начале XX в.: теория и практика // Сибирский антропологический журнал. 2021. Т. 5, № 3. С. 267–277.
6. Сивцов С. А. Коррупция в уголовно-исполнительной системе: криминологические аспекты // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 5 (46). С. 71–75.
7. Хохрин С. А. Детерминантная характеристика преступного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2021. № 4. С. 228–233.
8. Уголовное право России. Общая и особенная части : учеб. / под ред. И. М. Мацкевича, Н. Г. Кадникова. М., 2015. 990 с.
9. О квалификации преступлений по службе, совершенных контролерами исправительно-трудовых учреждений и следственных изоляторов: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.01.1986 № 4. URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-sssr-ot-16011986/?ysclid=ledxd8vmw6387847777> (дата обращения: 01.09.2022).
10. Акчурин А. В., Сулейманов Т. А. Уголовно-процессуальный статус учреждений, органов и должностных лиц ФСИН России: состояние и перспективы совершенствования // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2019. № 4. С. 301–306.
11. Шурухнов Н. Г. Процедуры наделения начальника исправительного учреждения полномочиями производства неотложных следственных действий // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и восстановлению : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (г. Вологда, 11 декабря 2020 г.) : в 3 ч. Вологда, 2021. Ч. 2. С. 177–181.
12. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы. Январь–декабрь 2021 г. : информ.-аналит. сб. Тверь, 2022.
13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб, 1845. 898 с.
14. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права: Часть общая. Кн. 1. Вып. 1–3. СПб., 1874–1880. Вып. 1. 1874. 292 с.

REFERENCES

1. Volzhenkin B.V. *Sluzhebnye prestupleniya* [Official crimes]. Moscow, 2000. 368 p.
2. Sapozhkov A., Shchepel'kov V., Egorova N.A. *Teoreticheskie problemy ugovolnoi otvetstvennosti za prestupleniya lits, vypolnyayushchikh upravlencheskie funktsii (upravlencheskie prestupleniya): monografiya* [Theoretical problems of criminal liability for crimes committed by persons performing managerial functions (managerial crimes): monograph]. Volgograd, 2006. 552 p.
3. Korostelev V.S. *Sistema sluzhebnykh prestuplenii po ugovolnomu pravu Rossii: voprosy istorii, teorii, praktiki: monografiya* [System of service crimes in the criminal law of Russia: questions of history, theory, practice: monograph]. Ed. by A.G. Bezverkhov. Moscow, 2015. 216 p.
4. Zorina I.V. General characteristics of crimes committed by officials against state power and interests of public service. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*, 2019, vol. 4, no. 6(15), pp. 157–161. (In Russ.).
5. Komolova E.V. Office crimes as the basis of bringing to account of employees of penitentiary establishments in second half of the 19th – the beginning of the 20th century: the theory and practice. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Anthropology*, 2021, vol. 5, no. 3, pp 267–277. (In Russ.)
6. Sivtsov S.A. Corruption in the penal system: criminological aspects. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2021, no. 5 (46), pp. 71–75. (In Russ.)
7. Khokhrin S.A. Determinant characteristic of criminal behavior of employees of the criminal-executive system. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii = Proceedings of Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service*, 2021, no. 4, pp. 228–233. (In Russ.)
8. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i osobennaya chasti: ucheb.* [Criminal law of Russia. General and special parts: studies]. Ed. by I.M. Matskevich, N.G. Kadnikova. Moscow, 2015. 990 p.
9. On qualification of crimes in the service committed by inspectors of correctional labor institutions and pre-trial detention facilities: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR No. 4. of January 16, 1986. Available at: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-sssr-ot-16011986/?ysclid=ledxd8vmw6387847777> (In Russ.). (Accessed September 1, 2022).
10. Akchurin A.V., Suleimanov T.A. Criminal procedural status of institutions, bodies and officials of the Federal Penitentiary Service of Russia: status and prospects of improvement. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2019, no. 4, pp. 301–306. (In Russ.).
11. Shurukhnov N.G. Procedures for granting the head of a correctional institution the authority to perform urgent investigative actions. In: *Penitentsiarnaya sistema Rossii v sovremennykh usloviyakh razvitiya obshchestva: ot paradigmy nakazaniya k ispravleniyu i vosstanovleniyu: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Vologda, 11 dekabrya 2020 g.). V 3 chastyakh. Chast' 2* [The penitentiary system of Russia in modern conditions of society development: from the paradigm of punishment to correction and restoration. Collection of materials of the international scientific and practical conference (Vologda, December 11, 2020). In 3 parts. Part 2]. Vologda, 2021. Pp. 177–181. (In Russ.).

12. *Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovovno-ispolnitel'noi sistemy. Yanvar'-dekabr' 2021 g.: informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key indicators of the penal system performance. January–December 2021: information and analytics collection]. Tver, 2022.
13. *Ulozhenie o nakazaniyakh "ugolovnykh" i ispravitel'nykh* [Code of Criminal and Correctional Punishments], Saint Petersburg, 1845. 898 p.
14. Tagantsev N.S. *Kurs ugovovnogo prava: Chast' obshchaya. Kn. 1. Vyp. 1–3* [Course of criminal law: General part. Book 1. Issues 1-3]. Saint Petersburg, 1874–1880. Issue 1. 1874. 292 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ШУРУХНОВ – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Калужского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Калуга, Россия, matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

NIKOLAI G. SHURUKHNOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Kaluga Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Kaluga, Russia, matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

Статья получена 05.01.2023

Компаративный анализ процессуальной формы подготовки уголовного дела к судебному разбирательству в странах англосаксонской и континентальной систем права

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛУЦЕНКО

Воронежский государственный аграрный университет, Воронеж, Россия, lawyer.vrn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6838-4846>

Реферат

Введение: статья посвящена исследованию зарубежного опыта правовой регламентации стадии подготовки уголовного дела к судебному заседанию, а также анализу возможности имплементации наиболее эффективных форм судебного контроля за законностью производства предварительного расследования в российское уголовно-процессуальное законодательство. *Цель:* на основе сравнительно-правового анализа регламентации процедуры подготовки дела к судебному заседанию определить пути дальнейшего реформирования этапа предварительного слушания уголовного дела в российском уголовно-процессуальном законодательстве. *Методы:* диалектический метод познания, а также основанные на нем общетеоретические методы: анализ, синтез, индукция, дедукция, восхождение от абстрактного к конкретному и т. д. Обоснованность выводов и рекомендаций, содержащихся в статье, обеспечивается комплексным применением общих и частнонаучных методов: исторического, логического, сравнительно-правового, статистического, социологического и других. *Результаты:* в странах континентальной и англосаксонской систем права при различии форм судебной деятельности по преданию суду в качестве основной задачи, решаемой на данном этапе производства по уголовному делу, законодатель определяет судебную проверку законности производства предварительного расследования, а так же обоснованности предъявленного лицу обвинения. Легализация осуществляется через предмет и пределы контрольной деятельности суда, которые выражаются либо в процессуальной форме предания суду, либо в объеме полномочий суда на данном этапе. *Выводы:* в англо-американской и континентальной системах права имеют место две модели предания суду: 1) органами уголовной юстиции на этапе окончания досудебного производства либо независимым судебным органом, к подсудности которого данное уголовное дело не отнесено. В данной модели законодатель прямо указывает, что прокурорскому либо судебному контролю подлежат законность и обоснованность предъявленного лицу обвинения, а также достаточность доказательств для рассмотрения уголовного дела по существу; 2) судом, уполномоченным на разрешение данного уголовного дела по существу. Следуя принципу независимости и самостоятельности суда при решении вопроса о виновности (невиновности) подсудимого при вынесении итогового судебного решения, законодатель моделирует контрольную судебную деятельность завуалированно, избегая прямого указания на необходимость оценки фактической и процессуальной сторон обвинения на этапе предварительного слушания. Однако названная цель прослеживается в объеме предоставляемых суду полномочий, которые предполагают оценку достаточности подозрения либо достаточности материалов для рассмотрения дела в суде.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; судебный контроль; предварительное слушание; полномочия суда; обвинение; законность; прокурор; сторона защиты.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Луценко П. А. Компаративный анализ процессуальной формы подготовки уголовного дела к судебному разбирательству в странах англосаксонской и континентальной систем права // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 62–71. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.007.

Original article

Comparative Analysis of Criminal Pretrial Procedures in Anglo-Saxon and Continental Legal Systems

PAVEL A. LUTSENKOVoronezh State Agricultural University, Voronezh, Russia, lawyer.vrn@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6838-4846>**Abstract**

Introduction: the article is devoted to the study of foreign experience in the legal regulation of pretrial procedures in criminal cases, as well as the analysis of the possibility of implementing the most effective forms of judicial control over the legality of the preliminary investigation in the Russian criminal procedure legislation. *Purpose:* based on a comparative legal analysis of the regulation of criminal pretrial procedures, to determine ways to further reform the stage of preliminary hearing of a criminal case in the Russian criminal procedure legislation. *Methods:* dialectical method of cognition, as well as general theoretical methods based on it: analysis, synthesis, induction, deduction, ascent from the abstract to the concrete, etc. The validity of the conclusions and recommendations contained in the article is ensured by the complex application of general and private scientific methods: historical, logical, comparative legal, statistical, sociological and others. *Results:* in the continental and Anglo-Saxon systems of law, with the difference in the forms of judicial activity on committal for trial, the legislator determines judicial verification of the legality of the preliminary investigation, as well as the validity of charges against the person, as the main tasks to be solved at this stage of criminal proceedings. Legalization of these tasks is carried out through the subject and limits of the control activity of the court, which are expressed either in the procedural form of trial, or in the scope of the powers of the court at this stage. *Conclusions:* in the Anglo-American and continental legal systems, there are two models of committal for trial: 1) by criminal justice bodies at the stage of completion of pre-trial proceedings, or by an independent judicial body to whose jurisdiction this criminal case is not assigned. In this model, the legislator explicitly states that the legality and validity of charges against a person, as well as the sufficiency of evidence for consideration of the criminal case on the merits, are subject to prosecutorial or judicial control; 2) by the court authorized to resolve the criminal case on the merits. Following the principle of the court's independence when deciding on the guilt (innocence) of the defendant when making the final court decision, the legislator models the control judicial activity in a veiled manner, avoiding direct indication of the need to assess factual and procedural sides of the prosecution at the preliminary hearing stage. However, this goal can be traced in the scope of the powers granted to the court, which presuppose an assessment of the sufficiency of suspicion or materials for consideration of the case in court.

Key words: criminal proceedings; judicial control; preliminary hearing; powers of the court; prosecution; legality; prosecutor; defense party.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Lutsenko P.A. Comparative analysis of criminal pretrial procedures in Anglo-Saxon and continental legal systems. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 62–71. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.007.

Введение

В странах англосаксонской правовой семьи достаточно востребованы суммарные производства по уголовным делам небольшой и средней тяжести, которые не предполагают «утяжеления» процессуальной формы за счет введения дополнительных стадий, включая и этап предания суду. Необходимо подчеркнуть, что предание суду (preliminary inquiry) и подготовительные слушания (preparatory hearings) – две самостоятельные процессуальные процедуры, проводимые судом магистрата и Судом Короны, имеющие специфические задачи [1]. Законодательство

Великобритании предполагает таковое только в Суде Короны по уголовным делам, относящимся к подсудности присяжных заседателей, что возвращает нас к практике российского законодателя после внесения изменений и дополнений в ст. 432 УПК РСФСР (в редакции закона Российской Федерации от 16.07.1993). Отличительной чертой английской модели предания суду является обособление подсудности, обеспечивающее независимый судебный контроль за законностью досудебного производства и обоснованностью предъявленного обвинения. Данный вопрос относится к компетенции суда магистрата, который

не рассматривает уголовное дело по существу, что избавляет Суд Короны от оценки фактических обстоятельств дела до начала судебного разбирательства.

Основная часть

В соответствии с п. 3 (а) ст. 44 Закона об уголовном процессе и расследованиях 1996 г. предание суду осуществляется по правилам предварительного рассмотрения дела, то есть судья магистрата анализирует фактическую и формальную его стороны. Соответствующая процессуальная деятельность заключается в следующем.

Во-первых, судья проверяет достаточность доказательств для рассмотрения уголовного дела в Суде Короны (*prima facie case*), что имеет своей целью исключение необоснованного обвинения в суде. В специальной литературе акцентируется внимание на том, что проверке в данном случае подлежат обвинительные доказательства, которые в своей совокупности иллюстрируют качество работы стороны обвинения в досудебном производстве [2]. *Prima facie case*, что переводится как «доказательства на первый взгляд» или же «достаточные для установления факта или создания предположения» [3, с. 156], в стадии предания суду должны представлять собой установление юридически требуемой опровержимой презумпции совершения преступления конкретным лицом. Дело *prima facie*, проверяемое судьей магистрата, – это фактическое основание для уголовного иска, которое достаточно обосновано доказательствами, чтобы оправдать вердикт в пользу одной стороны при условии, что такие доказательства не опровергнуты другой стороной [4]. При исследовании фактического основания обвинения судья вправе проводить следственно-судебные действия, такие как, например, исследование письменных документов, допрос свидетелей и т. д. Необходимо отметить, что доказательственная деятельность суда магистрата в данной стадии процесса формализована и ограничена определенными пределами. Так, с точки зрения субъектов доказывания на этапе предания суду исследуются только доказательства, собранные стороной обвинения, а с точки зрения источников – письменные показания свидетелей, данные под присягой, и иные документы.

Во-вторых, предание суду имеет целью ознакомление сторон с доводами друг друга, что предполагает не только обязательное участие обвиняемого на данной стадии, но и определение его процессуальной позиции относительно предъявленного обвинения. Стороны отработывают тактику защиты и обвинения и рассматривают возможности и условия использования механизма медиации. Полномочия судьи при проверке достаточности доказательств имеют вектор благоприятствования стороне защиты, что проявляется в следующем правиле: решение о предании суду с учетом достаточности и содержания обвинительных доказательств, а не только их

количественной характеристики принимается в том случае, если обвиняемый не имеет защитника либо если защитник указывает, что имеющихся в деле доказательств недостаточно для констатации наличия *prima facie case*. То есть фактически наличие правового спора о достаточности доказательств для предания суду исключает формальное принятие соответствующего решения судьей.

В-третьих, как и в стадии подготовки дела к судебному разбирательству в российском уголовном процессе, на этапе предания суду определяются подсудность уголовного дела и состав суда, который в определенных случаях зависит от волеизъявления обвиняемого.

Таким образом, процедура предания суду является достаточно сбалансированной с точки зрения проверки законности и обоснованности предъявленного обвинения, достаточности доказательств для рассмотрения дела по существу, но при отсутствии какого бы то ни было влияния на внутреннее убеждение суда, непосредственно принимающего итоговое процессуальное решение.

Иная ситуация складывается при проведении подготовительного слушания (*preparatory hearings*) в Суде Короны. Этот этап также можно определить как субсидиарный, но перечень оснований его проведения является открытым, что оставляет широкое поле для судебной усмотрения. Так, в соответствии со ст. 29 Закона об уголовном судопроизводстве и расследованиях 1996 г. подготовительное слушание по уголовным делам, рассматриваемым как с участием присяжных заседателей, так и в ином составе суда, может быть назначено, если:

- судья Королевского суда, исходя из содержания обвинительного акта, установит, что данное дело имеет особую сложность;
- время приведения присяжных к присяге будет длительным;
- по крайней мере одно из преступлений, инкриминируемых в обвинительном заключении хотя бы одному из обвиняемых, связано с террористической деятельностью.

Полномочия судьи в ходе подготовительного слушания не ограничиваются решением организационных вопросов, поскольку он наделяется правом вынесения решения касательно приемлемости доказательств, прекращения уголовного преследования в отношении лица, а также объединения обвинений, предъявленных одному лицу. На наш взгляд, о том, что суд знакомится с материалами и анализирует фактическую сторону обвинения, свидетельствует и содержание распоряжений, которые он вправе отдать прокурору. В частности, они могут затрагивать подготовку доказательств обвинения в доступной для понимания присяжных заседателей форме, а также предоставление данных доказательств каждому из обвиняемых и суду с отдельным перечнем тех доказательств, на которые распространяется

правило о защите свидетелей (то есть раскрытие информации не представляется возможным), что закреплено в ч. 4 (b, c) ст. 29 Закона об уголовном судопроизводстве и расследованиях 1996 г.

Говоря о проблеме независимости судьи при решении по существу уголовных дел в контексте наличия процедуры подготовительных слушаний, полагаем, что открытый перечень оснований их проведения, а также полномочия, обязывающие судью вникать в фактическую сторону предъявленного обвинения, нивелируют значимость независимого предания суду в судах магистрата.

Специфика федеративного устройства США предопределяет разное отношение законодательства штатов к процедуре предварительного слушания уголовного дела. Так, в одних штатах она проводится по каждому значимому уголовному делу [5], в других – только по инициативе стороны защиты [6], в третьих – по делам о тяжких преступлениях [7, с. 499]. Соответственно различается и подсудность. По общему правилу предварительное слушание проводится судом магистрата, но может входить и в компетенцию судов другого уровня, например мировых или местных, судей Верховного Суда штата и т. д. Модель предания суду по своему содержанию сходна с описанной выше английской, поэтому позволим себе выделить лишь несколько особенностей, общих для законодательств различных штатов.

Во-первых, в отличие от английской модели, предание суду начинается с регистрации обвинительного документа у судьи, который наделен полномочиями по вызову должностного лица, инициатора судебного уголовного преследования, истребованию дополнительных материалов, вызову стороны защиты, решению вопроса о мере пресечения. Во-вторых, проводится закрытое судебное заседание с участием сторон по предварительному рассмотрению дела и изучению достаточности доказательств, собранных стороной обвинения. В ходе такого заседания возможны производство допросов обвиняемого и свидетелей, исследование документов и принятие в результате решения о дальнейшем движении уголовного дела либо его прекращении. Описанный механизм характеризуется как предъявление обвинения, поскольку судья анализирует совокупность обвинительных доказательств и их достаточность для предания лица суду. В-третьих, существенные различия имеет процедура предания суду в зависимости от того, кто являлся ее инициатором. Так, если уголовный иск инициирован жалобой потерпевшего либо информацией, поступившей от полиции, то решение судьи магистрата является окончательным. Если же уголовное дело поступило от прокурора с обвинительным актом, то окончательное решение о предании суду принимается большим жюри присяжных. При этом регламент заседания большого жюри не предполагает состязательного начала, поскольку

в закрытом заседании участвует только прокурор, а исследованию подлежат лишь представленные им доказательства. Перед большим жюри присяжных ставится единственный вопрос – об утверждении обвинительного акта [8, с. 134]. В-четвертых, в ходе подготовительного слушания осуществляется ознакомление сторон с доказательствами процессуального оппонента. Результатом этого процессуального действия может стать заявление стороной защиты ходатайства о признании совокупности доказательств стороны обвинения недостаточной для рассмотрения уголовного дела по существу, а также ходатайства о признании недопустимыми тех доказательств, которые были получены с нарушением прав обвиняемого.

Анализ литературы по вопросу позволяет констатировать неоднозначность отношения российских ученых-процессуалистов к англо-американской модели предварительного слушания. Так, некоторые специалисты отмечают ее достоинство в части разделения подсудности [9; 10], но, как мы уже говорили, предание суду и подготовительное заседание в обеих моделях проводятся различными судьями, при этом в последнем случае, как и в российской модели, судья, в компетенцию которого входит рассмотрение уголовного дела по существу, не остается нейтральным к предварительному анализу собранных доказательств. Несомненным преимуществом, на наш взгляд, является отсутствие объемного и затратного во временном и финансовом отношении судебного следствия, поскольку через сито судебного контроля проходит большое количество уголовных дел с недостаточным для рассмотрения по существу доказательственным материалом, что исключает необходимость собирания доказательств уже в судебной стадии, не ставит перед судом вопрос об откладывании судебного заседания. Кроме того, как справедливо отмечает Т. К. Рябинина, прекращение уголовного дела на этапе подготовки к судебному заседанию не воспринимается стороной обвинения как брак в собственной работе, а судебные решения, не связанные с назначением судебного заседания, не оцениваются как необоснованные, преждевременные и свидетельствующие о предубежденности судей, поскольку суд не должен на данном этапе вникать в суть обвинения [11].

В странах континентальной системы права законодательный подход к регламентации стадии предания суду кардинально отличается от реализуемого в Великобритании и США. Наиболее иллюстративны в этом смысле уголовно-процессуальные формы, предусмотренные законодательством Франции и Германии. Остановимся на них более подробно.

Так, в соответствии со ст. 175–179 УПК Франции 1958 г. [12] предание суду не образует самостоятельной стадии уголовного процесса, а является формой окончания предварительного расследования. Процессуальные действия на данном этапе осу-

ществляются следственным судьей под контролем прокурора. Признав следствие оконченным, следственный судья уведомляет об этом сторону защиты и передает уголовное дело прокурору, который в течение одного месяца, если обвиняемый содержится под стражей, либо трех месяцев в остальных случаях изучает материалы уголовного дела на предмет законности и обоснованности предъявленного обвинения, полноты проведенного расследования и выносит одно из следующих решений: о прекращении уголовного дела, направлении дела на дополнительное расследование, направлении дела в суд. В 2019 г. в ст. 175.1 УПК Франции были внесены поправки, предоставляющие стороне защиты право ходатайствовать перед прокурором о направлении уголовного дела на дополнительное расследование с указанием процессуальных действий, которые, по ее мнению, должны быть проведены следственным судьей [13].

Во исполнение требования о разумном сроке уголовного судопроизводства, лицу, которому предъявлено обвинение, свидетелю, которому оказана помощь, или гражданскому истцу предоставлено право по истечении срока, установленного для производства расследования, обратиться к следственному судье с ходатайством о вынесении решения о предъявлении обвинения и передаче дела в суд либо прекращении уголовного дела. Аналогичное ходатайство может быть подано, если в течение четырех месяцев по уголовному делу не проводится никаких следственных действий.

Заметим, что указания прокурора о производстве дополнительного расследования либо прекращении уголовного дела не являются окончательными и могут быть обжалованы следственным судьей в следственную камеру апелляционного суда, которая имеет полномочие принять уголовное дело к своему производству и вынести окончательное решение о предании обвиняемого суду либо прекращении в отношении него уголовного преследования (ст. 229.1, 230 УПК Франции).

Если согласовано решение о дальнейшем движении уголовного дела, то следственный судья вправе вынести постановление о предании суду, в случае когда уголовное дело относится к подсудности суда ассизов. Отличительной особенностью акта предания суду является обязательное требование об аргументации причин, по которым следственный судья пришел к выводу о наличии достаточных доказательств виновности лица в инкриминируемом ему деянии, но сами доказательства, собранные стороной обвинения, в этом документе не приводятся.

Интересна процедура подготовки дела к судебному заседанию. Так, на основании закона № 2002-1138 от 09.09.2002 отменено действие ст. 268 УПК Франции, налагавшей на судью обязанность вручения постановления о предъявлении обвинения при поступлении уголовного дела в суд, что связано с вы-

шеупомянутым порядком окончания предварительного расследования. Уже в 2021 г. была введена в действие ст. 222.1 УПК Франции, в соответствии с которой ходатайство обвиняемого о нарушении его права знать, в чем он обвиняется (неинформирование о возбуждении уголовного дела, невручение постановления о предъявлении обвинения), направляется председателю следственной палаты, которая, как уже было отмечено, является органом процессуального контроля за деятельностью следственного судьи. Данное ходатайство может быть подано в том числе и после вступления постановления о предъявлении обвинения в законную силу [14]. Таким образом, законодатель исключил полномочия суда, принявшего уголовное дело к своему производству, по контролю за соблюдением прав и законных интересов обвиняемого на этапе предварительного расследования. Полагаем, что действующая в настоящее время модель предания суду с возложением данной функции на сторону обвинения в лице следственного судьи и прокурора в наибольшей степени ограждает суд от участия в исследовании фактических обстоятельств уголовного дела до начала его рассмотрения по существу.

Наиболее близка к российской процедуре подготовка дела к судебному заседанию, предусмотренная УПК ФРГ 1987 г. Данная стадия относится к числу основных, характеризуется как «подготовительное судебное заседание» и обязательна по всем уголовным делам независимо от тяжести вменяемого лицу деяния, а также подсудности дела. В связи с последней варьируется состав суда, уполномоченного на принятие решения о назначении судебного заседания:

- единолично судья, если дело отнесено к подсудности местного суда;
- коллегия из трех судей, если дело отнесено к подсудности большой палаты земельного суда;
- сенат в составе пяти судей, если дело отнесено к подсудности высшего земельного суда (ст. 24, 73, 129 Федерального закона о судостроительстве 1975 г. [15]).

В соответствии со ст. 203 УПК ФРГ предметом судебной проверки является обоснованность предъявленного обвинения, что формулируется следующим образом: «Суд принимает решение об открытии основного производства, если по результатам предварительного производства лицо, обвиняемое в совершении преступления, выглядит достаточно подозрительным» [16]. Немецким юридическим сообществом приведенная формулировка подвергается достаточно жесткой критике по тем же основаниям, что и в доктрине российского уголовного процесса. Так, указывается на необходимость предварительной оценки судом фактов и доказательств, имеющих в материалах дела, в соответствии с которой именно судебная власть должна прийти к выводу о том, что осуждение обвиняемого более вероятно,

нежели оправдательный приговор [17, с. 392]. Предлагается изменить предмет судебного контроля на этапе предварительного слушания, возложив прогнозные оценки доказательственного материала с точки зрения опровержения презумпции невиновности на прокуратуру [18, с. 179], как это сделано в описанной выше французской модели.

Законодатель Германии, равно как и законодатель Российской Федерации, постоянно совершенствует процедуру предания суду, стремясь минимизировать вторжение суда в область доказанности (недоказанности) обвинения на данном этапе. Однако исследование содержательной стороны судебного контроля, а также итоговых процессуальных решений, которые могут быть приняты судом до начала основного судебного разбирательства, позволяет констатировать, что конструирование такой модели еще далеко от завершения. В частности, суд уполномочен изучить содержание обвинительного заключения и оценить основные результаты расследования, а при возникновении сомнений в их законности и обоснованности обвинения – прекратить уголовное дело (ч. 2 ст. 200 УПК ФРГ). Более того, в 2021 г. в указанную норму были внесены изменения, расширившие границы судебного контроля, поскольку при возникновении сомнений в достаточности доказательств либо наличии соответствующего ходатайства стороны защиты суд вправе принять решение о собирании новых доказательств до начала основного судебного разбирательства «для лучшего выяснения сути дела» [19], причем такое решение обжалованию не подлежит. На наш взгляд, об обязанности изучения и оценки фактической и юридической сторон предъявленного обвинения свидетельствует и требование о том, что решение суда о прекращении уголовного дела должно содержать соответствующие основания, следующие из материалов уголовного дела (ст. 204 УПК ФРГ). Однако законодатель акцентирует внимание на беспристрастности суда при принятии решений об открытии основного слушания, прекращении или приостановлении производства по делу, указывая, что ни в одном из вышеперечисленных случаев суд не связан мнением прокуратуры (ст. 206 УПК ФРГ).

В специальной литературе отмечается, что само содержание решения о назначении основного слушания уголовного дела (ст. 207 УПК ФРГ) характеризует деятельность по судебному контролю как «оценку достаточности подозрения по объему доказательственного материала, а также по его содержанию» [20, с. 28]. Так, описательно-мотивировочная часть названного процессуального акта должна содержать сведения о том, с какими изменениями суд допускает обвинение к основному слушанию: предъявлено обвинение в совершении нескольких преступлений и по отдельным эпизодам уголовное преследование было прекращено; лицу инкриминируется деяние, по квалифицирующим признакам отличное

от описанного в обвинительном заключении. Если суд на этапе предварительного слушания перекалифицировал действия лица, то на прокурора возлагается обязанность представить новое обвинительное заключение, соответствующее постановлению суда (ч. 3 ст. 207 УПК ФРГ).

Следует отметить, что эффективность судебной деятельности в стадии предварительного слушания подвергается вполне обоснованной критике, которая при обобщении различных научных позиций сводится к двум основным проблемам: формализму судебного контроля, а также его воздействию на внутреннее убеждение судьи в предварительном и основном судебном разбирательстве.

Общим местом в характеристике контрольной функции суда является тезис о том, что предварительное слушание практически не выполняет своих задач, поскольку глубокое судебное расследование результатов деятельности стороны обвинения в подавляющем большинстве случаев не проводится [21, с. 4]. О справедливости данного тезиса свидетельствуют и статистические данные, согласно которым в немецких судах в 99 % случаев по результатам предварительного слушания выносятся постановления о назначении основного судебного заседания [22, с. 163]. Нельзя, на наш взгляд, объяснить такой результат только качеством работы органов прокуратуры, которую мы не ставим под сомнение, однако, по утверждению самих судей, «эффект фильтрации» отсутствует, поскольку по подавляющему большинству уголовных дел, поступающих, например, в окружные суды, процедура получения доказательств практически никогда не проводится, а деятельность сводится к заполнению требуемой для начала основного судебного разбирательства формы [23, с. 330]. Полагаем, что сказанное в полной мере может быть отнесено и к российским судам, где еще добавляется немаловажный фактор, связанный с чрезмерной загруженностью системы, необходимостью соблюдать установленные для начала судебного заседания сроки, а также тем фактом, что все обстоятельства, касающиеся исследования доказательств, собранных по делу, устанавливаются в ходе судебного следствия, которое само по себе является затратным с временной точки зрения этапом.

Самостоятельную проблему как для российского, так и для немецкого уголовного процесса формирует тот факт, что предварительное слушание проводится тем же судьей, который будет рассматривать уголовное дело по существу. Такие процедурные правила, несмотря на их практическую обоснованность, не могут уберечь судейское сообщество от упреков в предвзятости, в основе которой лежит уже сложившееся у судьи по итогам предварительного слушания мнение как о личности обвиняемого, так и об обоснованности заявленного уголовного иска. В связи с этим интересны результаты эмпирических исследований,

проведенных с использованием метода компьютерного процессуального моделирования, которые показали, что судьи в подавляющем большинстве стремились подтвердить гипотезы, ранее выдвинутые на основе обвинительного заключения, ограничиваясь в основном судебном разбирательстве констатацией уже установленных фактов [24, с. 297]. В качестве контраргумента можно привести довод о том, что ни в соответствии с положениями ст. 204 УПК ФРГ, ни в соответствии с правилами, предусмотренными ст. 229 и гл. 34 УПК РФ, судье не вменяются в обязанность доскональное изучение, анализ и оценка обвинительного заключения. И в силу этого возникает некий дуализм в оценке значимости предварительного слушания, когда объем и совокупность полномочий судьи, а также их фактическая реализация, с одной стороны, урезают процессуальные гарантии права на защиту и нивелируют режим «оберегания» обвиняемого от несправедливого привлечения к судебному процессу в качестве подсудимого, а с другой – не допускают эмоциональной фиксации судьи на гипотезах обвинения, наличие которой, как мы уже отметили, было установлено эмпирическим путем. Следуя логике немецкого законодателя, вынесение постановления о назначении основного судебного разбирательства является публично выраженным согласием судьи с наличием обоснованного и достаточного подозрения в тех материалах, которые поступили от прокурора, что предполагает высокую вероятность постановления обвинительного приговора, как того требуют предписания ст. 203 УПК ФРГ. Данное обстоятельство девальвирует правозащитную значимость механизма предварительного слушания [25, с. 211].

Как в западной, так и в российской юридической науке высказывается мнение о необходимости упразднения института предварительного слушания, то есть фактически ликвидации судебного контроля за результатами предварительного расследования. Думается, что такая позиция излишне категорична. Так, например, в уголовном процессе ФРГ общие подготовительные действия вплетены в структуру предварительного слушания, в ходе которого решаются процессуальные вопросы, необходимые для рассмотрения дела по существу (например, подсудность, предмет судебного разбирательства). Также судья решает целый комплекс организационных вопросов, касающихся непосредственно подготовки будущего судебного процесса, которые не могут быть перенесены, скажем, в подготовительную часть основного судебного разбирательства. С учетом того факта, что подавляющее большинство уголовных дел расследуется органами полиции, при упразднении промежуточного этапа судопроизводства от качества их работы будет зависеть, состоится ли судебное разбирательство. Исторически в те периоды, когда государство хочет повысить значимость органов прокуратуры (либо

в целом обвинительной власти, как это было в России прошлого столетия) либо превалирует тенденция к упрощению (ускорению) судопроизводства, законодатель упраздняет этап предварительного слушания либо до минимума сокращает полномочия в рамках функции судебного контроля [26, с. 40; 27, с. 911].

Заключение

Сравнительно-правовой анализ механизма предания суду в законодательстве отдельных стран позволяет констатировать, что за исключением некоторых нюансов, обусловленных сложившимися правовыми традициями, в англо-американской и континентальной системах права имеют место две модели предания суду:

- органами уголовной юстиции на этапе окончания досудебного производства либо независимым судебным органом, к подсудности которого данное уголовное дело не отнесено;
- судом, уполномоченным на разрешение данного уголовного дела по существу.

При регламентации первой из названных моделей законодатель прямо указывает, что прокурорскому либо судебному контролю подлежат законность и обоснованность предъявленного лицу обвинения, а также достаточность доказательств для рассмотрения уголовного дела по существу. Во втором случае, следуя принципу независимости и самостоятельности суда при решении вопроса о виновности (невиновности) подсудимого при вынесении итогового судебного решения, законодатель моделирует контрольную судебную деятельность завуалированно, избегая прямого указания на необходимость оценки фактической и процессуальной сторон обвинения на этапе предварительного слушания. Однако названная цель прослеживается в объеме предоставляемых суду полномочий, которые предполагают оценку достаточности подозрения либо достаточности материалов для рассмотрения дела в суде. Если в первой из названных моделей юридически и психологически суд остается независимым при принятии решения по уголовному делу, то во второй он связан собственным решением о предании суду, которое было основано на предварительной оценке поступивших материалов уголовного дела.

Поиск оптимальной модели предварительного слушания на законодательном уровне не завершен. Анализ изменений и дополнений, вносимых, например, в законодательство ФРГ, позволяет утверждать, что имеют место следующие тенденции:

- стадия предварительного слушания сохраняется в окружных и верховных судах по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, в судах первого звена судебной системы разбирательство дела упрощается и ускоряется, в том числе за счет применения примирительных процедур;
- детализируются формы судебного контроля за качеством предварительного расследования, в чис-

ле которых особо необходимо упомянуть приглашение обвиняемого в суд для допроса и заслушивания обвинительного заключения с предоставлением ему возможности ходатайствовать о приобщении к делу новых доказательств;

– на уровне законодательной инициативы активно обсуждается вопрос о внесении изменений, касающихся правил подсудности, в соответствии с которыми судья, проводивший предварительное слушание, не сможет участвовать в основном слушании уголовного дела.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бурмагин С. В. Статус и деятельность суда в уголовном процессе. М., 2016. 304 с.
2. Larson A. Criminal charges: how are crimes prosecuted. URL: https://www.expertlaw.com/library/criminal/criminal_law.html (дата обращения: 17.11.2022).
3. Бучакова Н. А. Судебный контроль: некоторые теоретические подходы // Вестник Омского университета. 2017. № 1. С. 156–161.
4. Herlitz G. N. The Meaning of the Term «Prima Facie» // Louisiana Law Review. 1994. Vol. 55, no. 2. Pp. 394–397.
5. Rule 542. Preliminary Hearing; Continuances. URL: <https://www.pacodeandbulletin.gov/Display/pacode?file=/secure/pacode/data/234/234toc.html&d=reduce> (дата обращения: 18.11.2022).
6. Alabama Rules of Criminal Procedure. Rule 5: Preliminary Hearing Alabama Judicial System. URL: https://judicial.alabama.gov/library/rules/cr5_1.pdf (дата обращения: 16.11.2022).
7. Arenella P. Reforming the Federal Grand Jury and the State Preliminary Hearing to Prevent Conviction Without Adjudication // Michigan Law Review. 1980. Vol. 78, no 4. Pp. 465–580. URL: <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3730&context=mlr> (дата обращения: 16.11.2022).
8. Davis A. Arbitrary Justice: The Power of the American Prosecutor. New York, 2007. 264 p.
9. Хорьяков С. Н., Гордеев А. Ю. Процессуальные особенности проведения предварительного слушания в уголовном судопроизводстве // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 2. С. 11–18.
10. Юнусов А. А. Особенности подготовки уголовного дела к судебному разбирательству в странах англосаксонской и континентальной системы права // Актуальные проблемы экономики и права. 2007. № 1. С. 186.
11. Рябина Т. К. Предание суду в уголовном судопроизводстве некоторых зарубежных стран англосаксонской правовой системы // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 1. С. 20–23.
12. Code de procédure pénale. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154/2022-09-15/ (дата обращения: 16.11.2022).
13. LOI № 2019-222 du 23 mars 2019 de programmation 2018-2022 et de réforme pour la justice. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGIARTI000038262678/2019-03-25/> (дата обращения: 17.11.2022).
14. LOI № 2021-1729 du 22 décembre 2021 pour la confiance dans l'institution judiciaire. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGIARTI000044549007/2021-12-24/> (дата обращения: 17.11.2022).
15. Gerichtsverfassungsgesetz In der Fassung der Bekanntmachung vom 09.05.1975. URL: <https://dejure.org/gesetze/GVG> (дата обращения: 17.11.2022).
16. Bundesrepublik Deutschland Strafprozeßordnung. URL: <https://dejure.org/gesetze/StPO/203.html> (дата обращения: 16.11.2022).
17. Шнайдер Д. И. Понятие, сущность и значение судебного контроля в уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. 2020. № 19 (309). С. 392–394.
18. Проблемы развития процессуального права России : моногр. / под ред. В. М. Жуйкова. М., 2016. 224 с.
19. Gesetz zur Fortentwicklung der Strafprozessordnung und zur Änderung weiterer Vorschriften vom 25.06.2021. URL: https://dejure.org/BGBl/2021/BGBl_I_S_2099 (дата обращения: 17.11.2022).
20. Марасанов П. Н. Заочное рассмотрение дел в уголовном судопроизводстве: кризис правового регулирования // Российский судья. 2010. № 7. С. 27–33.
21. Ernst Ch. Das Gerichtliche Zwischenverfahren nach Anklageerhebung. Bern, 1986. 247 p.
22. Loritz H. Kritische Betrachtungen Zum Wert Des Strafprozessualen Zwischenverfahrens. Bern, 2016. 173 p.
23. Vormbaum M. Effektive Kontrolle oder überflüssige Schreiarbeit? Kritik des strafprozessualen Zwischenverfahrens und Möglichkeiten seiner Reform // Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik. 2015. № 8. Pp. 328–335.
24. Marxen K. Straftatsystem und Strafprozess. Berlin, 2013. 312 p.
25. Давлетов А. А. Уголовное судопроизводство Российской Федерации : курс лекций. 4-е изд. Екатеринбург, 2017. 347 с.
26. Кальницкий В. В. Понятие и значение стадии назначения и подготовки судебного разбирательства в уголовном процессе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 4 (67). С. 34–40.
27. Курс уголовного процесса / под ред. д-ра юрид наук, проф. Л. В. Головки. 2-е изд., испр. М., 2017. 1280 с.

REFERENCES

1. Burmagin S.V. *Status i deyatel'nost' suda v ugolovnom protsesse* [Status and activity of the court in criminal proceedings]. Moscow, 2016. 304 p.
2. Larson A. Criminal charges: how are crimes prosecuted. Available at: https://www.expertlaw.com/library/criminal/criminal_law.html (accessed November 17, 2022).
3. Buchakova N.A. Judicial review: some theoretical approaches. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University*, 2017, no. 1, pp. 156–161. (In Russ.).
4. Herlitz G.N. The meaning of the term “prima facie”. *Louisiana Law Review*, 1994, vol. 55, no. 2, pp. 394–397.
5. *Rule 542. Preliminary Hearing. Continuances*. Available at: <https://www.pacodeandbulletin.gov/Display/pacode?file=/secure/pacode/data/234/234toc.html&d=reduce> (accessed November 18, 2022).
6. *Alabama Rules of Criminal Procedure. Rule 5: Preliminary Hearing Alabama Judicial System*. Available at: https://judicial.alabama.gov/library/rules/cr5_1.pdf (accessed November 16, 2022).
7. Arenella P. Reforming the Federal Grand Jury and the state preliminary hearing to prevent conviction without adjudication. *Michigan Law Review*, 1980, vol. 78, no 4, pp. 465–580. Available at: <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3730&context=mlr> (accessed November 16, 2022).
8. Davis A. *Arbitrary justice: the power of the American prosecutor*. New York, 2007. 264 p.
9. Khor'yakov S.N., Gordeev A.Yu. Procedural features of conducting a preliminary hearing in criminal proceedings. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti = Problems of Law Enforcement Activity*, 2020, no. 2, pp 11–18. (In Russ.).
10. Yunusov A.A. Features of the preparation of a criminal case for trial in the countries of the Anglo-Saxon and continental systems of law. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Russian Journal of Economics and Law*, 2007, no. 1, p. 186. (In Russ.).
11. Ryabinina T.K. Committal for trial in the criminal proceedings of some foreign countries of the Anglo-Saxon legal system. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*, 2018, no. 1, pp. 20–23. (In Russ.).
12. Code de procédure pénale. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154/2022-09-15/ (In French). (Accessed November 16, 2022).
13. LOI No. 2019-222 du 23 mars 2019 de programmation 2018–2022 et de réforme pour la justice. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGIARTI000038262678/2019-03-25/> (In French). (Accessed November 17, 2022).
14. LOI No. 2021-1729 du 22 décembre 2021 pour la confiance dans l'institution judiciaire. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGIARTI000044549007/2021-12-24/> (In French). (Accessed November 17, 2022).
15. *Gerichtsverfassungsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom May 9, 1975*. Available at: <https://dejure.org/gesetze/GVG> (accessed November 17, 2022).
16. *Bundesrepublik Deutschland Strafprozeßordnung*. Available at: <https://dejure.org/gesetze/StPO/203.html> (accessed November 16, 2022).
17. Shnaider D.I. The concept, essence and meaning of judicial control in criminal proceedings. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2020, no. 19 (309), pp. 392–394.
18. *Problemy razvitiya protsessual'nogo prava Rossii: monogr.* [Problems of procedural law development in Russia: monograph]. Ed. by Zhuikov V.M. Moscow, 2016. 224 p.
19. *Gesetz zur Fortentwicklung der Strafprozessordnung und zur Änderung weiterer Vorschriften vom June 25, 2021*. Available at: https://dejure.org/BGBl/2021/BGBl._I_S._2099 (accessed November 17, 2022).
20. Marasanov P.N. Correspondence consideration of cases in criminal court proceedings: crisis of legal regulation. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2010, no. 7, pp. 27–33.
21. Ernst Ch. *Das Gerichtliche Zwischenverfahren nach Anklageerhebung*. Bern, 1986. 247 p.
22. Loritz H. *Kritische Betrachtungen Zum Wert des Strafprozessualen Zwischenverfahrens*. Bern, 2016. 173 p.
23. Vormbaum M. Effektive Kontrolle oder überflüssige Schreibaarbeit? Kritik des strafprozessualen Zwischenverfahrens und Möglichkeiten seiner Reform. *Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik*, 2015, no. 8, pp. 328–335. (In German)
24. Marxen K. *Straftatsystem und Strafprozess*. Berlin, 2013. 312 p.
25. Davletov A.A. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossiiskoi Federatsii: kurs lektsii* [Criminal proceedings of the Russian Federation: course of lectures]. Ekaterinburg, 2017. 347 p.
26. Kal'nitskii V.V. The concept and meaning of stage of appointment and preparation of trial in criminal procedure. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2017, no. 4 (67), pp. 34–40.
27. *Kurs ugolovnogo protsessa* [The course of criminal procedure]. Ed. by. Golovko L.V. Moscow, 2017. 1280 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛУЦЕНКО – кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана гуманитарно-правового факультета Воронежского государственного аграрного университета, Воронеж, Россия, lawyer.vrn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6838-4846>

PAVEL A. LUTSENKO – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Dean of the Faculty of Humanities and Law of the Voronezh State Agricultural University, Voronezh, Russia, lawyer.vrn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6838-4846>

Статья поступила 30.11.2022

К вопросу о правовом регулировании государственной службы иных видов в системе государственной службы Российской Федерации

ЭДУАРД СЕРГЕЕВИЧ КАРПОВ

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия, esk33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0787-6307>

Реферат

Введение: статья посвящена анализу государственной службы иных видов, введенной законодателем вместо правоохранительной службы в 2015 г., в системе государственной службы Российской Федерации. К государственной службе иных видов в настоящее время относятся служба в органах внутренних дел Российской Федерации, служба в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, служба в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, служба в таможенных органах, служба в органах принудительного исполнения Российской Федерации, служба в Следственном комитете Российской Федерации, служба в органах и организациях прокуратуры. *Цель:* на основе анализа действующего законодательства и научной литературы определить перспективы объединения государственной службы иных видов в единую правоохранительную службу и предложить концепцию ее правового регулирования. *Методы:* общенаучные и специальные методы, в том числе сравнительно-правовой, системный и логический, анализа и синтеза, исторический. *Результаты:* анализ отечественного законодательства, регламентирующего государственную службу иных видов, показал, что перед научной общественностью и законодателем следует вновь поставить вопрос об объединении всех названных иных видов государственной службы в единый вид. Это обусловливается наличием большого количества объединяющих признаков у всех иных видов государственной службы, совпадением в значительной части положений федеральных законов, регулирующих отдельные виды государственной службы иных видов, успешным действием федеральных законов, распространяющихся на несколько видов государственной службы. *Выводы:* в настоящее время нет никаких препятствий к объединению всех иных видов государственной службы в такой единый вид, как правоохранительная служба, и принятию двух федеральных законов: одного – регулирующего порядок прохождения государственной правоохранительной службы данного вида; второго – о социальных гарантиях государственных служащих правоохранительной службы.

Ключевые слова: система государственной службы; государственная служба иных видов; правоохранительная служба; государственный служащий.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Подготовлено при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

Для цитирования: Карпов Э. С. К вопросу о правовом регулировании государственной службы иных видов в системе государственной службы Российской Федерации // Пени-тенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 72–81. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.008.

Original article

On the Issue of Legal Regulation of Public Service of Other Types in the Russian Public Service System

EDUARD S. KARPOV

All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russia, esk33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0787-6307>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the analysis of public service of other types in the system of public service of the Russian Federation, introduced by the legislator instead of law enforcement service in 2015. Other types of public service currently include service in the internal affairs bodies of the Russian Federation, service in the Federal Fire Service of the State Fire Service, service in the Penitentiary System of the Russian Federation, service in customs authorities, service in enforcement bodies of the Russian Federation, service in the Investigative Committee of the Russian Federation, service in bodies and organizations of the Prosecutor's Office. *Purpose:* based on the analysis of the current legislation and scientific literature, to determine prospects for combining other types of public service into a single law enforcement service and propose a concept of its legal regulation. *Methods:* general scientific and special methods, including comparative legal, systematic and logical, analysis and synthesis, historical. *Results:* the analysis of domestic legislation regulating other types of public service shows that the scientific community and the legislator should again raise the issue of combining all these other types of public service into a single type, since there is a large number of unifying features of all other types of public service; a significant part of the federal law provisions of regulating certain types of public service of other types coincide; there are federal laws that apply to several types of public service. *Conclusions:* at present there are no obstacles to the unification of all other types of public service into a single type (law enforcement service) and adoption of two federal laws: one regulating the service procedure and another on social guarantees of civil servants of law enforcement service.

Keywords: public service system; other types of public service; law enforcement service; civil servant.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

Prepared with the information support of the SPS ConsultantPlus.

For citation: Karpov E.S. On the issue of legal regulation of public service of other types in the Russian public service system. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 72–81. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.008.

Введение

Государственное управление на современном этапе является сложной социально-правовой категорией, включающей в себя самые разные общественные отношения, в том числе направленные на поддержание сложившегося правопорядка, укрепление законности, обеспечение безопасности. Центральное место в обеспечении реализации перечисленных функций государственного управления отводится специализированным правоохранительным органам, а также их должностным лицам. Правоохранительная деятельность должна осуществляться квалифицированными и профессионально подготовленными сотрудниками правоохранительных органов, а правовое регулирование государственной службы в них обязано отвечать современным требованиям формирования и развития демократического государства [1]. Совершенствование государственного управления в настоящее время обречено на провал, если не будет обращено должного внимания на повышение эффективности профессиональной деятельности госслужащих, что, в свою очередь, невозможно реализовать без построения единой системы государственной службы. Стоит подчеркнуть, что одним из основополагающих принципов построения системы государственной службы, закрепленных в ч. 1 ст. 3 федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 58-ФЗ), является принцип единства организационных и правовых основ государственной службы. Он предусматривает необходимость обеспечения единообразного подхода к построению, организации и правовому регулированию госслуж-

бы. На наш взгляд, задача обеспечения единства государственной службы на сегодня остается нерешенной, что сказывается на эффективности функционирования государственного аппарата в России.

Государственная служба иных видов в системе государственной службы Российской Федерации

Самым первым законом, принятым в современной России в отношении госслужбы, заложившим основы ее правового регулирования и построения, стал федеральный закон «Об основах государственной службы Российской Федерации» 1995 г. Построение же комплексной современной системы государственной службы, по сути, началась в 2003 г. с принятием Федерального закона № 58-ФЗ, в котором были установлены три отдельных вида государственной службы: государственная гражданская служба, военная служба и правоохранительная служба. Часть 2 ст. 3 этого закона закрепляла необходимость наличия отдельных федеральных законов о каждом виде государственной службы. В ч. 1 ст. 19 Федерального закона № 58-ФЗ было зафиксировано, что определение правоохранительной службы как одного из видов федеральной государственной службы будет применяться только со дня принятия и вступления в силу соответствующего федерального закона о правоохранительной службе (на данный момент эта норма отменена).

В силу этого, по первоначальному замыслу законодателя, имеющаяся система правового регулирования госслужбы в нашем государстве должна была бы включать в себя основополагающий базовый закон, обозначающий основные положения, касающиеся системы службы в целом (его роль отведена Фе-

деральному закону № 58-ФЗ), и федеральные законы об имеющихся отдельных видах госслужбы: гражданской, военной и правоохранительной. Полагаем, что воплощение указанной идеи в жизнь оказало бы положительное влияние на обеспечение целостности и единства государственной службы в нашей стране, а также на состояние ее правового регулирования.

Как отдельный нормативный акт, регулирующий один из видов госслужбы, в 2004 г. был принят федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 79-ФЗ). Прохождение военной службы и другие вопросы, связанные с ней, регулируются федеральным законом № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». Так и оставалась нерешенной задача по созданию закона, регулирующего порядок прохождения правоохранительной службы и закрепляющего правовой статус ее служащих. Изначально разработка указанного закона была поручена МВД России. Но, как пишет А. А. Гришковец, работа над законопроектом проводилась в закрытом порядке. Хотя какие-нибудь публичные обсуждения, на которые были бы приглашены ученые, специалисты-практики, представители экспертного сообщества, ни разу не проводились. Возможности ознакомиться с законопроектом разработчики заинтересованным лицам не предоставили. Разработка длилась достаточно долго [2], но в итоге так и не была завершена.

Вместо этого законодатель принял федеральный закон № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 342-ФЗ). Так как Федеральный закон № 58-ФЗ все еще предусматривал необходимость регулирования правоохранительной службы отдельным законом, принятие федерального закона, регулирующего службу в органах внутренних дел, при отсутствии закона о правоохранительной службе выглядело нелогичным. По-видимому, к этому времени у законодателя уже появилось понимание того факта, что самостоятельной правоохранительной службы в итоге не будет [3].

Таким образом, построение единой системы государственной службы так и не было завершено. Федеральный закон от 13.07.2015 № 262-ФЗ термин «правоохранительная служба» из действующего законодательства вообще исключил, взамен его появилось сочетание «государственная служба иных видов». Государственная Дума Российской Федерации в разъяснении от 06.07.2016 отмечала, что одной из причин этого стало отсутствие в действующем законодательстве единообразного определения понятия «правоохранительный орган», критериев и признаков, которым правоохранительные органы должны соответствовать, перечня правоохранительных органов. Кроме того, был учтен зарубежный опыт, который также формируется в основном путем издания отдельных законов по имеющимся направлениям правоохранительной службы [4]. В ходе обсуждения проекта федерального закона до депутатов доводилась

информация о том, что «была сформулирована задача дифференциации статуса правоохранительной службы, выделение как бы подстатусов под различные виды государственной службы... дифференциации, чтобы выделить особенности, которые свойственны каждому виду правоохранительной службы» [5].

В итоге исключение из законодательства правоохранительной службы как самостоятельного вида государственной службы привело к разделению ученых, исследующих данную проблематику, на сторонников и противников указанного решения. Как полагает А. А. Гришковец, попытка привести определение и закрепить в законодательстве единое универсальное понятие «правоохранительная служба» не выглядит практически оправданной и не приведет к улучшению правового регулирования прохождения государственной службы в соответствующих правоохранительных органах [2]. В противовес ему Р. В. Нагорных приходит к выводу о том, что служба в правоохранительных органах по своей сущности представляет из себя самостоятельный вид, вследствие чего ее следует закрепить в законодательстве наряду с военной и гражданской [6, с. 17]. Аналогичного мнения придерживаются А. В. Ольшевский и Е. Д. Заяев [7]. С. Е. Чаннов пишет, что «точку в истории существования правоохранительной службы как особого вида государственной службы Российской Федерации ставить пока еще рано» [3]. По мнению В. А. Козбаненко, названные законодательством иные виды государственной службы являются самостоятельным видом федеральной государственной службы, связанным с осуществлением правоохранительной деятельности [8].

Соглашаясь с исследователями, обосновывающими необходимость существования правоохранительной службы как отдельного вида федеральной государственной службы, и при этом не вступая в дискуссию о ее наименовании, отметим следующее.

Закрепленный в Федеральном законе № 58-ФЗ термин «государственная служба иных видов» дальнейшего своего раскрытия в законодательстве не получил. Отсутствуют перечень органов, в которых осуществляется такого рода служба, и перечисление самих иных видов. Несформированность понятия, а также каких-либо критериев отнесения той или иной служебной деятельности к иным видам госслужбы не дает возможности сказать, в каких конкретно государственных органах она реализуется. Также наименование «иные виды» предполагает, что служба иных видов может быть не связана с правоохранительной деятельностью. Кроме того, как справедливо пишет С. Е. Чаннов, теперь мы имеем не три вида государственной службы, а неопределенно много [3]. Единственное требование к каждому иному виду государственной службы – установление соответствующим федеральным законом.

Неопределенность в ситуацию вносит и то, что в соответствии с ч. 1 ст. 9 Федерального закона № 58-ФЗ нормативно должен быть установлен перечень

типовых должностей федеральной государственной службы иных видов, который станет частью реестра должностей федеральной государственной службы. Но на сегодняшний день подобный перечень так и не появился. При этом нет никакой информации, что ведется какая-либо работа по его созданию.

На наш взгляд, основные аргументы противников объединения так называемых иных видов государственной службы в единый вид сводятся к тому, что при объединении указанных видов пришлось бы унифицировать для них целый ряд законодательных положений. В то же время достаточно широко, особенно в рядах представителей иных видов государственной службы, распространены идеи о привилегированном положении отдельных видов государственной службы по отношению к другим, а следовательно, уравнивание статуса государственных служащих различных государственных органов способно вызвать определенное недовольство. А. А. Гришковец пишет: «например, российской прокуратуре в 2017 г. исполнилось 295 лет. Очевидно, что за многовековую историю надзорный орган накопил традиции, в глазах самих сотрудников прокуратуры принадлежность к такому ведомству имеет огромное моральное значение, и раствориться в маловыразительном и не слишком определенном понятии “правоохранительная служба” для большинства из них абсолютно неприемлемо» [2, с. 62]. По информации В. А. Козбаненко, проект закона о правоохранительной службе в итоге не был

согласован из-за большого количества разногласий между различными правоохранительными органами и Генеральной прокуратурой Российской Федерации относительно правового положения правоохранительных служащих, унификации условий, порядка и процедур прохождения ими своей службы, не учитывающих особенности различных федеральных органов, неизбежного нивелирования установленных социальных гарантий и имеющегося материально-технического обеспечения отдельных категорий служащих, структуры денежного довольствия и других аналогичных вопросов [8].

Кроме того, отход законодателя от попыток принятия единого федерального закона о правоохранительной службе ученые объясняют тем, что вслед за его принятием необходимо было бы выровнять уровень социальных гарантий государственных служащих всех правоохранительных органов (жилищное обеспечение, денежное довольствие, пенсионное обеспечение и др.). Как пишут А. В. Ольшевский и Е. Д. Заяев, это пришлось бы осуществлять по высшей планке, чтобы не ухудшить уже имеющийся социальный уровень сотрудников [7], что повлекло бы увеличение финансовой нагрузки на федеральный бюджет Российской Федерации.

По нашему мнению, на основании анализа действующих федеральных законов о различных государственных органах к госслужбе иных видов следует отнести следующие виды:

Таблица

Государственная служба иных видов

№	Вид государственной службы	Федеральный закон
1	Служба в органах внутренних дел Российской Федерации	Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
2	Служба в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы	Федеральный закон от 23.05.2016 № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 141-ФЗ)
3	Служба в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации	Федеральный закон от 19.07.2018 № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» (далее – Федеральный закон № 197-ФЗ)
4	Служба в таможенных органах	Федеральный закон от 21.07.1997 № 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации»
5	Служба в органах принудительного исполнения Российской Федерации	Федеральный закон от 01.10.2019 № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 328-ФЗ)
6	Служба в Следственном комитете Российской Федерации	Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 403-ФЗ)
7	Служба в органах и организациях прокуратуры	Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 2202-1)

Сам факт наличия такого количества видов государственной службы и такого количества федеральных законов, регламентирующих ее прохождение, ведет к их несогласованности, различиям в правовом положении государственных служащих и их социальной защите, что обуславливает нарушение принципа единства организационных и правовых основ. Аргумент о том, что в некоторых государственных органах государственная служба должна быть более престижна за счет установления более высоких социальных гарантий, с этической точки зрения видится скорее недопустимым, чем требующим обсуждения.

Полагаем, все перечисленные виды государственной службы иных видов обладают общими характерными признаками, которые также свидетельствуют о возможности их объединения. К сожалению, в действующем законодательстве отсутствуют определения понятий «правоохранительный орган» и «правоохранительная деятельность», что не позволяет обозначить позицию законодателя по вопросу, какие органы государственной власти занимаются правоохранительной деятельностью и относятся к правоохранительным органам. По мнению Ю. В. Степаненко, охранительная (правоохранительная) деятельность государства реализует охранительную функцию права [9]. Как справедливо пишет В. Л. Баранков, «правоохранительными органами можно считать органы, основной или специальной функцией которых является защита правопорядка, прав и свобод граждан, борьба с преступностью, другими правонарушениями, обеспечение охраны общественного порядка и безопасности государства, восстановление нарушенных гражданских прав, в необходимых случаях – применение предусмотренных законом санкций» [10]. Учитывая данные формулировки, по нашему мнению, все перечисленные выше органы следует отнести к правоохранительным органам, в которых реализуется правоохранительная служба. Кроме перечисленных государственных органов, к правоохранительным органам стоит отнести Федеральную службу безопасности, Федеральную службу охраны, Федеральную службу войск национальной гвардии Российской Федерации. Но так как сотрудники указанных федеральных органов являются военнослужащими (либо сотрудниками органов внутренних дел (п. 3 Указа Президента Российской Федерации от 30.09.2016 № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации»), то никакая госслужба иных видов в названных органах не реализуется.

Проанализировав исследования Р. В. Нагорных [11], А. М. Боброва, А. С. Телегина [12], Д. Н. Бахраха [13], выделим ряд особенностей правоохранительной службы:

1. Наличие повышенных требований к состоянию здоровья сотрудников, их морально-психологическим качествам, уровню физической подготовки. Например, установление предельного возраста для поступления на службу (чаще всего 35 или 40 лет),

запрет принятия на службу лиц, имеющих или когда-либо имевших судимость, а также освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

2. Государственно-властный характер профессиональной деятельности. Дополнительно это подчеркивается принятием сотрудниками присяги. Как правило, именно после принятия сотрудником присяги на него в полном объеме возлагаются служебные обязанности, в том числе появляется возможность привлечения его к выполнению особых задач, несущих в себе риск для здоровья и жизни [12].

3. Государственным служащим присваиваются специальные звания (чаще всего) либо классные чины.

4. Сотрудники обязаны носить форменную одежду и знаки отличия в соответствии с присвоенными им специальными званиями или классными чинами.

5. Для сотрудников перечисленных видов государственной службы законодателем введены дополнительные ограничения и запреты. Как отмечалось в пояснительной записке к проекту федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации», «предлагаемое к законодательному урегулированию количество запретов и ограничений на службе в уголовно-исполнительной системе превышает в силу ее специфики количество запретов и ограничений на государственной гражданской службе и на военной службе» [14]. Кроме ограничений, запретов и обязанностей, установленных Федеральным законом № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», ст. 17, 18, 20–20.2 Федерального закона № 79-ФЗ, дополнительные ограничения вводятся ч. 1 ст. 14, ч. 5 ст. 17 Федерального закона № 197-ФЗ.

6. Соблюдение служебной дисциплины в указанных государственных органах обеспечивается более широким перечнем мер поощрения и дисциплинарных взысканий. Если в Федеральном законе № 79-ФЗ предусмотрено семь видов поощрений и четыре вида дисциплинарных взысканий, то Федеральный закон № 197-ФЗ предусматривает десять видов поощрений и пять видов взысканий. В федеральных законах № 403-ФЗ, № 2202-1 закреплено десять видов поощрений и восемь видов дисциплинарных взысканий.

7. Представители некоторых перечисленных видов государственной службы за совершение административных правонарушений (за исключением административных правонарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 2.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) привлекаются к дисциплинарной ответственности.

8. Важнейшим признаком отнесения вида государственной службы к правоохранительной является наделение значительной части сотрудников правом применения оружия, физической силы и специальных средств.

9. Выполняя свои функции, сотрудники правоохранительной государственной службы в основном специализируются на реализации правоохранительной

функции государства, в отличие от государственных гражданских служащих, занимающихся, как правило, регулятивной деятельностью [13].

Обоснование возможности объединения государственной службы иных видов в один вид

В силу вышесказанного полагаем, что перед научной общественностью и законодателем следует вновь поднять вопрос об объединении всех названных иных видов государственной службы в единый вид и принятии одного федерального закона, регулирующего порядок ее прохождения. Вопрос о том, как этот вид государственной службы следует назвать, на наш взгляд, является вторичным. Наиболее удачным представляется термин «правоохранительная служба», но могут быть использованы такие наименования, как «государственная служба, связанная с правоохранительной деятельностью», «специальная государственная служба» [8], «полицейская служба» [13] и т. д. Главным здесь является унифицированное законодательное регулирование без градации государственной службы на более и менее привилегированную. О необходимости создания единой системы государственной службы в правоохранительной сфере как целостного административно-правового института пишут С. В. Ведяшкин, Р. В. Нагорных [1].

Приведем два, на наш взгляд, достаточно весомых аргумента, подтверждающих возможность объединения иных видов государственной службы в один вид.

Во-первых, федеральные законы, регулирующие различные виды государственной службы, достаточно часто по содержанию во многом совпадают. Например, сравнение федеральных законов № 197-ФЗ и 342-ФЗ демонстрирует, что тексты большинства статей совпадают практически слово в слово. В полном объеме совпадают принципы службы, требования к служебному поведению сотрудников, ограничения и запреты, налагаемые на сотрудников, их права и обязанности, основания возникновения и изменения правоотношений на службе, порядок прохождения службы, служебная дисциплина и т. д. [15]. Во многом с указанными законами перекликаются положения федеральных законов № 328-ФЗ и № 141-ФЗ. Отличия в содержании указанных федеральных законов, конечно же, есть, но они носят частный характер. Например, данные федеральные законы включают около 100 статей (не считая заключительных положений), практически идентичны содержание и наименования глав и отдельных статей, определения основных терминов, принципы службы, перечень дисциплинарных взысканий, нормальная продолжительность служебного времени, виды отпусков и т. д. Как справедливо отмечает А. В. Каляшин, принятые в последние годы законы, регулирующие отдельные аспекты прохождения государственной службы и правовое положение сотрудников, написаны как будто «под одну копку» [16].

Во-вторых, в настоящее время уже успешно действуют федеральные законы, регулирующие не-

сколько видов государственной службы. Это, например, закон Российской Федерации от 12.02.1993 № 4468-1, федеральный закон от 28.03.1998 № 52-ФЗ. Федеральный закон от 30.12.2012 № 283-ФЗ распространяет свое действие на сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, органов принудительного исполнения, федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы и таможенных органов Российской Федерации. Однако надо сказать, что основные положения данного закона практически совпадают с нормами федерального закона от 19.07.2011 № 247-ФЗ. По нашему мнению, факт распространения юридической силы перечисленных законов на несколько видов государственной службы не влечет никаких негативных последствий.

В-третьих, сегодня имеются различные федеральные органы исполнительной власти, прохождение службы в которых регулируется одним законом. Как мы уже отмечали выше, это Федеральная служба охраны, Федеральная служба безопасности, Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации. Во всех данных госорганах сотрудники по своему статусу являются военнослужащими (в Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации могут быть также сотрудниками ОВД), их правовой статус определяется законом «О воинской обязанности и военной службе», но это не влечет за собой никаких организационных проблем.

Предложения по созданию единой концепции правового регулирования государственной правоохранительной службы

Анализируя действующее законодательство об отдельных видах государственной службы, можно отметить, что сегодня для каждого вида службы чаще всего приняты два федеральных закона. Первый из них устанавливает общие положения данного вида службы, принципы ее прохождения, регулирует правовое положение сотрудника, закрепляет порядок поступления на службу, регламентирует порядок ее прохождения, служебную дисциплину, служебное время и время отдыха, прекращение службы. Другой федеральный закон посвящен социальным гарантиям сотрудников, к которым, как правило, относятся их денежное довольствие, жилищное, медицинское обеспечение, меры социальной поддержки членов семей сотрудников, погибших (умерших), пропавших без вести при выполнении служебных обязанностей. Исключением из этого правила является государственная служба в прокуратуре Российской Федерации и Следственном комитете Российской Федерации: и порядок ее прохождения, и социальные гарантии сотрудников получили закрепление в одном федеральном законе.

Полагаем, правовое регулирование службы в органах прокуратуры и подразделениях Следственного комитета Российской Федерации обладает достаточной спецификой, которая проявляется в том, что порядок прохождения государственной службы в

указанных органах и социальные гарантии государственных служащих прокуратуры и следственного комитета урегулированы не в законах об отдельных видах государственной службы, а в законах, закрепляющих правовой статус указанных органов, их полномочия, систему и помимо прочего регулирующих государственную службу в них. Причем если такое состояние дел в правовом регулировании службы в прокуратуре можно объяснить давностью принятия закона о ней, то федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» был принят сравнительно недавно, в 2010 г. Вероятно, это обусловлено тем, что органы Следственного комитета Российской Федерации были выделены из системы прокуратуры и при разработке Федерального закона № 403-ФЗ за основу был взят Федеральный закон № 2202-1. Также надо отметить, что прокуратура и Следственный комитет Российской Федерации не входят в систему органов исполнительной власти, в отличие от остальных органов, в которых реализуется государственная служба иных видов.

То, что и порядок прохождения государственной службы, и социальные гарантии сотрудников, и правовое положение государственного органа урегулированы в одном федеральном законе, на наш взгляд, является скорее недостатком, чем достоинством. В первую очередь это приводит к тому, что норм, посвященных правовому регулированию прохождения государственной службы и социальных гарантий сотрудников значительно меньше, чем в отдельных федеральных законах, а имеющиеся положения меньше по объему и смысловому содержанию. Так, Федеральный закон № 403-ФЗ содержит 29 статей, регулирующих прохождение службы, Федеральный закон № 2202-1 – 27 таких статей, федеральные законы № 342-ФЗ, 197-ФЗ, 328-ФЗ, 141-ФЗ – более 90. Это приводит к возникновению пробелов в правовом регулировании целого ряда отдельных аспектов прохождения государственной службы и социальных гарантий сотрудников прокуратуры и Следственного комитета Российской Федерации. Например, в федеральных законах № 403-ФЗ, 2202-1, в отличие от федеральных законов № 342-ФЗ, 197-ФЗ (возьмем их для примера), не раскрыты следующие аспекты прохождения государственной службы:

- принципы службы;
- права и служебные обязанности сотрудника;
- требования к служебному поведению сотрудника;
- возникновение и изменение правоотношений на службе (гл. 4 Федерального закона № 197-ФЗ, гл. 4 Федерального закона № 342-ФЗ). В федеральных законах № 403-ФЗ и № 2202-1 нашли отражение только испытание при приеме на службу и присяга. В федеральных законах № 197-ФЗ, 342-ФЗ кроме этого урегулированы право поступления на службу, документы, предоставляемые для поступления на службу, основания возникновения правоотношений на службе, контракт, его виды и срок действия, его содержание, замещение должностей по конкурсу и т. д.;

– грубые нарушения служебной дисциплины.

Относительно социальных гарантий прокурорских работников и сотрудников следственного комитета в федеральных законах № 403-ФЗ, 2202-1 содержится всего три статьи: материальное и социальное обеспечение сотрудников, обеспечение сотрудников жилыми помещениями, обязательное государственное личное страхование сотрудников (ст. 35, 35.1, 36 Федерального закона № 403-ФЗ, ст. 44, 44.1, 45 Федерального закона № 2202-1). Применительно же к другим видам государственной службы действуют отдельные федеральные законы, раскрывающие более подробно каждую социальную гарантию.

Полагаем, что наличие для каждого вида государственной службы двух федеральных законов является удачным опытом и в дальнейшем следует придерживаться указанного принципа построения законодательства о государственной службе.

Выводы

На наш взгляд, в настоящее время нет никаких препятствий к объединению всех иных видов государственной службы в единый вид – правоохранительную службу – и принятию двух федеральных законов: одного – регулирующего порядок прохождения государственной правоохранительной службы данного вида; второго – о социальных гарантиях государственных служащих правоохранительной службы.

В первом законе необходимо закрепить понятие правоохранительной службы, основные термины, установить правовое регулирование правоохранительной службы, перечислить виды правоохранительной службы и государственные органы, в которых она осуществляется. Также в нем должны быть определены должности правоохранительной службы, специальные звания, права и обязанности сотрудников, установленные для них ограничения и запреты, требования к их служебному поведению, порядок поступления, прохождения и прекращения службы, служебное время и время отдыха, служебная дисциплина и др.

Указанные аспекты прохождения государственной службы изначально регламентированы трудовым законодательством, вследствие чего в федеральных законах об отдельных видах государственной службы получили достаточно единообразное отражение. В этой связи ничто не мешает урегулировать все перечисленные моменты в одном законе. Наоборот, возникает вопрос, почему у государственных служащих должны быть различными рабочее время и время отдыха, виды отпусков, дисциплинарные взыскания и порядок их наложения, меры поощрения, права и обязанности.

Аналогичным образом и перечень социальных гарантий сотрудников различных видов государственной службы должен быть установлен в одном законе, так как в целом они являются идентичными. Например, денежное довольствие сотрудника обычно состоит из месячного оклада в соответствии с занимаемой должностью и месячного оклада в со-

ответствии со специальным званием, а также включает в себя другие ежемесячные дополнительные выплаты (за стаж службы, особые условия службы, квалификационное звание, работу со сведениями, составляющими государственную тайну, и т. д.). Конкретные размеры должностных окладов и окладов по специальным званиям традиционно определяются на подзаконном уровне, и ничто не мешает принимать их различными по различным видам правоохранительной службы в зависимости от сложности выполняемых задач, актуальности данного вида правоохранительной службы для государства в конкретный исторический момент, а наличие единовременной выплаты для приобретения жилья как социальной гарантии в каждом виде государственной службы не отменяет того факта, что объемом финансирования, выделяемого на эти цели, для различных государственных органов различен. Но общие положения, полагаем, должны быть для всех едины.

На основании вышесказанного предлагаем внести в ст. 2 Федерального закона № 58-ФЗ изменения в части введения правоохранительной службы взамен имеющейся сейчас государственной службы иных видов. Считаем необходимым разработать и принять федеральный закон о правоохранительной службе, устанавливающий порядок ее прохождения, а также федеральный закон, закрепляющий социальные гарантии ее служащих.

Потребность в принятии закона о правоохранительной службе усматривает А. М. Артемьев [17, с. 13], В. Н. Исаенко считает своевременным разработать и принять федеральный закон «О правоохранительной деятельности» [18].

Появление указанных законов приведет к восстановлению базового принципа единства государственной службы и единства деятельности государственных органов и положительно скажется на эффективности функционирования государственной службы в целом как единой системы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Vedyashkin S. V., Nagornikh R. V. New concept of public service of the Russian Federation in law enforcement: the time has come // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Право. 2020. № 35. С. 5–13.
2. Гришковец А. А. К вопросу о правоохранительной службе // Российская юстиция. 2017. № 7. С. 59–63.
3. Чаннов С. Е. Государственная правоохранительная служба: быть или не быть? // Журнал российского права. 2016. № 11 (239). С. 6–71.
4. Разъяснение Комитета об исключении из системы государственной службы «правоохранительной службы» и включении в нее «государственной службы иных видов»: разъяснения Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 6 июля 2016 г. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71336310/> (дата обращения: 08.07.2021).
5. Заседание Государственной Думы Федерального Собрания 24 марта 2015 г. № 224 «О проекте федерального закона № 685589-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части уточнения видов государственной службы Российской Федерации)», рассмотрение законопроекта в первом чтении. URL: http://transcript.duma.gov.ru/api_search/?search_mode=number&sessid=5579&dt_start=&dt_end=&deputy=&type=any&number=685589-6&keyWords (дата обращения: 08.07.2021).
6. Нагорных Р. В. Административно-правовое регулирование государственной службы Российской Федерации в правоохранительной сфере : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 436 с.
7. Ольшевский А. В., Заяев Е. Д. Законодательные предпосылки для возвращения на современном этапе к вопросу о правоохранительной службе // Административное право и процесс. 2019. № 10. С. 59–62.
8. Козбаненко В. А. Иные виды государственной службы – правоохранительная служба: закон и доктрина // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9 (94). С. 92–101.
9. Степаненко Ю. В. Правоохранительная деятельность: эволюция теоретических взглядов // Современный юрист. 2013. № 3. С. 60–87.
10. Баранков В. Л. Правовое регулирование социальной защиты сотрудников правоохранительных органов // Журнал российского права. 2012. № 1 (181). С. 82–88.
11. Nagornikh R. V. State Service in the Law Enforcement Sphere and Its Major Features // Penitentiary Science. 2020. Vol. 14, no 4 (52). Pp. 576–580.
12. Бобров А. М., Телегин А. С. Государственная служба иных видов: понятие и ее особенности // Административное право и процесс. 2018. № 9. С. 55–60.
13. Бахрах Д. Н. Милитаризованная служба России // Российский юридический журнал. 2005. № 1 (45). С. 20–27.
14. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/379630-7> (дата обращения: 08.07.2021).
15. Карпов Э. С. О проекте федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» // Проблемы правового обеспечения хозяйственной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы и организации труда осужденных : материалы науч.-практ. конф. Владимир, 2015. С. 61–66.

16. Каляшин А. В. Современное состояние и перспективы развития законодательства о службе в некоторых видах федеральной государственной службы, связанной с правоохранительной деятельностью // *Административное право и процесс*. 2017. № 8. С. 36–41.
17. Артемьев А. М. Государственная правоохранительная служба: системные свойства, функции, правовое обеспечение : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 56 с.
18. Исаенко В. Н. О совершенствовании законодательного обеспечения правоохранительной деятельности // *Актуальные проблемы российского права*. 2015. № 9 (58). С. 162–166.

REFERENCES

- Vedyashkin S.V., Nagornikh R.V. New concept of public service of the Russian Federation in law enforcement: the time has come. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo = Tomsk State University Journal. Series: Law*, 2020, no. 35, pp. 5–13. (In Russ.).
- Grishkovets A.A. On the question of law enforcement service. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2017, no. 7, pp. 59–63. (In Russ.).
- Channov S.E. Law enforcement public service: to be or not to be? *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2016, no. 11 (239), pp. 6–71. (In Russ.).
- Explanation of the Committee on the exclusion of the “law enforcement service” from the public service system and the inclusion of “other types of public service” in it: Explanations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of July 6, 2016. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71336310/> (In Russ.). (Accessed July 8, 2021).
- Meeting of the State Duma of the Federal Assembly on March 24, 2015 No. 224 “On the Draft Federal Law No. 685589-6 “On Amendments to the Federal Law “On the system of public service of the Russian Federation” and certain legislative acts of the Russian Federation (in terms of clarifying types of public service of the Russian Federation)”, consideration of the draft law in the first reading. Available at: http://transcript.duma.gov.ru/api_search/?search_mode=number&sessid=5579&dt_start=&dt_end=&deputy=&type=any&number=685589-6&keyWords (In Russ.). (Accessed July 8, 2021).
- Nagornikh R.V. *Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii v pravookhranitel'noi sfere: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Administrative and legal regulation of public service of the Russian Federation in the law enforcement sphere: Doctor of Sciences (Law)]. Moscow, 2016. 436 p.
- Ol'shevskii A.V., Zayaev E.D. Legislative prerequisites for returning to the issue on law enforcement service at the modern stage. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2019, no. 10, pp. 59–62. (In Russ.).
- Kozbanenko V.A. Other types of public service – law enforcement service: the law and doctrine. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 9 (94), pp. 92–101. (In Russ.).
- Stepanenko Yu.V. Law enforcement activity: evolution of theoretical views. *Sovremenniy yurist = Modern Lawyer*, 2013, no. 3, pp. 60–87. (In Russ.).
- Barankov V.L. Legal regulation of social protection of law enforcement officers. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2012, no. 1 (181), pp. 82–88. (In Russ.).
- Nagornikh R.V. State service in the law enforcement sphere and its major features. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 576–580.
- Bobrov A.M., Telegin A.S. Public service of other types: the concept and its features. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2018, no. 9, pp. 55–60. (In Russ.).
- Bakhrakh D.N. Militarized service of Russia. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2005, no. 1 (45), pp. 20–27. (In Russ.).
- Explanatory note to the draft federal law “On service in the penal system of the Russian Federation”. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/379630-7> (In Russ.). (Accessed July 8, 2021).
- Karpov E.S. On the draft federal law “On service in the penal system of the Russian Federation”. In: *Problemy pravovogo obespecheniya khozyaistvennoi deyatel'nosti organov i uchrezhdenii ugolovno-ispolnitel'noi sistemy i organizatsii truda osuzhdennykh: materialy nauch.-prakt. konf.* [Problems of legal support of economic activity of bodies and institutions of the penal system and organization of labor of convicts: materials of scientific and practical conference]. Vladimir, 2015. Pp. 61–66. (In Russ.).
- Kalyashin A.V. The current state and prospects for the development of legislation on service in some types of federal public service related to law enforcement. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2017, no. 8, pp. 36–41. (In Russ.).
- Artem'ev A.M. *Gosudarstvennaya pravookhranitel'naya sluzhba: sistemnye svoistva, funktsii, pravovoe obespechenie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Public law enforcement service: system properties, functions, legal support: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2008. 56 p.
- Isaenko V.N. On improving the legislative support of law enforcement activities. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2015, no. 9 (58), pp. 162–166. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЭДУАРД СЕРГЕЕВИЧ КАРПОВ – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия, esk33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0787-6307>

EDUARD S. KARPOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Civil Law of the Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russia, esk33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0787-6307>

Статья поступила 25.10.2022

Реформирование системы государственного контроля (надзора) в условиях изменения действующего законодательства

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ

Московский государственный юридический университет (МГЮА) имени О. Е. Кутафина, Москва, Россия, sergei.romanoff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6893-9346>

Реферат

Введение: статья посвящена вопросам реформирования системы контрольно-надзорных органов в современной России. Анализируются этапы становления и развития данных органов, трансформация законодательства о контроле и надзоре. *Цель:* рассмотреть трансформацию контрольно-надзорного института в современной России; проанализировать нормативную базу, на основании которой осуществляется «архитектура» контрольно-надзорного механизма государства; раскрыть новые подходы к полномочиям контрольных и надзорных органов Российской Федерации, закрепленных действующим законодательством о контроле и надзоре. *Методологическую основу* составляют логико-юридический, сравнительно-правовой, дискриптивный методы, методы контент-анализа, познания правовой действительности. *Выводы:* анализ действующего законодательства в сфере контроля и надзора позволяет говорить о том, что последний этап реформирования контрольно-надзорного механизма и его деятельности, выразившийся в разработке федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», имеет ряд преимуществ: изменена и расширена сфера применения риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора, проведено законодательное закрепление всевозможных контрольно-надзорных мероприятий и инструментов, которые могут применяться органами контроля и надзора; обеспечен отход от тотального применения проверок как основного инструмента в работе органов контроля и надзора; создана единая система принципов, на основании которой создается и развивается контрольно-надзорный механизм.

Ключевые слова: контроль; надзор; механизм государства; контрольно-надзорные органы; контрольно-надзорная деятельность; профилактико-ориентированный (превентивный) подход; риск-ориентированный подход; контрольно-надзорный институт механизма государства; выборочный контроль; инспекционный визит.

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Для цитирования: Романов С. А. Реформирование системы государственного контроля (надзора) в условиях изменения действующего законодательства // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 82–88. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.009.

Original article

Reforming the State Control (Supervisory) System in the Context of Changing Legislation

SERGEI A. ROMANOV

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, sergei.romanoff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6893-9346>

Abstract

Introduction: the article discusses issues of reforming the control and supervisory system in modern Russia. It analyzes stages of formation and development of these bodies, as well as transformation of legislation on control and supervision. *Purpose:* to consider transformation of the

state control and supervisory institution in modern Russia; analyze the regulatory framework on the basis of which the “architecture” of the state control and supervisory mechanism is carried out; consider new approaches to the powers of control and supervisory authorities of the Russian Federation, enshrined in the current legislation on control and supervision. *The methodological basis* consists of logical-legal, comparative-legal, descriptive, content analysis, and legal reality cognition methods. *Conclusions:* the analysis of the current legislation in the field of control and supervision suggests that the last stage of reforming the control and supervisory mechanism and its activities, expressed in the development of the Federal Law “On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation”, has a number of advantages: the scope of application of the risk-based approach in the implementation of state control and supervision is expanded; all kinds of control and supervisory measures and tools that can be used by control and supervisory bodies in carrying out their activities are fixed in legislation; the total use of inspections as the main tool in the work of control and supervisory bodies is avoided; a unified system of principles for elaborating a control and supervisory mechanism is created.

Key words: control; supervision; state mechanism; control and supervisory bodies; control and supervisory activities; prevention-oriented (preventive) approach; risk-oriented approach; control and supervisory institute of the state mechanism; selective control, inspection visit.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Romanov S.A. Reforming the state control (supervisory) system in the context of changing legislation. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 82–88. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.009.

Введение

Актуальность исследования обусловлена появлением нетипичных подконтрольных и поднадзорных объектов в гражданском обороте, что приводит к необходимости реформирования современной системы органов контроля и надзора и законодательного закрепления новых методик проведения контрольных и надзорных мероприятий.

Развитие современной системы государственного контроля (надзора) определяется соотношением понятий «контроль» и «надзор», их отражением в действующем законодательстве и общей теории права [1].

Особое внимание необходимо уделить последнему этапу реформы контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации. Так, при сравнительном анализе федеральных законов от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» можно отметить преимущества первого, такие как: детальная регламентация контрольно-надзорных мероприятий, осуществляемых органами государственного контроля (надзора); расширение сферы применения нового для системы государственного контроля (надзора) риск-ориентированного подхода; демократизация механизма контрольно-надзорных мероприятий и уход от проверок как яркого инструмента контрольно-надзорной системы; отказ от карательного подхода при осуществлении контрольно-надзорной деятельности, его замена на профилактико-ориентированный (превентивный) подход, что, по мнению авторов закона, снизит административное давление органов государственного контроля (надзора) на подконтрольные и поднадзорные объекты при

осуществлении ими контрольно-надзорной деятельности; закрепление единой системы принципов государственного контроля (надзора), муниципального контроля [2].

Также очевидным остается и тот факт, что в современном российском законодательстве присутствует проблема унификации понятийно-категориального аппарата контрольно-надзорной сферы. Необходимо подчеркнуть, что данная проблема остается неразрешенной и не теряет своей актуальности.

Основная часть

Рассматривая контрольно-надзорные органы и их деятельность, важно отметить, что они являются связующим звеном всей системы государственного управления. Однако как в теории права, так и в действующем отечественном законодательстве отсутствует четкое разграничение контроля и надзора. Вопрос о соотношении данных понятий остается дискуссионным.

Существует несколько объяснений существования данной проблемы. Законодатель четко не разграничивает контроль и надзор. В ряде нормативных актов данные понятия выступают как синонимы, что еще более усложняет систему контрольно-надзорного элемента аппарата государства [3].

Можно выделить несколько подходов к толкованию терминов «контроль» и «надзор» в административном праве. Первый основывается на том, что контроль и надзор – это тождественные понятия [4]. Например, в соответствии со ст. 2 федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» контроль (надзор) трактуется следующим образом: «государственный контроль (надзор) – деятельность уполномоченных органов государственной власти, направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений юридическими лицами,

их руководителями и иными должностными лицами, индивидуальными предпринимателями, их уполномоченными представителями требований действующего законодательства Российской Федерации...». Как мы видим, законодатель не разделяет контроль и надзор, аналогичные формулировки можно встретить и в ряде статей КоАП РФ, а также иных нормативных правовых актах.

Ю. А. Тихомиров [5] придерживается другой позиции, суть которой сводится к тому, что надзор является неразрывной составляющей контроля.

Еще один подход заключается в том, что надзор рассматривается как самостоятельный способ осуществления государственных властных полномочий компетентными органами, направленный на установление дисциплины и законности в поднадзорных объектах. При этом отмечается, что как надзор, так и контроль могут иметь схожие по своему содержанию элементы осуществления специфической деятельности. Сторонниками данной точки зрения являются Ф. С. Разаренов, Е. В. Шорина, В. Ф. Ломкина.

Нам близка позиция профессора Н. М. Конины [2], который рассматривает контроль как организационно-правовой способ установления в подконтрольных объектах государственной дисциплины и законности путем осуществления специфической государственно-властной деятельности и системного наблюдения за деятельностью подконтрольных объектов с целью установления соответствия их решений и действий нормативным требованиям действующего законодательства. Ученый выделяет несколько обязательных частей, которые должен содержать в себе контроль:

1. Осуществление систематической проверки реального результата работы подконтрольных объектов в сравнении с намеченными показателями.

2. Осуществление контрольной деятельности для проверки методов и средств, которые использовались при достижении необходимых результатов, на предмет их законности, соответствия деловой и служебной этике, финансово-хозяйственной необходимости и целесообразности.

3. По окончании контрольных мероприятий в отношении подконтрольных объектов осуществляется принятие соответствующих необходимых мер, которые могут как носить положительный характер, так и отличаться негативными свойствами.

При рассмотрении термина «контроль» в данном ключе отметим, что цель контроля не ограничивается исключительно установлением законности и правопорядка, но также направлена на обеспечение целесообразности и эффективности.

Основываясь на вышесказанном, можно выделить следующие критерии разграничения терминов «контроль» и «надзор»: параметры охвата рассматриваемой сферы деятельности; разнообразие методов, способов и правовых форм реализации специфической деятельности.

Контроль осуществляется в отношении организационно подчиненных лиц (субъектов деятельности),

надзор – это деятельность, противоположная в предметном отношении, лиц (поднадзорных субъектов), которые при осуществлении надзорной деятельности не находятся в административном и каком-либо ином подчинении у органов надзора. Рассматривая объекты контрольной и надзорной деятельности, необходимо подчеркнуть, что дисциплина, финансы и другие подконтрольные объекты обычно включаются в широкий круг различных направлений деятельности подконтрольных объектов. При сравнении с объектом надзора данное условие меняется, и к вышеуказанным направлениям прибавляются некие специальные правила (санитарные, противопожарные и т. п.).

Таким образом, изучение таких терминов, как контроль и надзор, в их тождественности представляется неверным. В современных реалиях с учетом изменения законодательства высказываемые предложения о разграничении контроля и надзора и соответствующей деятельности, которая должна рассматриваться как отдельные, самостоятельные функции государственных органов власти, а также о закреплении различных процедур их проведения заслуживают особого внимания.

При рассмотрении вопроса о становлении и развитии института государственного контроля и надзора в Российской Федерации определим несколько условий, при которых данный институт осуществляет свою деятельность в общем механизме современного российского государства.

Первым условием является то, что для государственно-властной сферы деятельность института государственного контроля и надзора является неотделимой от самой природы государства. Иными словами, проверка единообразного исполнения и применения законов и иных нормативных актов выступает существенным условием нормального функционирования механизма государства.

Следующим условием, при котором развивается специфический институт государственного контроля и надзора, можно признать определенный уровень развития государства: наличие писаного права (законы, постановления, распоряжения, приказы); деление общества на социальные группы и, как следствие, столкновение их интересов (общественных, политических и т. д.); коренные изменения в общественно-государственном устройстве, как правило в законодательстве.

Так, современный институт государственного контроля и надзора Российской Федерации прошел несколько этапов в своем развитии.

Первый – переходный – этап включает период с 1991 по 1993 гг. Характеризуется резким ослаблением государственного контроля, полной ликвидацией института общественного контроля. Данные преобразования привели к тому, что контрольно-надзорный механизм государства, отвечающий за рациональное использование материальных и финансовых ресурсов, отсутствовал в общем механизме государственных органов.

Второй этап охватывает временной период с 1993 по 2001 г. Здесь происходят формирование единой системы органов государственного контроля, а также выделение федеральных округов [6].

Выделим несколько нормативных правовых актов: 1) указ Президента Российской Федерации от 29.06.1998 № 730 «О мерах по устранению административных барьеров при развитии предпринимательства» стал первой попыткой систематизации правовых норм в сфере государственного контроля и надзора. Нормы, регулирующие функционирование института государственного контроля и надзора, не были в нем систематизированы, были хаотично расположены; 2) Федеральный закон от 08.08.2001 № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)», в котором впервые в практике контрольно-надзорной деятельности закреплялись правовые основания взаимоотношений предпринимательства и государства в процессе реализации контрольными и надзорными органами своей деятельности.

Из минусов отметим, во-первых, то, что данный закон закреплял за лицами, осуществляющими государственный контроль, достаточно широкий спектр полномочий (примером является норма, которая регламентировала, что лицо, осуществляющее государственный контроль, самостоятельно, на основании собственного усмотрения вправе принимать решение о приостановлении контрольно-надзорных мероприятий в отношении подконтрольного объекта, в том числе и решение о приостановлении его деятельности, что создавало условия для коррупционных проявлений, недобросовестной конкуренции); во-вторых, закрепленных правовых гарантий субъектов предпринимательской деятельности и иных подконтрольных объектов было недостаточно для планомерного развития предпринимательства.

На третьем этапе (2001–2012 гг.) развития и формирования института государственного контроля и надзора происходит формирование современной российской системы органов государственного контроля и надзора, окончательно формируется механизм работы контрольно-надзорных органов в федеральных округах.

Важным нормативным правовым актом данного периода является федеральный закон № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». По сравнению с предыдущим законом был расширен перечень правовых гарантий субъектов предпринимательской деятельности, следовательно, повысился уровень правовой защищенности данных субъектов. Также за органами прокуратуры был закреплен ряд полномочий: 1) формирование ежегодного федерального плана контрольно-надзорных мероприятий в отношении подконтрольных и поднадзорных объектов; 2) необходимость согласования внеплановых мероприятий по контролю и надзору.

Расширение полномочий позволило снизить количество контрольно-надзорных мероприятий, систематизировать совместную работу государственных контрольных органов и органов прокуратуры. В несколько раз увеличилась законодательная деятельность в части внесения изменений и дополнений в действующее на тот момент российское законодательство о контроле и надзоре.

Дать однозначную оценку правовой необходимости частого внесения изменений и дополнений в законодательство о контроле и надзоре представляется сложной задачей, учитывая тот факт, что рассматриваемый закон был изменен и дополнен более 70 раз за десять лет своего действия. Изменения проходили в нескольких (подчас противоположенных) направлениях: 1) создавались благоприятные условия для развития предпринимательства в России, 2) закреплялся за органами государственного контроля и надзора расширенный круг полномочий при осуществлении своей деятельности, что, как следствие, влияло на развитие субъектов предпринимательской деятельности в стране [7].

Законодательные изменения привели и к искажению правовой целостности контрольно-надзорного механизма государства, что ярко было продемонстрировано в его деятельности. Рассматривая правоприменительную практику реализации норм вышеуказанного закона, можно обнаружить ряд нарушений, которые были допущены органами государственного контроля и надзора в своей деятельности. Ниже будут приведены примеры в порядке возрастания в зависимости от количества выявленных нарушений:

- закрепление за хозяйствующими субъектами различного рода ограничений в полномочиях, не установленных законодательством;
- установление ограничений, способствующих ущемлению ряда экономических свобод предпринимателей при осуществлении ими своей деятельности;
- реализация проверок при отсутствии нормативной базы (приказов, указаний уполномоченных органов) для осуществления проверочных мероприятий;
- истребование у подконтрольных субъектов большего объема документации, чем требуется законодательством и определено предметом проверки [8].

Четвертым этапом развития и формирования контрольно-надзорного института механизма государства является период с 2012 г. по настоящее время.

Пока в федеральный закон № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» внесены многочисленные изменения и дополнения, на основании поручения Президента Российской Федерации от 30.12.2015 № Пр-2724 и п. 6 распоряжения Правительства Российской Федерации от 01.04.2016 № 559-р правительством и профильным министерством началась разработка нового проекта федерального закона «О государственном контроле

(надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

Ранее законодательная инициатива претерпела определенные правки, которые касались института государственного контроля и надзора в Российской Федерации. Например, новый закон установил правовые и организационные основы системы государственного контроля (надзора) и муниципального контроля Российской Федерации. Важно отметить, что положения, которые предлагались в законопроекте касательно изменения организационно-правовой системы органов контроля и надзора на его различных уровнях (федеральном, муниципальном), неоднократно становились предметом дискуссий как в научной среде, так и в органах государственной власти и предпринимательской сфере.

Повторно данный законопроект был представлен в середине 2019 г. Особое место в нем отводилось процессуальным формам деятельности контрольно-надзорного механизма, что отличало его от первоначальной законодательной инициативы, особенностью которой, как отмечалось, было изменение системы контрольно-надзорных органов. В конце 2019 и начале 2020 г. Правительство Российской Федерации представило на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации законопроекты о государственном контроле и обязательных требованиях.

В середине 2020 г. Государственная Дума Российской Федерации приняла в окончательном чтении проекты Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» и Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации».

Первый закон вступил в силу с 1 июля 2021 г. и закрепил обновленную систему государственного контроля и надзора на различных уровнях (федеральном, муниципальном). Были подробно прописаны этапы проведения специфической контрольной и надзорной деятельности, а также обозначены институты и инструменты, необходимые для данной деятельности и работы всего контрольного механизма.

Новеллой федерального закона № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» является внедрение в систему контрольно-надзорных органов риск-ориентированного подхода. Данный подход должен использоваться при обнаружении органами контроля и надзора объективных закономерностей, которые могли бы послужить причинами нарушения законодательства. Следовательно, органам контроля и надзора необходимо выработать критерии и индикаторы риска, при которых объективная причина может являться негативной или определяться как таковая, и только в данном случае органами контроля и надзора будет приниматься решение о необходимости проведения контрольных или надзорных мероприятий [9].

Институт риск-ориентированного подхода для России является новым применительно к системе

контрольно-надзорных органов и используется на практике достаточно недавно. В федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» ему посвящена целая глава. Риск причинения ущерба (вреда) трактуется как возможное наступление факта (события), который может стать причиной наступления негативных последствий, выраженных в нанесении вреда (ущерба) правам иных субъектов либо их ценностям, которые охраняются законом. Для реализации данного подхода необходимо осуществить оценку риска причинения ущерба (вреда), которая законом рассматривается как деятельность контрольного или надзорного органа, направленная на установление и определение возможности (вероятности) появления данных фактов (событий), которые повлекут нанесение вреда (ущерба), а также установление масштаба возможного вреда (ущерба) в отношении ценностей, охраняемых законодательством о контроле и надзоре.

Законодатель прибегнул еще к одной правовой концепции при разработке данного нормативного правового акта. Ее суть заключается в том, что при применении органами контроля и надзора риск-ориентированного подхода будет иметь свое распространение не на определенную сферу правоотношений, а на все правоотношения, которые возникают или могут возникнуть в процессе контрольно-надзорной деятельности между органом, ее осуществляющим, и подконтрольными и поднадзорными объектами.

Еще одной новеллой закона является причинно-следственная связь между частотой проводимых органами контроля и надзора мероприятий и категориями риска. Следовательно, можно говорить о том, что законодатель плавно уходит от института проведения плановых проверок контрольно-надзорными органами без учета особенностей подконтрольного или поднадзорного субъекта и приходит к спецификации данных субъектов, основываясь на особенностях деятельности субъектов и категории риска, в которой находится подконтрольный или поднадзорный субъект.

Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» закрепляет новый понятийный аппарат: контрольно-надзорные мероприятия, контрольно-надзорные действия. Четко регламентируются виды контрольно-надзорных мероприятий: 1) выездное обследование; 2) контрольная закупка; 3) мониторинговая закупка; 4) выборочный контроль; 5) инспекционный визит; 6) рейд; 7) проверка. Данный подход законодателя подчеркивает тот факт, что контрольно-надзорный механизм при осуществлении своей деятельности уходит от монополии проверок как основного вида деятельности органов контроля и надзора.

Также законом определяется следующий круг контрольно-надзорных действий: 1) осмотр; 2) досмотр; 3) опрос; 4) получение письменных объяснений;

5) истребование документов; 6) отбор проб (образцов); 7) инструментальное обследование; 8) испытание; 9) экспертиза; 10) эксперимент.

Таким образом, можно сделать вывод, что федеральный закон № 294-ФЗ содержит в себе нормы как материального характера, которые устанавливают понятийно-категориальный аппарат при работе контрольно-надзорного механизма, регулируют основы деятельности органов контроля и надзора, так и процессуального характера, устанавливающие процедуру работы всего механизма контроля и надзора, в том числе порядок обжалования принятых данными органами решений.

Законодатель сделал акцент на оперативных и менее затратных мероприятиях, которые проводят органы контроля и надзора, что положительно повлияло на весь контрольно-надзорный механизм государства и придало ему гибкость при осуществлении своей деятельности. Все это привело к тому, что в научной литературе нередко рассматриваемый закон именуется как контрольно-надзорный процессуальный кодекс.

Одним из минусов является отсутствие в нем термина «контрольно-надзорное мероприятие». Так, на стадии разработки законопроекта вплоть до окончательной редакции рассматриваемого закона данный термин присутствовал, но, к сожалению, не вошел в окончательный текст. Тогда контрольно-надзорное мероприятие определялась как комплекс взаимосвязанных действий, включающих контрольно-надзорные, совершаемые уполномоченным(и) лицом(ами) и привлекаемыми им(и) лицами в рамках контрольно-надзорного производства в целях оценки соблюдения контролирующими лицами обязательных требований. Следовательно, термины «контрольно-надзорное мероприятие» и «контрольно-надзорное действие» соотносятся как целое и часть.

Одной из основных новелл рассматриваемого нормативного правового акта является попытка законодательного распространения принципов государственного контроля и надзора на всю систему,

независимо от уровня контроля и надзора (муниципального или федерального) [10]. Под принципами государственного контроля и надзора понимается система основополагающих начал и правил, которые имеют общий, обязательный и универсальный характер, и их действие распространяется на всех участников системы контроля и надзора, включая такие специфические сферы, как организация контрольно-надзорной деятельности, работа единой системы органов контроля и надзора.

Выводы

Проанализировав развитие института государственного контроля и надзора в России и влияние на него отечественного законодательства, отметив мнения ряда правоведов по вопросу о сущности контроля и надзора, можно сделать вывод о несинонимичности терминов. Разграничение контроля в лице контрольных органов и надзора в лице надзорных органов нуждается в законодательном закреплении [10].

Анализ действующего законодательства в сфере контроля и надзора позволяет говорить о том, что последний этап реформирования контрольно-надзорного механизма и его деятельности, выразившийся в разработке федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», имеет ряд преимуществ: изменена и расширена сфера применения риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора, проведено законодательное закрепление контрольно-надзорных мероприятий и инструментов, которые могут применяться органами контроля и надзора; осуществлен уход от тотального применения проверок как основного инструмента в работе органов контроля и надзора; создана единая система принципов, на основании которой создается и развивается контрольно-надзорный механизм [11]. Тем не менее остается нерешенной проблема систематизации и унификации понятийно-категориального аппарата в сфере контроля и надзора.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Садовская Т. Д. К вопросу о государственном региональном контроле (надзоре) // Право и практика. 2012. № 1. С. 64–67.
2. Административное право России : учеб. / под ред. Н. М. Кониной, Ю. Н. Старилова. Саратов, 2006. 324 с.
3. Нагорных Р. В. Трансформация предмета административного права в условиях становления административного конституционализма в современной России // Научные труды. Российская академия юридических наук. М., 2020. Вып. 20. С. 61–66.
4. Петров А. В., Елифанов А. Е. Юридическая природа государственного контроля и надзора // Журнал российского права. 2013. № 7. С. 36–49.
5. Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995.
6. Алексеев В. В., Вдовенко З. В. Государственный контроль и надзор в современной России // Успехи в химии и химической технологии. 2015. № 5 (164). С. 10–12.
7. Осипов Д. А., Большакова В. М. О понятиях «государственный контроль», «государственный надзор» и «тотальный контроль над личностью» // Власть. 2015. № 5. С. 136–140.
8. Зубарев С. М. О соотношении понятий «контроль» и «надзор» в публичном управлении // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 10. С. 85–90.
9. Погодина Н. А., Карелин К. В. Соотношение контроля и надзора в российской правовой системе // Российская юстиция. 2012. № 3. С. 72–74.

10. Ноздрачев А. Ф., Зырянов С. М., Калмыкова А. В. Реформа государственного контроля (надзора) и муниципального контроля // Журнал российского права. 2017. № 9. С. 34–46.
11. Игайкина И. И., Дельцова Ю. О. Состояние и перспективы развития государственного противопожарного надзора и контроля // Научное обозрение. 2018. № 2. С. 8–12.

REFERENCES

1. Sadovskaya T.D. On the question of state regional control (supervision). *Pravo i praktika = Law and Practice*, 2012, no. 1, pp. 64–67. (In Russ.).
2. *Administrativnoe pravo Rossii: ucheb.* [Administrative law of Russia: textbook]. Ed. by Konin N.M., Starilov Yu.N. Saratov, 2006. 324 p.
3. Nagornykh R.V. Transformation of the subject of administrative law in the conditions of the formation of administrative constitutionalism in modern Russia. In: *Nauchnye trudy. Rossiiskaya akademiya yuridicheskikh nauk. Vyp. 20.* [Scientific Works. The Russian Academy of Legal Sciences. Issue 20]. Moscow, 2020. Pp. 61–66. (In Russ.).
4. Petrov A. V., Epifanov A. E. Legal nature of state control and supervision *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2013, no. 7, pp. 36–49. (In Russ.).
5. Tikhomirov Yu.A. *Publichnoe pravo* [Public law]. Moscow, 1995.
6. Alekseev V.V., Vdovenko Z.V. State control and supervision in modern Russia. *Uspekhi v khimii i khimicheskoi tekhnologii = Advances in Chemistry and Chemical Technology*, 2015, no. 5 (164), pp. 10–12. (In Russ.).
7. Osipov D.A., Bol'shakova V.M. On the concepts "state control", "state supervision" and "total control over personality". *Vlast' = Power*, 2015, no. 5, pp. 136–140. (In Russ.).
8. Zubarev S.M. On correlation of concepts of "control" and "supervision" in public management. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-government*, 2014, no. 10, pp. 85–90. (In Russ.).
9. Pogodina N.A., Karelin K.V. Correlation of control and supervision in the Russian legal system. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2012, no. 3, pp. 72–74. (In Russ.).
10. Nozdrachev A.F., Zyryanov S.M., Kalmykova A.V. Reform of state control (supervision) and municipal control. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2017, no. 9, pp. 34–46. (In Russ.).
11. Igaikina I. I., Del'tsova Yu. O. State and prospects of development of state fire-prevention supervision and control. *Nauchnoe obozrenie = Scientific Review*, 2018, no. 2, pp. 8–12. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ РОМАНОВ – аспирант 3 курса кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета (МГЮА) имени О. Е. Кутафина, Москва, Россия, sergei.romanoff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6893-9346>

SERGEI A. ROMANOV – 3rd year postgraduate student of the Department of the Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, sergei.romanoff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6893-9346>

Статья поступила 31.01.2023

Научная статья

УДК 159.99

doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.010

К проблеме оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде

БОРИС ГЕОРГИЕВИЧ БОВИН

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
bovinbg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ ДВОРЯНЧИКОВ

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия, dvorian@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>

ДАРЬЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА МЕЛЬНИКОВА

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия, melnikovadv@mgppu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>

ИННА БОРИСОВНА БОВИНА

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия, innabovina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>

Реферат

Введение: сфокусированность внимания представителей социально-психологической науки на проблеме радикализации объясняется социальным запросом на профилактику данного явления в подростково-молодежной среде. Разработка инструментов оценки риска радикализации являет собой очень важный инструмент ранней диагностики. *Цель:* теоретико-аналитическое исследование с целью критического анализа существующих моделей оценки риска радикализации. *Результаты:* значительное внимание в работе уделено анализу инструментов оценки риска радикализации, которые используются в пенитенциарных системах ряда стран. Кроме того, обсуждаются модели оценки риска в более широкой популяции. *Выводы:* критический анализ существующих моделей радикализации позволяет прийти к заключению о необходимости рассмотрения процесса радикализации через призму такой теоретической традиции, которая была бы адекватна изучению самого феномена (радикализация, будучи процессом легитимизации терроризма, понимается как явление, происходящее в групповом контексте). Кроме того, модель оценки риска радикализации должна основываться на такой теоретической традиции, которая получила бы солидную экспериментальную проверку.

Ключевые слова: терроризм; радикализация; оценка риска; модели оценки риска радикализации; подростково-молодежная среда; уровни объяснения в социальной психологии; социальная идентичность.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Работа выполнена в рамках научно-исследовательского проекта (Государственное задание Министерства просвещения Российской Федерации № 073-00038-23-02 от 13.02.2023 г. «Оценка риска радикализации в подростково-молодежной среде»).

Для цитирования: Бовин Б. Г., Дворянчиков Н. В., Мельникова Д. В., Бовина И. Б. К проблеме оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 89–97. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.010.

Assessing Radicalization Risks in the Adolescent and Youth Environment

BORIS G. BOVIN

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, bovinbg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>

NIKOLAI V. DVORYANCHIKOV

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, dvorian@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>

DAR'YA V. MEL'NIKOVA

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, melnikovadv@mppu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>

INNA B. BOVINA

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, innabovina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>

Abstract

Introduction: representatives of socio-psychological science focus their attention on the problem of radicalization due to the social demand to prevent this phenomenon in the adolescent and youth environment. The development of tools for assessing radicalization risks is a very important tool for early diagnosis. *Purpose:* theoretical and analytical research to critically analyze current models for assessing radicalization risks. *Results:* considerable attention is paid to the analysis of tools for assessing radicalization risks, used in penitentiary systems of different countries. In addition, risk assessment models in a wider population are discussed. *Conclusion:* the conducted study shows that it is necessary to consider the radicalization process through the prism of such a theoretical tradition that would be adequate to the study of the phenomenon itself (radicalization, being a process of terrorism legitimization, is understood as a phenomenon occurring in a group context). In addition, the model for assessing radicalization risks should be based on a theoretical tradition that would receive a solid experimental test.

Key words: terrorism; radicalization; risk assessment; radicalization risk assessment models; adolescent and youth environment; explanation levels in social psychology; social identity.

5.3.9. Legal psychology and security psychology.

The work is carried out within the framework of a research project (State assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00038-23-02 of February 13, 2023 "Radicalization risk assessment in the adolescent and youth environment").

For citation: Bovin B.G., Dvoryanchikov N.V., Mel'nikova D.V., Bovina I.B. Assessing radicalization risks in the adolescent and youth environment. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 89–97. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.010.

Введение

Среди многочисленных определений терроризма, существующих в научной литературе, отдадим предпочтение одному, в соответствии с которым терроризм – это действия негосударственных субъектов, связанные с угрозой или фактическим применением незаконной силы или насилия для достижения политической, экономической, религиозной или социальной цели посредством страха, принуждения или запугивания [1, с. 496]. Террористическая деятельность нарушает основополагающий запрет, существующий в разных культурах и религиях, касающийся насилия, особенно в том случае, когда оно направлено на безоружных, невинных граждан [1].

Под радикализацией же будем понимать процесс, ведущий к совершению акта терроризма, легитимизацию терроризма [2]. Существенным дополнением к указанному выше определению терроризма является указание на то, что террористическая деятельность выполняется группой, аналогичным образом важно понимать, что и процесс радикализации – это процесс, происходящий в групповом контексте.

Сказанное выше свидетельствует о важности и актуальности изучения механизмов процесса радикализации, а также выявления предикторов вовлечения в террористическую деятельность. Только знание такого рода может быть положено в основу модели оценки риска. Цель предлагаемого в работе теоре-

тико-аналитического исследования заключается в критическом рассмотрении существующих моделей оценки риска радикализации.

Основная часть.

Оценку риска (в самом общем смысле) представляется возможным определить как попытку предсказать вероятность будущего, обычно негативного события, путем рассмотрения факторов, которые, как считается, связаны с вероятностью события [3, с. 283]. Специалисты в области психического здоровья используют такого рода инструменты для принятия решения о риске совершения того или иного варианта насилия индивидом [3; 4]. Анализ инструментов, используемых для оценки риска в случае радикализации и перехода к актам терроризма, свидетельствует о том, что они базируются на такой же логике [4].

С одной стороны, очевидны преимущества, ассоциированные с использованием инструментов оценки риска, поскольку выявление индивидов, уязвимых к процессу радикализации, является способом профилактики. И чем на более раннем этапе радикализации это произойдет, тем больше позитивных эффектов это будет иметь. Если вспомнить постадийные модели радикализации, анализируемые М. Кингом и Д. Тейлором [5], то очевидно, что скорость радикализации варьируется от стадии к стадии, а механизмы, задействованные в этом процессе, разнятся.

С другой стороны, существует целый ряд серьезных препятствий для того, чтобы оценить или спрогнозировать риск того, что индивид, идущий по пути радикализации, дойдет до конца – совершения террористических актов. Одно препятствие касается проблемы прогноза в психологии в целом [6]. Опять же, если обращаться к постадийным моделям радикализации, станет очевидным тот факт, что не все индивиды доходят до конца [5; 7]. Особенно ярко это демонстрируется в модели Ф. Мохаддама, где радикализация определяется как поступательный процесс, реализующийся через прохождение шести стадий (или ступеней). Прохождение каждой ступени приближает индивида к терроризму, делая эту акцию более легитимной [5; 7].

Попытка предсказать, как будет действовать индивид, скорее всего, базируется на постулатах теоретической модели или закономерности и требует особой аккуратности в применении [4; 6]. Отсюда вытекает еще одно препятствие, которое носит этический характер: построение прогноза может означать, что индивид наделяется своего рода ярлыком относительно риска совершения террористических действий [4].

И все же логика построения модели оценки риска не является новой, обозначенные выше препятствия на пути создания прогноза должны быть приняты во внимание для поиска более надежного и тонкого инструмента оценки риска радикализации.

Традиционно различают три подхода к оценке риска: с одной стороны, речь идет о подходе, при котором эксперты, принимающие решения об оценке риска, апеллируют к своему профессиональному опыту и знаниям особенностей индивида. Такая экспертная оценка обладает недостатками, ассоциированными с различного рода пристрастностями, эффектами социальной перцепции, субъективностью при принятии решения [4]. С другой стороны, имеется возможность различать подход, основанный на оценке риска с помощью ряда индикаторов, на основе которых вычисляется интегральный показатель риска индивида с использованием определенного алгоритма. Этот подход имеет некоторые преимущества. В частности, здесь эксплицированы процедуры и критерий, на основе которого принимаются решения о риске, уязвимости субъекта, вероятности совершения им того или иного действия [4]. В то же время в качестве серьезного недостатка этого подхода можно рассматривать теоретическую конструкцию, которая лежит в основе, то предположение, на основе которого разрабатывается система эмпирических индикаторов для измерения риска.

Наконец, представляется возможным говорить о промежуточном варианте, если предыдущие подходы трактовать как своего рода полюса континуума. Третий вариант комбинирует первые два, что позволяет до определенного предела нивелировать недостатки каждого подхода и использовать имеющиеся преимущества. Вслед за К. Сармой можно утверждать, что именно третий подход оказывается наиболее гибким и адекватным в ситуации неопределенности (характеризующейся недостатком информации при принятии решения о риске) [4].

Существующие на настоящий момент модели оценки риска радикализации обладают определенной спецификой, поскольку получили свое преимущественное применение в пенитенциарной системе ряда стран. Разработаны специальные образовательные программы, нацеленные на сотрудников пенитенциарной системы, что позволяет на практике использовать различные инструменты для оценки риска радикализации. В результате принимаются решения о реинтеграции осужденных [4]. Кроме того, радикализация в тюрьмах являет собой актуальную проблему, что уже неоднократно обсуждалось в научной литературе [8, с. 138–153], использование на практике инструмента оценки риска радикализации открывает возможности разработки и реализации системы мониторинга среди осужденных.

Менее разработанной оказывается система мониторинга, нацеленная на выявление представителей подростково-молодежной среды, уязвимых к радикализации и находящихся вне пенитенциарных институций [4; 9]. Размышляя о возможностях использования имеющегося на настоящий момент опыта оценки риска, предпримем критический анализ моделей оценки риска радикализации, применяющихся преимущественно в местах лишения свободы

[4; 10; 11]. Ценность такого анализа можно аргументировать следующим образом: во-первых, это позволяет понять, что имеется в арсенале специалистов по безопасности, каковы механизмы этих инструментов оценки риска радикализации. Во-вторых, некоторые из моделей предназначены для оценки риска в общей популяции (от 12 или 14 лет). И такого рода инструменты оценки риска представляют интерес в логике нашего теоретико-аналитического исследования. В-третьих, критический анализ имеющихся моделей, рассмотрение их преимуществ и ограничений позволили бы приблизиться к разработке более эффективной системы оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде.

Оценка риска радикализации осуществляется на основе той или иной модели [10; 11], остановимся на каждой из них.

Модель VERA-2R (Оценка риска экстремизма, связанного с насилием) предназначена для оценки вероятности экстремистского поведения, связанного с насилием, что позволит затем разработать и использовать соответствующую систему контроля. Эта модель пригодна для оценки риска в случае любого типа экстремизма (политический, религиозный, социальный) среди молодежи и взрослых. 34 индикатора сгруппированы в пять классов: 1) убеждения, установки и идеология; 2) социальный контекст и намерения; 3) история, действия и возможности; 4) приверженность и мотивация; 5) защитные факторы, снижающие риск. Кроме того, используются 11 дополнительных факторов из трех областей (криминальная история, личная история, психическое неблагополучие). Эксперт принимает решение, опираясь на показатели по шкалам. Выраженность каждого параметра модели может быть оценена как низкая, средняя, высокая. Модель предполагает, что факторы риска и защиты являют собой динамические и изменчивые образования, поэтому требуются повторные замеры, которые позволили бы отслеживать индивидуальную динамику [10; 11].

Модель ERG22+ (Руководство по риску экстремизма 22+) разработана для оценки вероятности экстремистского поведения, связанного с насилием, что позволит затем создать и использовать соответствующую систему контроля. Эта модель пригодна для оценки риска в случае любого типа экстремизма (политический, религиозный, социальный) среди осужденных за экстремизм (любого толка). Скрининговая система модели позволяет ее использовать в отношении тех, кто не осужден за экстремизм, но вызывает опасения относительно уязвимости к радикализации. Система включает 22 индикатора, которые сгруппированы в три класса: 1) вовлеченность; 2) намерения; 3) способности. При этом знак "+" в названии модели предполагает, что ряд дополнительных параметров могут быть использованы при принятии решения [10; 11].

Модель RRAP (Оценка риска радикализации в тюрьмах) нацелена на определение степени уязви-

мости и риска экстремизма для разработки последующих мер воздействия. Целевую группу этой модели составляют осужденные, склонные к экстремизму (политическому, религиозному или социальному), связанному с насилием. Этот инструмент интегрирует информацию, получаемую на различных уровнях иерархии в пенитенциарном учреждении, а именно: 1) информация, полученная от руководства; ключевыми здесь являются данные о ситуативных факторах радикализации; 2) информация, полученная от рядовых сотрудников (охранники, представители воспитательной части и пр.). Речь идет о результатах наблюдения за поведением осужденных. На основе этой информации представляется возможным фиксировать изменения в поведении, свидетельствующие о процессе радикализации (своего рода переход от когнитивного уровня к поведенческому); 3) информация, получаемая от самого осужденного (скрининговый инструмент). Таким образом, решение выносится на основе комбинирования всей полученной информации. В целом модель включает 39 пунктов, сгруппированных в 9 единиц [11].

Цель модели IR46 (Модель исламистской радикализации) заключается в выявлении признаков исламистского экстремизма и готовности к применению насилия. Она ограничивается только исламистским экстремизмом, при этом адресована индивидам из общей популяции, направлена на тех из них, кто демонстрирует признаки экстремизма, причем возраст целевой группы составляет 12 лет и более. 46 индикаторов соответствуют двум сферам: идеология (20 индикаторов) и социальный контекст (26 индикаторов), при этом обе сферы действуют одновременно, в каждом конкретном случае перевешивает либо одна, либо другая [10; 11]. При этом модель принимает во внимание тезис о том, что процесс радикализации разворачивается во времени, проходит ряд стадий (первоначальная стадия, стадия социальной отчужденности, джихадизация – стадия, когда индивид принимает необходимость использования насилия, последняя стадия – переход к совершению экстремистских действий или джихаду). Индикаторы риска динамичны, могут изменяться. Таким образом, модель направлена скорее на оценку актуального состояния, чем на прогноз. Повторное использование индикаторов позволяет говорить о динамике риска радикализации индивида.

Модель RADAR-iTE (Оценка повышенного риска исламистского терроризма) – самая специализированная для пенитенциарного контекста, поскольку нацелена на выявление исламистов, готовых к совершению насильственных действий, то есть речь идет только об исламистском экстремизме. Целевая аудитория этой модели – индивиды с высоким уровнем риска (известные террористы), срок заключения которых подходит к концу. Модель предполагает два этапа оценки: 1) представитель пенитенциарной системы дает всю информацию о том или ином осужденном, соответствующем критериям, указанным

выше; 2) предлагается ответить на 73 вопроса, касающихся осужденного (индивида с высоким уровнем риска). Вопросы нацелены на получение информации относительно событий личной и общественной жизни, круга общения, доказательств поездок, мотивированных джихадом, истории насилия и пр. [11].

Все модели апеллируют к разным объяснительным конструктам: так, например, модель оценки риска экстремизма опирается на идеологию, в руководстве по риску экстремизма таким конструктом оказывается идентичность, в модели оценки повышенного риска исламистского терроризма акцент делается на социальном окружении индивида [11]. Модель исламистской радикализации изначально основывалась на идеях модели Ф. Мохаддама [7]. Обращает на себя внимание тот факт, что рассогласование эмпирических фактов и теоретической рамки привели к отказу от логики шести этапов модели, ведущих к совершению террористического акта, что с теоретической точки зрения оказывается дискуссионным.

Модель оценки риска радикализации (оценка риска экстремизма, связанного с насилием) комбинирует идеи ряда моделей и теорий, среди которых: модель М. Сейджмана, теории А. Бандуры и А. Круглянского [10; 11]. В случае руководства по риску экстремизма теоретическая база объединяет идеи, принадлежащие к различным концептуальным схемам: речь идет о теории причинного действия А. Айзена и М. Фишбеина [10], теории авторитарной личности Т. Адорно [10], теории социальной идентичности Г. Тэшфела [12; 13].

Модели разнятся в количестве факторов, на основе которых выносится суждение о риске радикализации. В случае двух моделей (руководство по риску экстремизма, модель исламистской радикализации) допускается, что эксперт, принимающий решение, опирается на дополнительные факторы риска [11]. Факторы защиты варьируются в этих моделях от небольшого количества фиксированных переменных (например, в случае модели оценки риска экстремизма) до неограниченного количества (например, в случае модели исламистской радикализации) [11]. Наряду с критическими комментариями обратим внимание на одну важную характеристику этих моделей: факторы риска рассматриваются как динамические и изменчивые образования, что делает все эти системы средствами мониторинга риска радикализации.

Все эти инструменты предназначены для профессионального использования и требуют специального обучения для принятия решений о риске радикализации, как отмечалось выше [11]. Анализ моделей оценки риска радикализации, используемых преимущественно в пенитенциарной системе ряда стран [10; 11], позволяет говорить о том, что эти инструменты требуют самого серьезного теоретико-методологического осмысления и экспериментальной проверки.

Наконец, можно говорить о некоторых других моделях, выходящих за рамки пенитенциарной си-

стемы. Эти модели представляют особый интерес, поскольку в перспективе нами планируется именно разработка модели оценки риска радикализации в подростково-молодежной среде.

Модель IVP (Идентификация уязвимых людей) нацелена на выявление индивидов, уязвимых к рекрутированию для совершения *экстремистских действий* [10]. Целевая аудитория модели – индивиды, в отношении которых существуют опасения, касающиеся радикализации (этот инструмент применим к широкой аудитории). Модель включает два ряда индикаторов. К общим индикаторам риска относятся следующие: 1) культурная и/или религиозная изоляция; 2) изоляция от семьи; 3) поведение, связанное с риском; 4) внезапная смена религиозной практики; 5) риторика, связанная с насилием; 6) негативное влияние сверстников; 7) изолированная группа сверстников; 8) риторика, связанная с ненавистью; 9) политический активизм; 10) базовая военная подготовка; 11) поездки/проживание за границей. Вторая группа индикаторов (так называемые индикаторы “красного флага” включает такие, как: 1) риторика, связанная со смертью; 2) членство в экстремистской группировке; 3) контакты с известными вербовщиками/экстремистами; 4) продвинутая военная подготовка; 5) участие в зарубежных боевых действиях [10]. Модель предназначена для использования специалистами в области образования.

Модель MLG 2 (Многоуровневое руководство 2) предполагает выявление индивидов, готовых к совершению насильственных действий в составе группы, включая терроризм, то есть речь идет о любом варианте экстремизма. Целевая аудитория этой модели – индивиды из общей популяции (от 14 лет), члены каких-либо групп. Модель включает 16 основных факторов риска, сгруппированных в четыре сферы: индивидуальная, индивидуально-групповая, групповая и группово-социальная [10].

Наконец, *модель TRAP – 18 (Инструмент для оценки радикализации, связанной с терроризмом)* нацелена на выявление индивидов, готовых к совершению идеологически мотивированного и намеренного акта насилия в отношении человека или группы лиц. Целевая группа этой модели – индивиды, готовые к участию в идеологически мотивированном насилии (выявленные сотрудниками правоохранительных органов). Эта модель в большей степени ориентирована на террористов-одиночек, однако может быть применена и к террористической деятельности в группе.

Как отмечалось выше, среди тех моделей, которые используются в пенитенциарной системе, некоторые также могут быть результативны в более широкой популяции.

Дискуссионность использования этих моделей оценки риска обусловлена рядом особенностей: даже если оставить в стороне аспекты этического толка (хотя в моделях и упоминается соответствие этическим кодексам психологических ассоциаций

тех или иных стран [10]), открытыми остаются вопросы относительно того, на какие механизмы радикализации опираются эти модели. Исходят ли они из концепций, получивших проверку в экспериментальных исследованиях? В лучшем случае, модели оценки опираются на комбинацию идей, принадлежащих ряду теоретических моделей [10; 11], в худшем – носят описательный характер, базируясь на ряде наблюдений. Проблема, которую мы усматриваем в стратегии синтетической теоретической рамки, заключается в том, что в отдельности эти теории имеют эмпирическую и даже экспериментальную проверку, но их фрагментарное использование требует соответствующего осмысления и артикуляции на теоретико-методологическом уровне, поскольку сами теории принадлежат к различным уровням социально-психологического объяснения – от интраиндивидуального до идеологического [14]. Не имеют эти модели и экспериментальной проверки, которая необходима для установления каузальных отношений.

Кроме всего прочего, открытым остается вопрос о том, какова точность принимаемого решения, не возникают ли эффекты и феномены социальной перцепции, искажающие восприятие на межличностном уровне, затрудняющие точность оценок, не допускаются ли фундаментальная ошибка атрибуции.

Наряду с рассмотренными выше моделями, применимыми для оценки риска радикализации в общей популяции, представляется возможным говорить о том, что в образовательных учреждениях, организациях, работающих с молодежью, в ряде стран на практике применяются системы индикаторов для оценки уязвимости индивидов [4]. Одна система разработана в рамках проекта SAFIRE на основе консультаций со специалистами по борьбе с радикализацией (N = 28). Эта система включает показатели (21 признак), сгруппированные таким образом: 1) идентичность и поиск идентичности; 2) ингрупповая и аугрупповая дифференциация; 3) социальное взаимодействие, способствующее насилию, сочетающееся с дистанцированием от привычного окружения (друзья и семья); 4) трансформация имиджа; 5) ассоциирование с экстремистскими группами [4]. Система основывается на методе наблюдения за поведением индивидов.

Другой пример такой системы – практическое руководство, направленное на диагностику степени уязвимости к радикализации. Первый уровень включает особенности когнитивно-эмоционального спектра, которые делают человека уязвимым к воздействию со стороны террористической группировки. Второй уровень – ряд признаков, которые указывают на готовность индивида к применению насилия в сочетании с дегуманизацией тех или иных категорий, на которые направлены действия террористических группировок. Последний, третий, уровень касается причинения вреда (речь идет о знаниях, умениях и навыках, свободном доступе к соответствующему оборудованию) [4]. В целом можно говорить о некоторых

аллюзиях с поэтапными моделями радикализации [5].

Ни в коей мере не пытаюсь снизить значимость и важность имеющихся инструментов оценки риска, сделаем ряд критических замечаний. С одной стороны, в обоих случаях открытым оказывается вопрос о психологических механизмах радикализации, теоретической модели, которая бы объясняла этот процесс легитимизации терроризма. С другой стороны, в обоих случаях представляется возможным констатировать наличие определенных аллюзий с подходом социальной идентичности, в рамках которого идет речь о психологических процессах (социальная категоризация, социальное сравнение и социальная идентификация), которые позволяют понять, чем социальная идентичность людей отличается от персональной идентичности, как формируется и действует социальная идентичность [15, с. 379–398].

В первой системе можно заметить, что индивид радикализируется как член группы [16; 17, с. 75–85], которая конструирует ему определенную социальную реальность, задает социальную идентичность. Следствие этого – дистанцирование от привычного окружения (семья и друзья).

Если вернуться ко второй системе, позволяющей оценивать риск радикализации, где с помощью набора индикаторов предлагается наблюдение за особенностями поведения радикализирующихся субъектов, то опять же параметры одного из уровней станут понятными в логике подхода социальной идентичности: так, группы с экстремистскими и радикальными взглядами задают своим членам социальную реальность, определяют, что является правильным, а что – нет. Как следствие, члены группы получают однозначную основу для оценки представителей аутгруппы, дегуманизируя их, что в результате оправдывает любые действия в отношении этих людей [18, с. 19–35].

Несмотря на определенные аллюзии с подходом социальной идентичности, в частности это касается поиска идентичности (по сути социальной идентичности), межгруппового восприятия (ин-ти аутгрупповая дифференциация), дистанцирования от близкого окружения (семья и друзья) и ассоциирования с экстремистскими группами, это может быть интерпретировано как смена идентичности; тем не менее обе системы оценки риска не сформулированы в рамках этого подхода и не используют в полной мере ее потенциал, не опираются на логику и механизмы подхода, что позволило бы повысить ценность этих моделей.

Позволим заметить, что распознавание признаков, связанных с радикализацией, в обеих системах свидетельствует в пользу того, что индивид под вопросом прошел значительную часть пути под названием «радикализация» (в соответствии с определением, использованным выше [2], это путь, ведущий к легитимизации терроризма). В этой связи технология оценки риска должна опираться на такой диа-

гностический инструментарий, который позволил бы распознать признаки радикализации на более ранней стадии. Можно предполагать, что скорость радикализации различается в начале и конце этого пути. Как показывает анализ постадийных моделей радикализации, рассмотренных выше, если изначально «события по радикализации» происходят преимущественно в когнитивном плане, то на стадиях, приближенных к завершению, этот процесс выходит преимущественно в поведенческий план, план социальных практик и отношений. Данная особенность отражена и в обсуждаемых здесь моделях оценки риска. Именно поэтому в обеих моделях то, что можно пронаблюдать, соответствует такой точке на пути радикализации, когда значительная часть последнего уже пройдена.

Эти примеры наглядно демонстрируют, что модель оценки риска радикализации должна иметь под собой адекватную теоретическую схему, объяснительная сила которой соответствует специфике радикализации, в которой отношения между переменными были бы концептуализированы и опирались бы на экспериментальные факты.

Современная ситуация складывается таким образом, что запросы практики на разработку инструмента оценки риска радикализации в некотором смысле пока еще опережают возможности психологической науки. Это касается, в первую очередь, того, что модель оценки риска, которая могла бы быть использована для прогнозирования вероятности совершения террористической деятельности, предполагает экспериментально проверенную теоретическую рамку, а это, насколько позволяют судить результаты осуществленного выше теоретико-аналитического исследования, пока еще зона ближайшего развития в области оценки риска радикализации.

Заключение

Критический анализ существующих моделей радикализации позволил сделать вывод о необходимости рассмотрения процесса радикализации через призму такой теоретической традиции, которая была бы адекватной изучению самого феномена (радикализация, будучи процессом легитимизации тер-

роризма, понимается как явление, происходящее в групповом контексте).

Скорость процесса радикализации различается в начале и конце этого пути (прихода к легитимизации терроризма). Как показывает анализ постадийных моделей радикализации [5], изначально «события по радикализации» происходят преимущественно в когнитивном плане, на стадиях, приближенных к завершению радикализации, – в поведенческом плане, плане социальных практик и отношений. Именно этот переход зачастую рассматривается как быстрая радикализация, хотя поведенческому плану предшествуют скрытые от наблюдения процессы, происходящие на когнитивном уровне.

В моделях оценки риска, используемых в настоящее время [4], этот факт принимается во внимание, но в силу того, что они базируются на методе наблюдения за поведенческими особенностями радикализирующегося индивида, то, что можно пронаблюдать, соответствует такой точке на пути радикализации, когда значительная его часть уже пройдена. Сложность построения модели оценки риска радикализации, основанная на раннем распознавании признаков радикализации, связана с тем, что в фокусе внимания оказывается то, что происходит на когнитивном уровне индивида, уязвимо к радикализации, у каждого момента процесса радикализации, вероятно, имеются свои когнитивно-аффективные особенности, инструмент диагностики предполагает определенную субтильность для того, чтобы недопустить ошибочных суждений о субъекта.

Критический анализ моделей оценки риска, базируются хотя бы на какой-то теоретической основе, позволяет нам говорить о необходимости разработки модели оценки риска радикализации, которая исходила бы из единого подхода, а не из набора идей, заимствованных из ряда теорий, принадлежащих к различным уровням эпистемологического континуума [14]. Комбинирование идей потребует соответствующей теоретико-методологической артикуляции положений с последующей экспериментальной проверкой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Culture and Extremism / M. J. Gelfand, G. LaFree, S. Fahey, E. Feinberg // Journal of Social Issues. 2013. Vol. 69, no. 3. Pp. 495–517.
2. Pathways toward Jihadism in Western Europe: An Empirical Exploration of a Comprehensive Model of Terrorist Radicalization / M. Pfundmair, E. Aßmann, B. Kiver, M. Penzkofer, A. Scheuermeyer, L. Sust, H. Schmidt // Terrorism and Political Violence. 2019. Vol. 34, no. 1. Pp. 1–23.
3. Herrington V., Roberts K. Risk assessment in counterterrorism // Countering terrorism: Psychosocial strategies / U. Kumar, M. K. Mandal (eds.). London, 2012. Pp. 282–305.
4. Sarma K. M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism // American Psychologist. 2017. Vol. 72, no. 3. Pp. 278–288.
5. King M., Taylor D. M. The Radicalization of Homegrown Jihadists: A Review of Theoretical Models and Social Psychological Evidence // Terrorism and Political Violence. 2011. Vol. 23, no. 4. Pp. 602–622.
6. Fowler J. C. Suicide risk assessment in clinical practice: pragmatic guidelines for imperfect assessments // Psychotherapy Theory Research Practice Training. 2012. Vol. 49, no. 1. Pp. 81–90.
7. Moghaddam F. M. The Staircase to Terrorism: A Psychological Exploration // American Psychologist. 2005. No. 60. Pp. 161–169.

8. Cross-Cultural Dialogue as a Conflict Management Strategy / J. Martín Ramírez, G. Abad-Quintanal (eds.). Verlag, 2018. 154 p.
9. European Union Agency for Law Enforcement Cooperation, «European Union Terrorism Situation and Trend Report 2020». URL: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-te-sat-2020> (дата обращения: 26.01.2023).
10. Lloyd M. Extremist risk assessment: A directory. Actors and Narratives. URL: <https://crestresearch.ac.uk/resources/extremism-risk-assessment-directory/> (дата обращения: 26.01.2023).
11. Risk assessment in prison. European Commission. 2021. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files/202104/ran_cons_overv_pap_risk_assessment_in_prison_20210210_en.pdf (дата обращения: 26.01.2023).
12. Tajfel H. La catégorisation sociale // Introduction à la psychologie sociale / S. Moscovici (ed.). Paris, 1972. Pp. 272–302.
13. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations // Annual Review of Psychology. 1982. Vol. 33, no. 1. Pp. 1–39.
14. Doise W., Valentim J. P. Levels of analysis in social psychology // International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences : in 26 vols. 2nd edition. Oxford, 2015. Vol. 13. Pp. 899–903.
15. Handbook of theories of social psychology / P. A. M. Van Lange, A. W. Kruglanski, E. T. Higgins (Eds.). Los Angeles, 2012. Vol. 2.
16. Wickham B. M., Capazza N. M., Stephenson V. L. Misperceptions and motivations of the female terrorist: A Psychological Perspective // Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma. 2020. Vol. 29. Pp. 953–968.
17. Societies under threat. A Pluri-Disciplinary Approach / D. Jodelet, J. Vala, E. Drozda-Senkowska (eds.). Cham, 2020. 224 p.
18. Extremism and psychology of uncertainty / M. A. Hogg, D. L. Blaylock (eds.). Oxford, 2011. 328 p.

REFERENCES

1. Gelfand M.J., Free G.La, Fahey S. et al. Culture and extremism. Journal of Social Issues, 2013, vol. 69, no. 3, pp. 495–517.
2. Pfundmair M., Aßmann E., Kiver B. et al. Pathways toward jihadism in Western Europe: an empirical exploration of a comprehensive model of terrorist radicalization. Terrorism and Political Violence, 2019, vol. 34, no. 1, pp. 1–23.
3. Herrington V., Roberts K. Risk assessment in counterterrorism. In: Kumar U., Mandal M.K. (Eds.). Countering terrorism: Psychosocial strategies. London, 2012. Pp. 282–305.
4. Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism. American Psychologist, 2017, vol. 72, no. 3, pp. 278–288.
5. King M., Taylor D. M. The radicalization of homegrown jihadists: a review of theoretical models and social psychological evidence. Terrorism and Political Violence, 2011, vol. 23, no. 4, pp. 602–622.
6. Fowler J.C. Suicide risk assessment in clinical practice: pragmatic guidelines for imperfect assessments. Psychotherapy Theory Research Practice Training, 2012, vol. 49, no. 1, pp. 81–90.
7. Moghaddam F.M. The staircase to terrorism: a psychological exploration. American Psychologist, 2005, no. 60, pp. 161–169.
8. Cross-cultural dialogue as a conflict management strategy. Ed. by J. Martín Ramírez, G. Abad-Quintanal. Verlag, 2018. 154 p.
9. European Union Agency for Law Enforcement Cooperation, “European Union Terrorism Situation and Trend Report 2020”. Available at: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-te-sat-2020> (accessed January 26, 2023).
10. Lloyd M. Extremist risk assessment: A directory. Actors and narratives. Available at: <https://crestresearch.ac.uk/resources/extremism-risk-assessment-directory/> (accessed January 26, 2023).
11. Risk assessment in prison. European Commission. 2021. Available at: https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files/202104/ran_cons_overv_pap_risk_assessment_in_prison_20210210_en.pdf (accessed January 26, 2023).
12. Tajfel H. La catégorisation sociale. In: Moscovici S. (Ed.) Introduction à la psychologie sociale. Paris, 1972. Pp. 272–302.
13. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations. Annual Review of Psychology, 1982, vol. 33, no. 1, pp. 1–39.
14. Doise W., Valentim J.P. Levels of analysis in social psychology. In: International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences: in 26 vols. 2nd edition. Oxford, 2015. Vol. 13. Pp. 899–903.
15. Handbook of theories of social psychology. Vol. 2 Ed. by Lange P.A.M., Kruglanski A.W., Higgins E.T. (Eds.). Los Angeles, 2012.
16. Wickham B.M., Capazza N.M., Stephenson V. L. Misperceptions and motivations of the female terrorist: A Psychological Perspective. Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma, 2020, vol. 29, pp. 953–968.
17. Societies under threat. A pluri-disciplinary approach. Ed. by Jodelet D., Vala J., Drozda-Senkowska E. Cham, 2020. 224 p.
18. Extremism and psychology of uncertainty. Ed. by Hogg M.A., Blaylock D.L. Oxford, 2011. 328 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

БОРИС ГЕОРГИЕВИЧ БОВИН – кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, bovinbg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>

НИКОЛАЙ ВИКТОРОВИЧ ДВОРЯНЧИКОВ – кандидат психологических наук, доцент, декан факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, dvorian@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>

ДАРЬЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА МЕЛЬНИКОВА – преподаватель кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Россия, melnikovadv@mgppu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>

ИННА БОРИСОВНА БОВИНА – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского государственного психолого-педагогического университета, innabovina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>

BORIS G. BOVIN – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, bovinbg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>

NIKOLAI V. DVORYANCHIKOV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Dean of the Faculty of Legal and Forensic Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, dvorian@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>

DAR'YA V. MEL'NIKOVA – Lecturer at the Department of Clinical and Forensic Psychology of the Faculty of Legal and Forensic Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, melnikovadv@mgppu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>

INNA B. BOVINA – Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, professor at the Department of Clinical and Forensic Psychology of the Faculty of Legal and Forensic Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, innabovina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>

Статья поступила 31.01.2023

Предубеждения в отношении психологии как фактор повышения экстремальности службы и дезадаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы

ЮРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ СУСЛОВ

Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
zimburu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9824-748X>

СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА КУЛАКОВА

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
centr2nii@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8688-2021>

Реферат

Введение: авторами рассматривается проблема предубеждений со стороны персонала учреждений пенитенциарной системы к психологии и ее созидательным возможностям. *Цель:* на основе обобщения теоретических материалов и анализа практики деятельности пенитенциарных учреждений показать, что в условиях постоянного воздействия количественных и качественных факторов пенитенциарной среды на личность сотрудников от них требуется поддержание состояния постоянной готовности к агрессивным действиям со стороны лиц, находящихся в местах лишения свободы, что без профессионального психологического сопровождения может влиять на процесс адаптации, действия в экстремальных ситуациях и создавать риск развития профессиональных деструкций. *Результаты:* отношение к неопределенности авторами рассматривается как личностная особенность, лежащая в основе адаптационных процессов и процессов восприятия экстремальности деятельности. На примере специфической профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы показано, как проблема предубеждений в отношении психологии повышает экстремальность пенитенциарной деятельности, риск последующих негативных последствий, в частности при адаптации к службе. *Выводы:* показана схожесть процессов адаптации к служебной деятельности и экстремальным условиям, а также делается акцент на необходимости работы с предубеждениями в отношении психологического сопровождения деятельности сотрудников.

Ключевые слова: адаптация; готовность; уголовно-исполнительная система; экстремальность; экстремальные ситуации; психологическое сопровождение; отношение к неопределенности.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности.

Для цитирования: Суслов Ю. Е., Кулакова С. В. Предубеждения в отношении психологии как фактор повышения экстремальности службы и дезадаптации сотрудников уголовно-исполнительной системы // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 98–104. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.011.

Original article

Prejudice against Psychology as a Factor in Increasing Extremity of the Service and Maladaptation of Penal System Employees

YURII E. SUSLOV

Russian State Social University, Moscow, Russia
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
zimburu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9824-748X>

SVETLANA V. KULAKOVA

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia,
centr2nii@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8688-2021>

Abstract

Introduction: in the article, the authors consider the problem of prejudice against psychology and its creative possibilities on the part of the staff of penitentiary institutions. *Purpose:* based on the generalization of theoretical materials and analysis of the practice of activity in penitentiary institutions to show that in conditions of constant impact of quantitative and qualitative factors of penitentiary activity on the personality of employees, they should be ready for aggressive actions of inmates. Without professional psychological assistance, employees' adaptation process and behavior in extreme situations can be affected and risks of developing professional destructions can be created. *Results:* the attitude to uncertainty is considered by the authors as a personality trait underlying adaptation processes and processes to perceive extreme conditions of work. Having considered specific professional activity of penitentiary system employees, the authors show how the problem of prejudice against psychology increases extremity of service and what subsequent negative consequences can be, in particular in the adaptation period. *Conclusions:* the similarity of the processes of adapting to service activities and extreme conditions is shown, and the emphasis is also placed on the need to work with prejudice against psychological support of employees' activities.

Keywords: adaptation; readiness; penal system; extremity; extreme situations; psychological support; attitude to uncertainty.

5.3.9. Legal psychology and security psychology.

For citation: Suslov Yu.E., Kulakova S.V. Prejudice against psychology as a factor in increasing extremity of the service and maladaptation of penal system employees. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 98–104. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.011.

Введение

Проблема адаптации к профессиональной деятельности заслуженно остается в центре теоретико-практического внимания многих дисциплин. Несмотря на значительное количество как общетеоретических, так и частноприкладных исследований, особенность данной проблематики заключается во внутренне присущей ей актуальности вне зависимости от текущего состояния общества. Любые общественно-экономические, политические, экологические и иные изменения, как положительные, так и отрицательные, требуют приспособления к ним со стороны человека [1, с. 186–187; 2, с. 15]. Проблема адаптации к конкретной трудовой деятельности преломляется через призму специфических условий и факторов, обусловленных границами, задаваемыми целью и решаемыми задачами, а также реализации системы действий по их достижению с имеющимися у субъекта индивидуально-личностными особенностями. Не является исключением в данном вопросе и уголовно-исполнительная система Российской Федерации.

Основные результаты

В системе нормального функционирования общества уголовно-исполнительная система занимает особое место, так как обеспечивает безопасность социума за счет изоляции лиц, совершивших преступления, но и осуществляя их исправление [3, с. 8–9; 4]. В качестве иллюстрации актуальности деятельности уголовно-исполнительной системы приведем данные официальной статистики МВД России и ФСИН России. Так, в Российской Федерации в 2022 г. зарегистрировано 1 966 795 преступлений. Несмотря на то, что данный показатель снизился на

1,9 % по сравнению с 2021 г., отмечается рост регистрируемых преступлений в 10 субъектах [5]. С лицами, совершившими преступления, которым судом назначено наказание, сотрудниками уголовно-исполнительной системы проводится работа по исправлению. По состоянию на 1 января 2023 г., в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 433 006 чел. [6]. Приведенные цифры демонстрируют высокую количественную нагрузку на сотрудников уголовно-исполнительной системы, которые ежедневно взаимодействуют с этой весьма разнообразной совокупностью людей, общим для которых является факт совершения преступления. Количественный фактор воздействия на профессиональную деятельность предполагает наличие и качественного. Последний, по нашему мнению, является ключевым в определении реальной нагрузки на сотрудников уголовно-исполнительной системы. Качественный состав лиц, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях, разнообразен. Причем настолько, что и критерии оценивания, и описания обсуждаемой совокупности также множественны. Например, по критерию психического состояния спектр групп осужденных и лиц, заключенных под стражу, варьируется от относительной нормы до наличия психических аномалий в рамках вменяемости [7, с. 20–21; 8, с. 291–293; 9, с. 250–252]. Требуется особого подхода и такая категория, как инвалиды. Осужденные-инвалиды нуждаются в дополнительном внимании и помощи со стороны персонала уголовно-исполнительной системы [10]. Кроме того, подозреваемые, обвиняемые и осужденные различаются по критериям возраста, пола, наличия криминального и тюремного опыта, уровня образования, особенно-

стей воспитания, национальности, принадлежности к определенной социальной группе [11, с. 159–160] и т. д. При этом следует учитывать, что перечисленные критерии могут составлять различные комбинации. Заметим, что мы намеренно не касаемся психологических характеристик, так как они дополнительно усиливают фактор разнообразия. Все это отражается в поведении лиц, находящихся в местах лишения свободы. В частности, осужденные в исправительных учреждениях могут вести себя условно нормально, соблюдая установленные законодательством требования, а могут и нарушать режим вплоть до совершения преступлений. Нередки случаи нападения на сотрудников и работников уголовно-исполнительной системы, нанесения телесных повреждений различной степени тяжести, взятия в заложники и т. д. [12].

Безусловно, о наличии подобных угроз известно персоналу уголовно-исполнительной системы, что требует от сотрудников постоянной готовности к агрессивным действиям со стороны спецконтингента. Это отражается на их психическом и физическом состоянии, вызывает усталость, перенапряженность и иные формы истощения имеющихся ресурсов. В том числе и по этим причинам профессиональная деятельность в уголовно-исполнительной системе относится к экстремальной [12, с. 142; 13, с. 33–34; 14, с. 3; 15, с. 235–236].

Это обуславливает особые требования, с одной стороны, к личности и наличию специальных знаний, умений и навыков у сотрудников уголовно-исполнительной системы, а с другой – к организации их труда, созданию особых условий, учитывающих данные обстоятельства службы и выполняющих поддерживающую и развивающую функции, основанных на современных научных разработках в различных областях научного знания. Одно из лидирующих мест в этом вопросе занимает психология с ее современными достижениями в области саморегуляции эмоционального состояния, преодоления жизненных и профессиональных трудностей, коррекции негативных личностных черт и пр. Вместе с тем практическая реализация психологических знаний нередко осложняется сопротивлением, нежеланием сотрудников участвовать в мероприятиях как группового, так и индивидуального характера. В основе подобного поведения и отношения могут лежать, например, имеющиеся у сотрудников предубеждения в отношении психологии [16, с. 290–297], которые сформировались по причине имеющихся в настоящее время проблем в самой пенитенциарной психологии и представлений о ней в обществе. Нами уже неоднократно освещалась данная проблематика [16, с. 167; 17, с. 19–20; 18, с. 124–125], однако она не теряет своей актуальности [19].

В современной психологической науке не существует однозначного толкования термина «предубеждение». Данный феномен является результатом действия многих взаимосвязанных факторов: экономических, политических, исторических, культурных,

социально-структурных, социально-психологических.

Исследованию феноменов предубежденности в зарубежной психологии посвящены труды Ф. Денмарка, У. Липпмана, Д. Майерса, Т. Нелсона, Г. Олпорта и др., а в отечественной психологии это работы Г. М. Андреевой, А. И. Донцова, Г. У. Солдатовой, Т. Г. Стефаненко, П. Н. Шихирева и др. Изучению отдельных феноменов предубежденности в уголовно-исполнительной системе посвящены труды пенитенциарных психологов Ю. М. Антоняна, С. Н. Ениколопова, В. М. Позднякова, А. И. Ушатикова и др.

Наиболее полным в контексте предубеждений в отношении психологической деятельности нам представляется определение, данное Г. Опортом: предубеждение – это негативный аттитюд (установка), в отношении некоторой аутгруппы: отношение неточное, необоснованное и обобщенное, обязательно включающее в себя аффективную реакцию [20]. Отметим, что подобному положению дел способствуют и сами психологи с низким уровнем профессионализма, дискредитирующие психологию как научную и практическую сферу деятельности, способную оказать помощь.

В итоге данное обстоятельство обуславливает повышение уровня экстремальности профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы и их дезадаптации.

Проблема дезадаптации актуальна для любых профессиональных коллективов, но в профессиях, имеющих экстремальный характер, проявляется особенно остро. Исследователи отмечают, что адаптационный механизм вырабатывается личностью в течение жизни и используется в разных условиях [21, с. 8]. Адаптация представляет собой процесс приспособления человека к новой для него системе требований профессии, системе ценностей и социальных норм поведения в рабочем коллективе.

Проблемы и нарушения процесса адаптации человека в различных видах трудовой деятельности исследовались, в частности, в работах С. Г. Антипина, И. А. Милославовой, В. А. Корыткова, М. В. Синельник, С. В. Смирновой и др. В уголовно-исполнительной системе различные вопросы, связанные с профессиональной адаптацией личности, изучались в рамках педагогической, психологической и юридической наук Ю. А. Александровским, Ю. А. Алферовым, Ц. П. Короленко, Л. Е. Паниной, В. Б. Салаховой, А. И. Ушатиковым и др.

В качестве показателя успешной адаптации сотрудника рассматривается такой, как «желание специалиста работать в коллективе и делать карьеру в организации» [22]. Но помимо собственно желания связать свое профессиональное будущее с организацией успешная адаптация выражается и в эффективности деятельности. У сотрудника растут показатели работы, он становится успешным, от чего приобретает выгоду не только он сам, но и организация. Данная примерная схема протекания присутствует у успеш-

ной адаптации, а проблему представляет работа с лицами, которые не смогли успешно адаптироваться к профессиональной деятельности.

В уголовно-исполнительной системе традиционно первым фактором механизма адаптации остается период служебной деятельности (первоначальная, в период прохождения службы, после окончания службы), вторым – адаптация к среде (включая служебные и внеслужебные аспекты), а заключительным – специфика профессиональной деятельности. Если первые два фактора достаточно полно представлены исследователями иных профессиональных групп, то последний критерий специфичен для пенитенциарной службы. Адаптация к специфике профессиональной пенитенциарной деятельности подразделяется:

- на профессиональную (формирование и развитие профессионально значимых свойств и качеств личности, мотивация к выбранной профессиональной деятельности, профессиональное саморазвитие, стремление к достижению профессиональной идентичности);
- психофизическую (приспособление к условиям несения службы);
- социально-психологическую (принятие новых социальных ролей);
- организационно-административную;
- экономическую.

Также стоит добавить, что успешность процесса адаптации зависит от значительного числа факторов как внутреннего, так и внешнего характера, а именно уровня адаптивности сотрудника, уровня подготовленности к наставнической и профессиональной деятельности наставника и психолога, характера социально-психологического климата в подразделении и др. [17, с. 20; 23, с. 332].

Проблема успешной адаптации и экстремальные ситуации имеют схожие элементы. Одним из таковых, на котором остановимся отдельно, является готовность действовать в ситуации неопределенности и отношение к ней [24].

Понятие «отношение к неопределенности» имеет различные толкования в научной литературе. Например, оно может трактоваться как «индивидуальная склонность оценивания неопределенной ситуации как желаемой или опасной», «разновидность психологического дискомфорта», «когнитивный стиль, связанный с неспособностью принимать без дискомфорта стимулы, предполагающие альтернативные интерпретации» и т. д. [18, с. 113; 23, с. 233; 25, с. 529]. То есть так или иначе данное состояние связано с тревогой и неуверенностью в себе и своих силах. Это неустойчивое состояние, в котором человек может совершить действия, создающие опасность как ему, так и окружающим. В этом и проявляется схожесть процесса адаптации к профессиональной деятельности с экстремальной ситуацией.

Неопределенность в деятельности объяснима для лиц, только начинающих свой профессиональный путь в конкретной должности, по причине отсутствия необходимого опыта работы. И в это время сотрудни-

ку уголовно-исполнительной системы, недавно приступившему к исполнению своих должностных обязанностей, необходимо оказать помощь и поддержку со стороны всех сотрудников учреждения, всех отделов и служб.

Как правило, с накоплением определенного количества как жизненного, так и профессионального опыта сотрудники уголовно-исполнительной системы уже более уверенно действуют в различных ситуациях, как стандартных, так и нестандартных, внезапно возникающих, что снижает уровень экстремальности службы [18].

Вместе с тем путь к подобному уровню профессионализма, уверенности в себе связан с большим количеством испытаний, преодолений трудностей, переживаний и пр. К сожалению, не все могут пройти его, сохранив эмоциональное равновесие, спокойствие, желание служить и добросовестно выполнять возложенные обязанности до конца. Неумение справляться с подобными вызовами приводит к увольнениям на ранних сроках службы, дезадаптации. Следствием дезадаптации становятся алкоголизация, повышение уровня агрессивности, резкости в общении, отчуждение от коллектива и др., что фактически представляет собой такую же кадровую потерю, так как возрастает вероятность халатного отношения к выполнению профессиональных обязанностей, совершения сотрудниками правонарушений вплоть до преступлений.

Заключение

Представляется, что концептуальное направление деятельности психологов в работе с сотрудниками уголовно-исполнительной системы лежит в личностной и организационной плоскостях. Так, личностная плоскость включает в себя формирование определенной репутации психолога как человека, являющегося профессионалом своего дела, уверенного в своих профессиональных возможностях, пользующегося уважением коллектива, соблюдающего этические принципы, предписанные профессией. Относительно психолога-профессионала показателем будет также наличие обращений к нему со стороны сотрудников в разрешении как профессиональных, так и личных проблем, а также обращение самого психолога за супервизорской помощью и психологической поддержкой – как демонстрация необходимости данного направления профессионального сопровождения в пенитенциарной системе. Только такой психолог сможет эффективно работать с предубеждениями со стороны сотрудников относительно возможностей психологии.

Организационная составляющая заключается в создании специальных условий для проведения психологической работы. Она включает выделение и оснащение специально оборудованных помещений (кабинетов), позволяющих вести как индивидуальную, так и групповую работу, сохраняя приватность занятий. Также к организационной составляющей относится управление временным ресурсом. Психологу и сотруднику должно быть специально выделено время

для совместной работы. Оно должно быть исключительно рабочим. В этом вопросе большое значение имеет позиция руководства учреждения, координирующего деятельность всех подчиненных сотрудников. В случае если руководство само негативно относится к роли психолога в учреждении или не придает ей должного значения, общая организация психологической работы ставится под угрозу со всеми обозначенными в настоящей статье последствиями.

Рассмотренные аспекты преодоления предрасположенностей у сотрудников уголовно-исполнительной

системы требуют особого внимания как психолога, так и его прямых и непосредственных руководителей для нормальной организации психологической работы.

Должно быть очевидным и понятным, что психологическая работа с сотрудниками не является отдельной от результатов деятельности иных отделов и служб учреждения. Успех в работе психолога благотворно влияет на эффективность функционирования всего учреждения, так как позволяет сохранить кадровый состав и трудовой потенциал.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Галой Н. Ю. Пандемия спустя год: динамика психического состояния в условиях неопределенности // Вестник университета. 2021. № 12. С. 185–194.
2. Луковицкая Е. Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1998. 18 с.
3. Барановский Н. Н., Демин В. М., Соболев Н. Г. Профессиональная адаптация молодых сотрудников, принятых на службу в УИС : метод. рекомендации. Тверь, 2007. 48 с.
4. Юрина О. И., Каплина С. В. Условия успешности адаптации молодых сотрудников к служебной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Ученые записки университета Лесгафта. 2020. № 2 (180). С. 541–544.
5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677/> (дата обращения: 31.05.2022).
6. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы Российской Федерации года. URL: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS/> (дата обращения: 07.02.2023).
7. Первозванский В. Б. О составе осужденных как системоразрушающем факторе // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2015. № 9 (160). С. 19–23.
8. Криминологическая характеристика несовершеннолетних осужденных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, по результатам переписи 2019 года / Ю. Е. Суслов, С. В. Кулакова, Т. Д. Макаренко, М. Г. Спасеникова // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 290–297.
9. Harvey J. Perceived Physical Health, Psychological Distress, and Social Support Among Prison Officers // The Prison Journal. 2014. Vol. 94, no. 2. Pp. 242–259.
10. Шампорова О. В. Психологическое сопровождение осужденных-инвалидов в условиях исправительного учреждения // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 2 (213). С. 52–57.
11. Бовин Б. Г., Москвитина М. М. Количественные и качественные изменения состава осужденных на современном этапе развития УИС // Прикладная юридическая психология. 2015. № 1. С. 154–163.
12. Васильев В. А. Актуальные проблемы в сфере применения инструкторов-снайперов при проведении специальной операции по освобождению лиц, захваченных в качестве заложников на объектах УИС // Аграрное и земельное право. 2020. № 11 (191). С. 142–144.
13. Киселев А. М. К вопросу об организации в рамках служебной подготовки адаптации сотрудников УИС к действиям в экстремальных ситуациях // Преступление, наказание, исправление (к 20-летию Конституции Российской Федерации) : сб. тез. выступлений участников междунар. пенитенциар. форума (г. Рязань). Рязань, 2013. С. 136–139.
14. Корнилова Т. В. Принцип неопределенности в психологии выбора и риска // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 3–8.
15. Kagan A. R., Levi L. Health and environment – psychological stimuli: a review // Society, Science and Medicine. 1974. Vol. 8, no. 5. Pp. 225–241.
16. Суслов Ю. Е., Новиков А. В., Кулакова С. В. Предубеждения сотрудников уголовно-исполнительной системы в отношении психологической деятельности // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8, № 7А. С. 166–173.
17. Кулакова С. В., Цветкова Н. А. Проблемы функционирования и перспективы развития института наставничества в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Теоретические и практические аспекты организации профессионального сопровождения сотрудников УИС : сб. тр. конф. Тверь, 2021. С. 17–23.
18. Цветкова Н. А., Кулакова С. В. Исследование стрессоустойчивости и жизнестойкости сотрудников уголовно-исполнительной системы // Психология и право. 2019. Т. 9, № 2. С. 112–129.
19. Самыгин С. И. Нужны ли психологи в современной России? // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 12-2. С. 226–231.
20. Allport G. W. The nature of prejudice. Cambridge, 1994. 121 p.
21. Щербаков Г. В., Молостов А. В. Психологическое обеспечение формирования кадрового резерва в территориальных органах ФСИН России на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы // Ведомости УИС. 2011. № 8 (11). С. 5–8.

22. Труханович Д. С. Адаптация кадров государственной гражданской службы: организационно-правовой анализ // Государственная служба. 2021. № 23-2 (130). С. 28–33.
23. Fear is a Disease: The Impact of Fear and Exposure to Infectious Disease on Correctional Officer Job Stress and Satisfaction / D. J. Hartley, M. A. Davila, J. W. Marquart, J. L. Mullings // American Journal of Criminal Justice. 2013. Vol. 38, no. 2. Pp. 323–340.
24. Слепцова Е. В., Сапрунова Д. С. Особенности адаптации персонала в системе государственной службы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 8. С. 151–154.
25. Tschiedel R. M., Monteiro J. K. Prazer e sofrimento no trabalho das agentes de segurança penitenciária // Estudos de Psicologia (Natal). 2013. Vol. 18, no. 3. Pp. 527–535.

REFERENCES

1. Galoi N.Yu. Pandemic a year later: dynamics of mental state in conditions of uncertainty. *Vestnik universiteta = University Bulletin*, 2021, no. 12, pp. 185–194. (In Russ.).
2. Lukovitskaya E.G. *Sotsial'nopsikhologicheskoe znachenie tolerant-nosti k neopredelennosti: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Socio-psychological significance of tolerance to uncertainty: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Saint Petersburg, 1998. 18 p.
3. Baranovskii N.N., Demin V.M., Sobolev N.G. *Professional'naya adaptatsiya molodykh sotrudnikov, prinyatykh na sluzhbu v UIS: metod. rekomendatsii* [Professional adaptation of young employees employed in the UIS: methodological recommendations]. Tver, 2007. 48 p.
4. Yurina O.I., Kaplina S.V. Conditions of success adaptation of young employees to performance in Federal penal system. *Uchenye zapiski universiteta Lesgafita = Scientific Notes of Lesgaft University*, 2020, no. 2 (180), pp. 541–544. (In Russ.).
5. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2022. Available at: <https://mvd.rf/reports/item/35396677/> (In Russ.). (Accessed May 31, 2022).
6. Brief description of the criminal executive system of the Russian Federation of the year. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS/> (In Russ.). (Accessed February 7, 2023).
7. Pervozvanskii V.B. Structure of the prison population as the system distraction factor. *Vedomosti ugolovnoispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2015, no. 9 (160), pp. 19–23. (In Russ.).
8. Suslov Yu.E., Kulakova S.V., Makarenko T.D. et al. Criminological characteristics of minors in penitentiary institutions according to the 2019 census. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 290–297. (In Russ.).
9. Harvey J. Perceived physical health, psychological distress, and social support among prison officers. *The Prison Journal*, 2014, vol. 94, no. 2, pp. 242–259.
10. Shamporova O.V. Psychological support of convicts with disabilities in a correctional facility. *Vedomosti ugolovnoispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2020, no. 2 (213), pp. 52–57. (In Russ.).
11. Bovin B.G., Moskvitina M.M. Quantitative and qualitative changes in the composition of convicts at the present stage of development of the criminal justice system. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2015, no. 1, pp. 154–163. (In Russ.).
12. Vasil'ev V.A. Actual problems in the sphere of the use of snipers in the conduct of a special operation for the release of persons taken hostage at the facilities of the Criminal code. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*, 2020, no. 11 (191), pp. 142–144. (In Russ.).
13. Kiselev A.M. On the issue of the organization within the framework of service training of the adaptation of employees of the UIS to actions in extreme situations. In: *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie (k 20letiyu Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii): sb. tez. vystuplenii uchastnikov mezhdunar. penitentsiar. foruma (g. Ryazan')* [Crime, punishment, correction (to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation): collection of theses of speeches of participants of the International penitentiary forum (Ryazan)]. Ryazan, 2013. Pp. 136–139. (In Russ.).
14. Kornilova T.V. The principle of uncertainty in psychology of choice and risk. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2015, vol. 8, no. 40, pp. 3–8. (In Russ.).
15. Kagan A.R., Levi L. Health and environment – psychological stimuli: a review. *Society, Science and Medicine*, 1974, vol. 8, no. 5, pp. 225–241.
16. Suslov Yu.E., Novikov A.V., Kulakova S.V. Prejudices of the staff of the penal system against psychological activities. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2018, vol. 8, no. 7A, pp. 166–173. (In Russ.).
17. Kulakova S.V., Tsvetkova N.A. Problems of functioning and prospects of development of the Institute of mentoring in the executive system of the Russian Federation. In: *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty organizatsii professional'nogo soprovozhdeniya sotrudnikov UIS: sb. tr. konf.* [Theoretical and practical aspects of the organization of professional support of UIS employees: collected works]. Tver, 2021, pp. 17–23. (In Russ.).
18. Tsvetkova N.A., Kulakova S.V. Study of stress tolerance and resilience of employees of penal system. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 112–129. (In Russ.).
19. Samygin S.I. Do we need psychologists in modern Russia? *Gumanitarnye, sotsial'noekonomicheskie i obshchestvennyye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2014, no. 122, pp. 226–231. (In Russ.).

20. Allport G.W. *The nature of prejudice*. Cambridge, 1994. 121 p.
21. Shcherbakov G.V., Molostov A.V. Psychological support for the formation of a personnel reserve in the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia at the present stage of the penal system development. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2011, no. 8 (11), pp. 5–8. (In Russ.).
22. Trukhanovich D.S. Adaptation of civil service personnel: organizational and legal analysis. *Gosudarstvennaya sluzhba = State Service*, 2021, no. 232 (130), pp. 28–33. (In Russ.).
23. Hartley D.J., Davila M.A., Marquart J.W. et al. Fear is a disease: the impact of fear and exposure to infectious disease on correctional officer job stress and satisfaction. *American Journal of Criminal Justice*, 2013, vol. 38, no. 2, pp. 323–340.
24. Sleptsova E.V., Saprunova D. S. Features of person adaptation in the state service system. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and Business: Theory and Practice*, 2019, no. 8, pp. 151–154. (In Russ.).
25. Tschiedel R.M., Monteiro J.K. Prazer e sofrimento no trabalho das agentes de segurança penitenciária. *Estudos de Psicologia (Natal)*, 2013. Vol. 18, no. 3. Pp. 527–535.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЮРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ СУСЛОВ – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, конфликтологии и бихевиористики факультета политических и социальных наук Российского государственного социального университета, Москва, Россия, начальник отдела 3 НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, zimburu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9824-748X>

СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА КУЛАКОВА – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отдела 3 НИЦ-2 Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, centr2nii@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8688-2021>

YURII E. SUSLOV – Candidate of Sciences (Psychology), associate professor at the Department of Psychology, Conflictology and Behavioristics of the Faculty of Political and Social Sciences of the Russian State Social University, Moscow, Russia, Head of Department 3 of the Research Center-2 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, zimburu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9824-748X>

SVETLANA V. KULAKOVA – Candidate of Sciences (Psychology), Senior Researcher at Department 3 of the Research Center-2 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, centr2nii@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8688-2021>

Статья поступила 13.01.2023

Научная статья

УДК 343.83

doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.012

Актуальное состояние и перспективные направления профессионально-педагогической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к работе с несовершеннолетними правонарушителями

СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА КРЯЖЕВА

Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия,
kryazheva_sg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2246-3255>

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА КОВТУНЕНКО

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
kovtunenkolv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5113-1735>

Реферат

Введение: на современном этапе развития общества все большую актуальность приобретает проблема профессионально-педагогической подготовки специалистов к работе с несовершеннолетними правонарушителями. Внимание обращается на порядок подбора кандидатов на службу в учреждения уголовно-исполнительной системы, где содержится данная категория граждан, условия прохождения службы сотрудниками, систему повышения и поддержания их профессионально-педагогической компетентности. *Цель:* исследовать актуальное состояние профессионально-педагогической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к работе с несовершеннолетними правонарушителями. *Методы:* в ходе изучения актуального состояния профессионально-педагогической подготовки сотрудников к работе с несовершеннолетними правонарушителями использовались методы теоретического исследования (аналитический, аксиоматический, формализации и др.), а также ряд эмпирических методов (наблюдение, беседа, сравнение, анкетирование, интерпретация и др.). *Результаты:* определено актуальное состояние профессионально-педагогической подготовки сотрудников к работе с несовершеннолетними правонарушителями (обучение в процессе служебной деятельности, профессиональная переподготовка, повышение квалификации), выделены проблемные вопросы и перспективные направления развития, представлен имеющийся опыт взаимодействия территориальных органов ФСИН России со сторонними образовательными организациями в данном направлении. *Выводы:* в настоящее время профессионально-педагогическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы к работе с несовершеннолетними правонарушителями осуществляется как без отрыва от служебной деятельности, так и вне ее. В воспитательных колониях и следственных изоляторах в рамках служебной подготовки организованы занятия по повышению профессионально-педагогической компетентности. В образовательных организациях ФСИН России реализуются программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки, включающие в себя темы (разделы, параграфы и др.), отражающие отдельные аспекты работы с несовершеннолетними. В ряде территориальных органов ФСИН России заключены договоры со сторонними образовательными организациями. Однако нельзя не признать, что, несмотря на свою актуальность, тема профессионально-педагогической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к работе с несовершеннолетними правонарушителями в настоящее время является недостаточно изученной. В рамках представленного в статье исследования

были выявлены основные проблемные вопросы, связанные, прежде всего, с организацией, систематичностью и целенаправленностью процесса обучения.

Ключевые слова: профессионально-педагогическая подготовка; несовершеннолетние правонарушители; подозреваемые, обвиняемые и осужденные; программы дополнительного профессионального образования; следственный изолятор; воспитательная колония; уголовно-исполнительная система.

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

Для цитирования: Кряжева С. Г., Ковтуненко Л. В. Актуальное состояние и перспективные направления профессионально-педагогической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к работе с несовершеннолетними правонарушителями // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 1 (61). С. 105–114. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.012.

Original article

Current State and Promising Directions of Professional and Pedagogical Training of the Penal System Employees to Work with Juvenile Offenders

SVETLANA G. KRYAZHEVA

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
kryazheva_sg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2246-3255>

LYUBOV' V. KOVTUNENKO

Voronezh State University, Voronezh, Russia
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
kovtunenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5113-1735>

Abstract

Introduction: the current stage of society's development is associated with the actualization of the problem of professional and pedagogical training of specialists to work with juvenile offenders. More and more attention is paid to the procedure for selecting candidates for service in penitentiary institutions where this category of citizens is held, service conditions, and the system for improving and maintaining employees' professional and pedagogical competence. *Purpose:* to study the current state of professional and pedagogical training of employees of the penitentiary system to work with juvenile offenders. *Methods:* when studying the current state of professional and pedagogical training of employees to work with juvenile offenders, the authors apply methods of theoretical research (analytical, axiomatic, formalization, etc.) and empirical ones (observation, conversation, comparison, questionnaire, interpretation, etc.). *Results:* the current state of professional and pedagogical training of employees to work with juvenile offenders (training in the course of official activity, professional retraining, advanced training) is determined, problematic issues and promising development areas are highlighted; the experience of interaction between territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia and third-party educational organizations is described. *Conclusion:* professional and pedagogical on-the-job and off-duty training of employees of the penal system to work with juvenile offenders is carried out nowadays. In juvenile correctional facilities and pre-trial detention centers, classes are organized as part of official training to improve their professional and pedagogical competence. In juvenile correctional facilities of the Federal Penitentiary Service of Russia, advanced training and professional retraining programs are implemented, including topics (sections, paragraphs, etc.) reflecting certain aspects of working with minors. In a number of territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia, contracts are concluded with third-party educational organizations. At the same time, despite its relevance, the topic of professional and pedagogical training of employees of the penitentiary system to work with juvenile offenders is currently insufficiently studied. Within the framework of the research presented in the article, the main problematic issues related, first of all, to the organization, consistency and purposefulness of the learning process are identified.

Keywords: vocational and pedagogical training; juvenile offenders; suspects, accused and convicted persons; programs of additional professional education; pre-trial detention center; juvenile correctional facility; penal system.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Kryazheva S.G., Kovtunen L.V. Current state and promising directions of professional and pedagogical training of the penal system employees to work with juvenile offenders. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 105–114. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.012.

Введение

Служба в уголовно-исполнительной системе, особенно в учреждениях, где содержатся несовершеннолетние подозреваемые, обвиняемые и осужденные, предъявляет высокие требования к личностным и профессиональным качествам сотрудников. В работе с несовершеннолетними сотруднику необходимо уметь не только устанавливать психологический контакт, конструктивно разрешать конфликтные ситуации, но и выстраивать свою профессиональную деятельность таким образом, чтобы ее результаты были максимально эффективными, способствовали исправлению и ресоциализации воспитанников. Одним из условий достижения поставленных перед уголовно-исполнительной системой задач является высокий уровень развития профессионально-педагогической компетентности сотрудников воспитательных колоний (далее – ВК) и следственных изоляторов (далее – СИЗО), обеспечение соответствия их профессиональных и личностных качеств занимаемой должности.

Согласно п. 2.11 протокола совещания у директора ФСИН России от 09.12.2015 № 4 при назначении (перемещении) сотрудников на должности в ВК необходимо проводить психодиагностические обследования с целью выявления индивидуальных особенностей, позволяющих профессионально осуществлять успешное взаимодействие с несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными. Данное указание распространяется и на руководящий состав этих учреждений.

Вместе с тем ВК – это не единственное учреждение УИС, в котором содержатся несовершеннолетние правонарушители. Так, указанной категории лиц за совершенное преступление по решению суда может назначаться в качестве меры пресечения содержание в СИЗО. СИЗО – это учреждение, где несовершеннолетний впервые сталкивается с длительной изоляцией от общества, что, безусловно, влечет за собой разрыв привычного круга общения, вынужденное дистанцирование от родных и близких, друзей и знакомых. Данное обстоятельство может оказывать существенное влияние не только на психическое состояние [1], но и на социально-психологическую адаптацию подростка [2]. Учитывая этот факт, не следует недооценивать роль СИЗО во влиянии на результаты исправления и ресоциализации осужденного впоследствии.

Анализ современных исследований по рассматриваемой проблеме показывает, что имеются значительные различия между несовершеннолетними правонарушителями, в отношении которых примене-

на мера пресечения в виде заключения под стражу, и несовершеннолетними, уже отбывающими наказание в ВК. Прежде всего, различие состоит в принятии несовершеннолетними криминальных норм и ценностей. Так, согласно исследованию [3] уровень принятия криминальных норм и ценностей у несовершеннолетних в СИЗО выше, чем у тех, кто отбывает наказание в ВК. Многие осужденные, несмотря на свой юный возраст, имеют ранний криминальный опыт и антисоциальную направленность. Каждый девятый подросток при совершении преступления находится в состоянии алкогольного опьянения [4].

По данным В. Н. Андреева, А. Д. Глоточкина, Д. В. Сочивко, А. И. Ушатикова, именно в СИЗО у подростка наступает первичное осознание своего нового правового статуса, последствий совершенного преступления, происходит переосмысление ценностей и др.

Е. В. Мотова отмечает, что для несовершеннолетних в местах лишения свободы характерны повышенная тревожность, дефектность ценностной системы, особенно в области целей и смысла жизни [5].

И. С. Ганишиной, А. В. Вэтрой были выделены такие качества несовершеннолетних, содержащихся под стражей, как демонстративность поведения, неумение оценивать свое поведение, бесцеремонность, цинизм, эгоцентризм, поверхностность в контактах, импульсивность, пренебрежение моральными и этическими ценностями, агрессивные реакции, сниженное чувство вины, эмоциональная незрелость, конфликтность, склонность к физической и вербальной агрессии, повышенное самомнение и др. [6].

Результаты другого научного исследования показали, что многие несовершеннолетние правонарушители могут иметь трудности с самоконтролем эмоционального состояния и поведенческих реакций, быть озлобленными и злопамятными, а также проявлять другие отрицательные качества [7].

Перечисленные обстоятельства обуславливают возложение на сотрудников дополнительной ответственности, связанной, прежде всего, с психолого-педагогическим сопровождением этой категории осужденных.

По мнению Э. В. Зауторовой, если сотрудник исправительного учреждения позитивно относится к процессу воспитания, проявляет личную готовность к его осуществлению, профессионализм и компетентность в данной области, то он непременно увлечет этим своих подопечных и в результате сотрудничества сможет эффективнее организовать данный процесс [8].

Отметим, что сотрудники являются для несовершеннолетних правонарушителей образцом строгого соблюдения законности и требований морали. Невозможно эффективно осуществлять работу по воспитанию несовершеннолетних правонарушителей сотруднику, не обладающему соответствующими качествами и компетенцией. Более того, несоблюдение сотрудником нравственных норм и одновременное требование их соблюдения несовершеннолетними подрывает саму сущность воспитательной работы, а также снижает авторитет и значимость сотрудника в глазах воспитанников.

По мнению Э. В. Зауторовой, Н. Г. Соболева, перед сотрудниками УИС в работе с несовершеннолетними правонарушителями стоят следующие задачи:

- сформировать у них социально ориентированный подход к жизненным явлениям;
- изменить их мировоззрение;
- стимулировать потребность и стремление к деятельности;
- организовать конкретные виды деятельности, добиваясь диалектического сочетания сознания и деятельности для изменения и развития личности подростка [9].

Рассматривая роль сотрудников ВК и СИЗО в жизни несовершеннолетних правонарушителей, А. И. Савельев и А. А. Урусов отмечают, что если в учреждениях УИС, в которых содержится эта категория, не достигнуты либо достигнуты низкие положительные результаты в изменении отрицательных качеств и поведения подростков, то вероятность совершения последними повторных преступлений увеличивается [10]. В подтверждение сказанного приведем данные проведенного на базе НИИ ФСИН России исследования, целью которого было изучение повторной преступности среди несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных [11].

В нем приняли участие осужденные, повторно отбывавшие наказание в местах лишения свободы, ранее судимые в несовершеннолетнем возрасте и отбывавшие наказание в ВК. Выборка состояла из 1159 лиц, которые освободились из ВК не более 10 лет назад. Согласно полученным данным с одновременным снижением у этих осужденных количества статей за преступления против собственности и против общественной безопасности отмечалось увеличение количества статей за преступления против личности, против здоровья и общественной нравственности, против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Иными словами, взрослые осужденные, ранее отбывавшие наказание в ВК, чаще повторно совершают тяжкие и особо тяжкие преступления, за которые в последующем отбывают наказание уже в исправительных учреждениях.

Учеными-пенитенциаристами (А. А. Андреев, А. В. Вилкова, Ф. И. Кевля, Л. В. Ковтуненко, Т. В. Кириллова, С. В. Кулакова и др.) признаются принципи-

альные отличия работы с несовершеннолетними от работы с другими категориями подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Основная цель профессионально-педагогической подготовки сотрудников УИС к работе с несовершеннолетними правонарушителями – вооружить их основами психолого-педагогических знаний, умений, необходимых для организации эффективного взаимодействия с указанной категорией, способствовать развитию у них педагогического мышления.

Методы

В ходе изучения актуального состояния профессионально-педагогической подготовки сотрудников УИС к работе с несовершеннолетними правонарушителями использовались методы теоретического и эмпирического исследования. Так, из теоретических методов нами применялись анализ, сравнение, обобщение и систематизация имеющихся в настоящее время данных (научной литературы, исследований и др.) по проблеме исследования, а из эмпирических – анкетирование, наблюдение, беседа, анализ нормативно-правовых документов, а также разбор мероприятий, проводимых сотрудниками различных отделов и служб, представленных в дневниках индивидуально-воспитательной работы с несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными. Кроме того, учитывался наш личный опыт работы с сотрудниками УИС и несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными.

Результаты и обсуждение

Данные для исследования были представлены 19 территориальными органами, а также 10 образовательными организациями ФСИН России (Вологодским институтом права и экономики ФСИН России, Дальневосточным межрегиональным учебным центром ФСИН России, Кузбасским институтом ФСИН России, Томским ИПКР ФСИН России, Университетом ФСИН России, Академией ФСИН России, Псковским филиалом Академии ФСИН России, Самарским юридическим институтом ФСИН России, Пермским институтом ФСИН России, Кировским ИПКР ФСИН России).

Исследование проводилось в 38 СИЗО, где содержатся несовершеннолетние подозреваемые, обвиняемые и осужденные, и 11 ВК. Всего в нем приняли участие 415 чел.: 83 сотрудника психологической лаборатории, 83 – отдела по воспитательной работе, 83 – оперативного отдела, 83 – отдела режима и надзора / отдела безопасности (далее – режимного отдела), 83 – дежурной службы.

Данный выбор был обусловлен указанием директора ФСИН России от 23.12.2014 № исх. 01-63156, согласно которому в учреждениях УИС, где содержатся несовершеннолетние, должно быть организовано персональное закрепление их за сотрудниками психологической лаборатории, отдела по воспитательной работе, оперативного и режимного отделов с

целью осуществления комплексного воздействия на личность правонарушителя.

Вместе с тем в рамках этой статьи ответы сотрудников психологической лаборатории приниматься во внимание не будут ввиду того, что именно этими лицами чаще всего осуществляется профессионально-педагогическая подготовка других сотрудников учреждения, участвующих в сопровождении несовершеннолетних правонарушителей. Нами будут рассмотрены результаты анкетирования сотрудников воспитательного отдела, оперативного и режимного отделов, включая дежурную службу, в количестве 332 чел.

Прежде чем перейти к описанию содержания профессионально-педагогической подготовки сотрудников УИС к работе с несовершеннолетними правонарушителями, выясним уровень их образования.

Согласно указанию директора ФСИН России от 23.12.2014 № исх. 01-63156 на должности, обеспечивающие учебно-воспитательный процесс с несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, приоритетно назначаются кандидаты из числа лиц, имеющих психолого-педагогическое образование или обладающих психолого-педагогическими знаниями. Однако, как показало проведенное нами исследование, наибольшее количество (50,6 %) сотрудников режимного, оперативного, воспитательного отделов, дежурной смены имеют высшее юридическое образование, 12,7 % – высшее экономическое, техническое и иное высшее образование, 11,7 % – высшее педагогическое образование, 9 % – среднее полное общее образование, 8,4 % – среднее специальное профессиональное образование (юридическое направление), 6,6 % – среднее специальное профессиональное образование (педагогическое направление), 2,1 % прошли курсы повышения квалификации и профессиональную переподготовку по специальностям «Педагогика» и «Психология» [12].

Представим более детально результаты по каждому отделу и службе.

100 % опрошенных сотрудников оперативного отдела имеют высшее юридическое образование. Следует отметить, что 8,4 % указали, что имеют также высшее педагогическое образование, 3,6 % – высшее экономическое, техническое или иное высшее образование, 1,2 % – высшее психологическое образование.

Большинство опрошенных сотрудников режимного отдела также имеют высшее юридическое образование (61,4 %). Высшее экономическое, техническое и иное высшее образование получили 30,1 %, высшее педагогическое – 7,3 %, высшее психологическое – 2,4 %, 2,4 % прошли курсы повышения квалификации и профессиональную переподготовку по специальностям «Педагогика» и «Психология».

Все опрошенные сотрудники воспитательного отдела имеют высшее образование, из них 39,8 % –

высшее юридическое образование, 27,7 % – высшее педагогическое образование, 16,9 % – высшее экономическое, техническое или иное высшее образование, 9,6 % – высшее психологическое образование, 6 % имеют свидетельства об окончании курсов повышения квалификации и профессиональной переподготовке по специальностям «Педагогика» и «Психология».

Среди сотрудников дежурной смены наибольшее количество сотрудников (36,1 %) имеют среднее полное общее образование, 32,5 % – среднее специальное профессиональное образование (юридическое направление), 26,5 % – среднее специальное профессиональное образование (педагогическое направление), 3,6 % – высшее педагогическое образование, 1,2 % – высшее юридическое.

Как следует из представленных данных, большинство сотрудников УИС, участвующих в сопровождении несовершеннолетних правонарушителей, не имеют психолого-педагогического образования и не проходили курсы повышения квалификации и профессиональную переподготовку по данному направлению деятельности.

Как показало исследование наиболее типичных конфликтных ситуаций, возникающих между подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными и сотрудниками учреждений УИС, проведенное на базе НИИ ФСИН России [13], сотрудники УИС, имеющие поверхностные психолого-педагогические знания, чаще других фигурируют в конфликтных ситуациях с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными. Если рассматривать полученный результат в соотношении с занимаемыми должностями, то это, как правило, сотрудники оперативного и режимного подразделений.

В настоящее время с целью формирования профессионально-педагогической готовности сотрудников учреждений и органов УИС к работе с несовершеннолетними правонарушителями организована их целенаправленная профессиональная подготовка. Обучение осуществляется как с отрывом, так и без отрыва от служебной деятельности.

Обучение сотрудников ВК и СИЗО педагогическому сопровождению несовершеннолетних правонарушителей проводится в рамках служебной подготовки. Данные занятия организуются преимущественно психологами психологических лабораторий учреждений и охватывают различные направления подготовки (например, повышение конфликтологической и коммуникативной компетентности сотрудников, рост осведомленности в вопросах возрастной педагогики и психологии, обучение основным формам и методам психолого-педагогического взаимодействия с узанными лицами и др.).

Результаты исследования показали, что наибольшее количество опрошенных сотрудников режимного, оперативного и воспитательного отделов (74,7 %) считают, что проведение этих занятий является не-

обходимым условием эффективной работы с несовершеннолетними правонарушителями. Более того, 55,7 % отметили, что без этой подготовки весьма проблематично эффективно взаимодействовать с рассматриваемой категорией лиц.

В настоящее время регулярность проведения указанных занятий часто определяется психологами психологических лабораторий учреждений самостоятельно. Так, в некоторых учреждениях они организуются ежеквартально (наиболее частый вариант проведения занятий), в каких-то – ежемесячно, один раз в полугодие или реже.

Важным вопросом является наиболее благоприятное время начала проведения занятий по профессионально-педагогической подготовке. Большинство опрошенных сотрудников воспитательного, режимного и оперативного отделов считают, что ее следует осуществлять заблаговременно, до назначения на должность, предполагающую взаимодействие с несовершеннолетними. Кроме того, к участию в занятиях следует привлекать не только основных сотрудников, выполнение должностных обязанностей которыми непосредственно связано с несовершеннолетними, но и сотрудников, исполняющих обязанности основных сотрудников в случае их временного отсутствия (отпуск, командировка, больничный и т. д.).

Отдельного внимания заслуживают сотрудники дежурных смен, заступающие на суточное дежурство на пост, предполагающий взаимодействие с несовершеннолетними правонарушителями, а также их непосредственное руководство (дежурный помощник начальника колонии (следственного изолятора), заместитель дежурного помощника начальника колонии (следственного изолятора)). Главной особенностью несения службы указанными сотрудниками является круглосуточное нахождение рядом с несовершеннолетними, даже в те часы, когда у остального персонала уже закончился рабочий день. Многими практическими работниками отмечается, что именно от подготовленности сотрудников дежурных смен часто зависят своевременное предупреждение и профилактика деструктивных действий со стороны рассматриваемой категории осужденных.

Таким образом, можно выделить следующие категории сотрудников, рекомендованных к участию в занятиях, направленных на формирование профессионально-педагогической готовности к работе с несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными:

- основные сотрудники воспитательного, режимного и оперативного отделов, чья деятельность непосредственно предполагает взаимодействие с несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными;
- замещающие сотрудники воспитательного, режимного и оперативного отделов, осуществляющие

деятельность основных сотрудников в дни их отсутствия;

- сотрудники дежурных смен, заступающие на суточное дежурство на пост, предполагающий взаимодействие с несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, а также их непосредственные руководители.

При отборе сотрудников на указанные должности необходимо учитывать их личное желание, а также рекомендации психологов учреждений.

Как показывают результаты проведенного нами исследования, личное желание сотрудников развиваться в указанном направлении в настоящее время учитывается не всегда. Так, у значительного количества опрошенных сотрудников (47,0 %) желание работать именно с несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными перед назначением на соответствующую должность не было принято во внимание. Особенно выражена данная тенденция применительно к сотрудникам СИЗО (88,0 % сотрудников СИЗО против 38,0 % сотрудников ВК).

Отсутствие учета личного желания сотрудников работать с несовершеннолетними частично определяет и их отношение к занимаемой должности. Так, согласно исследованию, сотрудники СИЗО чаще, чем сотрудники ВК, проявляли недовольство занимаемой должностью и желание перейти на другую равнозначную, но не связанную с подростками работу.

Отсутствие стремления продолжать службу в занимаемой должности влияет, безусловно, и на общее желание сотрудника заниматься данным видом деятельности, удовлетворенность выполняемыми им трудовыми функциями, отношение к себе как профессионалу своего дела, актуальное психоэмоциональное состояние, подверженность развитию таких негативных состояний, как профессиональная деформация и профессиональное выгорание [14].

В ходе проведенного нами ранее исследования, направленного на выявление уровня профессионального выгорания у сотрудников СИЗО, несущих службу с различными категориями подозреваемых, обвиняемых и осужденных, было выявлено, что наиболее высокие показатели профессионального выгорания отмечались у сотрудников, чья деятельность непосредственно связана с работой с несовершеннолетними. У них был выявлен значительный уровень по уровням «истощение», «деперсонализация», «редукция личных достижений» [14].

Рассмотрим проблемные вопросы, связанные с организацией и проведением занятий по формированию профессионально-педагогической готовности сотрудников к работе с несовершеннолетними. Так, наиболее характерно для этого направления следующее:

- отсутствие достаточного количества рабочего времени на поиск и подготовку материала для занятий;
- трудности в организации регулярных занятий;

– недостаточное количество теоретического и практического материала для подготовки занятий (пособий по правовым, педагогическим и психологическим вопросам, справочной и периодической литературы, учебников и наглядных пособий и т. д.);

– недостаточная мотивация самих сотрудников к участию в занятиях;

– недостаточная поддержка со стороны руководства в вопросах организации и проведения занятий и др.

Кроме того, на качество и эффективность проведения указанных занятий может оказывать влияние и укомплектованность штатных должностей в конкретном учреждении.

Профессионально-педагогическая подготовка сотрудников к работе с несовершеннолетними правонарушителями не ограничивается лишь служебной подготовкой внутри учреждений УИС, а осуществляется и в рамках дополнительного профессионального образования.

Анализ программ дополнительного профессионального образования, реализуемых в образовательных организациях ФСИН России, за период с 2020 по 2021 гг. показал, что обучение осуществлялось по семи программам, в которых имелся раздел (параграф, тема и т. п.), раскрывающий различные аспекты взаимодействия с несовершеннолетними правонарушителями, в том числе по двум программам профессиональной переподготовки, пяти программам повышения квалификации. В них имелось 18 соответствующих разделов, только 8 из которых целиком были посвящены работе именно с несовершеннолетними. В остальных случаях последняя, не фигурируя в названии раздела, рассматривалась как подраздел либо вопрос одной из тем.

Необходимо отметить, что в настоящее время имеется лишь одна программа повышения квалификации, целиком направленная на обучение сотрудников, несущих службу в учреждениях, в которых содержатся несовершеннолетние правонарушители, – «Понятия и правовые основы применения программ восстановительного правосудия (медиации) к несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым и осужденным».

Помимо представленных видов профессионально-педагогической подготовки сотрудников к работе с несовершеннолетними правонарушителями в некоторых территориальных органах ФСИН России заключены договоры со сторонними образовательными организациями различных типов (общеобразовательными, профессиональными, а также организациями высшего образования, дополнительного образования, дополнительного профессионального образования и др.).

Формы проведения занятий преподавателями образовательных организаций, их количество, перечни рассматриваемых тем различны. Однако можно отметить, что наиболее распространено изучение в

рамках заключенных соглашений темы «Медиация» и вопросов бесконфликтного общения, а в учебные группы включены преимущественно специалисты по психологической, воспитательной, реже социальной работе. Безусловно, такое решение вполне закономерно, поскольку, во-первых, эти сотрудники наиболее тесно контактируют с несовершеннолетними в ходе своей служебной деятельности, во-вторых, именно ими чаще всего проводятся занятия с сотрудниками других отделов и служб, взаимодействующих с несовершеннолетними, по повышению профессионально-педагогической компетентности, в-третьих, проведение занятий, тренингов, сборов с привлечением преподавателей сторонних организаций по совершенствованию навыков работы с несовершеннолетними для сотрудников соответствующих служб и отделов предусмотрено п. 2.7 Плана основных мероприятий ФСИН России до 2027 г., проводимых в рамках Десятилетия детства. Вместе с тем указанные лица чаще всего уже имеют базовые знания об основах возрастной педагогики и психологии, в то время как для сотрудников оперативного и режимного отделов подобное обучение является более актуальным и востребованным ввиду отсутствия или недостаточного развития соответствующих компетенций.

Заключение

В настоящее время актуальность темы профессионально-педагогической подготовки персонала УИС к работе с несовершеннолетними правонарушителями в условиях изоляции не вызывает сомнений, поскольку от готовности сотрудника к осуществлению этой деятельности во многом зависит не только эффективность его труда, отношение к своим обязанностям, мотивация к продолжению службы, но и результативность влияния на личность подростка, оказавшегося в трудной жизненной ситуации. Каждый сотрудник, взаимодействующий с несовершеннолетним в учреждениях УИС, это, прежде всего, воспитатель, который вносит свой вклад в исправление и развитие личности подростка.

В учреждениях УИС организуются в рамках служебной подготовки занятия по повышению профессионально-педагогической компетентности. Кроме того, в образовательных организациях ФСИН России реализуются программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки, включающие в себя темы (разделы, параграфы и др.), раскрывающие отдельные аспекты работы с несовершеннолетними.

Привлечение к образовательному процессу компетентных педагогов сторонних образовательных организаций является важным условием формирования профессионально-педагогической готовности сотрудников, проходящих службу в учреждениях, в которых содержатся несовершеннолетние правонарушители. В настоящее время в некоторых территориальных органах ФСИН России заключены догово-

ры со сторонними образовательными организациями различных типов (общеобразовательными, профессиональными образовательными организациями, а также организациями высшего образования, организациями дополнительного образования, дополнительного профессионального образования и др.).

Вместе с тем, отмечая несомненные успехи, следует указать и на некоторые недостатки, связанные, прежде всего, с организацией, систематичностью и целенаправленностью процесса обучения. Так, в учреждениях УИС не определен круг лиц, с которыми необходимо проводить такую подготовку в обязательном порядке, отсутствуют требования к форме и регулярности проведения занятий, не утвержден перечень тем, необходимых для обязательного изучения.

Нельзя также не отметить узость тематики, свойственную различным видам профессиональной подготовки. Большинство занятий, включая те, что реализуются преподавателями сторонних образовательных организаций, направлены на повышение конфликтологической компетентности сотрудников. В их рамках изучаются вопросы медиации и бесконфликтного общения, что, на наш взгляд, не является достаточным. Необходимо расширять тематику занятий, вводить темы, в которых рассматриваются психолого-педагогические особенности несовершеннолетних правонарушителей, традиционные и инновационные методы и технологии работы с ними и др.

Участие в процессе приглашенных преподавателей является важным условием, способствующим

углублению профессионально-педагогической подготовки сотрудников к работе с несовершеннолетними. Однако важно предусмотреть участие в данных мероприятиях сотрудников, не имеющих психолого-педагогического образования, но по роду своей деятельности взаимодействующих с несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, например сотрудников оперативного и режимного отделов, включая дежурную службу.

Особое внимание необходимо уделять профессионально-психологическому отбору сотрудников, стоящих в резерве на замещение должностей, связанных с взаимодействием с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, важно учитывать их личное желание работать с данной категорией лиц.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что представленные в данной статье обстоятельства требуют качественно иного отношения к профессиональной подготовке сотрудников к работе с несовершеннолетними с акцентом на психолого-педагогическом характере осуществляемой ими деятельности. Мы убеждены, что любой сотрудник, независимо от занимаемой должности, звания и опыта, участвующий в работе с несовершеннолетними, вносит особый вклад в индивидуальное и личностное развитие подрастающих. Однако в настоящее время особенности профессионально-педагогической подготовки сотрудников УИС к работе с несовершеннолетними остаются недостаточно изученными, что отражается на уровне практической деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дебольский М. Г., Мельникова Д. В., Месниченко А. С. Выявление психических состояний несовершеннолетних обвиняемых и осужденных как предпосылка профилактики их деструктивного поведения // Психология и право. 2020. Т. 10, № 2. С. 35–50.
2. Гурьева В. А. Подростковая психиатрия. М., 2001. 448 с.
3. Проведение психологических тренингов по выработке у несовершеннолетних, содержащихся в учреждениях УИС, установок на неприятие криминальной субкультуры : метод. рекомендации / Э. В. Зауторова, М. Г. Дебольский, Н. А. Цветкова, Л. В. Резинкина, Ю. Е. Суслов, Ю. Ю. Тищенко, Е. А. Малетина, С. Г. Кряжева, О. Г. Годованец, М., 2020. 88 с.
4. Зауторова Э. В., Колдунова Д. А. Профилактика конфликтного поведения несовершеннолетних как социально уязвимой категории осужденных // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2022. № 2 (32). С. 73–76.
5. Мотова Е. В. Психологическая готовность сотрудников воспитательных колоний к работе с несовершеннолетними осужденными, склонными к деструктивному поведению // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (25–26 октября 2017 г.) / отв. ред. канд. пед. наук, доц. А. Г. Чириков. Новокузнецк, 2017. С. 231–235.
6. Ганишина И. С., Вэтра А. В. Личные особенности подозреваемых, обвиняемых и осужденных несовершеннолетних, находящихся в условиях следственного изолятора // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 2 (38). С. 111–120.
7. Литвишков В. М., Вилкова А. В. Стимулирование у несовершеннолетних осужденных переживания за совершенное преступление // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 3 (21). С. 148–152.
8. Зауторова Э. В. Профессионально-педагогическая подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы к процессу нравственно-эстетического воспитания осужденных // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : сб. тез. выступлений и докладов участников (г. Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.) : в 8 т. Рязань, 2017. Т. 4. Ч. 1. С. 44–50.

9. Зауторова Э. В., Соболев Н. Г. Формы и методы воспитательной и психологической работы с несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными : практ. рук. Вологда, 2019. 84 с.
10. Савельев А. И., Урусов А. А. Психологические особенности личности несовершеннолетних с противоправным поведением // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 2 (33). С. 54–56.
11. Анализ рецидивной преступности среди лиц, освобожденных по концу срока отбывания наказания из воспитательных колоний : аналит. обзор / Б. Г. Бовин, Ю. Е. Суслов, А. А. Кочин, С. Г. Кряжева, М. М. Москвитина, А. А. Алимов. М., 2021. 54 с.
12. Кряжева С. Г., Новиков А. В., Ковтуненко Л. В. Профессионально значимые качества сотрудников уголовно-исполнительной системы, коммуницирующих с несовершеннолетними подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными // Педагогический журнал. 2022. Т. 12, № 3А. С. 846–859.
13. Снижение конфликтов среди осужденных, подозреваемых, обвиняемых, профилактическая работа с вышеуказанной категорией лиц : практ. рекомендации / Ю. Е. Суслов, Э. В. Зауторова, М. Г. Сергеева, М. В. Лебедев, А. А. Широкова, М. М. Москвитина, В. В. Добнич. М., 2022. 40 с.
14. Кряжева С. Г. К проблеме влияния профессионального выгорания сотрудников на эффективность педагогического сопровождения несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. М., 2021. С. 168–172.

REFERENCES

1. Debol'skii M.G., Mel'nikova D.V., Mesnichenko A.S. Identification of the mental states of minors accused and convicted as a precondition for preventing their destructive behavior. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 35–50. (In Russ.).
2. Gur'eva V.A. *Podrostkovaya psixhiatriya* [Adolescent psychiatry]. Moscow, 2001. 448 p.
3. Zautorova E.V., Debol'skii M.G., Tsvetkova N.A. et al. *Provedenie psikhologicheskikh treningov po vyrabotke u nesovershennoletnikh, sodержashchikhsya v uchrezhdeniyakh UIS, ustanovok na nepriyatie kriminal'noi subkul'tury (metodicheskie rekomendatsii)* [Conducting psychological trainings on the development of attitudes towards rejection of criminal subculture in minors held in penal institutions (methodological recommendations)]. Moscow, 2020. 88 p.
4. Zautorova E.V., Koldunova D.A. Prevention of conflict behavior of minors as a socially vulnerable category of convict. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika = Penal Law: Legal Theory and Law Enforcement Practices*, 2022, no. 2 (32), pp. 73–76. (In Russ.).
5. Motova E. V. Psychological readiness of employees of educational colonies to work with juvenile convicts prone to destructive behavior. In: Chirikov A.G. (Ed.). *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeistvie nauki i praktiki : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (25–26 oktyabrya 2017 g.)* [Penal system today: interaction of science and practice: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (October 25-26, 2017)]. Novokuznetsk, 2017. Pp. 231–235. (In Russ.).
6. Ganishina I.S., Vetra A.V. Personal characteristics of suspects, accused and convicted minors in pre-trial detention. *Vestnik samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2020, no. 2 (38), pp. 111–120. (In Russ.).
7. Litvishkov V.M., Vilkova A.V. Stimulation of juvenile convicts' feelings for the committed crime. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2015, no. 3 (21), pp. 148–152. (In Russ.).
8. Zautorova E.V. Professional and pedagogical training of employees of the penal enforcement system for the process of moral and aesthetic education of convicts. In: *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie" (k 20-letiyu vstuple-niya v silu Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii): sb. tez. vystuplenii i dokladov uchastnikov (g. Ryazan', 21–23 noyab. 2017 g.): v 8 t. T. 4. Ch. 1.* [3d International penitentiary forum "Crime, punishment, correction" (to the 20th anniversary of the entry into force of the Penal Code of the Russian Federation): collection of speeches and reports of participants (Ryazan, November 21–23, 2017): in 8 volumes. Volume 4. Part 1]. Ryazan, 2017. Pp. 44–50. (In Russ.).
9. Zautorova E.V., Soboлев N.G. *Formy i metody vospitatel'noi i psikhologicheskoi raboty s nesovershennoletnimi podozrevaemyimi, obvinyaemyimi i osuzhdennymi: prakticheskoe rukovodstvo* [Forms and methods of educational and psychological work with juvenile suspects, accused and convicted persons: practical guide]. Vologda, 2019. 84 p.
10. Savel'ev A.I., Uruсов A.A. Psychological features of the personality of minors with illegal behavior. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2008, no. 2 (33), pp. 54–56. (In Russ.).
11. Bovin B.G., Suslov Yu.E., Kochin A.A. et al. *Analiz retsidivnoi prestupnosti sredi lits, osvobozhdennykh po kontsu sroka otbyvaniya nakazaniya iz vospitatel'nykh kolonii: analiticheskii obzor* [Analysis of recidivism among persons released at the end of their sentence from the juvenile correctional facility: analytical review]. Moscow, 2021. 54 p.
12. Kryazheva S.G., Novikov A.V., Kovtunenکو L.V. Professionally significant qualities of employees of the penitentiary system who communicate with juvenile suspects, accused and convicted. *Pedagogicheskii zhurnal = Pedagogical Journal*, 2022, vol. 12, no. 3A, pp. 846–859. (In Russ.).
13. Suslov Yu.E., Zautorova E.V., Sergeeva M.G. et al. *Snizhenie konfliktov sredi osuzhdennykh, podozrevaemykh, obvinyaemykh, profilakticheskaya rabota s vysheukazannoi kategoriei lits: prakticheskie rekomendatsii* [Reduction of conflicts among convicts, suspects, the accused, preventive work with the above category of persons: practical recommendations]. Moscow, 2022. 40 p.
14. Kryazheva S.G. K On the problem of the influence of professional burnout of employees on the effectiveness of pedagogical support of underage suspects, accused and convicted persons. In: *Nauchnye trudy FКУ NIИ FSIN Rossii* [Scientific works of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Moscow, 2021. Pp. 168–172. (In Russ.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА КРЯЖЕВА – старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, kryazheva_sg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2246-3255>

ЛЮБОВЬ ВАСИЛЬЕВНА КОВТУНЕНКО – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, Москва, Россия, kovtunenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5113-1735>

SVETLANA G. KRYAZHEVA – Senior Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, kryazhe-va_sg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2246-3255>

LYUBOV' V. KOVTUNENKO – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Voronezh State University, Voronezh, Russia, Senior Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, kovtunenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5113-1735>

Статья поступила 21.10.2022

РАЗМЕЩЕНИЕ И ИНДЕКСИРОВАНИЕ В БАЗАХ ДАННЫХ

eLIBRARY.RU: да (договор 407-10/2019)

Префикс doi: да (10.46741/2686-9764)

РИНЦ: да

Ядро РИНЦ: нет

Перечень ВАК: да

CrossRef: да

East View Information Services: да

Система ГАРАНТ: да

RSCI: нет

Web of Science: нет

Scopus: нет

EBSCO: да

WorldCat: да

CyberLeninka: да

DOAJ: да

<https://jurnauka-vipe.ru>

PENITENTIARY SCIENCE

ISSN (print) 2686-9764

ISSN (online) 2782-1986

2023, volume 17, no. 1 (61)

science and practice journal

of the Vologda Institute of Law and Economics

of the Federal Penitentiary Service of Russia

The science and practice journal *Penitentiary Science* was founded in 2007.

Prior to August 2019 the journal was published under the title *Institute Bulletin: Crime, Punishment, Correction*

Founder: VILE of the FPS of Russia

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Certificate of registration No. FS77-76598 dated August 15, 2019

The journal is indexed in the following abstract and full-text databases: DOAJ, EBSCOhost, WorldCat, East View Information Services, Russian Science Citation Index (RSCI), scientific electronic library "CyberLeninka", electronic periodic reference book «System GARANT»

All rights reserved. Journal materials can be reprinted only with the permission of the publisher.

Manuscripts are reviewed and not returned to the authors. The editor reserves the right to abridge and edit the manuscripts submitted

EDITOR-IN-CHIEF:

Evgenii L. Khar'kovskii – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the VILE of the FPS of Russia.

EXECUTIVE SECRETARY:

Julia I. Karavaeva – Candidate of Sciences (Sociology), Academic Secretary of the Academic Council of the VILE of the FPS of Russia.

EDITORIAL BOARD:

Serzhik S. Avetisyan – professor at the Department of Criminal Law and Criminal Procedural Law of the Russian-Armenian University, Judge of the Criminal Chamber of the Cassation Court of the Republic of Armenia, Chairman of the Armenian Representative Office of the Regional Public Organization "Union of Criminalists and Criminologists", Doctor of Sciences (Law), Professor, Distinguished Lawyer of the Republic of Armenia;

Yurii M. Antonyan – professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the Russian State University for the Humanities, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Larisa I. Belyaeva – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

El'vira V. Zautorova – Doctor of Sciences (Pedagogics), Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the VILE of the FPS of Russia;

Lev L. Kruglikov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Full Member of the International Higher Education Academy of Sciences (IHEAS) and the Russian Academy of Natural Sciences, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of Demidov Yaroslavl State University;

Igor' M. Matskevich – Rector of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

Gorazd Meško – Doctor, Professor of Criminology, professor at the Department of Criminal Justice and Security of the University of Maribor (Slovenia);

Vladislav Yu. Panchenko – Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboedov;

Aleksandr N. Pastushenya – Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the International University "MITSO", Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Honored Worker of Education of the Republic of Belarus;

Vyacheslav M. Pozdnyakov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, professor at the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Moscow State Psychological and Pedagogical University;

Vyacheslav I. Seliverstov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of M.V. Lomonosov Moscow State University;

Valerii Stoyanov – Doctor of Psychology, Professor, Deputy Rector for Academic Affairs of the Varna Free University "Chernorizets Hrabar" (Bulgaria);

Dulat S. Chukmaitov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Law Disciplines of Zhetysu State University named after Ilyas Zhansugurov (Republic of Kazakhstan);

Vyacheslav B. Shabanov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Criminology of the Belarusian State University.

The opinions and judgments expressed in the articles may differ from those of the editor. Responsibility for the selection and presentation of materials rests with the authors

Address of the editorial office: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Address of the publisher: 2, Shchetinin street, Vologda, 160002, Russian Federation

Address of the printing office: Office 5, 5, Timiryazev street, Izhevsk, 426035, Russian Federation

Phones:
(8172) 51-82-50,
51-46-12,
51-98-70

E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru,
pennauka@vipe.fsin.gov.ru

Website:
<https://jurnauka-vipe.ru/?Lang=en>

The subscription index in the electronic catalog «Ural-Press» is 41253.

The price is open

© VILE of the FPS Russia

Date of publication:
March 31, 2023

Circulation: 1,000 copies

EDITORIAL COUNCIL:

Lyudmila A. Bukalerova – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Peoples' Friendship University of Russia, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the VILE of the FPS of Russia;

Boris Ya. Gavrilov – Doctor of Sciences (Law), Honored Lawyer of the Russian Federation, Full Member of the Peter Academy of Sciences and Arts, Head of the Department of Control of Crime Investigation Agencies of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, professor at the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Investigation of the VILE of the FPS of Russia;

Pavel V. Golodov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Legal Disciplines of the VILE of the FPS of Russia;

Ivan V. Dvoryanskov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the VILE of the FPS of Russia;

Valentina I. Zubkova – professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Chief Researcher at the Laboratory of Social and Legal Research and Comparative Law of M.V. Lomonosov Moscow State University, Doctor of Sciences (Law), Professor;

Evgenii P. Ishchenko – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminology of Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

Lyubov' V. Kovtunenkov – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Faculty of Philosophy and Psychology of the Voronezh State University;

Nodar Sh. Kozaev – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Stavropol Branch);

Ivan Ya. Kozachenko – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law of the Ural State Law University;

Aleksandr L. Kuzminykh – Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor at the Department of Philosophy and History of the VILE of the FPS of Russia;

Konstantin B. Malyshev – Doctor of Sciences (Psychology), professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the VILE of the FPS of Russia;

Roman V. Nagornykh – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative Law of the VILE of the FPS of Russia;

Oksana B. Panova – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the VILE of the FPS of Russia;

Natal'ya V. Panteleeva – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of Kuleshov Mogilev State University (Republic of Belarus);

Vladimir A. Ponikarov – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Administrative and Financial Law of the Academy of the FPS of Russia;

Roman A. Romashov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the VILE of the FPS of Russia;

Sergei A. Starostin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), professor at the Department of Administrative Law of the VILE of the FPS of Russia;

Vyacheslav L. Tsvetkov – Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Department of Legal Psychology, Educational and Scientific Complex of the Psychology of Official Activity of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Aleksandr S. Shatalov – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Process of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation;

Andrei V. Shmonin – Doctor of Sciences (Law), Professor, professor at the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the North-Western Institute (Branch) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal "Penitentiary Science" is on the List of peer-reviewed academic journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctor of sciences and candidate of sciences dissertations in the following scientific specialties: 5.1.1. Theoretical and historical sciences (legal sciences); 5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences); 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences); 5.3.9. Legal psychology and psychological security (psychological sciences); 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education (pedagogical sciences).

CONTENT

JURISPRUDENCE.....	4
ROMASHOV R.A., SVININ E.V., KIRILOVSKAYA N.N. Problems of Understanding, Registering, Systematizing Sources of Modern Russian Penitentiary Law: Review of Reports and Speeches of Participants of the Interregional Round Table “Sources of Modern Penitentiary Law of Russia” (Vologda, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, January 17, 2023).....	4
OGANESYAN S.S., SHAMSUNOV S.Kh. On Some Urgent Problems of Prevention and Counteraction to Extremist and Terrorist Ideas in the Russian Penal System	11
SELIVERSTOV V.I. Enhancing the Penal Legislation in Modern Conditions: Key Factors and Directions	19
YUZHANIN V.E. Correlation of Goals and Tasks of Criminal Law, Punishment and Its Execution	30
BABAYAN S.L., KOKHMAN D.V. Improving Disciplinary Measures against Persons Serving Restriction of Liberty and a Suspended Sentence	39
SHURUKHNOV N.G. Problems of Qualifying Crimes against the Established Order of Service Committed by Employees of Institutions and Bodies of the Penal System	52
LUTSENKO P.A. Comparative Analysis of Criminal Pretrial Procedures in Anglo-Saxon and Continental Legal Systems	62
KARPOV E.S. On the Issue of Legal Regulation of Public Service of Other Types in the Russian Public Service System	72
ROMANOV S.A. Reforming the State Control (Supervisory) System in the Context of Changing Legislation	82
PSYCHOLOGY.....	89
BOVIN B.G., DVORYANCHIKOV N.V., MEL'NIKOVA D.V., BOVINA I.B. Assessing Radicalization Risks in the Adolescent and Youth Environment	89
SUSLOV Yu.E., KULAKOVA S.V. Prejudice against Psychology as a Factor in Increasing Extremity of the Service and Maladaptation of Penal System Employees	98
PEDAGOGY.....	105
KRYAZHEVA S.G., KOVTUNENKO L.V. Current State and Promising Directions of Professional and Pedagogical Training of the Penal System Employees to Work with Juvenile Offenders	105

Original article

UDC 343.8

doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.001

Problems of Understanding, Registering, Systematizing Sources of Modern Russian Penitentiary Law: Review of Reports and Speeches of Participants of the Interregional Round Table “Sources of Modern Penitentiary Law of Russia” (Vologda, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, January 17, 2023)

ROMAN A. ROMASHOV

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

EVGENII V. SVININ

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, evsvinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>

NATAL'YA N. KIRILOVSKAYA

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

Abstract

The article reviews speeches made at the interregional round table “Sources of Modern Penitentiary Law of Russia” (Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, January 17, 2023) to streamline new information, critically assess the contribution of reports to scientific discussions, identify research trends and determine problematic aspects. This paper reveals theoretical issues of the concept, essence and system of sources of penitentiary law. Attention is drawn to the necessity to build a typology of penitentiary law sources. The article substantiates the relevancy of distinguishing between typical and atypical sources and the existence of the latter due to the actualization of manifestations of “living” law associated with the rule-making practice of issuing subordinate acts of departmental rulemaking, clothed in very vague attributive forms (letters, recommendations, instructions, etc.) or expressed in the form

of an oral order of commanding officers. It is proposed to consider the role of “quasi-sources” that reflect the law-making orientation of individual decisions of the Supreme and Constitutional Courts in the sphere of their law enforcement activities.

Close attention is paid to the problem of technical and legal quality of penitentiary law sources. Attention is focused on risks of applying a broad approach to the concept “legislation”, features of the concept of legal culture of penitentiary law sources, forms of manifestation of law and order in the penitentiary law sources system, the role and correlation of sources of international and penitentiary law, characteristics of anti-corruption and delegated legislation in the system of penitentiary law sources.

Key words: penitentiary law; sources of law; quasi-sources of law; system of law; international law; legal culture; penitentiary law and order.

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences.

For citation: Romashov R.A., Svinin E.V., Kirilovskaya N.N. Problems of understanding, registering, systematizing sources of modern Russian penitentiary law: review of reports and speeches of participants of the interregional round table “Sources of Modern Penitentiary Law of Russia” (Vologda, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, January 17, 2023). *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 4–10. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.001.

On January 17, 2023, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia hosted an interregional round table “Sources of Modern Penitentiary Law of Russia”. The event was organized by the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia together with the interregional public organization “Penitentiary Science Club”, the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, as well as the Irkutsk Regional Branch of the Interregional Association of State and Law Theorists.

The Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Colonel of the Internal Service, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor Evgenii L. Khar’kovskii addressed the round table participants with a welcoming speech.

The topic of the round table seems to be very important and significant. In modern conditions of dynamic development of the Russian penal system, a key role is assigned to formal sources of penitentiary law. They act as powerful drivers for renewal and development of the penitentiary system. This circumstance determines not only the theoretical, but also practical significance of problematic

issues put up for discussion. To achieve the goals of correction of convicts and improve the performance of the penitentiary system is possible only if close attention is paid to content features and legal forms of penitentiary law.

Within the framework of the round table, participants discussed a wide range of issues related to the concept and essence of sources of law, the specifics of penitentiary law as a branch of Russian law, the ratio of national and international sources of penitentiary law, the role of strategic planning acts in activities of the penitentiary system, directions for implementing the Concept for the development of the penal system of the Russian Federation up to 2030.

A wide range of issues of the problem field, including both general theoretical and sectoral aspects of the penitentiary law sources, testifies to the importance and relevance of the round table.

The main report on the topic “Origin and sources of modern penal law” was presented by Roman A. Romashov, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor.

The problem of sources of law in general and formal sources of penitentiary law in particular has both scientific-theoretical and practical significance. It seems appropriate to focus on three aspects: analysis of the relationship between concepts “origin” and “sources” in relation to penitentiary law; understanding and systematization of typical sources of penitentiary law; atypical sources of “living” penitentiary law of modern Russia.

The concepts “origin” and “source” correlate as a prerequisite and a condition. The history of penitentiary law consists of public relations in the field of penitentiary life (material origins); ideological and theoretical concepts of penitentiary scientists, doctrinal positions of politicians and practitioners of the Federal Penitentiary Service of Russia (ideological origins), which, having a direct relationship to the system of penitentiary law, at the same time do not have a real legal force and are not capable of having a regulatory and protective effect on penitentiary relations. Formal legal sources of penitentiary law represent externally expressed in certain legal forms (material and procedural) legal prescriptions endowed with legal force and applied by authorized entities as means of legal regulation and legal protection of penal relations.

The system of typical sources of penitentiary law consists of three main legal forms: normative legal acts (constitutions, laws, by-laws), normative contracts, and legal customs. The hierarchical structure of the system of sources presupposes the predominant role of normative legal acts, both defining features of the formal expression and content of contracts and customs derived from them, and endowing them with legal force. A special place in this system is occupied by strategic planning documents (federal concepts, federal programs), the main purpose of which is the medium-term forecasting of the development of the Federal Penitentiary Service of Russia.

The concept of “living” law (“living” constitution) introduced into the conceptual apparatus of modern Russian law actualizes the problem of understanding sources of “living” penitentiary law. They are numerous subordinate acts of departmental rulemaking, clothed in very vague attributive forms (let-

ters, recommendations, instructions, etc.) or presented in the form of an oral order of commanding officers. The conduct of the special military operation led to the use of such an atypical source of legal impact as advanced law enforcement practice, when penal relations arise in conditions of a gap in the law and are based solely on the will of persons endowed with powers (involvement in the special military operation of those sentenced to punishment in the form of deprivation of liberty, detention of prisoners of war in a pre-trial detention center, etc.).

Nikolai I. Polishchuk, professor at the Department of the Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the FPS of Russia, Doctor of Sciences (Law), Professor made a speech on the topic “Quasi-sources of law and their role in legal realization of the state”.

Due to their historical path of origin, formation and development, the specifics of law-making and law-realization activities, and the presence of other features, current national legal systems, as a rule, simultaneously use several basic sources of law that form their basis, as well as a number of quasi-sources that perform a supporting role.

Basic sources are the ones objectively established in sovereign states (legal families), with the help of which official regulators of public relations are legalized, while quasi-sources – the ones that perform a secondary, auxiliary role in normative, legal implementation and legal interpretation activities.

In the Russian national system of law, the basic sources include a legal custom, normative legal act, contract of normative content and principles of law, since they contain fundamental ideas determining the content and key directions for legal regulation of public relations, as well as legitimize legal norms created to achieve these goals. Their characteristic feature is that they are consistently used in rule-making and law-realization activities, and consequently, the entire national system of law is created and operates on their basis.

Quasi-sources of Russian law are interpretative documents (decisions, resolutions, definitions) emanating from authorized state bodies (the Constitutional Court of the

Russian Federation, the Supreme Court, etc.) aimed at uniform application of basic sources.

Quasi-law-making by the highest judicial and other authorized bodies does not contradict the principle of separation of powers and is carried out in strict accordance with the current Russian legislation. All the documents emanating from them are quasi-sources of Russian law, perform a secondary, auxiliary role in the rule-making and legal implementation activities of the state. The need for quasi-sources of law arises when there are atypical situations associated with gaps in the law, conflicts of legal norms, violations of the fundamental principles and norms of international law, the sanctioning of significant discretion of the law enforcer, etc. in the legal implementation activities of subjects.

*The speech of Mikhail Yu. Spirin, associate professor at the Department of the Theory and History of State and Law and International Law of the Samara State Aerospace University named after academician S.P. Korolev (National Research University), Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, was devoted to the topic “**The ratio of legislation and legislative activity**”, in particular, problems of different meanings of the categories “legislation” and “legislative activity”.*

The round table participant drew attention to significant risks of perceiving these categories in a too broad approach to legal understanding and subsequent enforcement. This refers to subordinate regulatory legal acts of the head of state, government, ministries and departments, etc., as well as corresponding activities for their publication. The speaker argued the controversy of the thesis about the origin of legal force solely from the formal shell of legal norms (formal source of law) and substantiated the existence of a two-way dialectical connection between a form and content, since the main properties of legal norms fixed in a specific formal source of law (and not only its place in the hierarchy of such sources of law and the powers of the subject of lawmaking) also affect its legal force.

M.Yu. Spirin asked Professor R.A. Romashov the question about the possibility and necessity of using the term “forms of law” in the meaning of formal sources of law, including

sources of penitentiary law. Having noted the importance of the question asked, R.A. Romashov pointed out the steady use of terms “form of substantive law” and “form of procedural law” in legal science and practice, as well as potential practical difficulties in using the category “form of law” in the plural in the meaning of formal sources of law.

*Natal'ya N. Kirilovskaya, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, made a report on the topic “**Critical problems of correlating norms of international and national law**”.*

The question of the relationship between norms of international and national law has always been the subject of acute discussion both in the theory of law and in the theory of international law. Penitentiary science is no exception. In the penitentiary sphere, as in any other, a ratified international treaty that does not contradict the provisions of the Constitution of the Russian Federation will have priority over federal laws. This constitutional norm has an imperative character. At the same time, the penitentiary sphere refers to the area of adoption of documents mainly of a recommendatory nature at the international level. Is the state obliged to follow norms of a recommendatory nature? So, for example, the Nelson Mandela Rules known in international penitentiary law are advisory in nature. According to their legal status they are a resolution of the UN General Assembly and the rule of Paragraph 4 of Article 15 of the Constitution of the Russian Federation does not apply to them. However, states, being members of international organizations, assume certain obligations under membership and, in this regard, should strive to adopt and implement generally accepted rules. However, the recommendatory nature of norms does not oblige member states to strictly follow them, giving them the opportunity to determine the relevancy of implementing international organizations' decisions in part or in full, as well as the format of their realization.

Evgeniya V. Lungu, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary

*Service of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, in her speech on the topic “**Problems to classify sources of law**” drew attention to the fact that the classification of sources of law is essential for regulation of public relations.*

In Russian legal science, a special place has always been given to the vertical classification of sources of law on such grounds as legal force of normative legal acts. However, in the conditions of legal reality, this approach does not consider both the diversity of normative legal acts and their position in the system of sources of Russian law. The solution to this problem is seen in the identification of new grounds for the classification of sources of law with regard to the objectively established practice.

*The report “**Legal culture of sources of penitentiary law**” made by Viktoriya V. Karpunina, associate professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor was devoted to the problem of correlation and interaction of legal culture, sources of law and law and order.*

Legal culture is one of the significant indicators of technical and legal development and perfection of legislation.

The current Penal Code of the Russian Federation was prepared in the mid-1990s, during the period of drastic renewal of legislation, and performs a fundamental role in regulating penitentiary legal relations. At the same time, it should be noted that certain norms and institutions enshrined in the PC RF contribute to excessive uncertainty in legal regulation, thereby reducing the level of technical and legal culture. For example, the penal legislation widely uses expressions “can”, “is entitled to”. From the position of the institute of anti-corruption expertise it is considered as a manifestation of such a technical and legal defect, the overcoming of which is possible through legislative consolidation of the term and types of legitimate interests of convicts and other persons.

A problematic aspect of the legal culture of penitentiary law sources may be the inaccuracy and inconsistency of the subject of

regulation. For example, Chapter 21 of the Penal Code of the Russian Federation regulates grounds for exemption from punishment, thereby competing with Chapter 12 of the Criminal Code of the Russian Federation. The current PC RF contains primarily material norms, as a result of which a number of by-laws, in particular Internal Regulations, acquire a value actually comparable to the PC RF, thereby claiming the conditional status of the law in the material sense. Overcoming these and a number of other technical and legal shortcomings will contribute to improving the level of legal culture of the sources of penal law.

*Evgenii V. Svinin, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, in his speech on the topic “**Sources of penitentiary law as the normative basis of penitentiary law and order**” focused on the need to study the interaction of these phenomena.*

One of the problems that deserves close attention is the multiplicity of forms of subordinate legal acts. The use of one or another form of a subordinate legal act should be justified by the need to regulate a certain type of public relations, thus each form of a subordinate legal act should have its own specific subject of regulation. At present, this issue does not have an unambiguous legal regulation; moreover, in law-making practice there are subordinate regulatory legal acts that are not formally stipulated by the Decree of the Government of the Russian Federation No. 1,009 of August 13, 1997 “On approval of the Rules for the preparation of regulatory legal acts of federal executive authorities and their state registration”. In this regard, in order to strengthen the penitentiary law and order, it is important to optimize forms of law, determining the subject of their legal regulation.

*Associate professor at the Department of Jurisprudence of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Candidate of Sciences (Law) Galiya T. Romashova discussed “**Anti-corruption legislation and its place***

in the system of sources of patent law of modern Russia”.

The penitentiary system of the Russian Federation is characterized by a large number of corruption risks, which in itself actualizes the problem of anti-corruption security as the activity of bodies and officials that are part of the unified system of public authority based on anti-corruption legislation to prevent and counter corruption-related offenses. The factor that reduces the regulatory and protective effectiveness of anti-corruption legislation is departmental disunity, which causes multiple regulatory conflicts, as well as the absence of a single codified act in this area of legal regulation.

The speech of Olesya V. Moshnenko, associate professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Economics), was devoted to the topic “The legal nature of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation”.

According to O.V. Moshnenko, the meaning and role of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation has not lost its relevance so far. Some decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation seem to be considered as sources of law. We are talking about decisions that interpret norms of the Constitution or laws of the Russian Federation. They, indeed, possess some properties of the sources of law (for example, general obligation), which give them a normative character.

Despite the fact that the Constitutional Court of the Russian Federation does not establish new rules of conduct and does not make changes to the existing legislation, nevertheless, its decisions may imply the cancellation of one or another existing normative act or a separate norm, which, in turn, generates new rights and obligations for participants in public relations. Such decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, in our opinion, have a rule-making character, and can be recognized as a source of law.

However, we believe that by their legal nature, the decisions of the Constitutional Court are not judicial precedents, but a special independent type of sources of law. Deci-

sions of the Constitutional Court of the Russian Federation that have normative content can legitimately be attributed to the sources of law in the formal legal understanding of this category. The unique, special legal nature of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation is manifested primarily in the combination of normative and doctrinal principles, as well as in their extension to the most important issues concerning all branches of law, including penitentiary law.

Yuliya V. Perron, Senior Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (Law), contemplated on “The role and place of international standards in the system of penitentiary law”.

In modern conditions, when determining the place of international standards for the execution of criminal penalties in the system of sources of law, it is necessary to focus more not on the source of their consolidation, but on the nature of origin and content. Arising conflicts of international standards with Russian law should be resolved using principles of the sources hierarchy or application priority, taking into account the provisions of Part 4 of Article 15, articles 17, 46, 62, 63, 67.1, 69, 79, Paragraph “b” of Part 5.1 and Part 6 of Article 125 of the Constitution of the Russian Federation.

Anna P. Veselova, Senior Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Sciences (History), analyzed individual trends in law-making in her report on the topic “Delegation as a trend of modern law-making practice”.

Undoubtedly, speaking of formal sources of law, one should be aware of the legal family. Significant interest is paid to general trends that guide the development of sources of law as a system category in recent times. One of these is the endowment of executive authorities with legislative powers. Its retrospective formation is represented by the appearance of the phenomenon of delegated legislation. With the passage of time, the very fact of dele-

gation gradually loses the need for formal expression, which is mostly not a consequence of the complication of public relations, but a concomitant process of strengthening executive authorities in the public administration system.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ROMAN A. ROMASHOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Distinguished Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, romashov_tgp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9777-8625>

EVGENII V. SVININ – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, evsvinin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2866-651X>,

NATAL'YA N. KIRILOVSKAYA – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, natasha.8172@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9031-5182>

Received January 25, 2023

Original article

UDC 343.28

doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.002

On Some Urgent Problems of Prevention and Counteraction to Extremist and Terrorist Ideas in the Russian Penal System

SERGEI S. OGANESYAN

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ossduma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>

SALIKH Kh. SHAMSUNOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, shamsunov46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1194-6905>

Abstract

Introduction: the article considers problems that became urgent for the penitentiary system only in the last two or three decades, since neither in the years of the USSR, nor in the initial period of Russia's formation as a sovereign state, the issue of prevention and countering extremism was relevant. *Purpose:* to reveal problems that the Russian penal system faces in connection with the intensification of extremist and terrorist manifestations both in our country and abroad, as well as to suggest possible ways to solve them. There is a need to create a comprehensive system for training special personnel from among employees of the Russian penitentiary system, as well as scientific and organizational support for activities aimed at preventing and countering illegal activities of carriers of extremist and terrorist views. *Results:* the research has scientific and practical significance, since it reveals for the first time the need to take into account the specifics of each type of extremist and terrorist activity in terms of illegal activity motives driven by the mental specifics of carriers of extremist and terrorist ideas, as well as the necessity to train special personnel from among penitentiary institution employees in preventing and counteracting these extremely destructive phenomena. *Methods:* a combination of logical, systematic methods, as well as conceptual types of analysis of the current state of prevention and counteraction to extremist activity in the penal system is effectively used to solve the set research tasks. Hermeneutical, comparative and exegetic methods help study sources that determine consciousness, cognitive abilities and behavior of modern extremists and terrorists. *Conclusion:* the authors state the relevance of the problem under study, its complexity and propose, taking into account the results formulated in the article, elaboration of the concept of prevention and counteraction to the most diverse types of extremist and terrorist views, which, in turn, should be reflected in the concepts of psychological, educational, operational and regime services, as well as the entire system of the Federal Penitentiary Service of Russia. In addition, the authors consider the introduction of a cycle of subjects related to prevention of extremist and terrorist views into curricula of higher and secondary educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia to be an equally important task, which has not yet been solved, taking into account specialization of students.

Keywords: penal system of Russia; extremism; terrorism; mental civilizations; prevention and counteraction to illegal acts.

5.1.1 Theoretical and historical sciences.

5.1.4 Criminal law sciences.

For citation: Oganesyanyan S.S., Shamsunov S.Kh. On some urgent problems of prevention and counteraction to extremist and terrorist ideas in the Russian penal system. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 11–18. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.002.

Introduction

Forms and types of extremism and terrorism manifestations are poorly studied both in scientific and practical terms, since they are rather new phenomena. Besides, the phenomena of extremism, which in the modern world are qualified as illegal, were not considered as such even a hundred years ago. Moreover, in almost all world countries they were revered as acts demonstrating selfless devotion to religion, language and fatherland [1]. We cannot but mention the well-known slogan driving soldiers of tsarist Russia to march into battle not sparing their lives “For the faith, for the tsar for the Fatherland”, as well as many works of folklore and fiction, which, according to modern law, fall under articles 280 and 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, for example, “A Word about Igor’s regiment”, “Taras Bulba”, etc.

Moreover, the texts of holy scriptures, such as the Torah, the New Testament and the Koran are extremist, otherwise on November 23, 2015, Vladimir Putin would not have signed a special law on the non-jurisdiction of the contents of the Bible, the Koran, Tanakh and Ganjur, as well as quotations from them [2]

The Soviet period is known to have no problems with religious or other types of extremism (racial, ethnic, linguistic, etc.) in the penal system, since ideological attitudes of atheism and internationalism were dominant in the country and state propaganda and education systems were effective.

Therefore, manifestation of even simple religiosity was condemned by the majority of society, and any political dissent or deviation from the main course of the CPSU was severely suppressed by all means and methods, including the state power structures. Therefore, the insignificant experience that tsarist Russia had accumulated before 1917 in keeping “political prisoners” in places of detention was completely forgotten during the

Soviet period. Concepts, such as “religious extremism”, “political extremism”, “social extremism”, “racial” and other extremism were perceived in the USSR as manifestations characteristic of capitalist countries.

Undoubtedly, there were manifestations of xenophobia, religious intolerance, and political confrontation in the USSR, but the government was considered people’s, and all those who opposed the people’s power were called enemies of the people. Thus, dissenters turned out to be in places of deprivation of liberty, in particular, “correctional labor camps and colonies of the NKVD of the USSR. It was believed that detention itself and forced labor would give an appropriate educational effect even without a purposeful resocialization system.

In this article we try to show new challenges and related problems that the Russian penal system addresses in connection with the intensification of extremist and terrorist ideas and manifestations in our country, as well as outline the most effective ways to solve them.

Unlike the problems of extremism, the problem of terrorism and countering it is relevant for the penal system of Russia purely in connection with the task of resocialization of those convicted of this act, since periodically occurring so-called “prison riots” cannot be attributed to terrorism in any way. Prevention and countering extremism are not only extremely important, but also complicated for all services for the penal system of our country and the world.

Suffice it to recall that legal acts aimed at legislative regulation of extremist and terrorist activities in the Russian Federation appeared only in the early and mid-2000s. In particular, the Federal Law No. 114-FZ “On countering extremist activity” was adopted on July 25, 2002, and the Federal Law No. 35-FZ “On countering terrorism” entered into force on March 6, 2006 [12,13].

Since within the framework of a journal article it is not possible to highlight all (even the most urgent) problems related to resocialization of persons with extremist and terrorist ideas in the penal system of Russia, we will focus on some, from our point of view, most relevant, and try to determine the most appropriate ways to solve them.

Research methods

The article uses a set of research methods. The first group includes logical, systemic and conceptual analyses of the current state of prevention and counteraction of extremist activities in the penal system and identification of unresolved problems of resocialization of persons with extremist and terrorist ideas that require their own understanding and solution. The second group comprises hermeneutical, comparative and exegetical methods of investigating sources that determine consciousness, cognitive abilities and behavior of modern extremists and terrorists.

Discussion

We consider it fundamentally important to determine terms and concepts, such as resocialization, prevention and counteraction, which, despite their frequent use, nevertheless, are often inconsistently interpreted. We will not define concepts of extremism and terrorism, since in the last decade they were widely and, from our point of view, correctly disclosed in special dictionaries (legal, political, sociological, etc.) and clearly defined in modern legislative acts, in particular, the Federal Law "On countering extremist activity" No. 114-FZ of July 25, 2002 (latest edition) and the Federal Law "On countering terrorism" No. 35-FZ of March 6, 2006 (latest edition). Penal institution employees should be guided by them in service. Another thing is that in the modern world, including our country, there are other types of extremist activities besides those listed in the mentioned federal laws, which should be the focus of attention of employees of the penal system of Russia. However, our special work was devoted to this problem [1], so we will not dwell on it now.

There is generally accepted and reflected in special dictionaries understanding of resocialization. In particular, we consider resocialization as the process of formation of those norms and rules of social life, and cultural val-

ues that are accepted in our country in those convicted of criminal offenses. Resocialization is achieved by purposeful influence on the consciousness, thinking and behavior of suspected, accused and convicted people, including extremists and terrorists, of a wide variety of psychological and pedagogical methods, techniques and means, with mandatory consideration of the specifics of the "type" of extremist activity and motives for committing terrorist acts.

We understand prevention (from Greek "prophylaktikos") as a set of systematized preventive measures, aimed at strengthening or forming of legally fixed or generally accepted norms and rules of conduct, in particular, formation of their tolerance for religious, ethnic, linguistic, racial and other diversity of people, education (particularly education) of tolerant thinking and behavior.

Counteraction to extremist and terrorist ideas is understood as activities of penal system employees of all services aimed at blocking, opposing, resisting the destructive influence of carriers of extremist and terrorist views in the penal system of Russia, which implies purposeful formation of a moral world and behavior in the society corresponding to the social norm.

It follows from the above definitions that both prevention and counteraction to extremism and terrorism in the penal system are an integral part of resocialization of persons in places of deprivation of liberty.

One of the most difficult problems associated with resocialization of extremists and terrorists is the one that relates to the determination of the functions of employees of each of the services of the Russian penal system.

In our publications, we have dealt with issues related to the role of clergy in the process of forming religious tolerance and ethnic tolerance among suspects, accused and convicted persons, therefore we will not dwell on them, noting, however, that persons invested with spiritual dignity, due to the specifics of their professional activities, as well as their knowledge and skills, are not able to ensure effective resocialization of extremists in the fields of politics, language and the social sphere [3].

Up today functions of resocialization of extremists and terrorists that each division of the Federal Penitentiary Service of Russia fulfils are not defined. Therefore, the penal system still does not have curricula, training and retraining programs to prevent and counteract extremism and terrorism for universities, secondary educational institutions and training and retraining courses. Besides, there is an extremely insufficient number of scientifically-based research and, accordingly, recommendations for functional responsibilities of each service for resocialization of extremists and terrorists and identification of the mental (more broadly, ideological) specifics of those who adhere to extremist and terrorist ideas in various spheres of human existence [4].

It is no secret, for example, that people who adhere to religious extremist and terrorist ideas are fundamentally different in their worldview and aspirations from those who adhere to nationalist and chauvinistic views. For monotheistic religions (Judaism, Christianity and Islam) the ethnic origin of a person or his/her racial and linguistic differences are not important, since everyone must obey norms and behavior rules laid down by the One God, and the diversity of people on earth, according to the Scriptures, is provided by God himself. There originates the preaching of the World Caliphate in modern Islam, aspiration of Catholicism and Orthodoxy apologists that all the people of the earth accept their very tenets of faith as the most correct and therefore pleasing to God.

We consider it important for the penal system employees to know that the specifics of political extremism is primarily aimed at changing the constitutional system of the country, and language extremism – humiliating, suppressing and displacing all other languages used in the country by changing the state language policy. At the same time, political, linguistic, social, ethnic and other types of extremism, as a rule, do not go beyond the borders of a particular state, although their apologists can maintain close ideological contacts with groups of nationalists, chauvinists and political extremists from other countries related to them on ideological bases [4].

Are penal employees able to organize effective work on resocialization of extremists

and terrorists without knowing their mental specifics, without being aware of the most effective ways, methods and techniques, prevention and counteraction to the most diverse types and forms of extremism? The answer is definitely no. This is more than convincingly evidenced not only by our domestic, but also the relevant world experience. No wonder that a well-known British psychologist, after the terrorist attack committed by his ward on November 30, 2019, with whom he, like employees of other services of the UK penitentiary system, worked for six years in a London prison, argues that psychologists are not able to “reprogram” consciousness of religious extremists and terrorists [5]. We believe that British psychologists have been helpless when working with religious extremists and terrorists purely for the reason that that they themselves do not use ideological foundations of the scriptures to form not only religious, but also ethnic tolerance. They do not know, for example, crucial lines of the New Testament and the Koran, such as “Do not be afraid of those who kill the body but cannot kill the soul. Rather, be afraid of the One who can destroy both soul and body in hell” (Gospel of Matthew, chapter 10:28) [1]; And only Satan inclines you to fear your loved ones. Do not be afraid of them, but only fear Me, since you have surrendered and believe” (Sura 3:175).

It is these edifications of the New Testament of Jesus Christ and the Koran that guide those who make self-sacrifice for the sake of their religious beliefs, being sure that they will receive in heaven not only eternal life, but also all the benefits of Paradise.

British psychologists also do not take into account such lines of the Koran as “Let there be no compulsion in religion, for the truth stands out clearly from falsehood. So whoever renounces false gods and believes in Allah has certainly grasped the firmest, un-failing hand-hold. And Allah is All-Hearing, All-Knowing!” (Sura 2:256). Not only British, but also most modern psychologists, including those who work in the Russian penal system, do not take into account the edification of Jesus (Isa, son of Maryam) “Blessed are the peacemakers, for they will be called children of God” (Matthew’s Beatitudes, Chapter 5:9).

It is worth mentioning that for the last two or three decades, new psychology areas, such as “Orthodox psychology” and “Islamic psychology”, have been intensively developing. They focus primarily on mental specifics of religious people and their specific worldview. These directions have not yet been reflected in the work of Russian penal psychologists to re-socialize persons with religious extremist and terrorist ideas and political, social, racial and linguistic extremists and terrorists, since they use methods recommended by Western psychological schools, such as Minnesota Multiphasic Personality Inventory (MMRI); California Psychological Inventory (CPI); Multilevel Personality Questionnaire (MLO) (Maklakov A.G.); Mississippi Scale for Combat-Related Posttraumatic Stress (M-PTSD); Luscher Color Test; Eysenck Personality Inventory; Buss-Durkee Hostility Inventory; Beck Depression Scale (BDI); Sixteen Personality Factor Questionnaire by R. Cattell (16 PF); Differential Diagnostic Inventory (DDI); Pavlovian Temperament Survey (PTS) (Jan Strelau), etc.

These methods, as a rule, do not take into account either ethnic, genealogical, or religious characteristics of persons in places of deprivation of liberty. A religious extremist is not a person with deviant behavior, but the one whose worldview, way of thinking, aspirations and behavior are predetermined by the Holy Scriptures, which for thousands of years have regulated a way of life of both specific ethnic groups, peoples and all the mankind. These people, although they are carriers of the mentality outgoing from the historical arena, but, nevertheless, representatives of an impressive part of humanity. Moreover, the inviolability of this mentality is guaranteed by Article 28 of the Constitution of the Russian Federation, which clearly states that “everyone is guaranteed freedom of conscience, freedom of religion, including the right to profess individually or jointly with others any religion or not to profess any, freely choose, have and disseminate religious and other beliefs and act in accordance with them”.

For religious people behavior of modern people who consider themselves, for example, gays and lesbians is a deviation from the norm according to which hundreds of gen-

erations of their ancestors have lived, guided by the prescriptions set forth in the Torah, the New Testament and the Koran. Religious extremists seek to protect those spiritual values that they consider righteous and correct. Moreover, they do not think about the fact that they are embarking on the path of extremism in violation of all the norms of tolerance that are characteristic of the modern mental civilization of people with a scientific worldview [6].

Another thing is that a psychologist, educator and head of the squad in a correctional facility should know the Scriptures so well that they can convincingly show a religious extremist that his/her views is contrary to the information about mental specifics of a person, as well as stages of mental development of the mankind that are indicated in the Scriptures themselves, in particular, about inevitable transition of the main mass of humanity from the era of pagan views to monotheistic ones, and further to a scientific worldview and independent regulation of one’s own vital activity precisely because of the mental specifics of a person fundamentally different from all other beings of the earth [6]. And that, therefore, life according to constitutions of modern secular states is an inevitability that any truly religious person should accept.

After all, the Torah, New Testament and Koran state that man is the bearer of the Spirit of God, that he (unlike all other beings of the earth) was created in the image and likeness of the Almighty and that God Himself taught man names of everything that exists in the Universe, having conquered to him the universe.

However, even if a psychologist, educator and a head of the squad are aware of the ideological and ideological basis of the Scriptures, their structure, composition and plot-event unity, this is not enough, since they need to possess not only methods and techniques of working with their wards, but also have appropriate training aids, including appropriate didactic material for convicts [7].

By the way, priests who have devoted themselves to prison service will not tell religious extremists and terrorists about the information of the Scriptures regarding the inevitability of a change of mental civilizations, otherwise they

will have to admit that their role in society is limited to purely religious mental epochs (paganism and monotheism) and that in their life a person living in a secular state should be guided by the Constitution and other normative legal acts of the country, and not by the prescriptions set out in the Scriptures [4].

There are also specific features in resocialization of nationalists, neo-Nazis, chauvinists, racists, as well as extremists in other spheres of social life. For example, an operational service officer will not be able to organize effective agent work if he is not aware of specific features of nationalists and racists.

However, the problems of psychologists, educators, heads of detachments, as well as employees of operational and regime services for resocialization of extremists and terrorists of various directions are not only and not so much in the listed points. They, as noted, are primarily related to a lack of a scientifically-based concept of the role, place and specific functions of all penal institutions in resocialization of extremists and terrorists. The goals and objectives that were developed and set for employees of psychological, educational, operational and regime services in the early 2000s did not take into account the tasks that the new times put forward.

Thus, the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 238 of December 12, 2005 does not set goals and objectives for either psychological or other services in the subject matter concerned, corresponding to the direction of their official activities. The same can be said about the Instruction on the prevention of offenses among persons held in institutions of the penal system, issued in the form of the Order of the Ministry of Justice No. 72 of May 20, 2013.

So, psychologists together with “interested services” should develop and carry out “preventive measures with persons placed on preventive registration”. Moreover, along with other convicts, “leaders and active participants of groups of a negative orientation, as well as persons who have a negative impact on other suspected, accused and convicted people ... studying, propagandizing, professing or spreading extremist ideology” are in preventive care. There is nothing more. And this is despite the fact that, as noted above,

extremists and terrorists are by no means homogeneous, that they have completely different motives for their illegal activities, different views on life and the world order and, accordingly, require specific forms, methods and means of resocialization.

Although, it is fair to say that certain efforts to organize and methodically ensure professional work of penitentiary psychologists and operational services staff with convicted extremists and terrorists were made by employees of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia together with the Department of Educational, Social and Psychological Activities of the Federal Penitentiary Service of Russia and the Operational Department of the Federal Penitentiary Service of Russia. At the same time, similar work was not carried out in the direction of educational work (heads of detachments). So, in 2018, based on the study of generalized, typological socio-psychological characteristics of convicted extremists and terrorists, the staff of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia developed a Basic program for psychological correction of personality for persons convicted of terrorism-related crimes (hereinafter – BP). BP was approved by the management of the Department of Educational, Social and Psychological Activities of the Federal Penitentiary Service of Russia and sent to territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia for practical use in the work of psychologists.

In 2019, the staff of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia prepared a professional development program “Prevention of countering terrorism and extremism in institutions of the penal system. Resocialization of persons convicted of committing crimes of a terrorist nature and extremist orientation” (hereinafter – PDP). It was assumed that this PDP would be actively used by departmental penitentiary educational organizations and institutes of advanced training of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia for the purpose of their professional training to work with convicted extremists and terrorists. However, this did not happen, since even at the stage of preparation of BP and PDP their developers realized how difficult a category to study were

persons convicted of extremism and terrorism. It became clear that it was impossible to consider only generalized, typological socio-psychological characteristics of convicted extremists and terrorists due to the fact that the categories of convicts were too different in their mental and (more narrowly – in their psychological) specifics. The conclusions that emerged as a result of the conducted research work suggest the need for appropriate changes to the content of the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 72 of May 20, 2013 “Instruction on the prevention of offenses among persons held in institutions of the penal system” in relation to persons studying, propagandizing, professing or distributing extremist ideology.

By the way, we cannot but mention another problematic aspect of organizing work of psychologists and educators in the aspects of resocialization of extremists and terrorists in the penal system of Russia. It is directly related to the ratio of psychologists to the number of convicts. In accordance with the existing regulations, a psychological service employee is obliged to simultaneously provide psychological support to 300 suspected, accused, convicted persons, as well as employees of the institution (body).

The load of a squad head (senior tutor in a juvenile correctional facility) is determined within 50–100 people, depending on the type of regime of the institution. It is not difficult to calculate how much time (how many minutes per week) each psychologist, educator and squad head can devote to each individual convict, even if employees of all services combine their efforts and clearly distribute their responsibilities for resocialization of extremists and terrorists.

On the other hand, the question arises, whether it is advisable to train every employee of the penal system as a specialist in the field of prevention and counteraction of extremism and terrorism, especially since each type of extremism and terrorism, having its own specifics, requires extensive special knowledge, as well as possession of specific methods, skills and abilities? From our point of view, it is impractical.

It seems that this problem can be solved by introducing into the staffing table of each

territorial body of the Federal Penitentiary Service of Russia of 2–3 specialists in the prevention and combating of extremism and terrorism, who should direct and coordinate the work of all interested services. Today, the Federal Penitentiary Service of Russia does not have such employees, that is why the personnel retraining system is rather relevant.

Conclusions

Thus, we have touched upon only a part of the problems related to resocialization of extremists and terrorists in the penal system of Russia, without considering, for example, those related to the creation of special training and retraining programs for employees of psychological, educational, regime and operational services designed to prevent and counter each type of extremist and terrorist activities; development of appropriate textbooks and teaching aids, as well as a wide variety of audiovisual educational tools using digital technologies.

The modern world faces previously non-existent phenomena and challenges that are inevitable and that states will have to deal with, including with the help of their penitentiary systems. The penal system of Russia should not neglect them, hoping that convict’s detention will solve the problem, without solving problems of reprogramming the worldview, thinking and behavior of extremists and terrorists. Hence, the Russian penal system should work out the concept for prevention and countering the most diverse types of extremist and terrorist ideas, which, in turn, should be reflected in concepts of psychological, educational, operational and regime services, as well as the entire system of the Federal Penitentiary Service of Russia. In addition, we consider it important to introduce a cycle of subjects related to prevention and counteraction of extremist and terrorist ideas into the curricula of higher and secondary educational institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia, taking into account the specifics of students’ specialty. Besides, it is necessary to systematically develop methods, techniques and a wide variety of tools aimed at preventing and countering extremism and terrorism for both educational institutions and places of detention.

REFERENCES

1. Oganessian S.S. Types of extremist activity and problems of resocialization of extremists in the penitentiary system of the Russian Federation. *Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy = News of the Penal System*, 2022, no. 1 (236), pp. 13–18. (In Russ.).
2. Putin signed the law on the non-jurisdiction of sacred books. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/11/23/617980-nepodsudnosti-svyaschennih-knig> (In Russ.). (Accessed October 15, 2022).
3. Oganessian S.S. On functions of clergy in the Russian penal system. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie = Criminal-Executory System: Law, Economy, Management*, 2021, no. 6, pp. 8–12. (In Russ.).
4. Oganessian S.S., Rumyantsev N.V., Shamsunov S.Kh. *Osnovnye napravleniya profilaktiki i protivodeistviya ekstremizmu i terrorizmu v ugolovno-ispolnitel'noi sisteme Rossiiskoi Federatsii: monogr* [Key directions of prevention and counteraction to extremism and terrorism in the penal system of the Russian Federation: monograph]. Moscow, 2021. 128 p.
5. British psychologist: “We cannot reprogram a terrorist”. Available at: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/221391780> (In Russ.). (Accessed October 15, 2022).
6. Oganessian S.S. Who should solve religious problems of the modern Russian penitentiary system? In: Kopytkin S.A. (Ed.). *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: vchera, segodnya, zavtra: materialy nauchno-predstavitel'skikh meropriyatii FKU DPO Sankt-Peterburgskii IPKR FSIN Rossii* [The penal system: yesterday, today, head of department: materials of scientific and representative events of the FKU DPO Saint Petersburg IPKR of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Saint Petersburg, 2019. Pp. 106–120. (In Russ.).
7. Debol'skii M.G. *Psikhologicheskaya sluzhba ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii: opyt organizatsii* [Psychological service of the penal system of Russia: organization experience]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-sluzhba-ugolovno-ispolnitelnoy-sistemy-rossii-opyt-organizatsii/viewer> (accessed July 15, 2022).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

SERGEI S. OGANESYAN – Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ossduma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7257-7760>

SALIKH Kh. SHAMSUNOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, shamsunov46@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1194-6905>

Received November 17, 2022

Original article

UDC 343.8

doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.003

Enhancing the Penal Legislation in Modern Conditions: Key Factors and Directions

VYACHESLAV I. SELIVERSTOV

M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

vis_home@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9554-5438>

Abstract

Introduction: the modern Russian reality has changed correlation between the factors determining the penal legislation improvement. In the period from the adoption of the Penal Code of the Russian Federation until the beginning of 2022, this process was carried out under the priority influence of foreign policy factors, consisting in the need to maintain interstate cooperation at the proper level and comply with international, primarily European standards for the treatment of convicts. The termination of Russia's membership in the Council of Europe has led to the leveling of the influence of international standards for treating convicts on the penal legislation. With the weakening of the foreign policy factor in modern conditions, the importance of economic factors that hinder full-scale codification of the penal legislation and adoption of the new Penal Code of the Russian Federation increases. *The purpose* of this article is to determine relevant directions for the penal legislation enhancement in modern conditions in Russia. *Methods:* a factual analysis helps consider political, economic, social and spiritual conditions or factors prevailing in the state and society. *Conclusions:* taking into account the changed influence of various factors, the author contemplates directions for improving the penal legislation, including regulation of public relations related to the adopted Probation law in the Russian Federation, convicts' fulfillment of the constitutional duty to protect the Fatherland, establishment of additional guarantees for protecting the rights and legitimate interests of convicts. The task of eliminating gaps, contradictions and errors in the penal legislation is also discussed.

Keywords: convict; codification; factors; penal legislation; international standards; guarantees of the rights of convicts; probation; lawyer; visits to institutions and bodies executing sentences; participation of convicts in the special military operation.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Seliverstov V.I. Enhancing the penal legislation in modern conditions: key factors and directions. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 19–29. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.003.

Introduction

In recent decades, the factors determining the penal policy and the penal legislation have been actively studied in legal science [1,

p. 54; 2; 3]. Among them, there are objective and subjective [4], permanent and temporary [5, p. 95], internal and external [6, p. 6, 7] factors, etc. The factor analysis seems to be the

most promising, as it considers political, economic, social and spiritual conditions, or factors, of the state and society [7]. Moreover, at various stages of the development of the state and society, the impact of certain factors becomes decisive or priority, and the role of other factors weakens.

Thus, in the period from the moment of the adoption of the Penal Code of the Russian Federation (hereinafter – PC RF) and until the beginning of 2022, the penal legislation implementation was influenced by foreign policy factors; interstate cooperation should be organized at the proper level and international, primarily European standards for the treatment of convicts, should be implemented. The European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (hereinafter – CPT) and the European Court of Human Rights (hereinafter – ECHR) promoted the trend of taking into account European standards for the treatment of convicts. The CPT, through annual inspections of places of forced detention in Russia, studied and summarized the practice of treating convicts and sent its recommendations to the state authorities of the Russian Federation. According to the complaints of convicts and their relatives, the ECHR, taking into account materials of the CPT inspections, made decisions on Russia's violation of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and awarded financial compensation to victims. In addition, the ECHR ordered Russia to adopt so-called general measures, often consisting in amendments and additions to the penal and other legislation of the Russian Federation. All these activities were accompanied by various forms of diplomatic persuasion and economic coercion.

The modern period of Russian reality has changed the priorities among the factors determining the penal legislation improvement. The choice between a unipolar and multipolar world has led to an extraordinary aggravation of interstate contradictions between the Russian Federation and a number of Western countries. The conduct of a special military operation in Ukraine led to the application of economic and political sanctions against

Russia. Since March 16, 2022 our country has ceased to be a member of the Council of Europe, and the Federal Law of March 16, 2022 terminated the following international treaties: the Statute of the Council of Europe of May 5, 1949; the General Agreement on Privileges and Immunities of the Council of Europe of November 6, 1952 with the relevant protocols thereto; the European Convention on the Suppression of Terrorism of January 27, 1977; the European Charter of Local Self-Government of October 15, 1985; the European Social Charter of May 3, 1996; the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 with the corresponding optional protocols thereto (hereinafter – Convention on Human Rights or Convention).

The termination of membership in the Council of Europe automatically entailed Russia's withdrawal from the jurisdiction of the ECHR, which in its Resolution of the European Court of Human Rights on the consequences of the cessation of membership of the Russian Federation to the Council of Europe in light of Article 58 of the European Convention on Human Rights of March 22, 2022 stated that Russia ceased to be a High Contracting Party to the Convention on September 16, 2022. At the same time, the ECHR remains competent to deal with applications directed against the Russian Federation in relation to acts or omissions capable of constituting a violation of the Convention provided that they occurred until September 16, 2022.

In contrast to the above-mentioned decision of the ECHR, the Russian Federation adopted the Federal Law No. 183-FZ of June 11, 2022 “On amending certain legislative acts of the Russian Federation and invalidating certain provisions of legislative acts of the Russian Federation”, according to which the ECHR rulings that came into force after March 15, 2022 are not subject to execution in Russia. Monetary compensation under the ECHR rulings that came into force before March 15, 2022 inclusive can be paid exclusively in Russian rubles to accounts in Russian credit organizations and cannot be made to accounts in foreign credit organizations located in for-

eign countries that commit unfriendly actions against the Russian Federation.

The impact of international standards for the treatment of convicts on the penal legislation has weakened. However, in our opinion, it is still present.

First, the UN standards mostly represented by recommendatory acts, for example, the Minimum Standard Rules for the Treatment of Prisoners (Nelson Mandela's Rule) exert their influence. The existing acts obligatory for Russia are limited to several conventions and covenants, such as the International Covenant on Civil and Political Rights and the UN Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (hereinafter –Torture Convention).

The UN documents themselves and their optional protocols provide for convention mechanisms for monitoring compliance with the above-mentioned international agreements, consisting in: a) submission and protection of periodic reports of states on the observance of civil and political rights and the fulfillment of obligations under the Torture Convention;

b) consideration of complaints of persons under the jurisdiction of Russia about violations of civil and political human rights and the use of torture;

c) consideration of statements by other states on violations of civil and political human rights in Russia and the use of torture.

Such a form of monitoring compliance with the Torture Convention provisions as the creation and operation of a preventive mechanism is not introduced in Russia.

Second, there are currently no grounds for concluding that the influence of European standards for the treatment of convicts on the penal legislation has been completely eliminated. The statement of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation of March 15, 2022 “On launching the procedure for withdrawal from the Council of Europe” states that “provisions of the main contractual legal acts of the Council of Europe are included in the Russian legislation. The already adopted decisions of the European Court of Human Rights will be implemented, if they do

not contradict the Constitution of the Russian Federation”. Besides, according to the Russian Foreign Ministry, “Russia remains open to pragmatic and equal interaction with the Council of Europe members on issues of mutual interest and within the framework of those conventions in which we decide to continue participating” [8].

With the decreased impact of the foreign policy factor on the penal legislation improvement in modern conditions, the importance of economic factors goes up. First of all, we are talking about those that characterize the state of the economy in Russia (gross domestic product, its volume and dynamics) and the priorities of the state's economic policy. Amid economic sanctions, increased spending on the Armed Forces of the Russian Federation and provision of the country's defense capability, the need to restore a destroyed infrastructure of the territories included in Russia, we should expect, if not a reduction, then freezing of the funds allocated to the penal system. All this raises risks of implementing individual projects that require additional federal budget spending. Among such risky projects is the construction and opening in 2024 of institutions of the united type, provided for by the Concept for the development of the penal system of the Russian Federation for the period up to 2030. Consequently, it becomes problematic to supplement the penal legislation with norms regulating the specifics of serving sentences in the above-mentioned institutions.

In 2012–2019, a new codification of the penal legislation was discussed in science [9, pp. 22–23]. It was proposed to develop and adopt a new PC RF or a new revision of the PC RF, and either together with the adoption of a new Criminal Code of the Russian Federation [10, p. 281; 11, p. 84], or separately from it [12, p. 114]. In many ways, these proposals were triggered by the adoption of new criminal codes in the CIS countries. Thus, the Republic of Kazakhstan in 2015 developed and put into effect new criminal, penal, criminal procedural and administrative codes. The example of Kazakhstan was followed by the Republic of Kyrgyzstan and partly by the Republic of Armenia.

In Russia, the reform of criminal and penal and other criminal legislation resulted in the introduction of numerous amendments and additions to the existing codes. So, at the beginning of 2023, 106 federal laws were amended and supplemented in the PC RF, 16 articles and an appendix to the code were declared invalid, and 31 new articles were introduced. Amendments and additions to the PC RF affected 140 articles out of 190 originally contained in it, which amounted to 73.7%. The most stable were the articles regulating the execution of criminal penalties against convicted military servants (arrest, restriction on military service and placement in a disciplinary military unit), changes and additions affected 44.8% of the articles. Conversely, the least stable were the articles regulating control of those conditionally convicted (100% of the articles were amended and supplemented), punishments without isolation from society (88.6%), deprivation of liberty (80.2%). In the General Part of the Penal Code of the Russian Federation, amendments and additions affected 15 out of 24 articles (62.5%), in the sections on the exemption from serving a sentence and execution of the death penalty – 66.7%. Even in the section on the execution of criminal punishment in the form of arrest, which is not used in judicial and penal practice since the adoption of the criminal and penal codes, 40.0% of the articles were amended and supplemented over the years.

The way of introducing amendments and additions to the penal legislation seems to prevail both at the current stage and in the medium term. Moreover, the amendments and additions adopted should not require budget expenditures for their implementation. A similar rule also applies to legislative acts other than the PC RF relating to the penal legislation. For instance, the Federal Law No. 10-FZ “On probation in the Russian Federation” adopted on February 6, 2023 (hereinafter – Probation law) determines in the explanatory note that its introduction will not require additional costs from the federal budget.

Let us consider further directions for improving the penal legislation, which will be particularly relevant taking into account the prevailing modern conditions in Russia.

Regulation of public relations related to the adoption of the Probation law in the PC RF norms

The penal legislation of the Russian Federation consists of the code and other federal laws (Part 1 of Article 2 of the Penal Code of the Russian Federation). It establishes general provisions and principles of the execution of punishments and application of other criminal law measures provided for by the Criminal Code of the Russian Federation; the procedure and conditions for the execution and serving of punishments, the use of means of correction of convicts; the procedure for the activities of institutions and bodies executing punishments; the procedure for the participation of state authorities and local self-government bodies, other organizations, public associations, as well as citizens in correction of convicts; the procedure for release from punishment; the procedure for providing assistance to released persons (Part 2 of Article 2 of the Penal Code of the Russian Federation).

The Probation law regulates public relations arising in the sphere of organization and functioning of probation in the Russian Federation, including defining the goals, objectives and principles of probation, the legal status of persons in respect of whom probation is applied, activities and powers of probation subjects in the Russian Federation (Article 1). At the same time, probation is defined as a set of measures applied to convicts, persons who have been assigned other criminal law measures, and persons released from institutions executing sentences in the form of forced labor or imprisonment who find themselves in a difficult life situation, including resocialization, social adaptation and social rehabilitation, protection of the rights and legitimate interests of these persons.

There are three types of probation. The first, enforcement probation, is a set of measures applied by criminal executive inspections in relation to persons in a difficult life situation, in the execution of punishments not related to isolation from society (with the exception of those sentenced to a fine imposed as the main punishment, and forced labor) and other criminal law measures.

The second, penitentiary probation applied to convicts in institutions executing sentences in the form of forced labor or imprisonment, is a set of measures aimed at correcting convicts, as well as preparing convicts serving sentences in the form of forced labor or imprisonment for release.

The third, post-penitentiary probation, is applied to persons released from institutions executing sentences in the form of forced labor or imprisonment, and who find themselves in a difficult life situation. It is a set of measures aimed at resocialization, social adaptation and social rehabilitation.

As can be seen from the above, the subject of the Probation law is included in the subject of the penal legislation. Both the penal legislation and the Probation law regulate public relations on the use of basic means of correction of convicts during the execution (serving) of criminal penalties and other criminal law measures, as well as the assistance to released persons. In a small part, the subject of the Probation law goes beyond the scope of the subject of the penal legislation by regulating relations to provide assistance to persons released from punishment after serving a term of imprisonment or forced labor. At the same time, the provision of similar assistance to persons conditionally released from these punishments is covered by the provision of penal legislation, since we share the opinion of Yu.A. Golovastova and other scientists that parole is a criminal law measure [13, p. 92].

The Probation law provides for a rather diverse set of measures for re-socialization, social adaptation and social rehabilitation of persons, subject to probation. For the most part, they are covered by the main means of correction of convicts provided for in Part 1 of Article 9 of the Penal Code of the Russian Federation, for example, educational work with convicts, their general and vocational education, public influence. However, the Probation law also provides for the use of other corrective measures, for example, social work in the form of various forms of providing material and other social assistance to convicts. Article 17 of the Probation law regulates the provision of assistance in restoring and strengthening social ties of convicts.

It should be recalled that the theory of penal law proposed to expand the list of basic means to correct convicts fixed in Part 2 of Article 9 of the Penal Code of the Russian Federation by including social work with convicts and maintaining positive social ties [9, p. 33]. The adoption of the Probation law seems to give additional grounds for the implementation of these proposals. This should be done in order to ensure the leading role of the PC RF as a codified legislative act of a systemic nature in the field of regulation of penal relations.

The experience of the CIS states should also be taken into account. Article 7 of the 2015 Penal Code of the Republic of Kazakhstan, for example, provides for the maintenance of positive social relations by convicts as the main means of correcting convicts.

Regulation of relations related to convicts' fulfillment of the constitutional duty to protect the Fatherland in the penal legislation

Article 8 of the Penal Code of the Russian Federation enshrines the principle of democracy, the implementation of which ensures convicts' participation in the state affairs. With all the negative reaction of the state and society to crimes committed by the convicted, it would be erroneous to consider them as outcasts, a social group cut off from the state and society. This provision, which is crucial for the penal policy and legislation, is enshrined in Article 10 of the Penal Code of the Russian Federation, according to which a convicted person, regardless of the type of sentence served, is not deprived of citizenship and the legal status of a citizen. This law provision allows to appeal to the civil feelings of convicts in the daily practice of execution of punishments and thereby diversify means of educational work. Appealing to civil feelings of convicts was recorded in the history of our state, for example during the Great Patriotic War, liquidation of the consequences of the earthquake in Spitak (Armenia, 1988), gas explosion and death of passengers of two passenger trains (Bashkiria, 1989). Nowadays, materials of the official website of the Federal Penitentiary Service of Russia describe convicts' assistance in extinguishing forest fires in Krasnoyarsk Krai,

the Komi Republic and other regions of our country.

It is possible to distinguish several forms of convicts' participation in state affairs, which allows us to conclude that a convicted citizen, like other citizens, is a subject of state administration [14]. One of these forms is the protection of our Fatherland. In our opinion, there are necessary constitutional and legal grounds for this. First of all, it is necessary to point to Article 59 of the Constitution of the Russian Federation, which imposes on citizens the honorable duty to protect the Fatherland. As the chairman of the State Assembly – Kurultai of the Republic of Bashkortostan, Doctor of Sciences (Law), Professor K.B. Tol-kachev (in the 1990s, a teacher at the Ryazan Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs), quite correctly notes, “convicts also have the right to feel like citizens and be responsible for the future of the country in which they live. It would be fundamentally wrong to limit their ability to implement this duty” [15].

Certain steps were taken by the legislator to create a legislative framework for the fulfillment of the convicts' civil duty to protect the Fatherland. Thus, the Federal Law No. 421-FZ of November 4, 2022 “On amendments to the Federal Law “On mobilization training and mobilization in the Russian Federation”” stipulates that citizens who have an unexpunged or outstanding conviction for committing not all serious crimes, but only crimes against sexual integrity of a minor, or crimes according to the list established in Part 4 of Article 17 of the Law on mobilization are not subject to mobilization. This law has created a legal basis for military mobilization of convicts who have served a criminal sentence but have a criminal record, as well as for conditionally convicted persons on the basis of Article 73 of the Criminal Code of the Russian Federation, since it is possible to assign the duty of monitoring conditionally convicted persons to the command of military units in accordance with Part 1 of Article 187 of the Penal Code of the Russian Federation.

However, there are still no legal grounds for military mobilization of convicts serving criminal sentences. Norms of the criminal

and penal legislation do not contain grounds for suspending punishment or exemption from its serving due to military mobilization of the convicted person. The situation could be partially changed by the adoption of the law introduced by the State Assembly – Kurultai of the Republic of Bashkortostan to the State Duma of the Russian Federation at the end of September 2022, aimed at changing the criminal legislation norms to legalize participation of convicts serving imprisonment and forced labor in the special military operation. However, this is not enough. It would be appropriate to solve the legislator's task on military mobilization of convicts serving sentences without isolation from society only on the basis of slightly different principles. We are talking about such punishments as compulsory labor, a fine (if it is executed in installments or delayed in execution), correctional labor, restriction of liberty, restriction of the right to hold certain positions and engage in certain activities, forced labor.

It is also advisable to regulate the grounds and procedure for the release of those serving a suspended sentence (Article 73 of the Criminal Code of the Russian Federation) and those released on parole from serving their sentence (Article 79 of the Criminal Code of the Russian Federation). Persons with a deferred sentence in connection with drug treatment (Article 82.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) or with the upbringing of a child by a single parent (Article 82 of the Criminal Code of the Russian Federation) hardly can supplement this list.

Establishment of additional guarantees in the penal legislation to ensure the rights and legitimate interests of convicts

The termination of membership in the Council of Europe and withdrawal from the jurisdiction of the ECHR should not lead to a decrease in the level of human rights protection at the national level. It seems that in the current realities, measures should be taken to strengthen guarantees of compliance with the rights of subjects of penal relations, which requires amendments and additions to the penal legislation norms.

One of such changes should be made to Article 24 of the Penal Code of the Russian

Federation, which regulates grounds and the procedure for visiting institutions and bodies executing punishments without special permission. Considering a list of the subjects to whom this right is granted, it should be recognized that such visits are not an end goal. They are aimed at solving tasks of ensuring the observance of the rights and legitimate interests of convicts and increasing the effectiveness of the state's activities in the implementation of criminal penalties. One of the guarantees for the fulfillment of these tasks is the possibility of obtaining reliable information directly from convicts. The current version of Part 2.1 of Article 24 of the Criminal Code of the Russian Federation stipulates that only the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation and the Commissioners for Human Rights in the constituent entities of the Russian Federation enjoy the right to talk with convicts alone in conditions when a representative of the administration of an institution or body executing sentences can see speakers, but cannot hear them. The Commissioner for the Rights of the Child under the President of the Russian Federation, the Commissioners for the Rights of the Child in the subjects of the Russian Federation, the Commissioner under the President of the Russian Federation for the Protection of the Rights of Entrepreneurs, authorized to protect the rights of entrepreneurs in Russian subjects, are deprived of such an opportunity. Meanwhile, they, like no one else, should also be provided with guarantees of the confidentiality of conversations with convicts, since in addition to information about human rights violations while serving their sentence, information about a person's private life, for example, the secret of adoption or commercial secrets, can be disclosed in conversations with these ombudsmen.

In addition, the literal interpretation of Part 2.1 of Article 24 of the Penal Code of the Russian Federation in comparison with Part 1 of Article 24 of the Penal Code of the Russian Federation allows us to conclude that other officials specified in Part 1 of Article 24 of the Penal Code of the Russian Federation are not entitled to talk with convicts alone in conditions when a representative of the administration of a penitentiary institution or body

can see speakers, but cannot hear them. This provision hinders performance of official duties by the Prosecutor's Office and higher bodies of the penal system within the framework of their prosecutorial supervision or departmental control.

As for the President of the Russian Federation, the Chairman of the Government of the Russian Federation, the Minister of Justice of the Russian Federation, members of the Federation Council, deputies of the State Duma and other officials specified in Part 1 of Article 24 of the Penal Code of the Russian Federation, the lack of the right to talk to convicts alone is ethically flawed, since it actually means a lack of trust to them.

In connection with what is stated in Part 2.1 of Article 24 of the Penal Code of the Russian Federation, the words "Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Commissioners for Human Rights in the subjects of the Russian Federation" should be replaced by the wording "Officials specified in Part 1 of this Article". A similar solution is proposed in the theoretical model of the General Part of the new Penal Code of the Russian Federation [16, p. 216].

It is necessary to work out once again the question of the role of a lawyer in providing legal assistance to convicts and strengthening guarantees of its implementation. Let us consider guarantees of attorney-client confidentiality as an example.

Currently, the Penal Code of the Russian Federation regulates forms of providing legal assistance by lawyers to persons sentenced to imprisonment, such as visits and correspondence with them. At the same time, it is established that visits of convicts with a lawyer are provided in private, outside the hearing of third parties and without the use of technical means of listening. The secret of correspondence with the convicted person, according to Part 3 of Article 91 of the Penal Code of the Russian Federation, is no longer guaranteed to all lawyers, but only to a trial lawyer of the convicted person, which significantly limits the application of this norm: the trial lawyer is a procedural position of the lawyer in criminal and administrative proceedings. However, a lawyer can act as a representative of a con-

victed person in civil proceedings, for example, in divorce and division of property, administrative proceedings, for example, when appealing against illegal actions of the administration of a correctional institution in court or other state bodies. In both cases, it is necessary to ensure attorney-client confidentiality, which, in accordance with Part 1 of Article 8 of Federal Law No. 63-FZ of May 31, 2002 “On advocacy and defense attorneys in the Russian Federation” includes any information related to the provision of legal assistance by a lawyer to his/her client.

It should also be borne in mind that the secrecy of correspondence between a convict and a trial lawyer is not guaranteed in all cases. If the administration of a correctional institution has reliable data that the information contained in the correspondence is aimed at initiating, planning or organizing a crime or involving other persons in its commission, the control of letters, postcards, telegraphic and other communications is carried out by a reasoned resolution of a head of the correctional institution or his deputy. This exception also raises doubts about its validity: it has been repeatedly discussed in the theory of penal law that it is the court, and not a head of the correctional institution or his deputy, should make a decision to control correspondence between a convicted person and a trial lawyer [16, p. 147].

Telephone conversations between a convicted person and a lawyer acting both as a trial lawyer and as a representative can be monitored by correctional institution employees (Part 5 of Article 92 of the Penal Code of the Russian Federation). Such a decision of the legislator seems to us rather contradictory. During phone talks between a lawyer and a convicted person, the confidentiality of information is not guaranteed, unlike their personal meetings. Meanwhile, the Penal Code of the Republic of Moldova No. 443-XV of December 24, 2004 (with amendments and additions as of July 21, 2022) prohibits censorship of correspondence and wiretapping of telephone conversations between a convicted person and a lawyer without any exceptions (Article 210). Perhaps this should also be fixed in the PC RF.

Elimination of gaps, contradictions and errors in the penal legislation

Gaps, systemic and private contradictions and errors, unfortunately, are found in most legislative acts. They testify to the low quality of legislative work. In the PC RF, they are both present in original articles and ill-conceived amendments and additions to it. In the theory of penal law, certain attention is paid to these shortcomings [17]. Without setting the task of their exhaustive enumeration and detailed analysis, we will focus only on one, the most revealing contradiction.

Article 158 of the Penal Code of the Russian Federation regulates the procedure for conducting visits with convicted servicemen serving sentences in a disciplined military unit. Part 3 of this article stipulates that long visits to convicted servicemen are granted with their spouse and close relatives, and with the permission of the commander of the disciplinary military unit – with other persons four times during the year for up to three days with the right to live together in a specially equipped room of the disciplinary military unit or at the discretion of the commander of the disciplinary military unit outside its borders.

Meanwhile, according to Part 1 of Article 55 of the Criminal Code of the Russian Federation, detention in a disciplinary military unit is assigned to military personnel doing compulsory military service, as well as military personnel doing volunteer military service in the positions of enlisted and non-commissioned officers, if they have not served the term of service established by law on conscription at the time of the court verdict.

According to Part 1 of Article 22 of the Federal Law No. 53-FZ of March 28, 1998 (as amended of September 24, 2022) “On military duty and military service” (with amendments and additions, entered into force on October 13, 2022), male citizens aged 18–27 who are in military service are subject to conscription registered or not, but obliged to be on military registration and not in reserve.

Thus, only male persons serve their sentences in disciplinary military units. The provision of an opportunity for a serviceman to hold meetings with his spouse (a male person) presupposes the conclusion of a

same-sex marriage between them, since such marriages cannot be concluded in the Russian Federation. In Article 72 of the Constitution of the Russian Federation, the institution of marriage is defined as the union of a man and a woman. This is also evidenced by norms of the Family Code of the Russian Federation, where Part 3 of Article 1 fixes a principle of the family, such as a voluntary union of a man and a woman. Article 12 of the same code stipulates a condition for marriage, such as mutual consent of a man and a woman.

This contradiction appeared in the code following results of the linguistic examination of the draft PC RF in 1996 after the second reading. It was explained by the need to ensure gender equality. However, such equality can be ensured in this case if women serve their sentences in a disciplinary military unit. To do this, it is necessary to introduce mandatory conscription of women for military service, as provided for in Israel. So far, such a solution is not expected in the future, therefore, this contradiction needs to be corrected.

Conclusions.

1. The modern period of Russian reality has changed priorities among the factors determining the penal legislation improvement. The influence of foreign policy factors, which consist in the need to maintain interstate cooperation at the proper level and comply with

international standards for the treatment of convicts, has significantly weakened (but not disappeared).

2. With the decreased influence of foreign policy factors on the penal legislation improvement in modern conditions, the importance of economic factors increases. First of all, we are talking about those that characterize the state of the economy in Russia (gross domestic product, its volume and dynamics) and the priorities of the state's economic policy.

3. Under the influence of economic factors, the way of making partial changes and additions to the penal legislation will prevail both at the present stage and in the medium term. Moreover, the adopted amendments and additions should not require budget expenditures for their implementation.

4. The most relevant (but not the only) directions to improve the penal legislation, with regard to current conditions in Russia, are the regulation of public relations related to the adoption of the Probation law in the Russian Federation, the convicts' fulfillment of the constitutional duty to protect the Fatherland, the establishment of additional guarantees to ensure the rights and the legitimate interests of convicts. The task of eliminating gaps, contradictions and errors in the penal legislation deserves special attention.

REFERENCES

1. Antonyan E.A. Peculiarities of the penal policy in the modern society. *Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2017, no. 7 (35), pp. 50–54. (In Russ.).
2. Grushin F.V. *Vliyaniye sistemy faktorov na razvitiye ugovovno-ispolnitel'noi politiki i ugovovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii: monogr.* [Influence of the system of factors on the development of penal policy and penal legislation of the Russian Federation: monograph]. Ed. by Seliverstov V.I. Moscow, 2017. 208 p.
3. *Ugovovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: teoriya, zakonodatel'stvo, mezhdunarodnye standarty, otechestvennaya praktika kontsa 19 – nachala 21 veka : ucheb. dlya vuzov* [Penal law of Russia: theory, legislation, international standards, domestic practice of the late 19th – early 21st century: textbook for universities]. Ed. by Zubkov A.I. Moscow, 2006. 720 p.
4. Natashev A.E. The main factors of the development of correctional labor legislation. *K novoi zhizni = To a New Life*, 1972, no. 4, pp. 35–41. (In Russ.).
5. Grushin F.V. *Sistema faktorov, opredelyayushchikh razvitiye ugovovno-ispolnitel'noi politiki i ugovovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva: dis. ... d-ra yurid. nauk* [System of fac-

- tors determining development of penal policy and penal legislation: Doctor of Sciences (Law) dissertation]. Ekaterinburg, 2019. 652 p.
6. Utkin V.A. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: ucheb.-metod. kompleks* [Penal law: educational and methodological complex]. Tomsk, 2015. 120 p.
 7. Grushin F.V., Seliverstov V.I. Penal policy. In: Maksimov S.V., Shul'ts V.L. (Eds.). *Ugolovnaya politika Rossiiskoi Federatsii: problemy i perspektivy: monogr.* [Criminal policy of the Russian Federation: problems and prospects: monograph]. Moscow, 2021. Pp. 717–741. (In Russ.).
 8. On the launch of the procedure for withdrawal from the Council of Europe: Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation of March 15, 2022. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804379/?ysclid=lee02rb88t76885926 (In Russ.). (Accessed November 22, 2022).
 9. Seliverstov V.I. The concept for developing the General Part of the new Penal Code of the Russian Federation. In: Seliverstov V.I. (Ed.). *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [The General Part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and conditions of theoretical modeling]. Moscow, 2017. Pp. 20–36. (In Russ.).
 10. Shchedrin N.V. On the issue of coordinated preparation of new criminal and penal codes: “a horse ahead of a cart or a cart ahead of a horse”. In: Seliverstov V.I. (Ed.). *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [The General Part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and conditions of theoretical modeling]. Moscow, 2017. Pp. 279–298. (In Russ.).
 11. Grushin F.V. New Penal Code of the Russian Federation: subject of legal regulation and structure. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2019, no. 14, pp. 82–85. (In Russ.).
 12. Golovastova Yu.A. Prospects and main directions of the codification of the criminal-executive legislation. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 5, pp. 107–118. (In Russ.).
 13. Golovastova Yu.A. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo kak otrasl' rossiiskogo prava: predmet, metod, istochniki i sistema: monogr.* [Penal law as a branch of Russian law: subject, method, sources and system: monograph]. Ed. by Seliverstov V.I. Moscow, 2019. 560 p. (In Russ.).
 14. Seliverstov V.I. Convicted as a subject of state management. In: *Ugolovnoe pravo kak sredstvo upravleniya obshchestvom: materialy vseros. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 17 marta 2022 g.). Ch. 2.* [Criminal law as a means of managing society: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Moscow, March 17, 2022). Part 2]. Moscow, 2022. Pp. 97–106. (In Russ.).
 15. Zhukova A. Is it necessary to attract prisoners to participate in the special military operation? Available at: <https://www.gazetametro.ru/articles/spornyj-vopros-nado-li-privlekat-zakljuchennyh-dlja-uchastija-v-svo-03-10-2022> (In Russ.). (Accessed November 22, 2022).
 16. *Obshchaya chast' novogo Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: itogi i obosnovaniya teoreticheskogo modelirovaniya* [The General Part of the new Penal Code of the Russian Federation: results and justifications of theoretical modeling]. Ed. by Seliverstov V.I. Moscow, 2017. 328 p.
 17. Khramov A.A. *Probely v ugolovno-ispolnitel'nom zakonodatel'stve Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Gaps in the penal legislation of Russia: Candidate of Sciences dissertation]. Ryazan, 2022. 230 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

VYACHESLAV I. SELIVERSTOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, Chief Researcher at the Department of Coordination, Organization and Planning of Research Work of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, vis_home@list.ru , <https://orcid.org/0000-0002-9554-5438>

Received February 10, 2023

Correlation of Goals and Tasks of Criminal Law, Punishment and Its Execution

VYACHESLAV E. YUZHANIN

Law Institute of the Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russia, yuzhanin1950@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3123-1293>

Abstract

Introduction: the article analyzes criminal and penal legislation norms, their tasks, goals of punishment and its execution, as well as determines their correlation. It is argued that the main social task of these legislations is to protect a person, society and the state from criminal encroachments, while their main legal task is to prevent crimes. All institutions and norms of criminal and penal legislation, as well as purposes of punishment, including correction of the convicted person, should be subordinated to this task. Correction is the main way to prevent new crimes. The problem of convicts' resocialization is also considered in this context. Correction should be part of resocialization of convicts. *Purpose:* on the basis of generalized historical and modern legislative experience in the formation of goals, tasks of criminal law, punishment and its execution, to identify their common and distinctive features, determine their optimization and draw attention of the legislator and law enforcement practice to them. *Methods:* the research is based on the use of methods traditional for criminal and penal law: analysis and synthesis, logical, retrospective, formal-logical, and comparative-legal ones, as well as interpretation of legal norms. *Results:* the author comes to the conclusion that the tasks of criminal law, punishment and its execution should not coincide. The main task that punishment and its execution should focus on is a socio-legal task, which is defined in Part 1 of Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation: protection of the individual, state and society's interests from criminal encroachments. At the same time, prevention of new crimes should be the main goal of punishment, and re-socialization – the key goal of penal legislation ensuring punishment execution. It is crucial to restore the effect of the prohibitive norm of the criminal law (the state of positive criminal liability). All this is determined by the current trend to optimize the goals that can be achieved in the penal system conditions, shift efforts from correcting the offender to his/her re-socialization and adoption to the conditions of life in society, which meets international law recommendations. The tasks of penal law should go beyond the goals of punishment, and penal law should include not only penal, but also post-penal blocks of norms. *Conclusions:* conducting the research, the author substantiates the necessity of revising the goals and objectives of the criminal law and penal legal systems, optimizing them in accordance with the requirements of new trends in social development and international norms of law, directing activities of criminal justice on fulfilling the tasks in demand.

Key words: socio-protective task; protective function of criminal law; crime prevention; correction of a criminal; resocialization of a convict.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Yuzhanin V.E. Correlation of goals and tasks of criminal law, punishment and its execution. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 30–38. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.004.

Introduction.

The main interest in criminal prosecution is to protect the individual, society and state's interests from criminal encroachments. Such a socio-legal function of the state is defined by the legislator in Part 1 of Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation. It has been and remains unchanged throughout the history of the existence of the Russian state. The same function determines goals of punishment. It is perceived as the ultimate goal of punishment of other institutions of criminal law.

This provision corresponds to the views of thinkers and scientists who addressed a similar topic in the 19th and 20th centuries. Thus, Cesare Beccaria argued that the sovereign's right to punish crimes was based "on the need to protect the repository of the common good from the encroachments of individuals" [1, p. 200]. The Russian legal scholar A.F. Kistyakovskii stated, "The ultimate goal of punishment from the first moment of its appearance to the present day was and is the same ... Self-preservation is this goal" [2, pp. 292–293]. According to Karl Marx, punishment "is nothing else than a means of self-defense of society against violation of its conditions of existence" [3, p. 531]. The Russian scientist N.D. Sergievskii wrote about the same thing [4, p. 8].

The same is stated in modern Western criminal law theories. Thus, the English punishment doctrine determines the following goals: retribution, triumph of justice, intimidation, correction of a criminal and protection of the society. The latter is still the main goal of punishment [5, p. 40].

A very important idea was expressed by the French scientist Marc Ansel in the 1970s. He emphasized that different epochs created different goals of punishment, but they all served to ensure protection of society from crimes, that is, social protection" [6, pp. 27–28].

Soviet scientists also supported a similar idea. For example, V.V. Kirin, having con-

sidered the interrelation of branches of the criminal legal complex, noted that criminal punishment is a criminal legislation means to fulfill the task of law enforcement [7, p. 146]. I.I. Karpets, having studied social legal and criminological aspects of punishment, came to the conclusion about protection of the society as its main purpose [8, p. 140]. A similar opinion was expressed by M.P. Melent'ev who desclosed functions of correctional labor law [9, p. 19].

Thus, we have decided on the main task of criminal law and punishment, which originates from the moment of the state existence. The social and protective task dictates the need for legislative registration of other tasks. We have to answer the question, how other goals and tasks of criminal and penal law institutions, such as punishment and its execution, relate to each other?

Criminal law protection and crime prevention (defensive and protective functions)

Part 1 of Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation defines a key interest of the state, a social guideline in the form of the task of criminal law norms, in particular, protection of a person, the state and society from criminal encroachments. By defining punishment and its goals, the state strives to satisfy this interest. In terms of criminal law, punishment ensures this social interest, it is a means to achieve it. Whatever the epoch and socio-economic formation, this main interest of the state always remains, since it predetermines existence of the state itself. The socio-protective task of the state is primary, all other criminal-legal goals and tasks are secondary to it, since they ensure its implementation.

The criminal legislation itself specifies this task as essential. The rejection of it leads to artificial promotion of other tasks as the main ones, overshadowing a crucial task. From a legal standpoint, criminal protection proceeds from the presence of socially dangerous acts and the state's reaction to them. This is obvious if you pay attention to the recent,

quite often repeated changes introduced by the State Duma of the Russian Federation to the Criminal Code of the Russian Federation: the state actively protects itself from possible or ongoing criminal encroachments.

The state fulfils its protective task mainly through establishing prohibitions on the commission of socially dangerous actions in criminal law. Primarily, this is ensured by citizens' voluntary positive implementation of criminal law norms. The prohibitive norm in the form of disposition of articles of the Special part is recognized as a regulatory norm of criminal law, it calls citizens not to violate the law (the state of positive criminal liability). Thus, a prohibitive norm ensures law and order in the country, which is the result of the implementation of the main social and protective function of criminal law.

Criminal law protection is a strategic task of criminal legislation, which is implemented not only through establishment of prohibitions, but also through creation of conditions for citizens to abstain from committing crimes. The state should create legal and organizational conditions for citizens to comply with criminal law prohibitions, as well as establish liability for their non-compliance and practice of its implementation. The state should actively promote citizens' compliance with prohibitions. Only active participation of state bodies can ensure effective implementation of this task.

Criminal law norms are also implemented through a system of means that affect criminal's personality by transforming it and making it not socially dangerous in the future. To do this, the legislator uses another main task – prevention of crimes (Part 1 of Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation). This is the main legal task of criminal law, to which, in our opinion, all criminal legal means of solving it should be subordinated. It should prevent new recidivism.

These two tasks (socio-protective and legal) have received international recognition. Thus, Rule 4 of the Nelson Mandela Rules states that “the purposes of a sentence of imprisonment or similar measures deprivative of a person's liberty are primarily to protect society against crime and to reduce recidivism”.

The preventive task as if complements the socio-protective one, acts together with it (Part 1 of Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation). But at the same time, it is subordinate to the main task, since it ensures its restoration.

By what means will these main tasks of criminal legislation be solved? The legislator offers the solution in Part 2 of Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation by determining elements of crimes, types of punishments and other measures of a criminal nature for their commission. By establishing elements of crimes, that is, prohibitions, the legislator warns that law violation will be followed by punishment. A criminal law norm has both a general preventive effect of prohibitions on all citizens and private preventive effect of punishment on the person who committed the crime. If the first is implemented as a positive social analogue of liability, then the second is a negative legal analogue. These tasks act together; implementation of the law norms on punishment restores the norms-prohibitions. Punishment performs a security function in relation to prohibitions. It is designed to restore the viability (legal personality) of prohibitions.

If criminal law protection performs a general preventive function by establishing prohibitions, then the second main task of the Criminal Code of the Russian Federation (crime prevention) – a private preventive function. In our opinion, this is what the legislator had in mind when fixing these two main tasks of the law. Otherwise, they would overlap and repeat themselves, which is unacceptable in the legal sense: each concept should have its own essential definition and content.

Crime prevention performs a defensive function, not a protective one. The protective function of criminal law prohibitions is static, preventive, affects all citizens and is not associated with a specific subject. In this case, so-called absolute general legal relations arise. Protection is implemented, as we have already noted, through regular preventive measures, regardless of whether the offense has been committed or not.

Private preventive measures are manifested as elements of response to the prohibitive

norm violation or the real threat of its violation. Defense in the form of private prevention of crimes is implemented if the criminal law prohibition is violated, the act called a crime is committed. Defensive measures are implemented within the framework of special legal relations that develop between an offender and state bodies authorized to bring him/her to justice.

Protection of the rights and interests of the person, society and state is regularly provided, and defense in the form of private prevention of new crimes is manifested in violation or threat of violation. Protection is the whole set of measures that ensure these rights and interests. They can be legal and non-legal (organizational, pedagogical, social, psychological, etc.). As stated above, protection is of permanent nature and has a pronounced general preventive character. Defense is provided by the use of punishment, other measures of a criminal legal nature, through the implementation of their goals: restoring social justice, correcting convicts and preventing commission of new crimes. Alleged objects of legal relations (rights, interests, public relations) are the object of protection, while specific subjects of legal relations (criminal, victim, state) are the object of defense.

The state's absolute rights in protection are implemented within the framework of a regulatory legal relationship, and in defense of the rights and obligations of subjects – within the framework of a specific special criminal law relationship, and this happens when imposing and executing a criminal law measure.

If we use the concept of a criminal law norm operating as a sanction, then the concept of protection includes defense as its special case, when active restoration measures are taken to restore effect of the criminal law prohibition. These measures are related to the application of punishment, correction of an offender and prevention of recidivism.

Prohibitions and punishment for their violation (Part 2 of Article 2 of the Criminal Code) are ways to implement the main tasks defined by the legislator in Part 1 of Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation. At the same time, punishment, as an independent phenomenon in criminal law, has its own goals and tasks, which may or may not coin-

cide with key tasks of the Criminal Code. We share the opinion of V.A. Grigor'ev that "identifying criminal law and punishment goals is one of the means by which the tasks of legal regulation are solved. The goals of criminal law are primary to the goals of punishment. If punishment is the only means of solving the tasks of achieving the goal of criminal law, then its goals will coincide with the goals of law. If punishment is one of the means, then its goals can only be part of the totality of the goals the law faces" [10, p. 42].

Prevention of new crimes and correction of convicts

Article 43 of the current Criminal Code of the Russian Federation defines the following purposes of punishment: restoration of social justice, correction of convicts and prevention of new crimes commission. It follows from the content of this law provision that only one goal – prevention of new crimes – coincides with the second task of criminal law.

Here the legislator defines these goals as equal, does not put forward a dominant goal. However, researchers evaluate these goals differently, identifying the main one among them [8, pp. 85–92]. For most of them it is correction [11, pp. 15–20]. For example, in the nineteenth century, with the emergence of a positivist approach to the problem of punishment the Russian scientist M.V. Dukhovitskii wrote that criminal law should learn how to organize punishment so that it achieves its crucial, but also its only goal – maintaining order in the social system. It should not only punish and take revenge on the criminal, as the classical school of criminal law traditionally believed, but should correct him/her [12, pp. 29, 32–33]. Then this idea was supported by the majority of legal scholars, in particular, A.F. Kistyakovskii, I.Ya. Foinitskii, N.S. Tagantsev, N.D. Sergievskii, S.V. Poznyshev, etc. According to A.F. Kistyakovskii, "considering provision of punishment in relation to the only possible and really prevailing punishment in our time, i.e. imprisonment, of various types, it is necessary to recognize provision identical with correction ... Thus, correction of punishment is not only a product of love for one's neighbor, but rather a real need caused by the society's sense of self-preservation" [2, p. 302].

Many modern scientists believe that correction is the end result of punishment execution, that is, the convicted person should have a respectful attitude towards the person, society, work, norms, rules and traditions of human community and strive for law-abiding behavior (Part 1 of Article 9 of the Penal Code of the Russian Federation). Having corrected him/herself, a person is not dangerous for society and will not commit a new crime. This goal is a guaranteed result of the activities of the entire criminal justice system.

The current criminal legislation also links the use of many institutions, including those related to improvement of the legal status of convicts, with achievement of the correction goal. Thus, when imposing punishment, the court should take into account the impact of the imposed punishment on correction of a convicted person (Part 3 of Article 60 of the Criminal Code). When assigning punishment in case of any kind of recurrence, the circumstances are taken into account, due to which the corrective effect of the previous punishment has been insufficient (Part 1 of Article 68 of the Criminal Code). A suspended sentence may be imposed on the guilty person if the court comes to the conclusion that it is possible to correct the convicted person without serving a real sentence (Part 1 of Article 73 of the Criminal Code). Conditional early release from serving a sentence may be applied if the convicted person does not need to fully serve the sentence imposed by the court for his/her correction (Part 1 of Article 79 of the Criminal Code). The legislator provides the possibility of correcting minors when applying coercive measures of educational influence (Part 1 of Article 90, Part 2 of Article 92 of the Criminal Code).

Based on this interpretation of correction, many authors believe that all other goals of punishment, including prevention of new crimes, should be subordinated to it. In this regard, it is concluded that private crime prevention is one of the means to achieve the goal of correction. Correction is perceived as a crucial way to ensure the main social and protective task of criminal law. In the Soviet times, the idea of building communism was promoted in education of convicts. Convicts were to comply not only with criminal law pro-

hibitions, but also with other laws and moral norms; moreover, correction and re-education relied on coercion supported by political organizations. At present, the situation is changing, since the idea of the impossibility to correct convicts is spread among employees of correctional facilities. According to the conducted survey, 73% of the respondents put the solution of the problem to ensure convicts' compliance with regime and discipline requirements in the foreground, while only 13% – their correction. The period of reforms witnessed changes in the state of mind of correctional facility employees, refusing the illusion of possible correction of every convict, as it was in Soviet times. We once called this task a fiction in the execution of punishment [13, pp. 124–125].

Let us contemplate about the purpose of correcting convicts? The answer is obvious: so that a convicted person does not commit a new crime. No wonder the legislator defined in Part 1 of Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation the main task of the criminal law, such as prevention of crimes. The same task is relevant for punishment as one of key institutions of criminal law (Part 2 of Article 43 of the Criminal Code of the Russian Federation). In terms of law, the main idea is that the task of correcting convicts is conditioned by a preventive task, it acts as a means of solving it.

Crime prevention is the ultimate goal of the entire criminal justice system. The main idea here is to restore the effect of the prohibitive norm of the criminal law so that it is not violated by either a criminal or other persons. Correcting convicts should not go beyond this. The main thing is to be within the framework of the criminal law and not to go beyond its limits. It is not the penal system but the society as a whole that should take care of upbringing and re-educating criminals. Operation of the criminal law has certain limits – these are terms of repayment of the criminal record of a person who has served a sentence (Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation).

The idea of recognizing correction of a criminal as a way to achieve the goal of preventing new crimes is developed in the works of M.D. Shargorodskii, N.A. Struchkov, N.A.

Ogurtsov, V.N. Kudryavtsev, E.A. Sarkisova, I.I. Karpets, V.I. Zubkova, M.N. Tagiev and others. An interesting idea in this regard is expressed by N.A. Struchkov, emphasizing that the system of measures to combat crime at the same time is a system of measures to prevent it, the correction system also has a preventive orientation [14, p. 6]. To ensure implementation of punishment means to prevent a new crime on the part of the offender, and, most importantly, protect society [15, p. 14].

Nowadays the idea of legal correction, implying that a convict will not commit new crimes, is becoming more popular. According to A.E. Zhalinskii, the goal of correction is “essentially the goal of special prevention of crimes and is achieved when a convicted person does not commit new crimes” [16, p. 376]. A.V. Naumov also argues that it is “a real task to solve and to force a convict, at least under penalty of punishment, not to violate the criminal law, that is, not to commit new crimes in the future” [17, p. 530].

We could add here that the criminal defense reaction ends with repayment (removal) of the criminal record. All restrictive measures related to a criminal record have a pronounced preventive orientation. Therefore, the positive result of correction of a convicted person is recorded if he/she does not commit a new crime within the period of time stipulated by law.

Therefore, one should disagree with the authors of the Comments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Code of the Russian Federation that prevention of crimes is associated with implementation of legal restrictions inherent in punishment, as well as preventive and educational measures aimed at preventing commission of new crimes during the period of serving a sentence, as well as after serving it. At the same time, they do not associate the post-penal period with a criminal record [9; 18, p. 217; 19].

There is another compromise position that correction is aimed at preventing violations of the norms of not only the Criminal Code of the Russian Federation, but also other laws, so that the convicted person leads a law-abiding lifestyle. This position is clearly expressed in Article 7 of the Criminal Executive Code of the

Republic of Belarus, fixing the task of forming “the convict’s readiness to lead a law-abiding lifestyle”.

In our opinion, neither the idea of correcting convicts in the spirit of respect for man, society, work, norms, rules and traditions of human community and stimulating law-abiding behavior (Part 1 of Article 9 of the Penal Code of the Russian Federation), nor the idea of readiness to lead a law-abiding lifestyle (Article 7 of the Criminal Executive Code of the Republic of Belarus) meet criminal law provisions. Most likely, they correlate with the process, and do not determine final results of correction. If they are used as tasks of the penal legislation, they will be exaggerated for the penal system, since these are tasks of the whole society. The main thing in the criminal legal system, with the penal system being its part, is to restore the effect of prohibitive criminal law norms so that the socio-protective function of the state is performed.

Goals and tasks of criminal and penal legislation should be optimized as follows: 1) active protection of the person, society and state from criminal encroachments is the main goal of the legislation regulating the fight against crime; 2) crime prevention is the main direction and result of its achievement; 3) correction of convicts is one of the means of preventing new crimes.

Correction and re-socialization of convicts

Many authors consider resocialization as one of the goals of criminal punishment and understand it as “convicts’ learning of the lost skills of behavior in society, social norms and value orientations, restoration of broken positive social ties” [20, p. 1,107].

The process of re-socialization has been long discussed. Many states include this punishment goal in legislation. Modern Russian scientific literature refuses the idea of correction in favor of re-socialization. Many dissertations in various branches of knowledge are associated with resocialization, not correction [21–25]. The same can be traced in the penal policy. So, in the concepts for the development of the penal system up to 2020 and 2030, the term “resocialization” is more often used than “correction”.

In fact, criminals can be corrected, but if they do not get any assistance in the adaptation to a social life after their release, then they may again embark on a criminal path. Social adaptation is part of resocialization, one of the features that distinguish it from correction. Resocialization is associated with socialization of an individual in society, this is the renewal of his/her socialization into socially acceptable forms of life [26, p. 42].

Today, researchers have come to the conclusion that lawful behavior after serving a sentence is possible due to normal socialization of offenders, and not their correction. Therefore, the purpose of re-socialization of a convict should find its place in legislation. Correction of convicts is only one of the ways of re-socialization. According to M.S. Rybak, "resocialization is a broader definition, including the concept of "correction of convicts", covers the time period not only of the term of serving the sentence, but also convicts' adaptation to conditions at liberty" [22, p. 89].

The definition of this goal in the Penal Code of Ukraine is rather sufficient. The Code "regulates the procedure and conditions for the execution and serving of criminal sentences in order to protect interests of the individual, society and state by creating conditions for correction and re-socialization ... correction of the convicted person is a necessary condition for re-socialization" [27, p. 806].

In addition to correction, the following should be ensured in the process of re-socialization: the sentence is served according to a progressive system, convict's socially useful ties are restored, convicts are prepared for release, problems of social adaptation after release are solved, etc.

The subject of penal legislation should not be limited to regulating the means of correction of convicts as the purpose of criminal punishment. This branch of legislation should become a resocialization branch, "include regulation of those relations that a convicted person has as a subject who has served his/her sentence, but retains a restrictive legal status during his/her criminal record" [28, p. 28].

A similar approach to determining punishment goals and tasks in relation to deprivation

of liberty and its execution is fixed in Rule 4 of the Nelson Mandela Rules: "those purposes can be achieved only if the period of imprisonment is used to ensure, so far as possible, the reintegration of such persons into society upon release so that they can lead a law-abiding and self-supporting life". Rule 87 recommends taking measures for the gradual return of the prisoner to life in society, introducing a special regime for released persons. Rule 90 establishes that "there should, therefore, be governmental or private agencies capable of lending the released prisoner efficient after-care directed towards the lessening of prejudice against him or her and towards his or her social rehabilitation".

For such recommendations of international norms to become a reality, it is necessary to implement them in Russian legislation and, best of all, penal legislation. V.A. Utkin has put forth an interesting idea that from the standpoint of the international approach, penal law can be considered as a mega-branch of enforcement law, which includes three large blocks: pre-penal, penal and post-penal [29, p. 79]

Expanding a subject of penal legislation, it is necessary to remember that it should not go beyond the scope of criminal law norms related to time intervals for the repayment of a criminal record. The final stage of re-socialization, based on other means than correction of convicts, should be carried out within the framework of a criminal record. According to the legislator, this is the limit of solving the problem of preventing recidivism. After repayment (removal) of the criminal record, a person is no longer connected with his/her past crime.

Conclusion.

Correlation of goals and tasks of criminal law and its institutions (punishment and its execution) is the following (from general to particular): socio-protective task (as the main task of criminal law) – crime prevention (as the task of criminal law and punishment) – re-socialization of convicts (as the main task of the penal legislation) – correction of convicts (as part of resocialization and one of the ways to prevent new crimes in punishment).

REFERENCES

1. Bekkaria C. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On crimes and punishments]. Moscow, 1939. 463 p.
2. Kistyakovskii A.F. *Elementarnyi uchebnykh obshchago ugolovnogo prava. T. 1. Obshchaya chast'* [Elementary textbook of general criminal law. Volume 1. General part]. Kiev, 1875. 413 p.
3. Marx K. Capital Punishment. — Mr. Cobden's Pamphlet. — Regulations of the Bank of England. In: Marx K., Engels F. *Soch. T. 8.* [Essays. Volume 8]. Moscow, 1957. 736 p. (In Russ.).
4. Sergeevskii N.D. *Nakazanie v russkom prave 17 veka* [Punishment in Russian law of the 17th century]. Saint Petersburg, 1887. 300 p.
5. *Prestuplenie i nakazanie v Anglii, SShA, Frantsii, FRG, Yaponii: Obshchaya chast' ugolovnogo prava* [Crime and punishment in England, USA, France, Germany, Japan: General part of criminal law]. Ed. by N.F. Kuznetsov. Moscow, 1991. 287 p.
6. Ancel M. *Novaya sotsial'naya zashchita. Gumanisticheskoe dvizhenie v ugolovnoi politike* [New social defense. Humanistic movement in criminal policy]. Moscow, 1970. 312 p.
7. Kirin V.A. *Zakonodatel'stvo o bor'be s prestupnost'yu: otrasli i ikh vzaimosvyaz'* [Legislation on combating crime: branches and their interrelation]. Moscow, 1978. 279 p.
8. Karpets I.I. *Nakazanie: sotsial'nye, pravovye i kriminal'nye problem* [Punishment: social, legal and criminal problems]. Moscow, 1973. 287 p.
9. Melent'ev M.P. *Funktsii i struktura sovetskogo ispravitel'no-trudovogo prava: uchebnoe posobie* [Functions and structure of the Soviet correctional labor law: textbook]. Ryazan, 1977. 89 p.
10. Grigor'ev V.A. Goals of the criminal law. In: *Problemy realizatsii ugolovnoi otvetstvennosti i nakazaniya (sotsial'no-kriminologicheskie aspekty): uchebno-metodicheskie materialy po itogam mezhkafedral'nogo teoreticheskogo seminara* [Problems of executing criminal liability and punishment (socio-criminological aspects): educational and methodological materials based on the results of the interdepartmental theoretical seminar]. Ryazan, 1992. 143 p. (In Russ.).
11. Sundurov F.R. *Sotsial'no-psikhologicheskie i pravovye aspekty ispravleniya i perevospitaniya pravonarushitelei* [Socio-psychological and legal aspects of correction and re-education of offenders]. Kazan, 1976. 144 p.
12. Dukhovitskii M.V. *Zadachi nauki ugolovnogo prava* [Tasks of the criminal law science]. Yaroslavl, 1872. 106 p.
13. Yuzhanin V.E. Norms of fiction in the institute of execution of punishment in the form of deprivation of liberty. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2018, no. 2, pp. 124–129. (In Russ.).
14. *Sovetskoe ispravitel'no-trudovoe pravo: v 3 ch. Ch. 2.* [Soviet correctional labor law: in 3 parts. Part 2]. Comp. by Vasil'ev A.I., Maslikhin A.V. Ed. by Zubkov A.I. Ryazan, 1990. 151 p.
15. Pavluzhin A.N. *On the goals of punishment in Soviet criminal law.* In: *Tseli ugolovno-gonakazaniya: uchebno-metodicheskie materialy po itogam mezhkafedral'nogo teoreticheskogo seminara* [Goals of criminal punishment: educational and methodological materials based on the results of the interdepartmental theoretical seminar held in December 1989]. Ryazan, 1990. Pp. 7–17. (In Russ.).
16. *Ugolovnoe pravo Rossii: uchebnykh dlya vuzov: v 2-kh tomakh. Tom 1* [Criminal law of Russia: textbook for universities: in 2 volumes. Volume 1]. Ed. by Ignatov A.N., Krasikov Yu.A. Moscow, 1998. 592 p.
17. Naumov A.V. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo: kurs lektsii: v 3 tomakh* [Russian criminal law: course of lectures: in 3 volumes]. Moscow, 2016. 742 p.
18. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi).* [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (article-by-article)]. Ed. by Chuchayev A.I. Moscow, 2013. 672 p.

19. *Kommentarii k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii i Minimal'nym standartnym pravilam obrashcheniya s zaklyuchennymi* [Commentary to the Penal Code of the Russian Federation and the United Nations Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners]. Ed. by Mishchenkov P.G. Moscow, 1997. 795 p.
20. *Sovetskii entsiklopedicheskii slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary]. Ed. by Prokhorov A.M. Moscow, 1989. 1,633 p.
21. Tumarov K.S. *Resotsializatsiya osuzhdennykh v penitentsiarnom uchrezhdenii v usloviyakh sovremennoi Rossii: dissertatsiya ... kandidata sotsiologicheskikh nauk* [Resocialization of convicts in a penitentiary institution in conditions of modern Russia: Candidate of Sciences (Sociology) dissertation]. Stavropol, 2012. 181 p.
22. Rybak M.S. *Pravovye voprosy politiko-vospitatel'noi raboty s litsami, otbyvayushchimi nakazanie v ispravitel'no-trudovykh uchrezhdeniyakh: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal issues of political and educational work with persons serving sentences in correctional labor institutions: Candidate of Sciences (Law)]. Saratov, 1972. 277 p.
23. Lukin E.E. *Praktiki resotsializatsii pozhilykh osuzhdennykh: avtoreferat dissertatsii ... kandidata sotsiologicheskikh nauk* [Practices of resocialization of elderly convicts: Candidate of Sciences (Sociology) dissertation abstract]. Saratov, 2012. 20 p.
24. Latysheva L.A. *Problemy resotsializatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody: ugolovno-ispolnitel'nyi i kriminologicheskii aspekty: dissertatsiya ... kandidata yuridicheskikh nauk* [Problems of resocialization of persons sentenced to imprisonment: penal and criminological aspects: Candidate of Sciences (Law)]. Ekaterinburg, 2015. 229 p.
25. Gutsev O.V. *Podgotovka rabotnikov penitentsiarnoi sistemy k deyatel'nosti po resotsializatsii osuzhdennykh: avtoreferat dis. ... kandidata pedagogicheskikh nauk* [Training penitentiary system workers in conducting activities for resocialization of convicts: Candidate of Sciences (Pedagogy) dissertation abstract]. Vladimir, 2012. 30 p.
26. Baranov Yu.V. *Stadii resotsializatsii osuzhdennykh v svete novykh sotsiologo-antropologicheskikh vozzrenii i sotsial'noi filosofii* [Stages of resocialization of convicts in the light of new socio-anthropological views and social philosophy]. Saint Petersburg, 2006. 272 p.
27. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: uchebnyk* [Penal law: textbook]. Ed. by Korinienko G.A. Ryazan, 2013. 822 p.
28. Chorny V.N. Trends in the development of penal law in modern conditions. In: *Ot ispravitel'no-trudovogo prava k ugolovno-ispolnitel'noi otrasli: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. seminara* [From correctional labor law to the penal enforcement branch: proceedings of international scientific and practical seminar]. Ryazan, 2006. Pp. 25–29.
29. Utkin V.A. Resocialization of those released from punishment: history and modernity. *Ugolovnaya yustitsiya. Nauchno-prakticheskii zhurnal = Russian Journal of Criminal Law*, 2014, no. 1 (3), pp. 75–80. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

VYACHESLAV E. YUZHANIN – Doctor of Sciences (Law), Professor, Distinguished Employee of Higher School, professor at the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Institute of the Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russia, yuzhanin1950@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3123-1293>

Received September 14, 2022

Original article

UDC 343.8

doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.005

Improving Disciplinary Measures against Persons Serving Restriction of Liberty and a Suspended Sentence

SERGEI L. BABAYAN

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
bsl09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

DMITRII V. KOKHMAN

Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee, Saint Petersburg, Russia, kokhman2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1899-3894>

Abstract

Introduction: the article analyzes problems of stimulating law-abiding behavior of persons sentenced to restriction of liberty and a suspended sentence. The specifics of disciplinary measures enshrined in the norms of two similar legal institutions are consistently disclosed. Many convicts continue to violate the established procedure for serving their sentences and evade the duties imposed on them by the court. Every year, statistics show an almost constant number of persons removed from the register of criminal executive inspections in connection with the commission of a repeat crime. The situation is complicated by the fact that this is happening against the background of an ever-increasing number of persons sentenced to punishments and criminal law measures not related to deprivation of liberty. The analysis of the practice to implement norms of the current penal legislation shows that the staff of criminal executive inspections do not always effectively apply incentives to encourage law-abiding behavior of convicts, focusing on penalties. The need to change a system of measures to promote law-abiding behavior in legal institutions of restriction of liberty and a suspended sentence is considered through the prism of activities of foreign probation services, as well as psychological reactions of persons registered with criminal executive inspections. What is more, the article presents the point of view of practitioners whose professional activity is directly related to the execution of punishment in the form of restriction of freedom and monitoring of the conditionally sentenced. *Purpose:* to substantiate the need to improve means of stimulating law-abiding behavior applied to prisoners sentenced to restriction of liberty and a suspended sentence, as well as to formulate specific proposals for their development. *Methods:* comparative analysis; methods of deconstruction and apperception; survey conducted by means of questionnaires with open questions; formal-logical methods. *Conclusion:* recommendations have been developed to improve measures aimed at stimulating law-abiding behavior of persons sentenced to restriction of liberty and a suspended sentence. First, Part 1 of Article 74 of the Criminal Code of the Russian Federation should fix the norm that in case a person serving a suspended sentence is assigned an additional type of punishment and before the expiration of the probation period he/she has corrected his/her behavior and has already served at least half of the term of the additional type of punishment, then the court on the recommendation of the body exercising control over his/her behavior is entitled to cancel a suspended sentence and remove the criminal record from a convicted person with exemption from an additional type of punishment. At the same time, it will be necessary to amend Article 86 of the Criminal Code of

the Russian Federation to eliminate contradictions related to the current order of repayment of the criminal record of a person sentenced to a milder punishment than imprisonment. Second, it is necessary to establish the opportunity for convicts serving restriction of liberty to be released on parole in the legislation. Third, it is advisable to supplement Article 58 of the Penal Code of the Russian Federation by the provision that a convicted person is recognized as maliciously evading from serving a sentence in the form of restriction of freedom by a resolution of the inspection head and the imposed penalty in the form of an official warning remains relevant until all penalties are lifted or extinguished.

Key words: punishment; incentives; penalty; probation; probation period; disciplinary impact.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Babayan S.L., Kohman D.V. Improving disciplinary measures against persons serving restriction of liberty and a suspended sentence. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 39–51. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.005.

Introduction

The retributivism theory with its radically punitive orientation and the main goal of “causing the guilty person suffering commensurate with the crime” has won a large number of opponents. Even R. Garofalo [1, p. 47] and Ch. Beccaria [2, p. 89] noted that the purpose of punishment should be to deter people from committing crimes, and not social revenge. Modern penology postulates fully correspond to this statement. Alternative measures of criminal legal impact, carrying fewer restrictions on the rights and freedoms of convicts in comparison with deprivation of liberty, are also designed to provide private and general prevention. However, repeated criminality among persons serving sentences and measures of a criminal nature without isolation from society continues to remain at a high level. Thus, in 2015, 11,549 convicts were removed from the register of criminal executive inspections (CEI) in connection with the commission of a new crime (this is 3.76% of the total number of the registered persons). We observe similar indicators in 2016 – 10,652 (2.51%), in 2017 – 15,692 (3.11%), in 2018 – 19,002 (3.72%), in 2019 – 19,413 (3.99%), in 2020 – 16,732 (3.6%), and in 2021 – 15,929 (1.76 %). Meanwhile, inspections’ performance cannot be assessed only by repeat crime rates. It is worth mentioning that English and Welsh probation services, similar in their functionality to the Russian counterpart, do not consider the presence or number of repeated violations as the main in-

dicator of effectiveness of employees’ activity, but the statistics of risk changes, indicating the success of corrective measures [3].

Crime commission risks are changed due to continuous corrective impact throughout the entire period of person’s registration with the inspection. An indispensable condition for corrective measures to be effective is the accurate and strict enforcement of laws, strengthening of law and order and a stable criminal situation. Legal, organizational, psychological, social and other means, in particular incentives and penalties, provided for by the current penal legislation, applied to convicts, help employees of criminal executive inspections. Taking into account the similarity of the legal status of persons sentenced to restriction of liberty and a suspended sentence, as well as their significant number, it becomes necessary to find ways to enhance measures for promoting convicts’ law-abiding behavior.

Research methodology

The method of comparative analysis is used to compare practical activities of the inspection staff and foreign probation services. With the help of deconstruction and apperception methods, separate fragments of scientific and applied literature are used to prove the authors’ stance and identify problems in the field of stimulating law-abiding behavior of persons serving sentences and criminal law measures not related to imprisonment. As for the empirical basis, in May 2021, scientists from the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia con-

ducted a face-to-face survey of 50 inspections employees in 10 territorial bodies using questionnaires with open questions. The respondents hold the following positions: head of the branch of the criminal executive inspection – 60.7%; deputy head of the branch – 9.3%; senior inspector of the branch – 14.8%; inspector of the branch – 15.2%. All survey participants have higher education, the service experience in the stated positions is more than 10 years (59.8%), 6–10 years (24.6%), 2–5 years (15.2%). Formal logical methods substantiate the reliability and validity of the conclusions and recommendations formulated by the authors.

Results

Restriction of liberty and a suspended sentence are two essentially similar legal institutions in Russia [4], despite the fact that the first is called punishment, and the second is a criminal law measure. At the same time, the legal nature of a suspended sentence is not fully defined [5–8]. It should only be noted that, in essence, this measure of criminal legal impact is reduced to the imposition of a suspended sentence, which is not carried out if the guilty person proves his/her correction during the probation period. The Concept for the development of the penal system of the Russian Federation up to 2030, approved by the Decree of the Government of the Russian Federation No. 1138-r of April 29, 2021, fixes the priority task to boost effectiveness of individual preventive work to prevent offenses among convicts, which actualizes the search for new and improvement of existing measures to stimulate law-abiding behavior. The essence of these measures is based primarily on inter-related functions: 1) individualization of punishment, which plays a primary role in the educational impact on convicts; 2) ensuring implementation of both basic and optional means of correction.

At the same time, the concept of “means of stimulating law-abiding conduct” should cover not only incentives and penalties, which are directly referred to by the legislator, but also other measures provided for by current legislation that improve the legal status of convicts or are aimed at providing them with any benefits and advantages (positive impact measures), or, on the contrary, they are aimed at depriving benefits, advantages and deterioration of legal status (measures of nega-

tive impact). For example, the early cancellation of a suspended sentence and removal of the criminal record from a convicted person fixed in Part 1 of Article 74 of the Criminal Code of the Russian Federation is a measure of positive impact, while the replacement of the unserved part of punishment in the form of restriction of freedom for forced labor or imprisonment is a measure of negative impact.

Some scientists consider concepts “disciplinary measures” and “penalties” as equivalent. Thus, V.N. Chornykh notes that “an important place belongs to disciplinary measures. Penalties applied to convicts represent one of the types of legal liability that has a number of specific features ...” [9, p. 5]. From this context, it is obvious that disciplinary measures and penalties are used as interchangeable.

We believe the concept “disciplinary measures” be generic in relation to penalties, since discipline of any person, not only convicts, is a balance that combines both positive measures to stimulate proper behavior and negative ones. E.A. Sizaya proposes to establish a general incentive principle in the penal legislation instead of the sectoral and special principle “the rational use of coercive measures, means of correcting convicts and stimulating their law-abiding behavior”. Thus, this principle, which implies both coercive measures (penalties) and incentive measures, will become more understandable and specific for a law enforcement officer [10, p. 49].

Besides, some researchers refer certain measures of positive impact to criminal law measures. Thus, I.E. Zvecharovskii considers conditional early release, replacement of the unserved part of the punishment with a milder type of punishment, amnesty, etc. to be criminal law measures [11, p. 7]. However, these incentive institutions do not quite fit into the outline of measures of criminal legal impact, since they are not intended for a direct reaction of the state to a socially dangerous act committed, but serve for subsequent differentiation and individualization of punishment. We agree with E.V. Medvedev that the types of exemption from punishment “are not authentic means of criminal law applied for the crime commission. All types of release from punishment, its serving, postponement, as well as types of substitution of punishments

are integral elements of the punishment system that cannot exist outside its limits” [12, p. 142–143].

Based on the above conclusions, we propose to consider the following concepts as equally significant for the purposes of this article: means (measures) of stimulating law-abiding (lawful) behavior; incentives for law-abiding (lawful) behavior; disciplinary means (measures).

Incentives and penalties are a common practice for many countries to stimulate law-abiding behavior of convicts [13, p. 16]. Applying these stimuli on feelings and emotions of persons undergoing punishments and criminal law measures without isolation from society, it is possible to encourage them to comply with the norms established in society and the state. At the same time, various reactions of convicts generated by such stimuli are predictable: in the case of penalties – anger, aggression, despair, hopelessness, fear, irritation, anxiety, confusion, resentment, panic; in the case of incentive measures – satisfaction, joy, inspiration, indifference, surprise, etc. However, if a convicted person does not react correctly to the penalties and incentives imposed, or there is insincerity in his/her positive actions, achieved only due to the existing control of the penitentiary staff, then later this will still affect the formation of promising lines of behavior. Otherwise, the strictest measure of influence will be applied to him/her. Legislations of many foreign states fix the same. For example, A.V. Serebrennikova writes that in accordance with the criminal codes of Switzerland and Austria, the court is authorized to cancel a suspended sentence if, during the probation period, a person registered with the competent authority who has an official warning commits a repeat crime or misdemeanor violating instructions of the court, and also continues to evade protective supervision or otherwise neglect the trust granted to him/her [14, p. 152].

J. Leibrich mentions about a “tortuous” path from crime to law-abiding behavior. His research shows that about half of the convicted persons and persons with the suspended or expunged criminal record still adhere to antisocial behavior: they abuse alcohol, take narcotic and psychotropic substances, have been caught in fights, hooliganism or conflicts with law enforcement agencies [15, p.

134]. The commission of the above actions can be considered as patterns of criminal behavior, that is, behaviors similar in psychological mechanism to criminal acts. At the same time, incentives for legal behavior can and should act as prevention of immoral behavior and minor offenses.

F. Doherty rightly points out the need to empower probation service employees with broad powers to ensure convicts’ compliance with the established rules. The case of Harris County, Texas, the USA is rather indicative: there probation service employees can adjust seemingly inflexible norms governing their activities to ensure probation conditions. For instance, in order to employ convicts, the Harris County Probation Department follows a policy according to which unemployed convicts are required to submit an application to four employers every weekday to show the sufficiency of their efforts to find employment. In 2013, the court, on the recommendation of the probation inspector, appointed a two-year prison term to the supervised person, since excessive discrimination was found in the submission of applications for employment: the convict tried to find a job only in those organizations that were related to his profession. This decision was not overturned in the Texas Court of Appeals [16, p. 313–314].

In the above case, we state that probation service inspectors have significant powers, but at the same time there is a variety of sanctions on their wards. A similar pattern is observed in all American probation services, there are various possibilities of disciplinary measures against those convicted of violating probation conditions. To petition the court to cancel the probation period and send a person to prison is the most severe possible option. Probation officers are required to respond to every violation committed by a convict. So, it is possible to apply a reprimand, tighten reporting requirements, restrict travel or strengthen the so-called open surveillance. If violations are repeated, there is a positive test result for the presence of narcotic drugs or prohibited drugs in the blood, a new arrest occurs for acts that are not a criminal offense, then stricter sanctions are applied, such as increased supervision, curfew, home detention, electronic monitoring, placement in a reception center for monitoring [16, p. 314].

The application of disciplinary measures to convicts who are registered with criminal executive inspections in a similar way acts as a kind of intermediate stage before the cancellation of a suspended sentence or replacement of punishment with a more severe type. Also, in the case of a suspended sentence, disciplinary measures are directly related to the possibility of a person to be removed from the register ahead of time and be not convicted. At the same time, incentive measures and penalties in relation to the specified category of convicts are not established by law, and the disciplinary impact is carried out on the basis of provided by Article 190 of the Russian Penal Code warnings about possible cancellation of a suspended sentence, issued by the staff of the criminal executive inspections in written form.

In addition, according to paragraphs 124–126, 128, 129 of the Rules on organizing execution of punishments and criminal law measures without isolation from society, approved by the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 142 of May 20, 2009, when convicts evade performance of the duties assigned to them by the court or when they violate the public order and get an administrative penalty, the inspection summons the convicted or visits them at their place of residence and conducts preventive conversations. In case of repeated detection of the facts that they evade performance of the duties assigned to them by the court or violate the public order and get an administrative penalty, the inspection again issues a warning about the possibility of a suspended sentence no later than three working days. If those serving a suspended sentence systematically violate the public order during the probation period, for which they are brought to administrative liability, systematically fail to fulfill the duties assigned to them by the court or disappear from the control, the inspection within three days (excluding weekends and holidays) from the moment of establishing these facts sends the court a submission about cancellation of the suspended sentence and execution of the sentence imposed by the court verdict [17].

It should be noted that inspection employees actively use the only opportunity to stimu-

late the law-abiding behavior of this category of convicts in the form of a warning. According to the Report of the Federal Penitentiary Service of Russia – FSIN-1 from 2015 to 2021 (Section 15 “Information on the activities of criminal executive inspections”), in 2021, 12,426 conditionally convicted persons violated probation conditions (0.96% less than in 2020), including in relation to 11,669 people the materials to cancel a suspended sentence, extend probation or assign additional duties were previously sent to the court (by 0.52% more than in 2020).

In practice, questions arise about the expediency of applying incentive measures, such as cancellation of a suspended sentence and removal of the criminal record, to conditionally convicted persons, if they are assigned an additional punishment. As prescribed by Paragraph 12 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 dated December 20, 2011, in case an additional type of punishment is assigned to a conditionally convicted person, but he/she has proved his/her correction by his/her behavior before the expiration of the probation period, then the court is entitled to cancel a suspended sentence and remove the criminal record only after he/she has served an additional sentence.

In the Russian Federation, there is a shift in disciplinary impact to punishments and in criminal law measures without isolation from society – to penalties. For example, according to the above-mentioned report of the Federal Penitentiary Service of Russia, in 2021, 267,274 convicts registered with criminal executive inspections had a warning or an official warning, while incentive measures were applied to 590 convicts. The approximate ratio of incentive measures to penalties was 1:453. There are several reasons for a negligibly small number of incentives. First, of all the persons registered with inspections, the use of incentive measures, according to the current penal legislation, is possible only to those serving a sentence in the form of restriction of liberty. Second, employees, executing punishment in the form of restriction of liberty, are more focused on the application of penalties, as this is one of the indicators of statistics, which is regularly compared with similar peri-

ods of the past years, which ultimately affects assessment of the inspection's performance. Third, there is excessive attention to incentive measures on the part of prosecutors, who consider them as corruption-causing factors and require employees to provide sufficient grounds for their application.

It seems that leveling the percentage of the number of incentives and penalties, expanding the powers of employees of criminal executive inspections in this aspect, as well as the inclusion in the penal legislation of new incentives for law-abiding behavior of convicts will serve as an additional impulse to the development and improvement of disciplinary practice and educational impact in general. Based on the principles of pedagogy, the ratio of incentives and penalties should be approximately 1:1. One of the steps to strengthen incentive measures is an increase in the number of measures applied in the form of early deregistration of persons sentenced to probation.

The results of the study conducted by the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia indicate that 73.2% of the surveyed employees of criminal executive inspections consider it appropriate to provide in Part 1 of Article 74 of the Criminal Code of the Russian Federation a norm that persons sentenced to a suspended sentence can be completely released from serving and additional punishment if they have proved correction by their behavior. On the one hand, such a measure will make it possible to equalize the legal status of probationers, both having additional punishment and not having it, but on the other hand, additional punishment has an important preventive value, especially when the court appoints deprivation of the right to occupy certain duties or engage in certain activities.

Taking this into account, it seems reasonable to supplement Article 74 of the Criminal Code of the Russian Federation with Chapter 1.1 as follows: "if a convict serving a suspended sentence has been assigned an additional type of punishment and, before the expiration of the probation period, he/she has proved his/her correction by his/her behavior, fulfilling the requirements provided for in Part 1 of this article, and has also served at least half

of the term of the additional type of punishment, then the court, at the suggestion of the body exercising control over behavior of a conditionally convicted person, may decide on the cancellation of a suspended sentence and removal of the criminal record from a convicted person with exemption from an additional type of punishment. At the same time, if an additional penalty is imposed on a conditionally convicted person in the form of a fine, then a suspended sentence can be canceled only if the fine is paid in full".

It is worth paying attention to the fact that such changes will contradict the current version of Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation, since, based on Paragraph "b" of Part 3 of this article, a criminal record against persons sentenced to milder types of punishments than imprisonment is extinguished after one year after their completion (execution). In this regard, we agree with the opinion of T.G. Chernenko, who, based on the lesser public danger of conditionally convicted persons in comparison with persons sentenced to real imprisonment, proposes to establish more lenient rules for repayment of criminal records than for persons to whom a conditional conviction is not applied. Thus, it is advisable to supplement Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation with the provision stipulating that the criminal record of persons serving a suspended sentence and having additional punishment should be extinguished immediately after serving an additional sentence or abolition of a conditional sentence in accordance with Part 1 of Article 74 of the Criminal Code of the Russian Federation [18, p. 129]. In addition, it will be necessary to adjust Paragraph 12 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 of December 20, 2011 in accordance with the above-mentioned amendments to the criminal law.

The absolute advantage of domestic legislation is the existence of norms that establish incentives and penalties applied to persons sentenced to restriction of liberty. The procedure for their application is regulated by articles 57–59 of the Penal Code of the Russian Federation, as well as sections 5 and 6 of the Rules on organizing execution of punishment

in the form of restriction of liberty, approved by the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 258 of October 11, 2010. In addition, incentive measures should include, for example, termination of the use of technical supervision and control means against this category of convicts [19, p. 103].

According to the Report of the Federal Penitentiary Service of Russia – FSIN-1 from 2015 to 2021, in 2018, 515 persons sentenced to restriction of freedom had incentives, which comprised 1.34% of the total number of persons sentenced to restriction of freedom registered with criminal executive inspections at the end of the year. Similar indicators were observed in the subsequent three years: in 2019 – 549 convicts (1.41%), in 2020 – 601 convicts (1.56%), and in 2021 – 590 (1.6%). In this case, we see a slight increase in the applied incentive measures. Meanwhile, during this period, the number of persons sentenced to restriction of liberty registered with inspections at the end of the year slightly decreased (from 38,370 people in 2018 to 36,971 people in 2021). The very possibility of applying incentive measures to convicted persons is the most important means of correcting their behavior along with educational work. The system of incentives and penalties, should be diverse, contain measures of approximately the same order together with less or more significant measures, thus consolidating foundations of a progressive system of serving sentences. In this regard, the extent of authorities of probation officers in Pakistan is noteworthy. In order to stimulate law-abiding behavior of persons under supervision, they can apply incentives using various social, entertainment and educational opportunities of a separate territorial entity [20, pp. 3–4]. Incentives are as such: the right to free full-time or distance learning (taking courses, trainings; attending conferences, lectures, webinars and seminars); the right to free admission to museums, exhibitions, galleries, sports, cultural and spiritual events.

French and English criminal proceedings have a distinctive feature: presence of separate judges who resolve issues at the sentence execution stage. They exercise control over convicts with the help of reports provided by probation officers, on the basis of

which the court can mitigate restrictive measures applied against the convict [21, p. 226]. Thus, convicts should work on accumulating evidence, including incentives, demonstrating the possibility of a court decision to reduce the scope of restrictive measures. It is the convicted person him/herself who has to prove such a right; it makes him/her responsible for his/her behavior and at the same time allows him/her to assess progress in achieving punishment goals.

It is obvious that in order to positively stimulate law-abiding behavior of convicts serving a sentence of restriction of liberty as the main punishment, it is rational to provide for the possibility of being released earlier than the term indicated in the court verdict. Based on Part 1 of Article 74 of the Criminal Code of the Russian Federation, the court is entitled to apply an incentive norm to a conditionally convicted person in the form of cancellation of a suspended sentence and removal of the criminal record from him/her, but no such incentives for early release are provided for persons sentenced to restriction of liberty. Those sentenced to a suspended sentence and restriction of liberty are almost in the same conditions. The legal restrictions and obligations provided for in Part 5 of Article 73 of the Criminal Code of the Russian Federation in relation to a conditionally convicted person and Part 1 of Article 53 of the Criminal Code in relation to those sentenced to restriction of liberty are similar in nature and scope. Therefore, from our point of view, those sentenced to restriction of freedom are unreasonably deprived of the opportunity to be released early.

In the Republic of Belarus, in contrast to the Russian Federation, conditional early release is applicable to persons serving sentences in the form of deprivation of the right to hold certain positions or engage in certain activities, correctional labor, restrictions on military service, restrictions on freedom [22, p. 203].

Soviet scientists-penitentiaries insisted on the early release of persons in respect of whom criminal punishment goals had been achieved. Thus, B. S. Utevskii notes that a convict serving to forced labor strengthens character traits and skills that help attract him/her to work, deter him/her from commit-

ting further crimes, and raise his/her overall development level. But this task can be solved even before the expiration of the term appointed by the court [23, p. 5].

The convict's desire for early release is fully correlated with the provisions of the goal-setting theory, the developer of which is the American psychologist E. Locke [24]. Considering conclusions of this theory within the framework of the problem to stimulate law-abiding behavior of convicts, it can be predicted that if early release is the final goal for a person subjected to punishment, then all his/her behavior will be determined by the stated goal, and, accordingly, we can expect it to be exceptionally positive.

In our opinion, conditional release implies the mandatory presence of restrictions and prohibitions imposed on a person after his/her early release from punishment. Taking into account the nature of conditional release, those sentenced to restriction of their freedom will again be monitored by penal enforcement authorities, possibly with a set of lesser restrictions and prohibitions. In case of evasion of the duties assigned to the released person or commission of an administrative offense that encroaches on the public order, the inspection is entitled to send the court a submission about cancellation of conditional early release and execution of the unserved part of the punishment in the form of restriction of freedom. If a released person commits a grave or especially grave crime, the unserved part of the punishment in the form of restriction of freedom will be added to the punishment imposed by a new court verdict. These guarantees will serve as a means of preventing commission of violations and will have a greater impact on a released person.

M. Hamilton argues that when assessing risks of committing repeat crimes in the future, the court does not take into account rehabilitation successes, that is, the defendant's achievements associated with past criminal behavior (restoration of damage caused by his/her actions, performing socially useful work, presence of offenses, etc.) [25, p. 130–132]. It seems reasonable that such findings can be relevant not only for assessing recidivism risks, but also for making a decision on conditional early release from

punishment of those sentenced to restriction of liberty. The researcher, analyzing dynamic risk factors of repeated offenses, touches on the problem of consolidating positive efforts of convicts who cease to resist correctional influence registered by the probation service. Such consolidation consists in reward, which, in turn, also helps some people to cope with a sense of guilt suppressing their will and reduce risks of repeat crime, and also encourages convicts to re-evaluate their past and stop identifying themselves with destructive elements, gives them faith that a person can change over time. In the longer term, it is also a successful reintegration of the convicted person into society, but it all starts with the application of the least amount of encouragement to him/her.

An incentive measure in the form of early release should be applied to convicts serving restriction of liberty exclusively as the main type of punishment. At the same time, it is reasonable to establish a formal condition for release, such as actual completion of at least half of the sentence imposed by the court, and for minors – at least one third of the sentence due to their individual psychological characteristics of personality development. It is rational to determine a six-month minimum term for adult convicts and a three-month term for minors, after serving which parole will be possible, since employees of criminal executive inspections require a certain amount of time to study convicts' identity and degree of their correction.

In general, the application of the most significant incentive measure in the form of early release to persons sentenced to restriction of liberty should be considered as an effective means of stimulating law-abiding behavior that can have an effective educational impact, as well as ensure achievement of the goals of correction and prevention of crimes among this category of convicts.

Penalties are another side of disciplinary impact on those sentenced to restriction of liberty. In accordance with Part 2 of Article 58 of the Penal Code of the Russian Federation, in case a convicted person violates the order and conditions of serving a sentence in the form of restriction of freedom, an inspection officer imposes disciplinary punishment

in the form of a warning. If a convicted person commits any of the violations listed in Part 1 of Article 58 of the Penal Code of the Russian Federation within one year after the issuance of the warning, then the inspection applies to him/her a measure of punishment in the form of an official warning about the inadmissibility of violating the restrictions established by the court.

According to the FSIN-1 Report, the following disciplinary practice of those sentenced to restriction of freedom has developed in recent years: in 2018, 23,541 convicts violated the order and conditions of serving their sentences (61.35% of the total number of those sentenced to restriction of freedom registered with the criminal executive inspection as of the end of the year); in 2019 – 24,825 people (64.04%); in 2020 – 24,343 people (63.13%), and in 2021 – 24,014 people (64.95%). In addition, in 2018, 22,412 persons sentenced to restriction of liberty had a warning or an official warning, in 2019 – 23,536, in 2020 – 23,143, and in 2021 – 22,795. Thus, the proportion of persons who violated the order and conditions of serving their sentences among convicted persons registered with the criminal executive inspections always exceeded 60% at the end of the year, which indicates increased crime commission risks among this category of persons. In the above statistics, we see insignificant annual differences in the number of convicts subjected to disciplinary punishment. This fact also indicates almost unchanged indicators for disciplinary misconduct among registered persons since 2018.

The above situation is partly triggered by the existence of certain flaws in the legal mechanism for bringing those sentenced to restriction of liberty to disciplinary liability. In accordance with Paragraph “a” of Part 4 of Article 58 of the Criminal Code of the Russian Federation, a person sentenced to restriction of liberty is recognized as maliciously evading serving a sentence if, within one year after the application of a penalty in the form of an official warning, he/she again violates the order and conditions of serving a sentence. This circumstance serves as the basis for the inspection employee to send the court a submission about replacement of restriction of liberty with forced labor or imprisonment (Part 5 of Article 58 of the Penal Code of the Rus-

sian Federation). The difficulty lies in the fact that if the court refuses to satisfy this submission, no other stricter disciplinary measures can be imposed on him/her according to the penal legislation.

As a result, a deadlock situation develops when employees cannot impose a penalty on the convicted person who is recognized as maliciously evading serving a sentence if he/she again commits violations. In practice, this problem is solved by receiving an explanatory note from the person who has again violated the order and conditions of serving a sentence, and by sending another submission to the court to replace the unserved part of the punishment in the form of restriction of freedom with forced labor or imprisonment.

Moreover, Part 4 of Article 59 of the Penal Code of the Russian Federation prescribes to consider a convicted person as having no penalty if a new penalty is not applied within one year from the date of its imposition and, accordingly, in this case, a person maliciously evading from serving a sentence in the form of restriction of freedom will be no longer considered as such. So, we will dwell on the following situation: in January 2021, a penalty in the form of an official warning was applied to the convicted person, and in December 2021, he violated the order and conditions of serving his sentence. In this regard, the inspection sent a submission to the court to replace the unserved part of the punishment in the form of restriction of liberty with forced labor or imprisonment. The court issued a decision to refuse it; hence, from January 2022, this convict was considered to have no penalties according to Part 4 of Article 59 of the Penal Code of the Russian Federation.

Court decisions on the refusal to satisfy submissions on the replacement of the unserved part of the punishment in the form of restriction of freedom with forced labor or imprisonment may have two groups of reasons: 1) presence of certain shortcomings in the application of penalties and interpretation of the penal legislation regarding the recognition of the convicted person as a malicious evader from serving a sentence; 2) the court’s subjective perception of the inexpediency of replacing the sentence at the moment and the need to give a convicted person the opportunity to improve within the framework of serving a sentence not related to deprivation

of liberty, that is, to give him/her a second chance. Additionally, in such cases, the court may motivate its decision by various difficult life circumstances of the convicted person.

Here is an example from judicial practice concerning the first group of reasons. The head of the Dimitrovgrad Branch of the Criminal Executive Inspection of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation in the Ulyanovsk Oblast filed a submission to the court to replace the unserved part of the punishment in the form of restriction of liberty with imprisonment. The court concluded that there were no grounds for recognizing G. maliciously evading from serving a sentence in the form of restriction of liberty, since the convicted person, after issuing him an official warning, committed an administrative offense that affects public safety, and not the public order. After the official warning was issued, he committed an administrative offense under Part 1 of Article 20.6.1 of the Administrative Code of the Russian Federation, which was not disputed by the convict. The court found that the above circumstances were not grounds for satisfying the submission of the inspection, since, according to Paragraph "d" of Part 1 of Article 58 of the Penal Code of the Russian Federation, violations of the order and conditions of serving a sentence in the form of restriction of liberty include the commission not of any administrative offense, but related to the public order violation, for which the convicted person was brought to administrative liability (Decision of the Dimitrovgrad City Court of the Ulyanovsk Oblast of June 10, 2021 in case No. 22-64/2021).

Another situation illustrates reasons for the courts' refusal to satisfy the submission of replacing the unserved part of the punishment in the form of restriction of liberty with deprivation of liberty. The head of the Krasnokamsk District Branch of the Criminal Executive Inspection of the Main Directorate of the Federal Penitentiary Service in Perm Krai sent the court a submission to replace an unserved term of restriction of liberty of the convicted A. with imprisonment.

As follows from the court decision under consideration, A. on April 20, 2017 was brought to administrative liability under Article 20.21 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, for which the inspection issued a warning to the con-

vict. During the period from July 8 to July 14, 2017, A. was not at his place of residence, in connection with which, by the decision of the inspection, this period was not included in the term of the sentence served. By the Resolution of the Krasnokamsk City Court of Perm Krai of July 21, 2017 Zh., was imposed an additional restriction "not to leave the place of residence from 21:00 to 06:00 o'clock". Meanwhile, on July 21, 2017, Zh. again committed an administrative offense under Article 20.21 of the Administrative Code of the Russian Federation, for which he was given an official warning. On October 20, 2017, Zh. was not at his place of residence, thereby violating the obligation imputed to him, which, together with previously committed violations, became the basis for sending a submission to the court to replace the remaining part of the restriction of liberty with deprivation of liberty.

The Court, having taken into account the information about the identity of the convicted person, in particular the presence of a disease and disability of Group 3, as well as two young children, decided to refuse to satisfy the submission of the criminal executive inspection. Thus, despite the actual establishment of all the grounds provided by law for replacing the unserved part of the punishment in the form of restriction of liberty with deprivation of liberty, the court did not satisfy the submission (Resolution of the Krasnokamsk District Court of Perm Krai of December 13, 2017 in case No. 22-457/2017).

In this regard, in order to further influence persons in respect of whom court decisions based on the second group of reasons were made, it seems appropriate to fix the provision of the Penal Code of the Russian Federation stipulating official granting of the convicted person the status of maliciously evading punishment. He/she will have this status until the repayment or removal of all penalties imposed on him/her. If, after the court's refusal to satisfy the submission to replace the unserved part of punishment in the form of restriction of liberty with forced labor or imprisonment, a convict again violates the order and conditions of serving a sentence, it will be the basis for sending another submission of replacing the unserved term of punishment in the form of restriction of liberty with forced labor or imprisonment.

In order to implement such a legal structure to promote law-abiding behavior of persons sentenced to restriction of liberty, it is proposed to formally endow a person with the status of maliciously evading punishment simultaneously with sending to the court the submission of replacing the unserved part of the punishment with a more severe one. Thus, as established by the current legislation, after the first violation, a penalty in the form of a warning is imposed. If a person commits a violation again within a year after the warning is issued, then a penalty in the form of an official warning is imposed on him/her. After a new violation has been committed within one year by a person who has an official warning, a resolution is issued by the head of the criminal executive inspection on the recognition of the convicted person maliciously evading from serving a sentence and a penalty in the form of an official warning is imposed. In turn, this fact obliges the inspection to send to the court a submission to replace the unserved part of the punishment in the form of restriction of liberty with forced labor or imprisonment.

These changes in the law will prevent impunity in case the court refuses to replace the unserved part of the punishment in the form of restriction of liberty with forced labor or imprisonment. It should be noted that one of the arguments for making these changes to the current penal legislation is that, according to Part 4 of Article 116 of the Penal Code of the Russian Federation, a person sentenced to imprisonment is recognized as a malicious violator of the established procedure for serving a sentence by a resolution of the head of a correctional institution on the recommendation of the correctional institution administration simultaneously with the imposition of a penalty. Moreover, if the head of the correctional institution issued a resolution recognizing a convicted person as a malicious violator of the established procedure for serving a sentence, then a convict maintains this status up to the moment of release, since no norms of the Penal Code of the Russian Federation fix the procedure for terminating this status in the process of serving a sentence. This circumstance is regularly discussed in scientific works on penological topics [26, p. 65].

Consequently, a person sentenced to restriction of liberty should be recognized as maliciously evading serving a sentence and

imposed a penalty in the form of an official warning. In this regard, it is advisable to supplement Part 4.1 of Article 58 of the Penal Code of the Russian Federation as follows: “a convicted person is recognized as maliciously evading from serving a sentence in the form of restriction of liberty by a resolution of the head of the inspection, is imposed a penalty in the form of an official warning and maintains this status until all penalties are lifted or extinguished”. At the same time, if restriction of liberty is appointed as an additional type of punishment, then a convicted person, recognized in accordance with the established procedure as maliciously evading serving a sentence, is subject to criminal liability under Part 1 of Article 314 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Conclusion

For a long time, the Russian legislator, in the aspect of the educational impact exerted on convicts, made a bias towards the institution of deprivation of liberty. Alternative types of punishments did not receive due attention in terms of the development of disciplinary practice. Meanwhile, incentives and restrictions are important for correction of convicts, regardless of the degree of rights and freedoms restriction. Despite the very fact of conviction, specific circumstances improving or worsening convicts' situation are still most effective. This is easily explained by the well-known statement of K. Marx and F. Engels that “being determines consciousness” [7, p. 491]. Only real things of objective reality are able to influence behavior of wards of criminal executive inspections.

Restriction of liberty and a suspended sentence are essentially similar legal institutions and can be considered together in the aspect of applying measures to convicts to encourage law-abiding behavior. Undoubtedly, incentives not only stimulate social activity (compliance with the established rules of serving a sentence or criminal law measures, fulfillment of duties imposed by the court, participation in educational activities, etc.), but also contribute to correction and resocialization of convicts. In contrast to incentive measures, there are penalties, the application of which should also be balanced, objective and justified. Therefore, the system of disciplinary measures should give law enforcement the opportunity to choose a method of en-

couraging or bringing to disciplinary liability that corresponds to behavior of the convicted person. The progressive process of their application trigger achievement of punishment goals and exclude the possibility of avoiding liability in the case of non-compliance with the regulations.

Our research has revealed a number of gaps among disciplinary measures exerted on those sentenced to a suspended sentence and those sentenced to restriction of liberty. So, we propose the following:

- to supplement Part 1.1 of Article 74 of the Criminal Code of the Russian Federation as follows: “if a convict serving a suspended sentence has been assigned an additional type of punishment and, before the expiration of the probation period, he/she has proved his/her correction by his/her behavior, fulfilling the requirements provided for in Part 1 of this article, and has also served at least half of the term of the additional type of punishment, then the court, at the suggestion of the body exercising control over behavior of a conditionally convicted person, may decide on the cancellation of a suspended sentence and removal of the criminal record from a convicted person with exemption from an additional type of punishment. At the same time,

if an additional penalty is imposed on a conditionally convicted person in the form of a fine, then a suspended sentence can be canceled only if the fine is paid in full”. At the same time, it will be necessary to amend Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation to eliminate contradictions related to the current procedure for repayment of the criminal record of a person sentenced to a milder punishment than deprivation of liberty;

- to establish in the penal legislation the opportunity to be released on parole for convicts serving restriction of liberty as the main type of punishment. At the same time, it seems important to establish a formal basis for parole for those sentenced to restriction of liberty in the form of actual serving at least half of the sentence imposed by the court, and for minors – at least one third of the sentence;

- supplement Article 58 of the Penal Code of the Russian Federation with Part 4.1 stipulating that “a convicted person is recognized as maliciously evading from serving a sentence in the form of restriction of liberty by a resolution of the head of the inspection, is imposed a penalty in the form of an official warning and maintains this status until removal or repayment of all penalties”.

REFERENCES

1. Garofalo R. *Criminologia*. Torino, 1891. 270 p.
2. Bekkaria Ch. *On crimes and punishments*. New York, 2009. 151 p.
3. Simonov Yu.I. *Diary of a trip to England: studying probation*. Available at: <https://yvision.kz/post/772565> (In Russ.). (Accessed August 15, 2021).
4. Dyad'kin D.S. Competition of the norms on the imposition of punishment in the form of restriction of freedom with the norms on a suspended sentence. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2010, no. 3, pp. 34–37. (In Russ.).
5. Zhizhilenko A.A. *Draft law of the Minister of Justice on conditional imprisonment*. *Pravo = Law*, 1907, no. 16–17, pp. 1,187–1,199. (In Russ.).
6. Karpets I.I. *Individualizatsiya nakazaniya [Individualization of punishment]*. Moscow, 1962. 152 p.
7. Kravets Yu.P. *Uslovnoe osuzhdenie po sovetskomu ugolovnomu pravu: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Conditional conviction under Soviet criminal law: dissertation abstract]*. Moscow, 1991. 24 p.
8. Yakubovich M.I. On the legal nature of conditional conviction. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1946, no. 11–12, pp. 55–59. (In Russ.).
9. Chornyi V.N. *Distiplinarnaya praktika i distiplinarnye mery v tyur'makh evropeiskikh gosudarstv: analit. obzor [Disciplinary practice and disciplinary measures in prisons of European states: analytical review]*. Ryazan, 2014. 47 p.
10. Sizaya E.A. The principle of rational application of measures of coercion, means of correction of convicts and stimulation of their law-abiding behavior. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2008, no. 7, pp. 47–49. (In Russ.).
11. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo: kurs lektsii: v 2 t. T. 2. [Russian criminal law: course of lectures: in 2 volumes. Volume 2]*. Ed. by Korobeev A.I. Vladivostok, 1999. 572 p.
12. Medvedev E.V. *Funktsii ugolovnogo prava i mery ugolovno-pravovogo vozdeistviya kak sredstva ikh realizatsii: monogr. [Functions of criminal law and measures of criminal legal*

- impact as a means of their implementation: monograph]. Ulyanovsk, 2020. 384 p.
13. Whitehead P. Thompson J. Knowledge and the probation service: raising standards for trainees, assessors and practitioners. New Jersey, 2004. 240 p.
14. Serebrennikova A.V. Conditional conviction in criminal codes of Austria and Switzerland. Soyuz kriminalistov i kriminologov = Union of Criminologists and Criminologists, 2018, no. 2, pp. 15–155. (In Russ.).
15. Leibrich J. Straight to the point: angles on giving up crime. Dunedin, 1993. 312 p.
16. Doherty F. Obey all laws and be good: probation and the meaning of recidivism. Georgetown Law Journal, 2016, vol. 104, pp. 291–354.
17. Ob utverzhenii Instruksii po organizatsii ispolneniya nakaza-nii i mer ugovovno-pravovogo kharaktera bez izolyatsii ot obshchestva: prikaz Minyusta Rossii ot 20.05.2009 № 142 [The Rules on organizing execution of punishments and measures of a criminal-legal nature without isolation from society, approved by the Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 142 of May 20, 2009]. Access from the reference legal system “Garant”.
18. Chernenko T.G. Some problematic issues of calculating the terms of criminal record. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law, 2020, no. 36, pp. 126–135. (In Russ.).
19. Ispolnenie ugovovnogo nakazaniya v vide ogranicheniya svobody: ucheb. posobie [Execution of criminal punishment in the form of restriction of freedom: manual]. Ed. by Potapov A.M. Vologda, 2018. 133 p.
20. Khan A. Probation and parole system: a case study of Pakistan. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2256316 (accessed April 25, 2021).
21. Fernando R. Desistance from crime and probation supervision: comparing experiences of English and French probationers. Probation Journal, 2021, vol. 68, no. 1, pp. 224–242.
22. Tit A.A. Legal nature of parole in the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Belarus. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, no. 5, pp. 202–206. (In Russ.).
23. Utevskaia B.S. Dosrochnoe osvobozhdenie i amnistiya [Early release and amnesty]. Moscow, 1927. 68 p. (In Russ.).
24. Locke E.A., Latham G.P., Smith K.J., Wood R.E. A theory of goal setting and task performance. New Jersey, 1990. 413 p.
25. Hamilton M. Back to the future: the influence of criminal history on risk assessment. Berkeley Journal of Criminal Law, pp. 76–133. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2555878 (accessed January 26, 2021).
26. Novikov E.E. Actual problems of legal regulation of the application of penalties in correctional institutions. Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute, 2016, no. 2, pp. 59–67. (In Russ.).
27. Engels F., Marx K. Sochineniya T. 12. Ch. 1: K kritike politicheskoi ekonomii [Essays. Volume 12. Part 1: For a Critique of the Political Economy]. Moscow, 1935. 771 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

SERGEI L. BABAYAN – Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, professor at the Department of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vologda, Russia, Senior Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, bsl09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>

DMITRII V. KOKHMAN – Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines of the Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee, Saint Petersburg, Russia, kokhman2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1899-3894>

Received November 13, 2022

Problems of Qualifying Crimes against the Established Order of Service Committed by Employees of Institutions and Bodies of the Penal System

NIKOLAI G. SHURUKHNOV

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
Kaluga Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Kaluga, Russia
matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

Abstract

Introduction: crimes against the established order of service, committed by employees of institutions and bodies of the penal system, are determined by the legislator not in the Criminal Code of the Russian Federation, but in Paragraph 5 of Part 2 of Article 157 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, which defines the competence of heads of institutions and bodies of the penal system to perform urgent investigative actions on the specified category of crimes for which the preliminary investigation is mandatory. *Purpose:* to answer the question posed by the law enforcement officer about which illegal acts relate to crimes against the established order of service, the subjects of which are penal system employees. The author identifies several independent research subjects: 1) norms of the Criminal Code of the Russian Federation; 2) Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation, listing crimes against state power, the interests of public service and service in local self-government bodies; 3) certain provisions of the criminal codes of the RSFSR of 1922, 1926, 1960; 4) monographs of scientists; 5) textbooks that consider the specifics of crimes encroaching on state power, the interests of public service; 6) statistics of the Federal Penitentiary Service of Russia for 2021, revealing the categories of crimes taken into account and committed by employees of the penal system; 7) judicial practice, generalized and published by the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the USSR, the Russian Federation; 8) Section V of the Code of Criminal and Correctional Punishments (1845); 9) federal laws regulating certain issues of public service; 10) the federal law, the law of the Russian Federation, the decree of the President of the Russian Federation, and regulations establishing the rules of service for the penal system employees. The volume and variety of the research subject require, in turn, the use of a number of scientific *methods*, such as description, comparison, specification, idealization, analogy, expert assessments, reference points, deduction, induction, and comparative legal research. As a result, the author comes to the conclusion that the wording of Paragraph 5 of Part 2 of Article 157 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation is not fully correct. It is hardly advisable to point out the “order of service”, which is the object of illegal activity of penal system employees, if this is not stated in the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: civil servant; employee of the penal system; crimes against state power, interests of public service, order of service.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Shurukhnov N.G. Problems of qualifying crimes against the established order of service committed by employees of institutions and bodies of the penal system. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 52–61. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.006.

Introduction

Law enforcement practice, ideally, should mirror the provisions prescribed by law, while eliminating violation of the rights, freedoms and legitimate interests of citizens. The ideal situation is when the law describes an illegal act in all aspects, simplifying the law enforcement qualification (application). The act that appeared in a certain period of time is perceived by citizens as normal and not dangerous, and only after it is recognized as such and falls under a legislative prohibition, authorized officials are entitled to combat it by legal means. Thus, only from the moment the act is declared criminal, it practically receives the status of a crime with all the ensuing legal consequences. In legal terms, illegality is evidence that the issue of combating this socially dangerous act is included in the agenda of national importance, the state has recognized the public danger of such an act. Declaring an act criminally punishable is a legal act (the right) of state power. The disposition of a criminal law norm describes an act for which a specific punishment is provided. This is a general approach to the construction of criminal law norms.

The article considers crimes against the established order of service, committed by employees of institutions and bodies of the penal system, which are referred to in Paragraph 5 of Part 2 of Article 157 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. This problem is widely discussed in the scientific community [1, pp. 59–327; 2; 2–7]. Besides researchers' opinions, we analyze the Criminal Code of the Russian Federation, law enforcement practice provided by the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the USSR, the Russian Federation, and statistics of the Federal Penitentiary Service of Russia, as well as legal acts of the Russian Empire and the RSFSR.

Research part

In the current version of the Criminal Code of the Russian Federation, the word “service” is used about 90 times, but the phrase “employee of the penal system” is missing. Chapter 23 of the Criminal Code of the Russian Federation provides a list of crimes (7) against the interests of service in commercial and other organizations [8, pp. 577–589], Chapter 30 – 17 elements of crimes against state power, interests of public service and service in local self-government [8, pp. 837–868]. Chapter 33 also enumerates a list of crimes in which the word “service” is mentioned, but they are directly related to military service (22 elements). Proceeding from the fact (and not only) that the generic object of military crimes is the relations that develop regarding the provision of the established procedure for military service [8, pp. 932–950], additional specialized legal acts are used for their qualification (dispositions of the articles are of a blank nature), for example, federal laws No. 53-FZ of March 28, 1998) (as amended of September 24, 2022) “On military duty and military service”; No. 76-FZ of May 27, 1998 “On the status of military personnel”, Presidential decrees No. 1,237 of September 16, 1999 “Issues of military service” together with the Regulations on the procedure for military service; No. 1,495 of November 10, 2007 (as amended of July 31, 2022) “On approval of the general military charters of the Armed Forces of the Russian Federation”.

In the above regulatory legal acts, the spheres of life of a serviceman are explicitly stated. Therefore, the established illegal acts of military personnel encroach on certain components of the military service procedure, for instance, non-execution of an order (Article 332 of the Criminal Code of the Russian Federation) – on the order of subordination, desertion – on the military service pro-

cedure (Article 338 of the Criminal Code of the Russian Federation).

The stated above shows the possibility (in case the legislator strives for and practice needs) to form a separate chapter in the Criminal Code of the Russian Federation “Crimes against the order of service in the penal system”. There is a sufficient number of normative legal acts specifying its individual circumstances, but the practice of illegal activity is not so diverse, and activities of the penal system (its employees) are fundamentally different from the order and conditions of military service.

Based on the subject of the study, we focus on the illegal acts stipulated by Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation, some elements presented in it encroach on the state power and interests of civil service. They differ from other criminal encroachments and are named as official by criminal law specialists. With regard to the penal system, these crimes encroach on public relations that ensure normal and legitimate activities of authorities of other state bodies. Researchers point out that “the direct object of this group of crimes are social relations that ensure normal functioning of individual parts of the state apparatus... In some corpus delicti, an additional object may be legitimate interests of citizens or organizations (articles 285, 286 of the Criminal Code of the Russian Federation); health (Part 3 of Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation); life (Part 2 of Article 293 of the Criminal Code of the Russian Federation); property (articles 285, 286, 293 of the Criminal Code of the Russian Federation)” [8, p. 838].

The specifics of the crimes under consideration is predetermined by public service – professional activity to execute powers of state bodies – official duties of authorized persons. According to the Federal Law No. 58-FZ of May 27, 2003 “On the system of public service of the Russian Federation”, the system of public service includes public civil service, military service, and law enforcement service. In Article 7 law enforcement service is defined as “a type of federal public service, which is the professional official activity of citizens holding positions of law enforcement service in state bodies, services and institu-

tions performing functions to ensure security, law and order, combat crime, and protect human and civil rights and freedoms”.

It is worth mentioning that Paragraph 1 of Article 19 of this law in the first edition stipulates that “the definition of law enforcement service as a type of federal public service can be applied *from the date of entry of the federal law on law enforcement service*” (emphasis added). The draft federal law “On the law enforcement service of the Russian Federation” has been worked out for about 10 years, but it has not been completed.

For this reason, since January 1, 2016, this article has become invalid. The Federal Law No. 262-FZ of July 13, 2015 “On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation regarding clarification of the types of public service and invalidation of Part 19 of Article 323 of the Federal Law “On customs regulation in the Russian Federation”” amended Article 2 of the Federal Law “On the system of public service of the Russian Federation”. In the new edition, the system of public service includes public civil service, military service, public service of other types. Part 3 of this article states that “military service and public service of other types, which are established by federal laws, are types of federal public service”. In accordance with Paragraph 2 of Article 9, lists of standard positions of federal public service of other types are approved by the President of the Russian Federation. There is no such a list so far.

The Federal Law No. 197-FZ of July 19, 2018 “On service in the penal system of the Russian Federation and on amendments to the law of the Russian Federation “On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment”” does not disclose the specifics of this service. It, as if repeating the provisions of similar federal laws, says that it is a type of “... federal public service, which is a professional official activity of citizens of the Russian Federation ... in positions in the penal system of the Russian Federation ...” (Paragraph 1 of Article 1). At the same time, it points out that “... positions of the penal system employees... are established in the federal body of executive authority ...” (Paragraph 2 of Article 1). The specifics of professional activities of federal civil servants is to a

certain extent reflected in the Law of the Russian Federation No. 5473-1 of July 21, 1993 (as amended July 26, 2021) “On institutions and bodies executing criminal punishment in the form of imprisonment”.

It is noteworthy that Part 1 of Article 26 of this Law specifies the delegation (transfer) of powers of legal entities to employees. It says that “employees of the penal system perform their duties and enjoy, within their competence, the rights granted to institutions or bodies of the penal system, which are provided for by this law and other legislative acts of the Russian Federation”. According to Article 14, the rights of institutions executing punishment include the exercise of control over compliance with a set of requirements, use of measures of influence and coercion provided for by regulatory acts against offenders, inspection and search of convicts, other persons, their belongings, vehicles (Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 428-O-P of March 6, 2008 “On the complaint of citizen Irina P. Kiryukhina on the violation of her constitutional rights by Part 6 of Article 82 of the Penal Code of the Russian Federation and Paragraph 6 of Article 14 of the Law of the Russian Federation “On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of deprivation of liberty”).

Chapter 5 of the Law “On institutions and bodies executing criminal punishment in the form of deprivation of liberty” and Paragraph 12 of Article 14 provide for the procedure for the use of physical force, special means and firearms by penal system employees. At the same time, it determines territories (institutions executing punishments, pre-trial detention facilities, adjacent territories where regime requirements are established, protected facilities of the penal system) and duties to be performed (escorting and other cases established by law).

From a brief description of the specifics of the service of employees of the penal system, we return to the category of crimes against the state power, interests of public service and service in local self-government bodies specified in Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation. They can only be committed:

– by special subjects (officials [9], representatives of the authorities (entitled to the personal application of state coercion measures), serving in state bodies). The exceptions are bribery and mediation in bribery, as well as assignment of the powers of an official and official forgery (officials are also responsible for the commission of official forgery);

– by virtue of the official position held by a person or using the powers granted to him/her by the position [10; 11];

– with causing harm to ordinary activities of public authorities, public service [8, pp. 838–839].

“The articles of the Criminal Code themselves, writes B.V. Volzhenkin, do not offer any criteria for determining the materiality of the violation of the rights and legitimate interests of citizens, organizations, society or the state, as well as criteria for distinguishing a significant violation from grave consequences. Harmful consequences of official crimes committed in various spheres of activity of officials are very diverse, and it is hardly possible to list them specifically in the law. Significant violation of the rights and legitimate interests is not limited only to causing material damage. It can be physical, moral, political, ideological harm, etc.” [1, p. 129].

Having considered the legislative norms of Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the above conclusion made by a well-known Russian scientist and other researchers mentioned above, we come to the conclusion that law enforcement officers are entitled to give a reasoned, evidence-based assessment themselves and attribute an illegal act to one of these categories of official crime. Thus, we are talking about an evaluative concept.

According to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of October 16, 2009 “On judicial practice in cases of abuse of official powers and exceeding official authority”, “significant violation of the rights of citizens or organizations as a result of abuse of official powers or exceeding official authority should be understood as violation of the rights and freedoms of individuals and legal entities guaranteed by generally recognized principles and norms of

international law, the Constitution of the Russian Federation (for example, the right to respect for honor and dignity of the individual, personal and family life of citizens, the right to inviolability of the home and secrecy of correspondence, phone conversations, postal, telegraphic and other messages, as well as the right to judicial protection and access to justice, including the right to an effective remedy in a state body and compensation for damage caused by a crime, etc.). When assessing the materiality of the damage, it is necessary to take into account the degree of negative impact of the illegal act on normal work of the organization, the nature and size of the damage, the number of injured citizens, the severity of physical, moral or property damage caused to them, etc.”.

According to V.I. Dineka and N.G. Kadnikov, “to assess the materiality of the violation of rights and legitimate interests, the totality of the circumstances of the case should be taken into account: these include a number of victims whose rights have been violated; a size and nature of the harm, its materiality for the victim, law enforcement interests; presence of losses and lost profits for a citizen, state... organizations; creating an environment that hinders activities of the organization; disruption of the workflow, etc.” [8, p. 840].

We back the point of view of B.V. Volzhenkin that “elements of the crime included in Chapter 30 of the Criminal Code are the ones of so-called general crimes against state power, interests of public service and service in local self-government bodies. They can be committed by any officials (employees) in any sphere of managerial activity, any state or municipal body or institution, as well as Armed Forces, other troops and military formations of the Russian Federation, and entail various consequences. Besides, other chapters of the Criminal Code contain many special elements of crimes committed specifically by certain officials or in a certain sphere of activity, or encroaching on certain social benefits and interests, except for normal activities of the public administration apparatus” [1, p. 153]. We would like to add that the law lacks instructions on officials of the penal system and the corresponding sphere of their activities.

To establish what specific crimes against the established order of service are committed by penal system employees, let us consider the statistics of the Federal Penitentiary Service of Russia, conducted by the Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia (RIIT of the FPS of Russia) [12].

In 2021, 211 indictments were issued for criminal crimes, in particular:

- crimes against life and health (Chapter 16 of the Criminal Code of the Russian Federation), in particular, murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation), newborn child murder by the mother (Article 106 of the Criminal Code of the Russian Federation), murder committed in a state of passion (Article 107 of the Criminal Code of the Russian Federation), murder committed when exceeding the limits of necessary defense or when exceeding the measures necessary for detention of a person who has committed a crime (Article 108 of the Criminal Code of the Russian Federation) – 2; causing death by negligence (Article 109 of the Criminal Code of the Russian Federation) – 0; intentional infliction of serious harm to health (Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation), intentional infliction of moderate harm to health (Article 112 of the Criminal Code of the Russian Federation) – 2;

- crimes against property (Chapter 21): theft (Article 158 of the Criminal Code) – 8; fraud (Article 159 of the Criminal Code) – 13; embezzlement (Article 160 of the Criminal Code) – 1; extortion (Article 163 of the Criminal Code) – 0;

- crimes against public safety (Chapter 24): hooliganism (Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation) – 0;

- crimes against public health and public morality (Chapter 25): illegal acquisition, storage, transportation, manufacture, processing of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues, as well as illegal acquisition, storage, transportation of plants containing narcotic drugs or psychotropic substances, or their parts containing narcotic drugs or psychotropic substances (Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation) – 19;

– crimes against traffic safety and operation of transport (Chapter 27): violation of traffic rules and operation of vehicles (Article 264 of the Criminal Code of the Russian Federation) – 9:

– crimes against the state power, interests of public service and service in local self-government bodies (Chapter 30): abuse of official powers (Article 285 of the Criminal Code of the Russian Federation) – 8; abuse of official powers (Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation) – 45; taking a bribe (Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation) – 71; official forgery (Article 292 Criminal Code of the Russian Federation) – 3; negligence (Article 293 of the Criminal Code of the Russian Federation) – 14 (crimes against the service committed – 141, or 66.8%);

– other crimes (other chapters and articles of the Criminal Code of the Russian Federation) – 16 (7.58%).

So, in 2021, employees of institutions and bodies of the penal system did not commit any specific crimes against the established order of service, fixed in Paragraph 5 of Part 2 of Article 157 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation; 66.8% of their illegal activities, provided for by Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation, were directed against state authorities and interests of the civil service.

For the analysis to be more sophisticated, let us consider history of the issue, individual legal documents of the Russian Empire and the RSFSR. The outstanding Russian pre-revolutionary scientist N.S. Tagantsev wrote that “historical interpretation is known to be important in the field of current legislation. For example, we want to study some legal institution that exists at a given time, then in order to properly understand it, we should trace its historical fate, i.e. the reasons for which this institution was established, and the modifications that it underwent in its historical development” [3, p. 21].

The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 [14] had Section 5 “On crimes and misdemeanors in public and social services”. It contained 11 chapters (articles 329–505), each of which had its own individual name in accordance with the content of criminal law norms (Figure), which covered

a wide variety of illegal activities and provided for various types of punishments. In our research we are interested in Chapter 11, in particular Section 1 “On crimes and misdemeanors of officials during investigation and trial” (articles 426–434) and Section 3 “On crimes and misdemeanors of police officials” (articles 446–459).

Section 1 contains elements of crimes and offenses with certain penalties. They are the following:

– an official fails to comply with the rules and forms prescribed by law during investigation due to the negligence or ignorance of their duties (1), or selfish or other personal purpose (2) (Article 456);

– negligence of an official who has not launched the investigation, having sufficient reason (1) or if he/she is guilty due to excessive leniency or any predilection for persons, subject to investigation (2) (Article 429);

– an official does not conduct an initial interrogation with the accused within a day after he/she appears or is brought by a judicial investigator or a police officer who, in case the investigator does not arrive to interrogate a person within a day, does not draw up a protocol attached to the case and does not announce to the accused the reasons for his/her detention (Article 460);

– slow investigation conducted by an official in the absence of special obstacles or difficulties or due to hatred, enmity, other illegal motives (Article 461);

– an investigator threatens the accused to confess or a witness to testify, or the torture and cruelty during the investigation (Article 462);

– an official provides the guilty person with means of justification prohibited by law during the investigation or trial, or weakens the strength of evidence against the guilty person (Article 463)

– any negligence or abuse of an official “in cases not fixed in this section” in office, during investigation or in court (Article 464).

Section 3 stipulates liability for:

– the failure to provide the authorities with the papers submitted by detainees, unless prohibited by law (Article 478);

– the failure to inform the authorities on the part of a police official who has taken a citizen

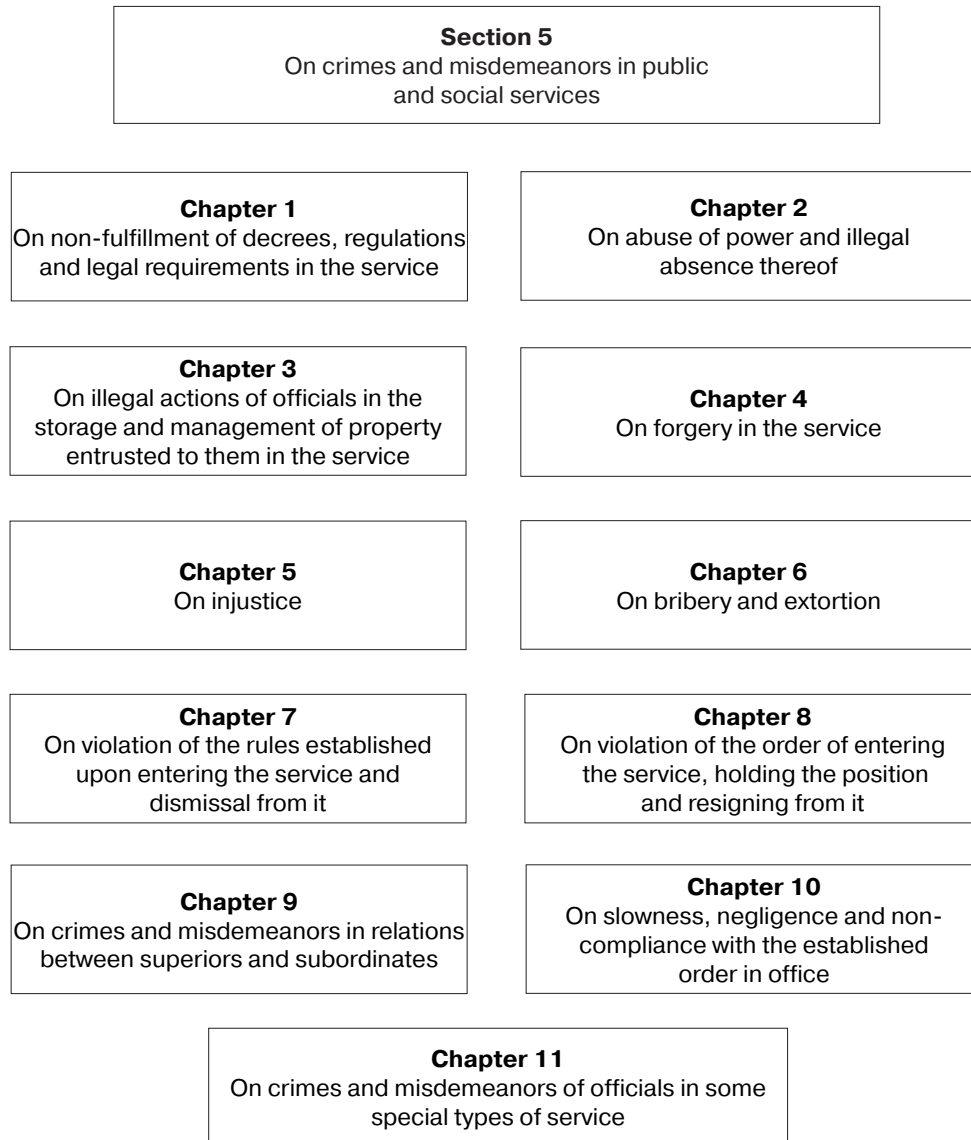

Figure. Code of Criminal and Correctional Punishments (1845)

into custody when it is provided by law (in cities within one day, in the county within a week or with the first mail) (Article 479);

- detention in custody for more than a period determined by a court sentence (without legal grounds) (1) or if it is proved that this is done because of enmity, revenge or for other similar reasons (2) (Article 480);

- negligence of an official or guards in case a prisoner escapes (1) or deliberate favoring, facilitating the escape (2) (Article 481);

- any violence against detainees even to prevent escapes or pacify prisoners, any unspecified and illegal measure on the part of prison guards and warders (Article 482);

- predilection of an official for one of the parties to the detriment of the other when executing a court decision (Article 484);

- harassment of a party when executing a court decision (Article 485);

- mitigating execution of punishment (by mistake, leniency or weakness) contrary to a court sentence (1) or out of self-interest of different types (2) (Article 486);

- strengthening punishment by a police official beyond the measure established by the court by mistake (1) or intentionally, out of revenge, self-interest (2) (Article 487);

- negligence or abuse of authority in cases “not specifically indicated in this section in particular, about the duties and responsibilities of police officials” (Article 488).

Having meaningfully presented two sections of the Code on Criminal and Correctional Punishments (1845), we will outline provisions of the criminal legislation of the Soviet period.

Chapter 2 of the Criminal Code of the RSFSR of 1922 was called "Official crimes". It provided for the following crimes: abuse of power (Article 105; the article had a note: "officials are persons holding permanent or temporary positions in any public (Soviet) institution or enterprise, as well as in an organization or association that has certain rights, duties and powers under the law in the implementation of economic, administrative, educational and other nationwide tasks"); excess of power (Article 106); inaction of power (Article 107); negligent attitude to service (Article 108); discrediting of power (Article 109); abuse of power, excess or inaction of power and negligent attitude to service (Article 110); an unjust sentence imposed by the judge for mercenary motives (Article 111); illegal detention and coercion to testify during interrogation through the use of illegal measures by the party conducting investigation or inquiry (Article 112); embezzlement of money or other valuables by virtue of the official position (Article 113); receipt of any form of a bribe by a person doing state, union or public service personally or through intermediaries to perform or non-perform of any action included in the scope of official duties of this person in the interests of the giver. The same actions committed by an official with special powers, or appropriation of particularly important state values. Mediation in the commission of the stated crime, as well as concealment of bribery. Receiving a bribe committed under aggravating circumstances, such as: a) special powers of the official who has taken a bribe, b) violations of his/her duties of service or c) admission of extortion or blackmail (Article 114) (the person who has given a bribe is not punished only if he/she promptly declares extortion of a bribe or assists in the disclosure of a bribery case); provocation of a bribe (Article 115); official forgery (Article 116); disclosure by officials of information not subject to disclosure (Article 117); officials' failure to submit the necessary information, certificates, reports, etc. on time at the request of central or local authorities, the submission of which is mandatory for them by law (Article 118).

As the researchers note, in the above chapter, "along with elements of general official crimes that can be committed in any

field of activity and by any subject belonging to the category of officials, elements of special crimes in the service were also included, which were subsequently (in the Criminal Code of the RSFSR of 1960) singled out as crimes against justice ..." [1, pp.31–32].

Chapter 3 of the Criminal Code of the RSFSR of 1926 "Official crimes" practically repeated Chapter 2 of the Criminal Code of the RSFSR of 1922 with separate editorial clarifications. Chapter 7 of the Special Part of the Criminal Code of the RSFSR of 1960 was called "Official crimes" and included 6 articles: Article 170 (abuse of power or official position; the article had a note: "officials in the articles of the present chapter are understood to be persons who permanently or temporarily perform functions of government representatives, as well as those who permanently or temporarily hold positions in state or public institutions, organizations or enterprises related to the performance of organizational and administrative or administrative-economic duties, or performing such duties in the specified institutions, organizations and enterprises by special authority"); Article 171 (abuse of power or official authority); Article 172 (negligence); Article 173 (taking a bribe); Article 174 (giving a bribe; the article had a note: "the person who has given a bribe is released from criminal liability in case of extortion of a bribe or if this person has voluntarily reported the incident after giving a bribe"); Article 175 (official forgery).

Without going into a detailed analysis, we will mention that the number of crimes against state power and the interests of the civil service decreased significantly in the Soviet period, while their names correlate with the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845.

Conclusion

So, let us sum up the stated above.

1. The Code of Criminal and Correctional Punishments exhaustively defined illegal activity of officials, police officials, prison lock keepers, wardens, guards, judicial investigators and, accordingly, depending on the nature of the illegal act, provided for a certain type of punishment. There was an interesting form of punishment that would be relevant today. It is as a deduction from the time of ser-

vice (from seniority) from six months to one year. Such a type of punishment would be effective and in modern conditions, would have a positive effect on the responsibility of decisions taken by civil servants, would not entail a criminal record and other negative consequences.

2. The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 is the most important legal act of the Russian Empire, some of its provisions are of undoubted interest to modern legislators and scientists. Russians should have an idea of it as a significant historical legal monument. However, this does not mean mindlessly copying its provisions, even borrowing some without taking into account modern reality. Attractiveness of the document cannot be compensated by the complexity of its practical application, it contained 1,711 norms (in different editions in different ways and without taking into account the additions made).

3. In Paragraph 5 of Part 2 of Article 157 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, the legislator should not talk about crimes against the established order of

service committed by employees of institutions and bodies of the penal system, since such a category of illegal acts is not mentioned in the Criminal Code of the Russian Federation. All new laws providing for criminal liability should be included in this code. Hence, (new) criminal law norms cannot be contained in any other normative act. In this case, we are referring to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation.

4. Encroachments of the penal system employees on the order of service are not provided for by the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, as statistics show, they are not in practice. The illegal acts committed by the considered subjects are covered by the legal norms concentrated in Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provide for crimes against the state power and interests of the civil service. This should be indicated in Paragraph 5 of Part 2 of Article 157 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. There is no need to establish special norms for penal system employees' encroachments on the order of service.

REFERENCES

1. Volzhenkin B.V. *Sluzhebnye prestupleniya* [Official crimes]. Moscow, 2000. 368 p.
2. Sapozhkov A., Shchepel'kov V., Egorova N.A. *Teoreticheskie problemy ugolovnoi otvetstvennosti za prestupleniya lits, vypolnyayushchikh upravlencheskie funktsii (upravlencheskie prestupleniya): monografiya* [Theoretical problems of criminal liability for crimes committed by persons performing managerial functions (managerial crimes): monograph]. Volgograd, 2006. 552 p
3. Korostelev V.S. *Sistemasluzhebnykhprestuplenii po ugolovnomu pravu Rossii: voprosy istorii, teorii, praktiki: monografiya* [System of service crimes in the criminal law of Russia: questions of history, theory, practice: monograph]. Ed. by A.G. Bezverkhov. Moscow, 2015. 216 p.
4. Zorina I.V. General characteristics of crimes committed by officials against state power and interests of public service. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*, 2019, vol. 4, no. 6(15), pp. 157–161. (In Russ.).
5. Komolova E.V. Office crimes as the basis of bringing to account of employees of penitentiary establishments in second half of the 19th – the beginning of the 20th century: the theory and practice. *Sibirskii antropologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Anthropology*, 2021, vol. 5, no. 3, pp 267–277. (In Russ.)
6. Sivtsov S.A. Corruption in the penal system: criminological aspects. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2021, no. 5 (46), pp. 71–75. (In Russ.)
7. Khokhrin S.A. Determinant characteristic of criminal behavior of employees of the criminal-executive system. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii = Proceedings of Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service*, 2021, no. 4, pp. 228–233. (In Russ.)

8. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i osobennaya chasti: ucheb.* [Criminal law of Russia. General and special parts: studies]. Ed. by I.M. Matskevich, N.G. Kadnikova. Moscow, 2015. 990 p.
9. On qualification of crimes in the service committed by inspectors of correctional labor institutions and pre-trial detention facilities: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR No. 4. of January 16, 1986. Available at: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-sssr-ot-16011986/?ysclid=ledxd8vmw6387847777> (In Russ.). (Accessed September 1, 2022).
10. Akchurin A.V., Suleimanov T.A. Criminal procedural status of institutions, bodies and officials of the Federal Penitentiary Service of Russia: status and prospects of improvement. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series: Law*, 2019, no. 4, pp. 301–306. (In Russ.).
11. Shurukhnov N.G. Procedures for granting the head of a correctional institution the authority to perform urgent investigative actions. In: *Penitentsiarnaya sistema Rossii v sovremennykh usloviyakh razvitiya obshchestva: ot paradigmy nakazaniya k ispravleniyu i vosstanovleniyu: sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (g. Vologda, 11 dekabrya 2020 g.). V 3 chastyakh. Chast' 2* [The penitentiary system of Russia in modern conditions of society development: from the paradigm of punishment to correction and restoration. Collection of materials of the international scientific and practical conference (Vologda, December 11, 2020). In 3 parts. Part 2]. Vologda, 2021. Pp. 177–181. (In Russ.).
12. *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy. Yanvar'-dekabr' 2021 g.: informatsionno-analiticheskii sbornik* [Key indicators of the penal system performance. January–December 2021: information and analytics collection]. Tver, 2022.
13. *Ulozhenie o nakazaniyakh "ugolovnykh" i ispravitel'nykh* [Code of Criminal and Correctional Punishments], Saint Petersburg, 1845. 898 p.
14. Tagantsev N.S. *Kurs ugolovnogo prava: Chast' obshchaya. Kn. 1. Vyp. 1–3* [Course of criminal law: General part. Book 1. Issues 1-3]. Saint Petersburg, 1874–1880. Issue 1. 1984. 292 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

NIKOLAI G. SHURUKHNOV – Doctor of Sciences (Law), Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, professor at the Department of Criminal Law Disciplines of the Kaluga Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Kaluga, Russia, matros49@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1132-760X>

Received January 5, 2023

Comparative Analysis of Criminal Pretrial Procedures in Anglo-Saxon and Continental Legal Systems

PAVEL A. LUTSENKO

Voronezh State Agricultural University, Voronezh, Russia, lawyer.vrn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6838-4846>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the study of foreign experience in the legal regulation of pretrial procedures in criminal cases, as well as the analysis of the possibility of implementing the most effective forms of judicial control over the legality of the preliminary investigation in the Russian criminal procedure legislation. *Purpose:* based on a comparative legal analysis of the regulation of criminal pretrial procedures, to determine ways to further reform the stage of preliminary hearing of a criminal case in the Russian criminal procedure legislation. *Methods:* dialectical method of cognition, as well as general theoretical methods based on it: analysis, synthesis, induction, deduction, ascent from the abstract to the concrete, etc. The validity of the conclusions and recommendations contained in the article is ensured by the complex application of general and private scientific methods: historical, logical, comparative legal, statistical, sociological and others. *Results:* in the continental and Anglo-Saxon systems of law, with the difference in the forms of judicial activity on committal for trial, the legislator determines judicial verification of the legality of the preliminary investigation, as well as the validity of charges against the person, as the main tasks to be solved at this stage of criminal proceedings. Legalization of these tasks is carried out through the subject and limits of the control activity of the court, which are expressed either in the procedural form of trial, or in the scope of the powers of the court at this stage. *Conclusions:* in the Anglo-American and continental legal systems, there are two models of committal for trial: 1) by criminal justice bodies at the stage of completion of pre-trial proceedings, or by an independent judicial body to whose jurisdiction this criminal case is not assigned. In this model, the legislator explicitly states that the legality and validity of charges against a person, as well as the sufficiency of evidence for consideration of the criminal case on the merits, are subject to prosecutorial or judicial control; 2) by the court authorized to resolve the criminal case on the merits. Following the principle of the court's independence when deciding on the guilt (innocence) of the defendant when making the final court decision, the legislator models the control judicial activity in a veiled manner, avoiding direct indication of the need to assess factual and procedural sides of the prosecution at the preliminary hearing stage. However, this goal can be traced in the scope of the powers granted to the court, which presuppose an assessment of the sufficiency of suspicion or materials for consideration of the case in court.

Keywords: criminal proceedings; judicial control; preliminary hearing; powers of the court; prosecution; legality; prosecutor; defense party.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Lutsenko P.A. Comparative analysis of criminal pretrial procedures in Anglo-Saxon and continental legal systems. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 62–71. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.007.

Introduction

In the countries of the Anglo-Saxon legal family, summary proceedings in criminal cases of small and medium gravity are quite popular; they imply simplification of the procedural form due to the absence of additional stages, including committal for trial. It should be emphasized that preliminary inquiry and preparatory hearings are two independent procedures with specific tasks conducted by the Magistrate's Court and the Corona Court [1]. The legislation of the United Kingdom assumes such only in the Crown Court for criminal cases related to the jurisdiction of jury, which brings us back to the practice of the Russian legislator after amendments and additions to Article 432 of the RSFSR Criminal Procedural Code (as amended by the Law of the Russian Federation of July 16, 1993). A distinctive feature of the English model of preliminary inquiry is separation of jurisdiction, which provides independent judicial control over the legality of pre-trial proceedings and the validity of charges. This issue falls within the competence of the Magistrate's Court, which does not consider the criminal case on the merits, which saves the Crown Court from assessing factual circumstances of the case before the trial begins.

The core

In accordance with Paragraph 3 (a) of Article 44 of the Criminal Procedure and Investigations Act 1996, the trial is carried out according to the rules of preliminary inquiry of the case, that is, the magistrate judge analyzes factual and formal sides of it. The relevant procedural activity is as follows.

First, the judge considers a prima facie case to exclude an unfounded accusation in court. In the specialized literature, attention is focused on the fact that in this case, accusatory evidence is subject to verification, which in their totality illustrate the quality of the prosecution's work in pre-trial proceed-

ings [2]. A prima facie case, which is translated as "evidence at first glance" or "sufficient to establish a fact or create assumptions" [3, p. 156], at the stage of committal for trial, should represent the establishment of a legally required refutable presumption of the commission of a crime by a specific person. A prima facie case, verified by a magistrate judge, is a factual basis for a criminal claim that is sufficiently substantiated by evidence to justify the verdict in favor of one party, provided that such evidence is not refuted by the other party [4]. When investigating the actual basis of the charge, the judge is entitled to conduct investigative and judicial actions, such as, for example, examination of written documents, interrogation of witnesses, etc. It should be noted that the evidentiary activity of the magistrate's court at this stage of the process is formalized and limited to certain limits. Thus, from the point of view of subjects of evidence at the stage of preliminary inquiry, only the evidence collected by the prosecution is examined, and from the point of view of sources – written testimony of witnesses given under oath, and other documents.

Second, preliminary inquiry is aimed at familiarizing the parties with each other's actions, which implies not only mandatory participation of the accused at this stage, but also determination of its procedural position regarding the charge. The parties work out the tactics of defense and prosecution and consider possibilities and conditions for using the mediation mechanism. The powers of the judge in verifying the sufficiency of evidence have a vector of favoring the defense, which is manifested in the following rule: the decision to bring to trial, taking into account the sufficiency and content of the indictment evidence, and not only their quantitative characteristics, is taken if the accused does not have a defender or if the defender indi-

cates that the evidence available in the case is not enough to establish the existence of a prima facie case. That is, in fact, the existence of a legal dispute about the sufficiency of evidence for trial excludes formal adoption of the corresponding decision by the judge.

Third, as in the stage of preparing a case for judicial review in the Russian criminal process, at the stage of preliminary inquiry, the jurisdiction of the criminal case and the composition of the court are determined, which in certain cases depends on the will of the accused.

Thus, the trial procedure is sufficiently balanced from the point of view of checking the legality and validity of the charge, the sufficiency of evidence to consider the case on the merits, but in the absence of any influence on the internal conviction of the court directly making the final procedural decision.

A different situation develops during preparatory hearings in the Crown Court. This stage can also be defined as subsidiary, but the list of grounds for its conduct is open, which leaves a wide field for judicial discretion. Thus, in accordance with Article 29 of the Law on Criminal Proceedings and Investigations 1996, preparatory hearings in criminal cases considered both with the participation of jurors and in another composition of the court can be appointed if:

- the judge of the Crown Court, based on the content of the indictment, determines that this case is of particular complexity;
- it takes the jury a long time to swear;
- at least one of the crimes incriminated in the indictment to at least one of the accused is related to terrorist activities.

The powers of the judge during preparatory hearings are not limited to solving organizational issues, since he/she is entitled to make a decision on admissibility of evidence, termination of criminal prosecution against a person, as well as consolidation of charges brought against one person. In our opinion, the fact that the court gets acquainted with materials and analyzes a factual side of the case is also evidenced by the content of orders that it is entitled to give to the prosecu-

tor, in particular: preparation of evidence for the prosecution in a form that is understandable to jurors, as well as provision of these proofs to the accused and the court with a separate list of those proofs to which the rule on witness protection applies (that is, disclosure of information is not possible), according to Chapter 4 (b, c) Article 29 of the Criminal Procedure and Investigations Act 1996

Speaking about the problem of the judge's independence in resolving criminal cases in the context of the existence of a procedure for preparatory hearings, we believe that an open list of the grounds for their conduct, as well as the powers obliging the judge to delve into a factual side of the charge, neutralize the importance of independent trial in magistrate's courts.

The specifics of the federal structure of the United States predetermines the different attitude of state legislation to preliminary hearings of a criminal case. So, in some states, they are carried out for every significant criminal case [5], in others – only on the initiative of the defense [6], and somewhere – in cases of serious crimes [7, p. 499]. Jurisdiction also differs accordingly. As a general rule, preliminary hearings are conducted by magistrate's courts, but they can also be included in the composition of courts of another levels, for example, justice or local, Supreme Court of the state, etc. The trial model is similar in its content to the English one described above. We will highlight a few features common to the legislatures of various states.

First, unlike the English model, committal begins with registration of the indictment document with the judge, entitled to call the official initiating the prosecution, request additional materials, call the defense, and decide on a measure of restraint. Second, a closed trial is held with the participation of the parties for preliminary consideration of the case and study of the sufficiency of evidence collected by the prosecution. During it, it is possible to conduct interrogations of the accused and witnesses, examine documents and, as a result, make a decision on further movement of the criminal case or its

termination. The described mechanism is characterized as a pre-accusation phenomenon, since the judge analyzes the totality of the accusatory evidence and their sufficiency for bringing a person to court. Third, committal has significant differences depending on an initiator. So, if a criminal action is initiated by a complaint of the victim or information received from the police, then the decision of the magistrate judge is final. If a criminal case with the indictment is submitted by the prosecutor, then the final decision on committal for trial is made by a grand jury. At the same time, the grand jury process rules do not imply a n adversarial core, since only the prosecutor participates in the closed meeting, and only the evidence presented by him is subject to investigation. The only question put before the grand jury is the approval of the indictment [8, p. 134]. Fourth, during preparatory hearings, the parties are familiarized with the evidence of the procedural opponent. The result of this procedural action may be a statement by the defense party of a petition for the recognition of the totality of evidence by the prosecution insufficient to consider the criminal case on the merits, as well as a petition for the recognition of inadmissible evidence that was obtained in violation of the rights of the accused.

Russian researchers have different points of view to the Anglo-American model of preliminary hearings. Thus, some specialists back division of jurisdiction [9; 10]; however, as we have already said, committal and preparatory hearings in both models are conducted by different judges, while in the latter case, as in the Russian model, the judge whose competence includes consideration of a criminal case on the merits does not remain neutral to the preliminary analysis of collected evidence. The undoubted advantage, in our opinion, is the absence of a voluminous and time-consuming and financially costly judicial investigation, since there is no need to collect evidence at the judicial stage and postpone the trial. Besides, as T.K. Ryabinina rightly points out, the termination of a criminal case at the trial preparation stage is not perceived as failed work by the prosecution, and

judicial decisions not related to the appointment of a court session are not regarded as unreasonable, premature and indicative of judges' prejudice, since the court should not consider the essence of the accusation at this stage [11].

In the countries of the continental legal system, the legislative approach to the committal regulation is radically different from the one in the UK and the USA. We will consider the most illustrative criminal procedural forms adopted in France and Germany.

Thus, in accordance with Articles 175–179 of the 1958 Code of Criminal Procedure of France [12], committal is not an independent stage of the criminal process, but is a form of the preliminary investigation completion. Procedural actions at this stage are carried out by the investigating judge under the supervision of the prosecutor. Having recognized the investigation as over, the investigating judge notifies the defense party about it and transfers the criminal case to the prosecutor, who within one month, if the accused is in custody, or three months in other cases, studies the materials of the criminal case for the legality and validity of the charge, completeness of the investigation and makes one of the following decisions: on the termination of the criminal case, referral of the case for additional investigation, and referral of the case to the court. In 2019, Article 175.1 of the 1958 Code of Criminal Procedure of France has been amended to grant the defense the right to petition the prosecutor to send a criminal case for additional investigation, indicating procedural actions that, in its opinion, should be carried out by the investigating judge [13].

To fulfill the requirement for a reasonable period of criminal proceedings, a person who has been charged, a witness who has been assisted, or a civil plaintiff has been granted the right, after the expiration of the period established for the investigation, to apply to the investigating judge with a petition for a decision on the indictment and the transfer of the case to the court or the termination of the criminal case. A similar petition may be filed if no investigative actions are carried out in a criminal case within four months.

It should be noted that the prosecutor's instructions on the conduct of additional investigation or the termination of a criminal case are not final and can be appealed by the investigating judge at the investigative chamber of the Court of Appeal, entitled to conduct criminal proceedings and make a final decision on either committal or termination of criminal prosecution (articles 229.1 and 230 of the Code of Criminal Procedure of France).

If the decision on further movement of the criminal case is agreed, the investigating judge is entitled to refer the case to the court, if it belongs to the jurisdiction of the assize court. A distinctive feature of committal is the mandatory requirement for the investigating judge to substantiate the sufficiency of evidence of the person's guilt, if the evidence itself collected by the by the prosecution is not given in this document.

The trial preparation procedure is interesting. Thus, on the basis of the Law No. 2002-1138 of September 9, 2002, the effect of Article 268 of the Code of Criminal Procedure of France (the obligation for the judge to serve an indictment order with the criminal case being submitted to the court) was struck down, which was related to the above-mentioned procedure for completing the preliminary investigation. In 2021, Article 222.1 of the Code of Criminal Procedure of France was put into effect. It stipulated the possibility for the accused to file a petition for violation of his/her right to know what he/she is accused of (failure to inform about the initiation of a criminal case, failure to submit a decision on the indictment) to the president of the investigating chamber, which, as already noted, is the body of procedural control over the activities of the investigating judge. This petition can also be filed after the entry into force of the decision on the indictment [14]. Thus, the legislator excluded the powers of the court to monitor compliance with the rights and legitimate interests of the accused at the stage of preliminary investigation. We believe that the current committal model to the greatest extent prevents the court from participating in the investigation of factual circumstances of the criminal case before its consideration on

the merits due to assignment of this function to the prosecution represented by the investigating judge and prosecutor.

The trial preparation procedure provided for by the German Code of Criminal Procedure of 1987 is the closest to the Russian one. This stage is one of the main ones, characterized as "preparatory hearings" and is mandatory in all criminal cases, regardless of the severity of the act imputed to the person, as well as the jurisdiction of the case. In connection with the latter, the composition of the court authorized to make a decision on the appointment of preparatory hearings can be as such:

- the judge alone, if the case is referred to the jurisdiction of the local court;
- a panel of three judges, if the case is referred to the jurisdiction of the grand chamber of the land court;
- a senate consisting of five judges, if the case is referred to the jurisdiction of the Supreme Land Court (articles 24, 73, 129 of the Courts Constitution Act of 1975 [15]).

In accordance with Article 203 of the German Code of Criminal Procedure, the subject of judicial review is the validity of the charge, which is formulated as follows: "the court shall decide to open main proceedings if, in the light of the results of the preparatory proceedings, there appear to be sufficient grounds to suspect that the indicted accused has committed an offence" [16]. The German legal community criticizes the above formulation on the same grounds as in the doctrine of the Russian criminal process. Researchers point out the need for judicial preliminary assessment of the facts and evidence available in the case materials, since the court should decide whether conviction of the accused is more likely than an acquittal [17, p. 392]. It is proposed to change the subject of judicial control at the preliminary hearing stage by assigning assessment of the evidentiary material in terms of refuting the presumption of innocence to the prosecutor's office [18, p. 179], as it is done in the French model described above.

The German legislator, like the Russian counterpart, is constantly improving the committal procedure to minimize the court's

intrusion into the field of checking the charge at this stage. However, the study of the substantive side of judicial control, as well as final procedural decisions that can be taken by the court before the start of the main hearing, allows us to state that the construction of such a model is still far from completion. In particular, the court is authorized to study the contents of the indictment and evaluate key results of the investigation, and if there are doubts about their legality and the validity of the charges, to terminate the criminal case (Part 2 of Article 200 of the German Code of Criminal Procedure). Moreover, in 2021, this norm was amended to expand limits of judicial control. In case of doubts about the sufficiency of evidence or the presence of a corresponding petition from the defense, the court is entitled to decide on collecting new evidence before the start of the main trial “to better clarify the essence of the case” [19], and such a decision is not subject to appeal. In our opinion, the obligation to study and evaluate factual and legal sides of the charge is also evidenced by the requirement that the court’s decision to terminate the criminal case shall be based on factual or legal grounds (Article 204 of the German Code of Criminal Procedure). However, the legislator focuses on the impartiality of the court when making decisions on opening the main hearing, terminating or suspending proceedings in the case, since in none of the above cases the court is bound by the opinion of the prosecution office (Article 206 of the German Code of Criminal Procedure).

The special literature notes that the very content of the decision to appoint the main hearing of a criminal case (Article 207 of the German Code of Criminal Procedure) characterizes the activity of judicial control as “an assessment of the sufficiency of suspicion in terms of the volume of evidentiary material, as well as its content” [20, p. 28]. Thus, the descriptive and motivational part of the procedural act should specify the amendments subject to which the court admits the charges for the main hearing: several crimes are charged and criminal prosecution is terminated for certain episodes; a person is

charged with an act that differs from the one described in the indictment by qualifying features. If the court has reclassified the actions of a person at the preliminary hearing stage, then the public prosecution office shall submit a new bill of indictment corresponding to the court’s decision (Part 3 of Article 207 of the German Code of Criminal Procedure).

It should be noted that the effectiveness of judicial activity at the preliminary hearing stage is subjected to well-founded criticism, which, when summarizing various scientific positions, boils down to two main problems: formalism of judicial control, as well as its impact on the judge’s inner conviction in the preliminary and main judicial proceedings.

A common feature in the characterization of the control function of the court is the thesis that preliminary hearings practically do not fulfill their tasks, since a deep judicial investigation of the results of the prosecution’s actions is not carried out in the vast majority of cases [21, p. 4]. The validity of this thesis is also evidenced by statistical data, according to which in German courts in 99% of the cases, decisions on the appointment of the main hearing are made based on the results of the preliminary hearing [22, p. 163]. The quality of the prosecution office’ activity, which we do not question, cannot substantiate this situation; however, according to the judges themselves, there is no “filtering effect”, since for the overwhelming majority of criminal cases considered, for example, in district courts, the procedure for obtaining evidence is almost never conducted, and the activity is reduced to filling out the form required for the start of the main hearing [23, p. 330]. We believe that the above can be fully attributed to the Russian courts, which is also characterized by excessive workload of the system and the need to comply with the deadlines set for the start of the trial. Besides, all the circumstances related to the study of evidence collected in the case are determined during judicial investigation. It is a time-consuming stage from a time point of view.

An independent problem for both Russian and German criminal proceedings is formed by the fact that the preliminary hearing is conducted by the same judge who will consider the criminal case on its merits. Such procedural rules, despite their practical validity, cannot protect the judicial community from accusations of bias, which is based on the opinion already formed by the judge at the time of the preliminary hearing, both about the identity of the accused and the validity of the claimed criminal claim. In this regard, the results of empirical studies conducted using the method of computer procedural modeling are interesting, which showed that the judges overwhelmingly sought to confirm the hypotheses previously put forward on the basis of the indictment, limiting themselves in the main trial to the statement of already established facts [24, p. 297]. As a counter-argument, it can be mentioned that neither in accordance with the provisions of Article 204 of the German Code of Criminal Procedure, nor in accordance with the rules provided for in Article 229 and Chapter 34 of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation, the judge is not charged with a thorough study, analysis and evaluation of the indictment. Hence, a certain dualism arises in assessing the significance of preliminary hearings, since the scope and totality of the judge's powers, as well as their actual implementation, on the one hand, reduce procedural guarantees of the right to defense and level the regime of "protecting" the accused from unfair involvement in the trial as a defendant and, on the other hand, prevent emotional fixation of the judge on the hypotheses of the prosecution, the presence of which, as we have already noted, is established empirically. So, following the logic of the German legislator, by appointing the main hearing, the judge publicly expresses consent with the presence of reasonable and sufficient suspicion in the materials received from the prosecutor, which implies a high probability of the verdict of guilty, as required by the prescriptions of Article 203 of the German Code of Criminal Procedure. This circumstance devalues the human rights

significance of the preliminary hearing mechanism [25, p. 211].

Both in Western and Russian legal science, there is an opinion on the need to abolish the institution of preliminary hearing, that is, in fact, to eliminate judicial control over preliminary investigation results. It seems that this position is too peremptory. For example, in the German criminal process, general preparatory actions are woven into the structure of preliminary hearings, during which procedural issues necessary for the consideration of the case on the merits are resolved (for example, jurisdiction, subject of the trial). The judge also solves a whole range of organizational issues related directly to the preparation of future hearings, which cannot be transferred, say, to the preparatory part of the main trial. Taking into account the fact that the vast majority of criminal cases are investigated by the police, the abolition of the intermediate stage of proceedings implies that the quality of their work will determine the possibility of trial. Historically, in those periods when the state wants to raise the importance of the prosecutor's office (or the prosecutorial power as a whole, as it was in Russia in the last century), or the trend to simplify (accelerate) judicial proceedings prevails, the legislator abolishes the stage of preliminary hearing or minimizes the powers within the function of judicial control [26, p. 40; 27, p. 911].

Conclusion

Comparative legal analysis of the committal mechanism in legislation of individual countries allows us to state that, with the exception of some nuances due to established legal traditions, there are two models in the Anglo-American and continental legal systems:

- by the criminal justice authorities at the end of pre-trial proceedings or by an independent judicial body to whose jurisdiction this criminal case has not been assigned;
- by the court authorized to resolve this criminal case on the merits.

When regulating the first of these models, the legislator directly indicates that the legality and validity of the charges brought against

the person, as well as the sufficiency of evidence for consideration of the criminal case on the merits, are subject to prosecutorial or judicial control. In the second case, following the principle of independence of the court when deciding on the guilt (innocence) of the defendant when making the final court decision, the legislator models the control judicial activity in a veiled manner, avoiding direct reference to the need to assess factual and procedural sides of the accusation at the preliminary hearing stage. However, this goal can be traced in the scope of the powers granted to the court, in particular, assessment of the sufficiency of suspicion or materials for the case consideration in court. If in the first of these models, legally and psychologically, the court remains independent when making a decision on a criminal case, then in the second it is bound by its own decision on committal, based on a preliminary assessment of the received materials of the criminal case.

The search for the optimal model of the preliminary hearing at the legislative level

has not been completed. The analysis of the changes and additions made, for example, to the German legislation reveal the following trends:

– the preliminary hearing stage is maintained in district and supreme courts in criminal cases of serious and especially serious crimes; in courts of the first link of the judicial system, proceedings are simplified and accelerated, including through the use of conciliation procedures;

– the forms of judicial control over the quality of preliminary investigation are detailed, among which it is particularly necessary to mention the invitation of the accused to the court for interrogation and hearing of the indictment, giving them the opportunity to petition for the inclusion of new evidence in the case;

– at the level of legislative initiative, the issue of amendments concerning the rules of jurisdiction is being actively discussed, in accordance with which the judge who has conducted the preliminary hearing is not able to participate in the main hearing of the criminal case.

REFERENCES

1. Burmagin S.V. *Status i deyatel'nost' suda v ugovnom protsesse* [Status and activity of the court in criminal proceedings]. Moscow, 2016. 304 p.
2. Larson A. Criminal charges: how are crimes prosecuted. Available at: https://www.expertlaw.com/library/criminal/criminal_law.html (accessed November 17, 2022).
3. Buchakova N.A. Judicial review: some theoretical approaches. *Vestnik Omskogo universiteta = Herald of Omsk University*, 2017, no. 1, pp. 156–161. (In Russ.).
4. Herlitz G.N. The meaning of the term “prima facie”. *Louisiana Law Review*, 1994, vol. 55, no. 2, pp. 394–397.
5. *Rule 542. Preliminary Hearing. Continuances*. Available at: <https://www.pacodeandbulletin.gov/Display/pacode?file=/secure/pacode/data/234/234toc.html&d=reduce> (accessed November 18, 2022).
6. *Alabama Rules of Criminal Procedure. Rule 5: Preliminary Hearing Alabama Judicial System*. Available at: https://judicial.alabama.gov/library/rules/cr5_1.pdf (accessed November 16, 2022).
7. Arenella P. Reforming the Federal Grand Jury and the state preliminary hearing to prevent conviction without adjudication. *Michigan Law Review*, 1980, vol. 78, no 4, pp. 465–580. Available at: <https://repository.law.umich.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3730&context=mlr> (accessed November 16, 2022).
8. Davis A. *Arbitrary justice: the power of the American prosecutor*. New York, 2007. 264 p.

9. Khor'yakov S.N., Gordeev A.Yu. Procedural features of conducting a preliminary hearing in criminal proceedings. *Problemy pravookhranitel'noi deyatel'nosti = Problems of Law Enforcement Activity*, 2020, no. 2, pp 11–18. (In Russ.).
10. Yunusov A.A. Features of the preparation of a criminal case for trial in the countries of the Anglo-Saxon and continental systems of law. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Russian Journal of Economics and Law*, 2007, no. 1, p. 186. (In Russ.).
11. Ryabinina T.K. Committal for trial in the criminal proceedings of some foreign countries of the Anglo-Saxon legal system. *Mezhdunarodnoe ugolovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*, 2018, no. 1, pp. 20–23. (In Russ.).
12. Code de procédure pénale. Available at: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154/2022-09-15/ (In French). (Accessed November 16, 2022).
13. LOI No. 2019-222 du 23 mars 2019 de programmation 2018–2022 et de réforme pour la justice. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGIARTI000038262678/2019-03-25/> (In French). (Accessed November 17, 2022).
14. LOI No. 2021-1729 du 22 décembre 2021 pour la confiance dans l'institution judiciaire. Available at: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/LEGIARTI000044549007/2021-12-24/> (In French). (Accessed November 17, 2022).
15. *Gerichtsverfassungsgesetz in der Fassung der Bekanntmachung vom May 9, 1975*. Available at: <https://dejure.org/gesetze/GVG> (accessed November 17, 2022).
16. *Bundesrepublik Deutschland Strafprozeßordnung*. Available at: <https://dejure.org/gesetze/StPO/203.html> (accessed November 16, 2022).
17. Shnaider D.I. The concept, essence and meaning of judicial control in criminal proceedings. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2020, no. 19 (309), pp. 392–394.
18. *Problemy razvitiya protsessual'nogo prava Rossii: monogr.* [Problems of procedural law development in Russia: monograph]. Ed. by Zhuikov V.M. Moscow, 2016. 224 p.
19. *Gesetz zur Fortentwicklung der Strafprozessordnung und zur Änderung weiterer Vorschriften vom June 25, 2021*. Available at: https://dejure.org/BGBl/2021/BGBl_I_S_2099 (accessed November 17, 2022).
20. Marasanov P.N. Correspondence consideration of cases in criminal court proceedings: crisis of legal regulation. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2010, no. 7, pp. 27–33.
21. Ernst Ch. *Das Gerichtliche Zwischenverfahren nach Anklageerhebung*. Bern, 1986. 247 p.
22. Loritz H. *Kritische Betrachtungen Zum Wert des Strafprozessualen Zwischenverfahrens*. Bern, 2016. 173 p.
23. Vormbaum M. Effektive Kontrolle oder überflüssige Schreiarbeit? Kritik des strafprozessualen Zwischenverfahrens und Möglichkeiten seiner Reform. *Zeitschrift für Internationale Strafrechtsdogmatik*, 2015, no. 8, pp. 328–335. (In German)
24. Marxen K. *Straftatsystem und Strafprozess*. Berlin, 2013. 312 p.
25. Davletov A.A. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossiiskoi Federatsii: kurs lektsii* [Criminal proceedings of the Russian Federation: course of lectures]. Ekaterinburg, 2017. 347 p.
26. Kal'nitskii V.V. The concept and meaning of stage of appointment and preparation of trial in criminal procedure. *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*, 2017, no. 4 (67), pp. 34–40.
27. *Kurs ugolovnogo protsessa* [The course of criminal procedure]. Ed. by Golovko L.V. Moscow, 2017. 1,280 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

PAVEL A. LUTSENKO – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Dean of the Faculty of Humanities and Law of the Voronezh State Agricultural University, Voronezh, Russia, lawyer.vrn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6838-4846>

Received November 30, 2022

On the Issue of Legal Regulation of Public Service of Other Types in the Russian Public Service System

EDUARD S. KARPOV

All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russia, esk33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0787-6307>

Abstract

Introduction: the article is devoted to the analysis of public service of other types in the system of public service of the Russian Federation, introduced by the legislator instead of law enforcement service in 2015. Other types of public service currently include service in the internal affairs bodies of the Russian Federation, service in the Federal Fire Service of the State Fire Service, service in the Penitentiary System of the Russian Federation, service in customs authorities, service in enforcement bodies of the Russian Federation, service in the Investigative Committee of the Russian Federation, service in bodies and organizations of the Prosecutor's Office. *Purpose:* based on the analysis of the current legislation and scientific literature, to determine prospects for combining other types of public service into a single law enforcement service and propose a concept of its legal regulation. *Methods:* general scientific and special methods, including comparative legal, systematic and logical, analysis and synthesis, historical. *Results:* the analysis of domestic legislation regulating other types of public service shows that the scientific community and the legislator should again raise the issue of combining all these other types of public service into a single type, since there is a large number of unifying features of all other types of public service; a significant part of the federal law provisions of regulating certain types of public service of other types coincide; there are federal laws that apply to several types of public service. *Conclusions:* at present there are no obstacles to the unification of all other types of public service into a single type (law enforcement service) and adoption of two federal laws: one regulating the service procedure and another on social guarantees of civil servants of law enforcement service.

Keywords: public service system; other types of public service; law enforcement service; civil servant.

5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences).

Prepared with the information support of the SPS ConsultantPlus.

For citation: Karpov E.S. On the issue of legal regulation of public service of other types in the Russian public service system. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 72–81. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.008.

Introduction.

Public administration in modern society is a complex socio-legal category that includes a variety of public relations, including those aimed at maintaining the established law and order, strengthening the rule of law, and ensuring security. The central place in ensuring implementation of the listed functions is assigned to specialized law enforcement agencies, as well as their officials. Law enforcement activities should be carried out by qualified and professionally trained law enforcement officers, and the legal regulation of public service should meet modern requirements for the formation and development of a democratic state [1]. The improvement of public administration is currently doomed to failure if attention is not paid to improving the efficiency of professional activities of civil servants, which, in turn, cannot be realized without building a unified system of public service. It is worth mentioning that the unity of organizational and legal foundations of the civil service is one of the fundamental principles of building the civil service system, enshrined in Part 1 of Article 3 of the Federal Law "On the civil service system of the Russian Federation" (hereinafter – Federal Law No. 58-FZ). This principle provides for the need to ensure a uniform approach to the construction, organization and legal regulation of civil service. In our opinion, the task of ensuring the unity of civil service today is an unsolved problem, which affects effectiveness of functioning of the state apparatus in Russia.

Public service of other types in the Russian public service system

The very first law adopted in modern Russia in relation to the civil service, which laid foundations for its legal regulation and construction, was the federal law "On the foundations of the civil service of the Russian Federation", adopted in 1995. The construction of a comprehensive modern system of public service in fact began in 2003 with the adoption of the Federal Law No. 58-FZ, establishing three separate types of public service: public civil service, military service and law enforcement service. However, Part 2 of Article 3 of this law fixed the need for separate federal laws on each type of public service. Part 1 of Article

19 of the Federal Law No. 58-FZ stipulated that the definition of law enforcement service as one of the types of federal public service would be applied only from the date of adoption and entry into force of the relevant federal law on law enforcement service (at the moment this norm is canceled).

So, according to the original plan of the legislator, the existing system of legal regulation of the civil service in our state would have to include a fundamental basic law defining key provisions concerning the service system as a whole (its role is assigned to the Federal Law No. 58-FZ) and federal laws on the existing separate types of civil service: civil, military and law enforcement. We believe that the implementation of this idea would have a positive impact on ensuring the integrity and unity of the civil service in our country, as well as on the state of its legal regulation.

As a separate federal law regulating one of the types of civil service, the Federal Law "On public civil service of the Russian Federation" (hereinafter – Federal Law No. 79-FZ) was adopted in 2004. Military service and other issues related to it are regulated by the Federal Law No. 53-FZ "On military duty and military service". However, there is no federal law regulating the service procedure and the legal status of law enforcement officers. Initially, the development of this law was entrusted to the Ministry of Internal Affairs of Russia. As A.A. Grishkovets mentions, there was a close discussion of the draft law without representatives of scientists, practitioners, and experts. The developers did not provide any opportunity for interested persons to familiarize themselves with the draft law. Though it took a long time to work out a draft law [2], it was never completed.

Instead, the Federal Law No. 342-FZ of November 30, 2011 "On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" (hereinafter – Federal Law No. 342-FZ) was adopted. Since the Federal Law No. 58-FZ still provided for the need to regulate the law enforcement service by a separate federal law, the adoption of a federal law on the service in the internal affairs bodies in the absence of a law on the law

enforcement service seemed illogical. Apparently, already by that period the legislator had understood that there would be no single law enforcement service [3].

Thus, the process of forming a unified public service system has not been completed. The Federal Law No. 262-FZ of July 13, 2015 abolished the term "law enforcement service" and introduced "public service of other types". According to the Clarification of the State Duma of July 6, 2016, the Russian legislation lacks a definition of the concept "law enforcement body", criteria and features to comply with; as well as a list of law enforcement bodies. Besides, the draft law took into account foreign experience, presupposing elaboration of separate laws for each direction of the law enforcement service [4]. When discussing the draft law in the State Duma, it was mentioned that "there was the task to differentiate the status of the law enforcement service, single out sub-statuses for various types of public service ... differentiate in order to highlight the features that are characteristic of each type of the law enforcement service" [5].

The abolition of the law enforcement service as an independent type of public service has divided scientists researching this problem into its supporters and opponents. For example, A.A. Grishkovets notes that the "attempt to define and consolidate a single universal term "law enforcement service" is hardly productive and is not practically justified in the sense of improving legal regulation of public service in the relevant bodies" [2]. R.V. Nagornyykh, on the contrary, believes that public service in the law enforcement sphere is an independent type of public service and should be fixed in the current legislation along with military and civil [6, p. 17]. The same opinion is shared by A.V. Ol'shevskii and E.D. Zayaev [7]. S.E. Channov insists that "it is too early to put the point to the existence of the law enforcement service as a special type of public service of the Russian Federation" [3]. According to V.A. Kozbanenko, other types of public service fixed in the current legislation are a type of the federal public service related to the implementation of law enforcement activities [8].

In solidarity with the authors justifying the need to consolidate the law enforcement service as a separate type of public service, while not entering into a discussion about its name, we can state the following.

The term "public service of other types" enshrined in the Federal Law No. 58-FZ is not disclosed in the legislation. The legislation provides neither a list of state bodies where this kind of public service is carried out, nor enumeration of other types. The absence of this concept, as well as any objective criteria for attribution to other types of public service, do not make it possible to identify, in which specific state bodies of the state it is implemented. Also, the definition of "other types" suggests that the public service of other types does not necessarily have to be associated with law enforcement. In addition, as S.E. Channov rightly writes, now we do not have three types of public service, but an indefinite number of them [3]. The only requirement for each other type of public service is its introduction by the relevant federal law.

The uncertainty is also caused by the fact that according to Part 1 of Article 9 of the Federal Law No. 58-FZ, a list of standard positions of the federal public service of other types, included in the register of positions of the federal public service, must be approved. But to date, such a list has not been worked out. At the same time, there is no information that any work is being done on its creation.

In our opinion, the main arguments of the opponents of combining the so-called other types of public service into a single type are mainly reduced to the fact that combining these types would require unification of a number of legislative provisions. At the same time, for many public servants, especially employees of other types of public service, there is the privileged position of certain types of public service in relation to others, that is why equalizing the status of civil servants of various state bodies will cause some dissatisfaction. A.A. Grishkovets argues that "for example, the Russian prosecutor's office turned 295 in 2017. It is obvious that over the centuries-old history the supervisory authority has accumulated traditions, and for prosecutor's office employees themselves

belonging to such a body is of great moral importance, and for most of them to dissolve into an inexpressive and rather indefinite concept of “law enforcement service” is absolutely unacceptable” [2, p. 62]. According to V.A. Kozbanenko, the draft federal law on the law enforcement service was not agreed “due to unresolved disagreements between law enforcement agencies and the Prosecutor General’s Office of Russia on the legal status of law enforcement officers, unification of conditions, the order and procedures of their service that do not consider features of various federal government agencies, inevitable leveling of social guarantees and logistics, the structure of monetary maintenance and other similar issues” [8].

Researchers believe the legislator refuses to adopt a single federal law on the law enforcement service, since its introduction would require equalization of social guarantees of civil servants of all law enforcement bodies (housing, monetary allowance, pension provision, etc.). At the same time, as noted by A.V. Ol’shevskii and E.D. Zayaev, it should be done, so as not to worsen employees’ current situation [7], which would lead to an increase in the financial burden on the federal budget of the Russian Federation.

In our opinion, based on the analysis of the current federal laws on various state bodies, the following types of public service can be attributed to the public service of other types.

Table 1

Public service of other types

No.	Type of public service	Federal Law
1	Service in the internal affairs bodies of the Russian Federation	Federal Law No. 342-FZ of November 30, 2011 “On service in the internal affairs bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”
2	Service in the Federal Fire Service of the Russian State Fire Service	Federal Law No. 141-FZ of May 23, 2016 “On civil service in the Federal Fire Service of the Russian State Fire Service and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» (hereinafter – Federal Law No. 141-FZ)
3	Service in the penal system of the Russian Federation	Federal Law No. 197-FZ of July 19, 2018 “On service in the penal system of the Russian Federation and amendments to the Law of the Russian Federation “On the institutions and bodies executing criminal punishment in the form of deprivation of liberty” (hereinafter – Federal Law No. 197-FZ)
4	Service in the customs bodies	Federal Law No. 114-FZ of July 21, 1997 “On service in customs bodies of the Russian Federation”
5	Service in the enforcement bodies of the Russian Federation	Federal Law No. 328-FZ of October 1, 2019 “On service of the enforcement bodies of the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation” (hereinafter – Federal Law No. 328-FZ)
6	Service in the Investigative Committee of the Russian Federation	Federal Law of December 28, 2010 No. 403-FZ “On the Investigative Committee of the Russian Federation” (hereinafter, Federal law No. 403-FZ)
7	Service in the bodies and organizations of the prosecutor’s office	Federal Law No. 2202-1 of January 17, 1992 “On the prosecutor’s office of the Russian Federation” (hereinafter, Federal Law No. 2202-1)

The presence of many types of public service and federal laws on its regulation results in their inconsistency, different legal status of civil servants of various types of public service and their various social protection, which

entails violation of the principle of unity of the legal and organizational foundations of public service, enshrined in Article 3 of the Federal Law No. 58-FZ. From an ethical point of view, the argument that public service in some

state bodies should be more prestigious due to the establishment of higher social guarantees is seen unacceptable rather than requiring discussion.

We believe that the listed types of public service of other types have common characteristic features, which also indicate the possibility of their unification. Unfortunately, the current legislation does not define terms “law enforcement body” and “law enforcement activity”. So, it is not clear what state authorities are engaged in law enforcement activities and belong to law enforcement bodies. According to Yu.V. Stepanenko, law enforcement activity of the state performs the protective function of law [9]. V.L. Barankov is sure that “law enforcement bodies are the ones whose main or special function is to protect law and order, the rights and freedoms of citizens, fight against crime, other offenses, ensure protection of public order and state security, restore violated civil rights, and, if necessary, apply sanctions provided for by law” [10]. So, we believe that all the bodies listed above should be attributed to law enforcement bodies in which the law enforcement service is implemented. What is more, the list should be supplemented by the Federal Security Service, the Federal Protective Service, and the Federal National Guard Service. However, employees of these federal services are military personnel or employees of the internal affairs bodies (Paragraph 3 of the Decree of the President of the Russian Federation No. 510 of September 30, 2016 “On the Federal National Guard Service”), therefore, no other types of public service are implemented in the listed bodies.

Having analyzed works of R.V. Nagornykh [11], A.M. Bobrov, A. S. Telegin [12], D.N. Bakhrakh [13], we identified the following features of the law enforcement service.

1. Increased requirements for employees’ state of health, moral and psychological qualities, physical fitness level. For example, there is an age limit for entering the service (more often 35–40 years); besides, persons who have or have had a criminal record, as well as those released from criminal liability for non-rehabilitating grounds cannot serve.

2. Power and authority nature of professional activity. Additionally, this is emphasized

by oath-taking, after which law enforcement officers acquire the full scope of official rights and official duties, including performing tasks associated with risks to their life and health [12].

3. Civil servants are assigned special ranks (most often) or class ranks.

4. Employees are required to wear uniforms and insignia in accordance with the assigned special ranks and class ranks.

5. Additional restrictions and prohibitions apply to employees of the listed types of public service. The explanatory note to the draft federal law “On the service in the penitentiary system of the Russian Federation” notes that the “number of prohibitions and restrictions proposed for legislative regulation in the penitentiary service exceeds the number of prohibitions and restrictions on civil service and military service due to its specifics” [14]. In addition to the restrictions, prohibitions and obligations established by the Federal Law No. 273-FZ “On combating corruption”, articles 17, 18, 20–20.2 of the Federal Law No. 79-FZ, additional restrictions are established by Part 1 of Article 14, Part 5 of Article 17 of the Federal Law No. 197-FZ.

6. The observance of official discipline in these state bodies is ensured by a broader list of incentive measures and disciplinary penalties. If the Federal Law No. 79-FZ provides for 7 types of incentives and 4 types of disciplinary penalties, then the Federal Law No. 197-FZ provides for 10 types of incentives and 5 types of penalties. Federal laws No. 403-FZ and No. 2202-1 fix 10 types of incentives and 8 types of disciplinary penalties.

7. Employees of some listed types of public service are brought to disciplinary liability for committing administrative offenses (with the exception of administrative offenses provided for in Part 2 of Article 2.5 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation).

7. The most important feature of the attribution of public service to law enforcement is the empowerment of a significant part of employees with the authority to use weapons, special means and physical force.

8. Performing their functions, law enforcement officers mainly specialize in the imple-

mentation of the law enforcement function of the state, in contrast to civil servants engaged, as a rule, in regulatory activities [13].

Substantiating the possibility of combining other types of public service into a single one.

Hence, we believe that the scientific community and the legislator should once again raise the issue of combining all these “other” types of public service into a single one and adopting one federal law for its regulation. The question of how this type of public service should be called, in our opinion, is secondary. The definition of “law enforcement service” seems to be the most successful, but it can also be “public service related to law enforcement”, “special public service” [8], “police service” [13], etc. The main thing here is a unified legislative regulation, without gradations of public service into more or less privileged. S.V. Vedyashkin and R.V. Nagornykh write about the need to form a unified system of public service in the law enforcement sphere of the Russian Federation as an integral administrative and legal institution [1].

Here are two, in our opinion, quite weighty arguments confirming the possibility of combining other types of public service into one.

First, the federal laws regulating various types of public service often coincide in many respects in their content. For example, the comparison of the Federal Law No. 197-FZ and the Federal Law No. 342-FZ shows that most of the articles coincide almost word for word. Principles of service, employees’ rights and duties, requirements for official behavior, restrictions and prohibitions, emergence and change of legal relations in the service, service procedure, service discipline, etc. are the same [15]. In many respects, the provisions of the Federal Law No. 328-FZ and the Federal Law No. 141-FZ get in line with these laws. Though there are differences in the content of these federal laws, they are of a private nature. For instance, these federal laws include about 100 articles (except for the final provisions), the content and titles of chapters and individual articles, definitions of basic terms, principles of service, a list of disciplinary penalties, the normal length of service time, types of vacations, etc. are almost identical. As A.V. Kalyashin rightly notes, the

legal acts adopted in recent years regulating certain aspects of the service (including at the departmental level), organization and the legal status of employees seem as if done “under one carbon copy” [16].

Second, the federal laws that simultaneously relate to several types of public service are already in force, particularly, the Law of the Russian Federation No. 4468-1 of February 12, 1993 and the Federal Law No. 52-FZ of March 28, 1998. The Federal Law No. 283-FZ of December 30, 2012 applies to employees of institutions and bodies of the penal system, enforcement agencies of the Russian Federation, the federal fire service and customs authorities of the Russian Federation. At the same time, the provisions of this federal law mostly coincide with the provisions of the Federal Law No. 247-FZ of July 19, 2011. As practice shows, the extension of the legal force of these federal laws to several types of public service does not entail any negative consequences.

Third, today there are various federal executive authorities, the service in which is regulated by one law. As we have already noted above, these are the Federal Security Service, the Federal Protective Service, and the Federal National Guard Service. In all these federal services, employees are military personnel (in the Federal National Guard Service they can also be employees of internal affairs bodies), their legal status is determined by the Federal Law “On military duty and military service”, but this does not entail any organizational problems.

Proposals for the creation of a unified concept for legal regulation of the public law enforcement service.

The analysis of the current legislation on various types of public service shows that today, as a rule, 2 federal laws apply to each service type. One of them regulates general provisions, service principles, legal status of employees, admission requirements, service procedure, service discipline, service and rest time, and service termination. Another federal law is devoted to social guarantees of employees, which, as a rule, include employees’ monetary allowance, housing, medical care and health-resort treatment, measures

of social support for family members of employees, died or missing when performing official duties. The exception is public service in the Prosecutor's Office of the Russian Federation and the Investigative Committee of the Russian Federation: both a service procedure and social guarantees of employees are regulated in one law.

It should be noted that the legal regulation of service in the Prosecutor's Office of the Russian Federation and the Investigative Committee of the Russian Federation has certain specifics, in particular, the service procedure and social guarantees are regulated not by the laws on certain types of public service, but by those fixing the legal status of these bodies, their powers, system, and public service as well. Moreover, if such legal regulation of prosecution service can be explained by the prescription of the adoption of the law, the Federal Law "On the Investigative Committee of the Russian Federation" was adopted quite recently, in 2010. This is probably due to the fact that the Investigative Committee of the Russian Federation was separated from the Prosecutor's Office and the Federal Law No. 2202-1 was taken as the basis for the development of the Federal Law No. 403-FZ. It should be also noted that the Prosecutor's Office and the Investigative Committee of the Russian Federation are not part of the system of executive authorities, unlike the rest, in which other types of public service are implemented.

The fact that the public service procedure, social guarantees of employees, and the legal status of a state body are regulated in one federal law, in our opinion, is rather a disadvantage than an advantage. To begin with, there is a fewer number of the norms devoted to legal regulation of public service and social guarantees of employees than in individual federal laws, and the current norms are smaller in scope and semantic content. Thus, the Federal Law No. 403-FZ contains 29 articles regulating service, the Federal Law No. 2202-1 – 27, and federal laws No. 342-FZ, No. 197-FZ, No. 328-FZ, No. 141-FZ – more than 90. This leads to gaps in the legal regulation of a number of individual aspects of public service and social guarantees for employees of

the Prosecutor's Office and the Investigative Committee of the Russian Federation. For Instance, federal laws No. 403-FZ and No. 2202-1, unlike federal laws No. 342-FZ and No. 197-FZ (let us take them as an example), do not disclose the following aspects of public service:

- service principles;
- rights and official duties of an employee;
- requirements for the employee's official behavior;
- emergence and change of legal relations in the service (Chapter 4 of the Federal Law No. 197-FZ, Chapter 4 of the Federal Law No. 342-FZ). Federal laws No. 403-FZ and No. 2202-1 have only the test for admission to service and the oath. Federal laws No. 197-FZ and 342-FZ also regulate the right to enter the service, documents submitted for admission to the service, grounds for the emergence of legal relations in the service, contract, its types and duration, its content, replacement of positions by competition, etc.
- gross violations of official discipline.

Regarding social guarantees of prosecutors and employees of the Investigative Committee, federal laws No. 403-FZ and No. 2202-1 contain only 3 articles: material and social security of employees, housing, mandatory state personal insurance of employees (articles 35, 35.1, 36 of the Federal Law No. 403-FZ, articles 44, 44.1, 45 of the Federal Law No. 2202-1). In relation to other types of public service, there are separate federal laws that disclose each social guarantee in more detail.

We believe that the existence of two federal laws for each type of public service is a successful experience and it is necessary to adhere to this principle of building legislation on public service in the future.

Conclusions

In our opinion, there are currently no obstacles to the unification of all other types of public service into a single one (law enforcement service) and the adoption of 2 federal laws: one regulating a service procedure and another – on social guarantees of civil servants of law enforcement service.

The first law should define a term of law enforcement service and basic terms, deter-

mine legal regulation of law enforcement service and enumerates types of law enforcement service and state bodies, in which it is carried out. Also, this law should fix positions of law enforcement service, special ranks, rights and duties of employees, restrictions and prohibitions, requirements for official behavior, admission, service and its termination procedures, service and rest time, service discipline, etc.

These aspects of public service are initially regulated by labor legislation, as a result of which federal laws on certain types of public service are rather uniform. In this regard, nothing hinders regulation of all listed aspects in one law. On the contrary, there arises a question: why civil servants should have different working hours and rest periods, types of vacations, disciplinary penalties and the procedure for imposing them, incentive measures, rights and obligations.

Similarly, social guarantees for employees of various types of public service should be enlisted in one law, since in general they are quite identical. For example, monetary allowance of any employee consists of a monthly salary in accordance with the position held and a monthly salary in accordance with the assigned special rank, as well as other monthly additional payments (for service experience, special conditions of service, qualifying rank, working with information constituting a state secret, etc.). Salaries for positions and special ranks are set at the subordinate level,

and nothing prevents them from being set different for different types of law enforcement service, depending on the complexity of the tasks performed and the relevance of this type of law enforcement service for the state at this historical moment. Also, the presence of a one-time payment for the purchase or construction of residential premises as a social guarantee in each type of public service does not negate the fact that the amount of funding allocated for these purposes is different for different state bodies. However, we believe that general provisions should be uniform for everyone.

Based on the above, we propose to amend Article 2 of the Federal Law No. 58-FZ regarding the introduction of a law enforcement service to replace the currently existing public service of other types. We propose to work out and adopt a federal law on law enforcement service, regulating a service procedure and a federal law on social guarantees for law enforcement officers.

The necessity of adopting a law on the law enforcement service is supported by A.M. Artem'ev [17, p. 13]. V.N. Isaenko proposes to develop and adopt a federal law "On law enforcement activities" [18].

The adoption of these laws will lead to restoration of the basic principle of the unity of public service and the unity of state bodies activities and will have a positive impact on the performance of public service as a unified system.

REFERENCES

1. Vedyashkin S.V., Nagornikh R.V. New concept of public service of the Russian Federation in law enforcement: the time has come. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo = Tomsk State University Journal. Series: Law*, 2020, no. 35, pp. 5–13. (In Russ.).
2. Grishkovets A.A. On the question of law enforcement service. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2017, no. 7, pp 59–63. (In Russ.).
3. Channov S.E. Law enforcement public service: to be or not to be? *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2016, no. 11 (239), pp. 6–71. (In Russ.).
4. Explanation of the Committee on the exclusion of the "law enforcement service" from the public service system and the inclusion of "other types of public service" in it: Explanations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of July 6, 2016. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71336310/> (In Russ.). (Accessed July 8, 2021).

5. Meeting of the State Duma of the Federal Assembly on March 24, 2015 No. 224 “On the Draft Federal Law No. 685589-6 “On Amendments to the Federal Law “On the system of public service of the Russian Federation” and certain legislative acts of the Russian Federation (in terms of clarifying types of public service of the Russian Federation)”, consideration of the draft law in the first reading. Available at: http://transcript.duma.gov.ru/api_search/?search_mode=number&sessid=5579&dt_start=&dt_end=&deputy=&type=any&number=685589-6&keyWords (In Russ.). (Accessed July 8, 2021).
6. Nagornykh R.V. *Administrativno-pravovoe regulirovanie gosudarstvennoi sluzhby Rossiiskoi Federatsii v pravookhranitel'noi sfere: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Administrative and legal regulation of public service of the Russian Federation in the law enforcement sphere: Doctor of Sciences (Law)]. Moscow, 2016. 436 p.
7. Ol'shevskii A.V., Zayaev E.D. Legislative prerequisites for returning to the issue on law enforcement service at the modern stage. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2019, no. 10, pp. 59–62. (In Russ.).
8. Kozbanenko V.A. Other types of public service – law enforcement service: the law and doctrine. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 9 (94), pp. 92–101. (In Russ.).
9. Stepanenko Yu.V. Law enforcement activity: evolution of theoretical views. *Sovremennyi yurist = Modern Lawyer*, 2013, no. 3, pp. 60–87. (In Russ.).
10. Barankov V.L. Legal regulation of social protection of law enforcement officers. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2012, no. 1 (181), pp. 82–88. (In Russ.).
11. Nagornykh R.V. State service in the law enforcement sphere and its major features. *Penitentiary Science*, 2020, vol. 14, no. 4 (52), pp. 576–580.
12. Bobrov A.M., Telegin A.S. Public service of other types: the concept and its features. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2018, no. 9, pp. 55–60. (In Russ.).
13. Bakhrakh D.N. Militarized service of Russia. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal = Russian Law Journal*, 2005, no. 1 (45), pp. 20–27. (In Russ.).
14. Explanatory note to the draft federal law “On service in the penal system of the Russian Federation”. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/379630-7> (In Russ.). (Accessed July 8, 2021).
15. Karpov E.S. On the draft federal law “On service in the penal system of the Russian Federation”. In: *Problemy pravovogo obespecheniya khozyaistvennoi deyatel'nosti organov i uchrezhdenii ugolovno-ispolnitel'noi sistemy i organizatsii truda osuzhdennykh: materialy nauch.-prakt. konf.* [Problems of legal support of economic activity of bodies and institutions of the penal system and organization of labor of convicts: materials of scientific and practical conference]. Vladimir, 2015. Pp. 61–66. (In Russ.).
16. Kalyashin A.V. The current state and prospects for the development of legislation on service in some types of federal public service related to law enforcement. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Process*, 2017, no. 8, pp. 36–41. (In Russ.).
17. Artem'ev A.M. *Gosudarstvennaya pravookhranitel'naya sluzhba: sistemnye svoistva, funktsii, pravovoe obespechenie: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Public law enforcement service: system properties, functions, legal support: Doctor of Sciences (Law) dissertation abstract]. Moscow, 2008. 56 p.
18. Isaenko V.N. On improving the legislative support of law enforcement activities. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2015, no. 9 (58), pp. 162–166. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

EDUARD S. KARPOV – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, associate professor at the Department of Civil Law of the Saint Petersburg Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Saint Petersburg, Russia, esk33@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0787-6307>

Received October 25, 2022

Reforming the State Control (Supervisory) System in the Context of Changing Legislation

SERGEI A. ROMANOV

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, cergei.romanoff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6893-9346>

Abstract

Introduction: the article discusses issues of reforming the control and supervisory system in modern Russia. It analyzes stages of formation and development of these bodies, as well as transformation of legislation on control and supervision. *Purpose:* to consider transformation of the state control and supervisory institution in modern Russia; analyze the regulatory framework on the basis of which the “architecture” of the state control and supervisory mechanism is carried out; consider new approaches to the powers of control and supervisory authorities of the Russian Federation, enshrined in the current legislation on control and supervision. *The methodological basis* consists of logical-legal, comparative-legal, descriptive, content analysis, and legal reality cognition methods. *Conclusions:* the analysis of the current legislation in the field of control and supervision suggests that the last stage of reforming the control and supervisory mechanism and its activities, expressed in the development of the Federal Law “On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation”, has a number of advantages: the scope of application of the risk-based approach in the implementation of state control and supervision is expanded; all kinds of control and supervisory measures and tools that can be used by control and supervisory bodies in carrying out their activities are fixed in legislation; the total use of inspections as the main tool in the work of control and supervisory bodies is avoided; a unified system of principles for elaborating a control and supervisory mechanism is created.

Key words: control, supervision; state mechanism; control and supervisory bodies; control and supervisory activities; prevention-oriented (preventive) approach; risk-oriented approach; control and supervisory institute of the state mechanism; selective control; inspection visit.

5.1.2. Public law (state law) sciences.

For citation: Romanov S.A. Reforming the state control (supervisory) system in the context of changing legislation. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 82–88. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.009.

Introduction

The relevancy of the study is justified by the appearance of atypical controlled and supervised objects that leads to the need to reform the modern system of control and superviso-

ry bodies and legislate new methods of conducting control and supervisory measures.

The development of the modern state control (supervision) system is determined by the correlation of concepts “control” and “super-

vision”, their reflection in the current legislation and the general theory of law [1].

Special attention should be paid to the last stage of the reform of control and supervisory activities in the Russian Federation. Thus, when conducting a comparative analysis of the Federal Law “On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation” with the Federal Law “On the protection of the rights of legal entities and individual entrepreneurs in the exercise of state control (supervision) and municipal control”, we identified the following advantages of the first one: detailed regulation of control and supervisory measures carried out by state control (supervisory) bodies; wider use of the risk-oriented approach, new for the state control (supervisory) system; democratization of the mechanism for implementing control and supervisory measures by competent authorities and avoidance of inspections as a bright tool of the control and supervisory system; avoidance of the punitive approach in the implementation of control and supervisory activities and its replacement with a prevention-oriented (preventive) approach, which, according to the law developers, will reduce the administrative pressure of state control (supervision) bodies on controlled and supervised objects when they carry out control and supervisory activities. The law establishes a unified system of principles of state control (supervision), municipal control [2].

It also remains obvious that in modern Russian legislation there is a problem of unification of the conceptual and categorical apparatus of the control and supervisory sphere. It should be emphasized that this problem remains unresolved at the current stage and does not lose its relevance.

The core

Considering the system of control and supervisory bodies and their activities, it is important to note that the system of state bodies and their activities is the link of the entire system of public administration. However, both in the theory of law and the current domestic legislation there is no clear distinction between control and supervision. This question about the relationship of these concepts is still debatable.

There are several explanations for this problem. The legislator does not give a clear distinction between definitions of control and supervision. In a number of regulations, these concepts are treated as synonyms and aggravates the state of the control and supervisory system [3].

There are several approaches to definition of the above concepts in administrative law. According to the first one, control and supervision are identical concepts [4]. For instance, in accordance with Article 2 of the Federal Law “On the protection of the rights of legal entities and individual entrepreneurs in the exercise of state control (supervision) and municipal control”, control (supervision) is interpreted as follows: “state control (supervision) is activity of authorized state authorities aimed at preventing, detecting and suppressing violations of the requirements of the current legislation of the Russian Federation by legal entities, their managers and other officials, individual entrepreneurs, their authorized representatives”. So, the legislator in this law does not differentiate the terms; similar formulations can be found in a number of articles of the Administrative Code of the Russian Federation, as well as other regulatory legal acts.

Yu.A. Tikhomirov [5] has another point of view that supervision is an inseparable component of control.

Another stance is that supervision is an independent way of exercising state power by competent authorities, aimed at establishing discipline and legality in supervised facilities. At the same time, it is noted that both supervision and control can have elements of the implementation of specific activities that are similar in content. Supporters of this position are F.S. Razarenov, E.V. Shorina, V.F. Lomkina.

We back the point of view of N.M. Konin [2] that control is an organizational and legal way of establishing state discipline and legality in controlled objects, through the implementation of specific state-governmental activities and systematic monitoring of activities of controlled objects in order to establish compliance of their decisions and actions with the regulatory requirements of current legislation. The researcher identifies several mandatory parts of control:

1. Implementation of systematic verification of the real result of the work of controlled objects in comparison with the planned indicators.

2. Implementation of control activities to check the methods and means used to achieve necessary results in terms of their legality, business and official ethics, financial and economic necessity, as well as expediency;

3. After conducting control measures, appropriate necessary measures are taken with respect to controlled objects, which can be both positive and negative.

When considering the term "control" in this way, we note that the purpose of control is not limited solely to establishing law and order, but is also aimed at ensuring expediency and efficiency.

Based on the above, it is possible to deduce the following criteria for distinguishing the terms under consideration: parameters of coverage of the field of activity under consideration; a variety of methods, means and legal forms of implementation of specific activities.

Control is carried out in relation to organizationally subordinate persons (subjects of activity), supervision is the activity of persons (supervised entities) who, when carrying out supervisory activities are not administratively or otherwise subordinate to the supervisory bodies. Considering objects of control and supervisory activities, it is necessary to emphasize that discipline, finance, and other controlled objects are usually included in a wide range of different activities of controlled objects. When compared with a supervision object, this condition changes and some special rules (sanitary, fire-fighting, etc.) are added.

So, the study of terms, such as control and supervision, in their identity, does not seem to be correct. In modern realities, taking into account changes in legislation, special attention should be paid to the proposals on differentiating control, supervision, and their activities, which should be considered as separate, independent functions of state authorities, as well as on consolidating various procedures for their implementation.

When considering the formation and development of the institute of state control and

supervision in the Russian Federation, we will define several conditions under which this institute carries out its activities in the general mechanism of the modern Russian state.

The first condition is that for state power sphere, the activity of the institute of state control and supervision is inseparable from the very nature of the state. In other words, checking the uniform execution and application of laws and other regulations is an essential condition for normal functioning of the state mechanism.

The next condition is a certain development level of the state: presence of written law (laws, resolutions, and orders); division of society into social groups and, as a consequence, clash of their interests (social, political, etc.); fundamental changes in the social and state structure and, as a rule, in the legislation.

Thus, the modern institute of state control and supervision of the Russian Federation has undergone several stages of its development.

The first (transitional) stage is the period from 1991 to 1993. It is characterized by a sharp weakening of state control and complete elimination of the public control institute. These transformations led to the fact that the state control and supervisory mechanism, responsible for the rational use of material and financial resources, was absent in the general mechanism of state bodies.

The second stage covers the time period from 1993 to 2001, characterized by the formation of a unified system of state control bodies and creation of federal districts [6].

Several regulatory legal acts are worth mentioning: 1) the Decree of the President of the Russian Federation No. 730 of June 29, 1998 "On measures to eliminate administrative barriers in the development of entrepreneurship" was the first attempt to systematize legal norms in this sphere. The norms regulating functioning of the state control and supervisory institute were not systematized; 2) the Federal Law No. 134-FZ of August 8, 2001 "On protection of the rights of legal entities and individual entrepreneurs during state control (supervision)", in which, for the first time in the practice of control and super-

visory activities, the legal foundations of the relationship between entrepreneurship and the state were fixed in the process of implementation by control and supervisory bodies of their activities.

As for shortcomings of this law, first, it assigned a fairly wide range of powers to persons exercising state control (for example, the norm regulating that a person exercising state control independently on the basis of his/her own discretion is entitled to make a decision on the suspension of control and supervisory measures in relation to a controlled object, including making a decision on the suspension of the object's activities; all the necessary conditions are created for corruption and unfair competition); second, the legal guarantees of business entities and other controlled entities enshrined in this normative act were not sufficient for systematic development of entrepreneurship.

The third stage (2001–2012) is characterized by the formation of the modern Russian system of state control and supervisory bodies and the mechanism of their work in federal districts.

The Federal Law No. 294-FZ “On protection of the rights of legal entities and individual entrepreneurs in the exercise of state control (supervision) and municipal control” is an important regulatory legal act of that period. In comparison with the previous law, it expanded a list of legal guarantees of business entities, thus increasing the legal protection level. It assigned a number of powers to the Prosecutor's Office: 1) formation of an annual federal plan for implementing control and supervisory measures in relation to controlled and supervised facilities; 2) the need to coordinate unscheduled control and supervisory measures.

The expansion of powers made it possible to reduce a number of control and supervisory measures and systematize the joint work of state control bodies and prosecutor's offices. There appeared a great number of amendments and additions to the Russian legislation on control and supervision.

To give an unambiguous assessment of the legal necessity of frequent amendments and additions to the legislation on control and supervision seems to be a very difficult

task, given the fact that the law under consideration was had been amended and supplemented more than 70 times for 10 years of its operation. The changes were made in several (sometimes opposite) directions: 1) favorable conditions for Russian entrepreneurship development were fixed, 2) an expanded range of powers was assigned to the state control and supervisory bodies, thus influencing development of business entities in the country [7].

The legislative amendments led to the distortion of the legal integrity of the state control and supervisory mechanism, clearly observed in this mechanism functioning. Considering the law enforcement practice of implementing the norms of the above-mentioned law, it is possible to identify a number of violations committed by state control and supervisory bodies in the course of their activities. Examples will be given below in ascending order depending on the number of violations found out:

- limiting powers of economic entities that are not established by law;
- establishing restrictions that infringed upon economic freedom of entrepreneurs when conducting business;
- carrying out inspections in the absence of a regulatory framework (orders, instructions of authorized bodies) for the implementation of verification measures;
- demanding from controlled entities of a larger volume of documentation than required by law and is determined by the subject of verification [8].

The fourth stage of development and formation of the control and supervisory institution is the period from 2012 to the present.

While endless amendments and additions were made to the Law No. 294-FZ “On protection of the rights of legal entities and individual entrepreneurs in the exercise of state control (supervision) and municipal control”, on the basis of the Instruction of the President of the Russian Federation of December 30, 2015 No. Pr-2724 and Paragraph 6 of the Decree of the Government of the Russian Federation of April 1, 2016 No. 559-r, the Government of the Russian Federation and the relevant ministry proceeded to the elaboration of a new draft Federal Law “On state control (supervision)

and municipal control in the Russian Federation”.

Earlier, the legislative initiative adopted certain amendments that concerned the institute of state control and supervision in the Russian Federation. So, the new law established legal and organizational foundations of the system of state control (supervision) and municipal control of the Russian Federation. It is worth noting that the provisions proposed in the draft law concerning changes in the organizational and legal system of control and supervisory bodies at its various levels (federal, municipal) had repeatedly been the subject of scientific discussion both in the scientific community and among representatives of state authorities and business.

For the second time, the draft law was submitted in mid-2019. It determined procedural forms of the control and supervisory mechanism, which was its distinctive feature from the original legislative initiative, focused on changing the system of control and supervisory bodies. At the end of 2019 and the beginning of 2020, the Government of the Russian Federation submitted several draft laws to the State Duma of the Russian Federation for consideration, the first on state control, the second on mandatory requirements.

In mid-2020, the State Duma of the Russian Federation adopted in final reading the draft Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 “On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation” and the Federal Law No. 247-FZ of July 31, 2020 “On mandatory requirements in the Russian Federation”.

The first law came into force on July 1, 2021 and fixed the updated system of state control and supervision at various levels (federal and municipal). The stages of carrying out specific control and supervisory activities were spelled out in detail, as well as the institutions and tools necessary for implementing this activity and the work of the entire control mechanism.

The novelty of the Law No. 248-FZ “On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation” is the introduction of a risk-based approach into the system of control and supervisory authorities. This approach should be used when control and

supervisory bodies identify objective patterns that could serve as reasons for violation of legislation. Therefore, these structures need to develop risk criteria and indicators, in which the objective reason can be or be determined as negative, and only in this case they will decide whether to carry out the necessary control or supervisory measures [9].

The institute of a risk-based approach for Russia is an innovation in the system of control and supervisory authorities and has been applied in practice quite recently. The Federal Law “On protection of the rights of legal entities and individual entrepreneurs in the exercise of state control (supervision) and municipal control” has a separate chapter devoted to it. Risks of causing damage (harm) is interpreted as a possible occurrence of a fact (event), which may lead to negative consequences, expressed in harm (damage) to the rights of other subjects or their values, protected by law. For this approach to be applied, risks of causing damage (harm) should be estimated by control or supervisory authorities to establish and determine the possibility (probability) of the occurrence of these facts (events), as well as the scale of possible harm (damage) in relation to the values protected by the legislation on control and supervision.

The legislator has laid down another legal concept when developing this regulatory legal act. Its essence lies in the fact that when control and supervisory bodies apply a risk-based approach, its impact extends not to a certain sphere of legal relations, but to all legal relations that arise or may arise in the process of carrying out control and supervisory activities between the body carrying it out and controlled and supervised objects.

Another novelty of the law is the causal relationship between the frequency of activities carried out by control and supervisory bodies and risk categories. Consequently, it can be said that the legislator smoothly moves away from the conduct of scheduled inspections by supervisory authorities without considering characteristics of controlled or supervised entities in favor of the specification of these entities based on characteristics of their activities and risk categories, controlled or supervised entity belong to.

The Federal Law “On state control (super-

vision) and municipal control in the Russian Federation” establishes a new conceptual apparatus, such as “control and supervisory measures”, “control and supervisory actions”. It clearly regulates types of control and supervisory measures, in particular: 1) on-site inspection; 2) control purchase; 3) monitoring purchase; 4) selective control; 5) inspection visit; 6) raid; 7) inspection. So, control and supervisory bodies, when carrying out their activities, move away from the monopoly of inspections.

Besides the law defines the following range of control and supervisory actions: 1) inspection; 2) search; 3) interview; 4) receipt of written explanations; 5) request for documents; 6) sampling; 7) instrumental examination; 8) test; 9) expertise; 10) experiment.

So, it can be concluded that the Law No. 294-FZ contains both norms of a material nature that establish a conceptual and categorical apparatus in the work of the control and supervisory mechanism and regulate the basics of the activities of control and supervisory bodies and procedural norms that establish the procedure for the operation of the entire control mechanism and supervision and ending with the procedure for appealing decisions taken by these bodies.

The legislator focused on operational and less costly measures carried out by control and supervisory bodies in their activities, which positively affected the entire control and supervisory mechanism of the state and made it flexible. In this regard, in scientific literature, the law under consideration is referred to as the control and supervisory procedural code.

Nevertheless, there are shortcomings in the law, one of them is the absence of the term “control and supervisory measure”. So, at the stage of drafting the bill up to the final version of the law under consideration, this term was present in the final version, but, unfortunately, not adopted. At that time, the definition of a control and supervisory measure was defined as a set of interrelated actions, including control and supervisory actions performed by an authorized person(s) and persons involved by him(them) within the framework of control and supervisory proceedings in order to assess compliance by controlled

persons with mandatory requirements. Consequently, the terms “control and supervisory measure” and “control and supervisory action” are correlated as a whole and a part.

One of the main novelties of the regulatory legal act under consideration is an attempt to legislate the principles of state control and supervision. The formation of these principles into a single system, regardless of the level of control and supervision (municipal or federal) [10]. According to the legislator, principles of state control and supervision are a fundamentals and rules that have a general, mandatory and universal character and their effect extends to all participants in the control and supervision system, including such specific areas as organization of control and supervisory activities, work of a unified system of control and supervisory bodies.

Conclusions

After analyzing the development of the state control and supervision institute in Russia and the influence of domestic legislation on it, as well as considering the opinions of a number of legal experts on the essence of control and supervision, we can conclude that the terms are not synonymous. The differentiation of control in the person of control bodies and supervision in the person of supervisory bodies needs legislative consolidation [10].

The study of the current legislation in this field shows that the last stage of reforming the control and supervisory mechanism and its activities, expressed in the development of the Federal Law “On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation”, has a number of advantages: the scope of the risk-based approach application is changed and expanded; control and supervisory measures and instruments are fixed in the law; the total application of inspections as the main tool in the work of control and supervisory bodies is refused; the unified system of principles is created, on the basis of which a control and supervisory mechanism is being worked out and developed [11]. Nevertheless, the problem of systematization and unification of the conceptual and categorical apparatus in the field of control and supervision remains unresolved.

REFERENCES

1. Sadovskaya T.D. On the question of state regional control (supervision). *Pravo i praktika = Law and Practice*, 2012, no. 1, pp. 64–67. (In Russ.).
2. *Administrativnoe pravo Rossii: ucheb.* [Administrative law of Russia: textbook]. Ed. by Konin N.M., Starilov Yu.N. Saratov, 2006. 324 p.
3. Nagornyykh R.V. Transformation of the subject of administrative law in the conditions of the formation of administrative constitutionalism in modern Russia. In: *Nauchnye trudy. Rossiiskaya akademiya yuridicheskikh nauk. Vyp. 20.* [Scientific Works. The Russian Academy of Legal Sciences. Issue 20]. Moscow, 2020. Pp. 61–66. (In Russ.).
4. Petrov A. V., Epifanov A. E. Legal nature of state control and supervision *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2013, no. 7, pp. 36–49. (In Russ.).
5. Tikhomirov Yu.A. *Publichnoe pravo* [Public law]. Moscow, 1995.
6. Alekseev V.V., Vdovenko Z.V. State control and supervision in modern Russia. *Uspekhi v khimii i khimicheskoi tekhnologii = Advances in Chemistry and Chemical Technology*, 2015, no. 5 (164), pp. 10–12. (In Russ.).
7. Osipov D.A., Bol'shakova V.M. On the concepts “state control”, “state supervision” and “total control over personality”. *Vlast' = Power*, 2015, no. 5, pp. 136–140. (In Russ.).
8. Zubarev S.M. On correlation of concepts of “control” and “supervision” in public management. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-government*, 2014, no. 10, pp. 85–90. (In Russ.).
9. Pogodina N.A., Karelin K.V. Correlation of control and supervision in the Russian legal system. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2012, no. 3, pp. 72–74. (In Russ.).
10. Nozdrachev A.F., Zyryanov S.M., Kalmykova A.V. Reform of state control (supervision) and municipal control. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2017, no. 9, pp. 34–46. (In Russ.).
11. Igaikina I. I., Del'tsova Yu. O. State and prospects of development of state fire-prevention supervision and control. *Nauchnoe obozrenie = Scientific Review*, 2018, no. 2, pp. 8–12. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

SERGEI A. ROMANOV – 3rd year postgraduate student of the Department of the Theory of State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, cergei.romanoff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6893-9346>

Received January 31, 2023

Original article

UDC 159.99

doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.010

Assessing Radicalization Risks in the Adolescent and Youth Environment

BORIS G. BOVIN

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, bovinbg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>

NIKOLAI V. DVORYANCHIKOV

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, dvorian@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>

DAR'YA V. MEL'NIKOVA

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, melnikovadv@mgppu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>

INNA B. BOVINA

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, innabovina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>

Abstract

Introduction: representatives of socio-psychological science focus their attention on the problem of radicalization due to the social demand to prevent this phenomenon in the adolescent and youth environment. The development of tools for assessing radicalization risks is a very important tool for early diagnosis. *Purpose:* theoretical and analytical research to critically analyze current models for assessing radicalization risks. *Results:* considerable attention is paid to the analysis of tools for assessing radicalization risks, used in penitentiary systems of different countries. In addition, risk assessment models in a wider population are discussed. *Conclusion:* the conducted study shows that it is necessary to consider the radicalization process through the prism of such a theoretical tradition that would be adequate to the study of the phenomenon itself (radicalization, being a process of terrorism legitimization, is understood as a phenomenon occurring in a group context). In addition, the model for assessing radicalization risks should be based on a theoretical tradition that would receive a solid experimental test.

Keywords: terrorism; radicalization; risk assessment; radicalization risk assessment models; adolescent and youth environment; explanation levels in social psychology, social identity.

5.3.9. Legal psychology and security psychology.

The work is carried out within the framework of a research project (State assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation No. 073-00038-23-02 of February 13, 2023 “Radicalization risk assessment in the adolescent and youth environment”).

For citation: Bovin B.G., Dvoryanchikov N.V., Mel'nikova D.V., Bovina I.B. Assessing radicalization risks in the adolescent and youth environment. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 89–97. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.010.

Introduction.

Among numerous definitions of terrorism that exist in the literature, we will consider the following: “actions of non-state actors associated with the threat or actual use of illegal force or violence to achieve a political, economic, religious or social goal through fear, coercion or intimidation” [1, p. 496]. Terrorist activity violates the fundamental prohibition of violence, directed at unarmed, innocent citizens, existing in different cultures and religions [1].

Radicalization is understood as the process leading to the commission of an act of terrorism and legitimization of terrorism [2]. A significant addition to the above definition of terrorism is an indication that terrorist activities are carried out by a group, similarly, it is important to understand that the process of radicalization is a process occurring in a group context.

The above indicates the importance and relevance of studying radicalization process mechanisms, as well as identifying predictors of involvement in terrorist activities. Only this kind of knowledge can be used as the basis for a risk assessment model. The purpose of the theoretical and analytical study proposed in this paper is to critically analyze current models for assessing radicalization risks.

The core.

Critical analysis of models for assessing radicalization risks.

Risk assessment (in the most general sense) can be defined as an attempt to “forecast the probability of a future, usually negative event, by considering factors that are believed to be associated with the probability of an event” [3, p. 283]. Mental health spe-

cialists use such tools to decide on risks of an individual committing a particular type of violence [3; 4]. The analysis of the tools used to assess risks in case of radicalization and transition to terrorist acts indicates that they are based on the same logic [4].

On the one hand, the advantages associated with the use of risk assessment tools are obvious, since the identification of individuals vulnerable to the process of radicalization is a way to prevent radicalization. The earlier this happens, the greater number of positive effects it has. Considering stage-by-stage radicalization models analyzed by M. King and D. Taylor [5], we observe that the radicalization rates vary from stage to stage and the mechanisms involved in this process differ.

On the other hand, there is a number of serious obstacles to assessing or forecasting risks of committing terrorist acts by an individual taking a radicalization path. One obstacle concerns the problem of forecasting in psychology in general [6]. Still, turning to step-by-step radicalization models, it becomes obvious that not all individuals who begin the process of radicalization reach its end [5; 7]. This is especially vividly demonstrated in the model proposed by F. Moghaddam, where radicalization is defined as a progressive process realized through the passage of 6 stages (or levels). The passage of each stage brings an individual closer to terrorism, making this action more legitimate [5; 7].

An attempt to forecast person's action is most likely based on the postulates of the theoretical model or regularity and requires special care in application [4; 6]. This leads to another obstacle of an ethical nature: making a forecast may mean that an individual is giv-

en a kind of label regarding the risk of committing terrorist acts [4].

Besides, the logic of building a risk assessment model is not new, the obstacles outlined above on the way to make a forecast should be taken into account in order to find a more reliable and subtle tool for assessing radicalization risks

Traditionally, there are three approaches to risk assessment. On the one hand, we are talking about an approach in which experts who make decisions about risk assessment appeal to their professional experience and knowledge of the individual's characteristics. Such an expert assessment has shortcomings associated with various kinds of biases, effects of social perception, subjectivity in decision-making [4]. On the other hand, it is possible to distinguish between an approach based on risk assessment using a number of indicators, on the basis of which an integral indicator of an individual's risk is calculated with a help of a certain algorithm. This approach has some advantages, in particular, procedures and criteria are explicated here, on the basis of which decisions are made about risks, vulnerability of the subject, and probability of committing an act [4]. At the same time, as a serious drawback of this approach, one can see the theoretical construction that underlies the assumption on the basis of which a system of empirical indicators for measuring risk is being developed.

Finally, it seems possible to talk about an intermediate variant if the previous approaches are interpreted as a kind of continuum poles. The third variant combines the first two, which allows, up to a certain limit, to overcome shortcomings of each approach and use available advantages. Backing the stance of K. Sarma, we can argue that it is the third approach that turns out to be the most flexible and adequate in the situation of uncertainty (characterized by a lack of information when making a decision about risks) [4].

Current models for assessing radicalization risks have certain specifics, since they have been primarily used in the penitentiary system of some countries. Special programs to train penitentiary system employees give the

opportunity to use various tools for assessing radicalization risks. As a result, decisions are made about the reintegration of convicts [4]. In addition, radicalization in prisons is an urgent problem, repeatedly discussed in literature [8, pp. 138–153]; the application of the tool for estimating radicalization risks helps develop and implement a monitoring system among convicts.

A monitoring system to identify the youth outside penitentiary institutions vulnerable to radicalization is developed to a lesser extent [4; 9]. Reflecting on the possibilities of using the currently available experience of risk assessment, we will undertake a critical analysis of relevant models used mainly for convicts in places of deprivation of liberty [4; 10; 11]. Tools and their mechanisms used by security specialists can be identified. Besides, some models are designed to assess risk in the general population (aged 12–14). Such risk assessment tools are of interest in the logic of our theoretical and analytical research. What is more, consideration of advantages and shortcomings of these models helps us work out a more effective system for assessing radicalization risks in the adolescent and youth environment.

Radicalization risks are estimated on the basis of one or another model [10; 11]; we will consider each of them.

The VERA-2R model (Violent Extremist Risk Assessment 2 Revised) is designed to estimate the likelihood of extremist behavior associated with violence to further elaborate and use an appropriate control system. It is applicable to evaluate all ideological types of extremism (political, religious, social) among young people and adults. Thirty-four indicators are grouped into 5 domains: 1) beliefs, attitudes and ideology; 2) social context and intention; 3) history, actions and capacity; 4) commitment and motivation; 5) protective and risk-mitigating indicators. There are 11 additional factors (criminal history, personal history, mental distress). An expert makes a decision on the basis of indicators on the scales. Severity of each parameter can be estimated as low, moderate, and high. The model assumes that risk and protection fac-

tors are dynamic and changeable formations, hence repeated measurements are required to track individual dynamics [10; 11].

The ERG22+ model (Extremism Risk Guidelines 22+) [10; 11] is designed to assess the likelihood of extremist behavior associated with violence to further elaborate and use an appropriate control system. This model is suitable for assessing risks in case of any type of extremism (political, religious, social) among those convicted of extremism (of any kind). Due to the screening system of the model, it can be used in relation to those who have not been convicted of extremism, but can be vulnerable to radicalization. The system includes 22 risk factors organized into three domains: 1) engagement; 2) intent; 3) capability. At the same time, the “+” sign in the model name suggests that a number of additional parameters can be used when making a decision [10; 11].

The RRAP model (Radicalization Risk Assessment in Prisons) [11] is aimed at assessing a vulnerability degree and extremism risks to develop follow-up measures. The target population consists of convicts prone to extremism (political, religious or social) associated with violence. This tool integrates information received at various levels of the penitentiary institution hierarchy, namely: 1) information received from the management; the key here is to obtain data on situational factors of radicalization; 2) information given by ordinary employees (security guards, educational department representatives, etc.). Monitoring convicts' behavior, it is possible to record changes in it that indicate the process of radicalization (a kind of transition from the cognitive level to the behavioral); 3) information received from convicts themselves (screening tool). Thus, the decision is made on the basis of accumulating all the information. In general, the model includes 39 items grouped into 9 domains [11].

The purpose of **the IR46 model (Islamic Radicalization)** [10; 11] is to detect signs of radical Islamist behavior and readiness for committing violent acts. It is limited only to Islamist extremism, while being addressed to individuals from the general population; it is

aimed at those who show signs of extremism. The age of the target group is 12 years and over. Forty-six indicators correspond to two spheres: ideology (20 indicators) and social context (26 indicators), while both spheres operate simultaneously, in each case either one or another outweighs [10; 11]. At the same time, the model takes into account the thesis that the process of radicalization unfolds over time, passing through stages (initial stage, social alienation stage, jihadization – the stage when an individual accepts the need to use violence, finally, at the last stage there is a transition to extremist actions or jihad). Risk indicators are dynamic and can change, so the model is more aimed at assessing the current state than at forecasting. The repeated use of indicators shows the dynamics of individual's radicalization risks.

The RADAR-iTE model (Rule-Based Analysis of Potentially Destructive Perpetrators to Assess Acute Risk – Islamist Terrorism) is the most specialized one for the penitentiary context, since it is aimed at seeking out Islamists who are ready to commit violent acts, i.e. we are talking only about Islamist extremism. The target population is those already considered to pose a very high risk (well-known terrorists) who are about to be released from prison. The assessment process is carried out in two phases: 1) gathering of all available information about the extremist individual by a penitentiary system employee; 2) a questionnaire (73 questions) concerning a convicted person (an individual with a high risk level). It includes questions concerning personal and social life events and social network, as well as proof of jihad-motivated travel, history of violence, etc. [11].

All these models appeal to different explanatory constructs: for example, it is an ideology in the Violent Extremist Risk Assessment, an identity in the Extremism Risk Guidelines, and a social environment of the individual in the RADAR-iTE model [11]. The Islamic Radicalization model was initially based on the ideas of F.M. Moghaddam [7]. Attention is drawn to the fact that the mismatch of empirical facts and the theoretical framework led to the rejection of the logic of 6 stages of the model

leading to the commission of a terrorist act, which, from a theoretical point of view, turns out to be debatable.

The Violent Extremist Risk Assessment model combines proposals of some models and theories, including the model of M. Sageman, theories of A. Bandura and A. Kruglanski [10; 11]. In the Extremism Risk Guidelines the theoretical framework combines ideas belonging to various conceptual schemes: the theory of reasoned action by A. Ajzen and M. Fishbein [10], the theory of authoritarian personality by T. Adorno [10], and the social identity theory by H. Tajfel [12; 13].

The models differ in the number of risk factors on the basis of which a decision is made about radicalization risks. In the Violent Extremist Risk Assessment and the Islamic Radicalization, it is assumed that an expert making a decision about radicalization risks relies on additional risk factors [11]. Protection factors vary from a small number of fixed variables (Violent Extremist Risk Assessment) to an unlimited number (Islamic Radicalization) [11]. Along with critical comments, it is worth mentioning that risk factors are considered as dynamic and changeable formations, which makes all these systems tools for monitoring radicalization risks

All these instruments are intended for professional use and require special training to make decisions [11]. The analysis of models for assessing radicalization risks, used mainly in the penitentiary system of a number of countries [10; 11], suggests that these tools require the most serious theoretical and methodological understanding and experimental verification.

Finally, we can talk about some other models that go beyond the penitentiary system. They are of particular interest, since we plan to work out a model for assessing radicalization risks in the adolescent and youth environment.

The IVP model (Identification of Vulnerable People) is aimed at identifying individuals vulnerable to recruitment for extremist actions [10]. The target population is individuals who may be prone to radicalization (this tool is applicable to a wide audience). The model

includes two rows of indicators. Common risk indicators include the following: 1) cultural and/or religious isolation; 2) isolation from family; 3) risk-related behavior; 4) sudden change of religious practice; 5) rhetoric related to violence; 6) negative peer influence; 7) isolated peer group; 8) hate-related rhetoric; 9) political activism; 10) basic military training; 11) travel/residence abroad. The second group of indicators (the so-called “red flag” indicators): 1) rhetoric related to death; 2) membership in an extremist group; 3) contacts with known recruiters/extremists; 4) advanced military training; 5) participation in foreign military operations [10]. The model is intended for the use by specialists in the field of education.

The MLG model 2 (Multilevel Governance 2) involves identification of individuals who are ready to commit violent acts as part of a group, including terrorism, i.e. we are talking about any variant of extremism. The target audience is individuals from the general population (aged 14 and over), members of any groups. The model includes 16 main risk factors grouped into four areas: individual, individual-group, group and group-social [10].

Finally, **the TRAP-18 model (Terrorist Radicalization Assessment Protocol)** is aimed at identifying individuals who are ready to commit an ideologically motivated and intentional act of violence against a person or group of persons. The target population is individuals who are ready to participate in ideologically motivated violence (identified by law enforcement officers). On the one hand, this model is more focused on single terrorists; however, on the other hand, it can also be applied to cases of terrorist activity in a group.

As noted above, among those models used in the penitentiary system, some can also be used in a wider population.

The controversial use of these risk assessment models is due to a number of features: even leaving aside ethical issues (although the models mention compliance with the ethical codes of psychological associations of certain countries [10]), there remains an open question about radicalization mechanisms these models rely on. Do they proceed

from the concepts that have been tested in experimental studies? At best, these evaluation models rely on a combination of ideas belonging to a number of theoretical models [10; 11]. At worst, the models are descriptive, based on a number of observations. In our opinion, the problem in the strategy of the synthetic theoretical framework is that these theories are individually empirically or even experimentally tested, but their fragmentary use requires appropriate consideration at the theoretical and methodological level, since the theories themselves belong to different levels of socio-psychological explanation, from intra-individual to ideological [14]. Experimental verification is necessary to establish causal relations.

Among other things, it is disputable whether the decision made is accurate, there are effects and phenomena of social perception that distort perception at the interpersonal level, complicating the accuracy of assessments, and a fundamental attribution error is allowed.

Along with the models discussed above used to assess radicalization risks in the general population, it is worth mentioning that in a number of countries in educational institutions and organizations working with young people, indicator systems are used to assess the vulnerability of individuals [4]. One system was developed as part of the SAFIRE project based on consultations with anti-radicalization specialists (N=28). This system includes indicators (21 signs) grouped in this way: 1) identity and identity search; 2) ingroup and outgroup differentiation; 3) social interaction that promotes violence, combined with distancing from the usual environment (friends and family); 4) image transformation; 5) association with extremist groups [4]. The system is based on the method of observing individuals' behavior.

Another example of such a system is a practical guide aimed at diagnosing the degree of vulnerability to radicalization. The first level includes features of the cognitive-emotional spectrum that make a person vulnerable to the influence of a terrorist group. The second level is a number of signs that indicate

an individual's willingness to use violence, combined with the dehumanization of certain categories targeted by terrorist groups. The third level concerns infliction of harm (we are talking about knowledge, skills and abilities, free access to appropriate equipment) [4]. In general, we can talk about some allusions with step-by-step radicalization models [5].

Not diminishing the significance and importance of available risk assessment tools, nevertheless, we will make a number of critical comments. On the one hand, in both cases, there is neither clear description of psychological radicalization mechanisms, nor of a theoretical model that would substantiate this terrorism legitimization process. On the other hand, in both cases it seems possible to state the presence of certain allusions to the social identity approach, focused on psychological processes (social categorization, social comparison and social identification) that clarify how people's social identity differs from personal identity and how social identity is formed and operates [15, pp. 379–398].

In the first system an individual is radicalized as a member of a group [16; 17, pp. 75–85], which constructs a certain social reality for him/her, forms a social identity, and as a consequence distances him/her from the usual environment (family and friends).

The second system proposes to determine radicalization by observing the behavior of radicalized subjects with a set of indicators; so, the parameters of one of the levels will become clear in the logic of the social identity approach: for example, groups with extremist and radical views set their members social reality, determine what is right, and what is not. Consequently, group members receive an unambiguous basis for evaluating representatives of the outgroup, dehumanizing them, which, as a result, justifies any actions against these people [18, pp. 19–35].

Despite certain allusions to the social identity approach, in particular, it concerns the search for identity (in fact, social identity), intergroup perception (in- and outgroup differentiation), distancing from close surroundings (family and friends), and connection with

extremist groups can be interpreted as a change of identity; the however, both risk assessment systems are not formulated within the framework of this approach, and do not fully use its capacities, do not rely on the logic and mechanisms of the approach, which would increase the value of these models.

It is worth noting that the recognition of signs associated with radicalization in both systems indicates that an individual has passed a significant part of the path called radicalization (in accordance with the definition used above [2], this is the path leading to terrorism legitimization). In this regard, the technology of risk assessment should be based on diagnostic tools that would allow recognizing radicalization signs at an earlier stage. It can be assumed that the speed of the radicalization process differs at the very beginning and the end of this path. As the analysis of the stage-by-stage radicalization models shows, initially "radicalization events" occur mainly in cognitive terms and at the stages close to the radicalization process completion this process turns into the behavioral plan and the plan of social practices and relationships. This feature is also reflected in the risk assessment models discussed here. So, in both models, visible manifestations correspond to such a point on the radicalization path, when a significant part of the path has already been passed.

These examples clearly demonstrate that a radicalization risk assessment model should have an adequate theoretical scheme, the explanatory power of which correlates with the radicalization process specifics, in which the relationships between variables are conceptualized and based on experimental facts.

The current situation is developing in such a way that the needs of practice for the development of a tool to estimate radicalization risks are still ahead of the possibilities of psychological science. This concerns, first of all, the fact that the risk assessment model, which could be used to forecast the probability of committing terrorist activity, necessarily assumes an experimentally tested theoretical framework, and this, according to the current study results, is still the zone of proximal de-

velopment in the field of radicalization risk assessment.

Conclusion.

A critical analysis of the existing radicalization models helps conclude that it is necessary to consider the radicalization process through the prism of such a theoretical tradition that is adequate to the study of the phenomenon itself (radicalization, being a process of legitimization of terrorism, is understood as a phenomenon occurring in a group context).

The speed of the radicalization process differs at the very beginning and at the end of this path (coming to the legitimization of terrorism). As the analysis of stage-by-stage radicalization models [5] reveals, initially "radicalization events" occur mainly in cognitive terms, then at the stages close to the completion of the radicalization process – in the behavioral plan, the plan of social practices and relationships. It is this transition that is often regarded as "rapid radicalization", although the behavioral plan of radicalization is preceded by the processes hidden from observation, occurring at the cognitive level.

In the risk assessment models currently used [4], this fact is taken into account. However, they are based on the method of observing behavioral characteristics of a radicalized individual, that is why vivid manifestations correspond to a point on the radicalization path when a significant part of the path has already been passed. The complexity to construct a model for radicalization risk assessment, based on early recognition of radicalization signs, is due to the fact that the focus is on what is happening at the cognitive level of an individual vulnerable to radicalization; each moment of the radicalization process probably has its own cognitive affective features; the diagnostic tool assumes a certain subtlety in order to prevent erroneous judgments about vulnerability of the subject.

The critical analysis of risk assessment models based on at least some theoretical basis allows us to talk about the need to develop such a model, which would proceed from a single approach, and not from a set

of ideas borrowed from a number of theories belonging, moreover, to different levels of the epistemological continuum [14]. Combining ideas will require appropriate theoretical and methodological substantiation of the provisions followed by experimental verification.

REFERENCES

1. Gelfand M.J., Free G.La, Fahey S. et al. Culture and extremism. *Journal of Social Issues*, 2013, vol. 69, no. 3, pp. 495–517.
2. Pfundmair M., Aßmann E., Kiver B. et al. Pathways toward jihadism in Western Europe: an empirical exploration of a comprehensive model of terrorist radicalization. *Terrorism and Political Violence*, 2019, vol. 34, no. 1, pp. 1–23.
3. Herrington V., Roberts K. Risk assessment in counterterrorism. In: Kumar U., Mandal M.K. (Eds.). *Countering terrorism: Psychosocial strategies*. London, 2012. Pp. 282–305.
4. Sarma K.M. Risk assessment and the prevention of radicalization from nonviolence into terrorism. *American Psychologist*, 2017, vol. 72, no. 3, pp. 278–288.
5. King M., Taylor D. M. The radicalization of homegrown jihadists: a review of theoretical models and social psychological evidence. *Terrorism and Political Violence*, 2011, vol. 23, no. 4, pp. 602–622.
6. Fowler J.C. Suicide risk assessment in clinical practice: pragmatic guidelines for imperfect assessments. *Psychotherapy Theory Research Practice Training*, 2012, vol. 49, no. 1, pp. 81–90.
7. Moghaddam F.M. The staircase to terrorism: a psychological exploration. *American Psychologist*, 2005, no. 60, pp. 161–169.
8. Cross-cultural dialogue as a conflict management strategy. Ed. by J. Martín Ramírez, G. Abad-Quintanal. Verlag, 2018. 154 p.
9. European Union Agency for Law Enforcement Cooperation, “European Union Terrorism Situation and Trend Report 2020”. Available at: <https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/european-union-terrorism-situation-and-trend-report-tet-sat-2020> (accessed January 26, 2023).
10. Lloyd M. Extremist risk assessment: A directory. Actors and narratives. Available at: <https://crestresearch.ac.uk/resources/extremism-risk-assessment-directory/> (accessed January 26, 2023).
11. Risk assessment in prison. European Commission. 2021. Available at: https://home-affairs.ec.europa.eu/system/files/202104/ran_cons_overv_pap_risk_assessment_in_prison_20210210_en.pdf (accessed January 26, 2023).
12. Tajfel H. La catégorie de l'identité sociale. In: Moscovici S. (Ed.) *Introduction à la psychologie sociale*. Paris, 1972. Pp. 272–302.
13. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations. *Annual Review of Psychology*, 1982, vol. 33, no. 1, pp. 1–39.
14. Doise W., Valentim J.P. Levels of analysis in social psychology. In: *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences: in 26 vols. 2nd edition*. Oxford, 2015. Vol. 13. Pp. 899–903.
15. *Handbook of theories of social psychology*. Vol. 2 Ed. by Lange P.A.M., Kruglanski A.W., Higgins E.T. (Eds.). Los Angeles, 2012.
16. Wickham B.M., Capezza N.M., Stephenson V. L. Misperceptions and motivations of the female terrorist: A Psychological Perspective. *Journal of Aggression, Maltreatment and Trauma*, 2020, vol. 29, pp. 953–968.
17. *Societies under threat. A pluri-disciplinary approach*. Ed. by Jodelet D., Vala J., Drozda-Senkowska E. Cham, 2020. 224 p.
18. *Extremism and psychology of uncertainty*. Ed. by Hogg M.A., Blaylock D.L. Oxford, 2011. 328 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

BORIS G. BOVIN – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Leading Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, bovinbg@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>

NIKOLAI V. DVORYANCHIKOV – Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor, Dean of the Faculty of Legal and Forensic Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, dvorian@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>

DAR'YA V. MEL'NIKOVA – Lecturer at the Department of Clinical and Forensic Psychology of the Faculty of Legal and Forensic Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, melnikovadv@mgppu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4501-8207>

INNA B. BOVINA – Doctor of Sciences (Psychology), Associate Professor, professor at the Department of Clinical and Forensic Psychology of the Faculty of Legal and Forensic Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education, innabovina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>

Received January 31, 2023

Prejudice against Psychology as a Factor in Increasing Extremity of the Service and Maladaptation of Penal System Employees

YURII E. SUSLOV

Russian State Social University, Moscow, Russia

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

zim-buru@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9824-748X>

SVETLANA V. KULAKOVA

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia,

centr2nii@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8688-2021>

Abstract

In the article, the authors consider the problem of prejudice against psychology and its creative possibilities on the part of the staff of penitentiary institutions. *Purpose:* based on the generalization of theoretical materials and analysis of the practice of activity in penitentiary institutions to show that in conditions of constant impact of quantitative and qualitative factors of penitentiary activity on the personality of employees, they should be ready for aggressive actions of inmates. Without professional psychological assistance, employees' adaptation process and behavior in extreme situations can be affected and risks of developing professional destructions can be created. *Results:* the attitude to uncertainty is considered by the authors as a personality trait underlying adaptation processes and processes to perceive extreme conditions of work. Having considered specific professional activity of penitentiary system employees, the authors show how the problem of prejudice against psychology increases extremity of service and what subsequent negative consequences can be, in particular in the adaptation period. *Conclusions:* the similarity of the processes of adapting to service activities and extreme conditions is shown, and the emphasis is also placed on the need to work with prejudice against psychological support of employees' activities.

Keywords: adaptation; readiness; penal system; extremity; extreme situations; psychological support; attitude to uncertainty.

5.3.9. Legal psychology and security psychology.

For citation: Suslov Yu.E., Kulakova S.V. Prejudice against psychology as a factor in increasing extremity of the service and maladaptation of penal system employees. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 98–104. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.011.

Introduction.

The problem of adaptation to professional activity is a focal point of many disciplines. Despite a significant amount of both general theoretical and applied research, the specific of this problem lies in its intrinsic relevance, regardless of the current state of society. Any socio-economic, political, environmental and other changes, both positive and negative, make a person adapt to them [1, pp. 186–187; 2, p. 15]. The problem of adaptation to a specific work activity is refracted through the prism of specific conditions and factors caused by the boundaries set by the goal and the tasks it solves, as well as the implementation of a system of actions to achieve them with the individual and personal characteristics available to the subject. The Russian penal system is no exception in this matter.

Key results.

In the system of normal functioning of the society, the penal system occupies a special place, since it ensures the security of society not only by isolating offenders, but also by correcting them [3, pp. 8–9; 4]. The official statistics data provided by the Ministry of Internal Affairs of Russia and the Federal Penitentiary Service of Russia can demonstrate the relevance of the penal system activities. So, 1,966,795 cases were registered in the Russian Federation in 2022. Despite the fact that this indicator decreased by 1.9% compared to 2021, there was a rise in registered crimes in 10 subjects [5]. Employees of the penal system work with the convicted to correct them. As of January 1, 2023, 433,006 people were held in penitentiary institutions [6]. These figures show high workload on the penal system employees, who daily interact with this very diverse set of people, for whom the fact of committing a crime is common. The quantitative factor of impact on professional activity presupposes the presence of a qualitative one. This factor, in our opinion, is key in determining the real burden on the staff of the penal system. The qualitative composition of persons held in pre-trial detention facilities and correctional institutions is so diverse that

the criteria for assessing and describing the discussed population are also multiple. For instance, according to the criterion of mental state, the spectrum of groups of convicts and persons in custody varies from a relative norm to the presence of mental anomalies within the boundaries of sanity [7, pp. 20–21; 8, pp. 291–293; 9, pp. 250–252]. Disabled people also require a special approach. Convicted persons with disabilities need additional attention and assistance on the part of the staff of the penitentiary system [10]. Besides, suspects, accused and convicted persons differ in terms of age, gender, criminal and prison experience, education level, upbringing characteristics, nationality, belonging to a certain social group, etc. [11, pp. 159–60]. It should also be taken into account that the listed criteria may constitute different combinations. At the same time, we deliberately do not touch on psychological characteristics, as they widen the diversity. All this is reflected in the behavior of persons in places of deprivation of liberty. In particular, convicts in correctional institutions may behave conditionally normally, observing the requirements established by law, or they may violate the regime up to the commission of crimes. Cases of attacks on correctional facility employees, infliction of bodily injuries of various degrees of severity, taking hostages, etc. are rather common [12].

Undoubtedly, the staff of the penal system is aware of such threats and constantly ready for aggressive actions on the part of the special agent. This affects their psychological and physical condition, causes fatigue, overstrain and other forms of depletion of their available resources. So, including for these reasons, professional activity in the penal system is considered extreme [12, p. 142; 13, p. 33–34; 14, p. 3; 15, p. 235–236].

This determines, on the one hand, special requirements for employees' personality, special knowledge, skills and abilities and, on the other hand, for organization of their work and creation of special conditions that take into account these circumstances of the

service, fulfill the supporting and developing functions and are based on modern scientific developments. Psychology here plays an important role, since it has modern achievements in the field of self-regulation of emotional state, overcoming life and professional difficulties, correcting negative personality traits, etc. At the same time, practical implementation of psychological knowledge is often hindered by employees' resistance and unwillingness to participate in psychological activities of both group and individual nature. Such behavior and attitudes may be based on employees' prejudice against psychology [16, pp. 290–297], formed due to the problems currently existing both in penitentiary psychology itself and its perception by the society. The authors have repeatedly covered this issue [16, p. 167; 17, pp. 19–20; 18, pp. 124–125], but it does not lose relevance [19].

In modern psychological science, there is no unambiguous interpretation of the term "prejudice". This phenomenon is provoked by many interrelated factors: economic, political, historical, cultural, socio-structural, socio-psychological.

In foreign psychology, prejudice is disclosed in works of F. Denmark, W. Lippman, D. Myers, T. Nelson, G. Allport, etc., in Russian – G.M. Andreeva, A.I. Dontsov, G.U. Soldatova, T.G. Stefanenko, P.N. Shikhirev, etc. Penitentiary psychologists Yu.M. Antonyan, S.N. Enikolopov, V.M. Pozdnyakov, A.I. Ushatkov and others consider certain phenomena of prejudice in the penal system.

We believe that the most complete definition of prejudice against psychological activity is given by G. Allport, arguing that prejudice is a negative attitude to some outgroup: an inaccurate, unreasonable and generalized attitude, necessarily including an affective reaction [20]. It should be noted that low-skilled psychologists themselves contribute to this state of affairs, discrediting psychology as a scientific and practical field of activity capable of providing assistance.

Hence, this circumstance causes an increase in the level of extreme professional

activity of employees of the penal system and their maladaptation.

The maladaptation problem is relevant in the work of any team, but for occupations that have an extreme character, it is especially acute. Researchers note that the adaptation mechanism is developed by a person during his/her life and is used in different conditions [21, p. 8]. Adaptation is the process when a person enters and accommodates him/herself to a new system of professional requirements, values and social norms of behavior in a work team.

Problems and violations of the human adaptation process in various types of labor activity are revealed in the works of S.G. Antipin, I.A. Miloslavova, V.A. Korytkov, M.V. Sinel'nik, S.V. Smirnova, etc. In the penal system, various issues related to professional adaptation of an individual are studied within the framework of pedagogical, psychological and legal science by Yu.A. Aleksandrovskii, Yu.A. Alferov, Ts.P. Korolenko, L.E. Panina, V.B. Salakhova, A.I. Ushatkov, etc.

"Specialists' desire to work in a team and make a career in an organization" is considered as an indicator of their successful adaptation [22]. Besides persons' readiness to link their professional future with the organization, successful adaptation is also expressed in their performance. The higher performance indicators, the greater benefit of employees and the organization. This is an approximate pattern of successful adaptation; the problem is to work with people unable to successfully adapt to professional activity.

The adaptation mechanism factors in the penal system are the following: a period of official activity (initial, during service, after service), adaptation to the environment (including official and off-duty aspects), and specifics of professional activity. The first two factors are sufficiently fully represented by researchers of other professional groups, while the latter one is characteristic of the penitentiary service. Adaptation to the specifics of professional penitentiary activity is of the following types:

- professional (formation and development of professionally significant personality traits and qualities; motivation for the chosen professional activity, professional self-development, striving to achieve professional identity);
- psychophysical (adaptation to service conditions);
- socio-psychological (acceptance of new social roles);
- organizational and administrative;
- economic.

It is also worth mentioning that the success of the adaptation process depends on a significant number of factors, both internal and external, namely: an employee's adaptability level; mentors and psychologists' skills; nature of the socio-psychological climate in the department, etc. [17, p. 20; 23, p. 332].

The problem of successful adaptation and extreme situations have similar elements. We will consider people's willingness to act in a situation and attitude to uncertainty [24].

The term "attitude to uncertainty" has various interpretations in the scientific literature. For example, it can be interpreted as "an individual tendency to assess an uncertain situation as desirable or dangerous", "a kind of psychological discomfort", "a cognitive style associated with the inability to accept stimuli suggesting alternative interpretations without comfort", etc. [18, p. 113; 23, p. 233; 25, p. 529]. So, one way or another, this condition is associated with anxiety and self-doubt and self-confidence. This is an unstable state in which a person can commit actions that endanger both him/her and others. Hence, the process of adapting to professional activity is similar to an extreme situation as something indefinite.

Uncertainty in the activity is understandable for people who are just starting their professional path in a particular position, due to the lack of necessary work experience. At this time, a penal system employee needs to be assisted and supported by all employees of the institution, departments and services.

As a rule, with the accumulation of a certain amount of both life and professional experience, employees of the penal system already act more confidently in various suddenly arising situations, both standard and non-standard, which reduces the level of extremity of the service [18].

At the same time, the way to this level of professionalism, self-confidence is associated with a large number of hardship, overcoming difficulties, experiences, etc. Unfortunately, not everyone can make it, maintaining emotional balance, calmness, the desire to serve and carry out the assigned duties in good faith to the end. The inability to cope with such challenges leads to dismissals in early terms of service and maladaptation. It can lead to alcoholism, increased aggressiveness, sharpness in communication, alienation from the team, etc., which in fact represents the personnel loss, since the likelihood of negligent attitude to the performance of professional duties goes up, employees commit legal violations up to crimes.

Conclusion.

It seems that the psychologists' activity in working with penal system employees should be conducted in personal and organizational directions. Thus, the personal direction includes formation of a certain reputation of a psychologist as a person who is a professional in his/her field, confident in his/her professional capabilities, respected by the team, observes ethical principles prescribed by the profession. Employees come to a professional psychologist to solve both professional and personal problems, as well as the psychologist him/herself seeks supervisory help and psychological support as a demonstration of the need for this direction of professional support in the penitentiary system. Only such a psychologist can effectively work with employees' biases about possibilities of psychology.

The organizational direction consists in creating special conditions for conducting psychological work. Specially equipped rooms (offices) give the opportunity for both individual and group work, while maintaining the priva-

cy of classes. Besides, this direction includes management of a temporary resource. Time should be specially set aside for joint work of a psychologist and employees. It should be exclusively working hours. In this matter, the position of the institution management, coordinating activities of all subordinate employees, is of great importance. If the management itself negatively relates to the role of a psychologist in the institution or does not attach appropriate importance to it, the overall organization of psychological work is jeopardized with all the consequences outlined in this article.

The indicated aspects of overcoming prejudices among employees of the penal system require special attention of both a psychologist and his/her direct and immediate heads for the normal organization of psychological work.

Obviously, psychological work with employees is not separate from the results of other departments and services of the institution. Success in the work of a psychologist has a beneficial effect on the performance of the entire institution, as it helps preserve the personnel and labor capacities.

REFERENCES

1. Galoi N.Yu. Pandemic a year later: dynamics of mental state in conditions of uncertainty. *Vestnik universiteta = University Bulletin*, 2021, no. 12, pp. 185–194. (In Russ.).
2. Lukovitskaya E.G. *Sotsial'nopsikhologicheskoe znachenie tolerant-nosti k neopredelennosti: avtoref. dis. ... kand. psikholog. nauk* [Socio-psychological significance of tolerance to uncertainty: Candidate of Sciences (Psychology) dissertation]. Saint Petersburg, 1998. 18 p.
3. Baranovskii N.N., Demin V.M., Sobolev N.G. *Professional'naya adaptatsiya molodykh sotrudnikov, prinyatykh na sluzhbu v UIS: metod. rekomendatsii* [Professional adaptation of young employees employed in the UIS: methodological recommendations]. Tver, 2007. 48 p.
4. Yurina O.I., Kaplina S.V. Conditions of success adaptation of young employees to performance in Federal penal system. *Uchenye zapiski universiteta Lesgafta = Scientific Notes of Lesgaft University*, 2020, no. 2 (180), pp. 541–544. (In Russ.).
5. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January–December 2022. Available at: <https://mvd.rf/reports/item/35396677/> (In Russ.). (Accessed May 31, 2022).
6. Brief description of the criminal executive system of the Russian Federation of the year. Available at: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20harka%20UIS//> (In Russ.). (Accessed February 7, 2023).
7. Pervozvanskii V.B. Structure of the prison population as the system distraction factor. *Vedomosti ugolovnoispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2015, no. 9 (160), pp. 19–23. (In Russ.).
8. Suslov Yu.E., Kulakova S.V., Makarenko T.D. et al. Criminological characteristics of minors in penitentiary institutions according to the 2019 census. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 290–297. (In Russ.).
9. Harvey J. Perceived physical health, psychological distress, and social support among prison officers. *The Prison Journal*, 2014, vol. 94, no. 2, pp. 242–259.
10. Shamporova O.V. Psychological support of convicts with disabilities in a correctional facility. *Vedomosti ugolovnoispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2020, no. 2 (213), pp. 52–57. (In Russ.).
11. Bovin B.G., Moskvitina M.M. Quantitative and qualitative changes in the composition of convicts at the present stage of development of the criminal justice system. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*, 2015, no. 1, pp. 154–163. (In Russ.).

12. Vasil'ev V.A. Actual problems in the sphere of the use of snipers in the conduct of a special operation for the release of persons taken hostage at the facilities of the Criminal code. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*, 2020, no. 11 (191), pp. 142–144. (In Russ.).
13. Kiselev A.M. On the issue of the organization within the framework of service training of the adaptation of employees of the UIS to actions in extreme situations. In: *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie (k 20letiyu Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii): sb. tez. vystuplenii uchastnikov mezhdunar. penitentsiar. foruma (g. Ryazan')* [Crime, punishment, correction (to the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation): collection of theses of speeches of participants of the International penitentiary forum (Ryazan)]. Ryazan, 2013. Pp. 136–139. (In Russ.).
14. Kornilova T.V. The principle of uncertainty in psychology of choice and risk. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2015, vol. 8, no. 40, pp. 3–8. (In Russ.).
15. Kagan A.R., Levi L. Health and environment – psychological stimuli: a review. *Society, Science and Medicine*, 1974, vol. 8, no. 5, pp. 225–241.
16. Suslov Yu.E., Novikov A.V., Kulakova S.V. Prejudices of the staff of the penal system against psychological activities. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2018, vol. 8, no. 7A, pp. 166–173. (In Russ.).
17. Kulakova S.V., Tsvetkova N.A. Problems of functioning and prospects of development of the Institute of mentoring in the executive system of the Russian Federation. In: *Teoreticheskie i prakticheskie aspekty organizatsii professional'nogo soprovozhdeniya sotrudnikov UIS: sb. tr. konf.* [Theoretical and practical aspects of the organization of professional support of UIS employees: collected works]. Tver, 2021, pp. 17–23. (In Russ.).
18. Tsvetkova N.A., Kulakova S.V. Study of stress tolerance and resilience of employees of penal system. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019, vol. 9, no. 2, pp. 112–129. (In Russ.).
19. Samygin S.I. Do we need psychologists in modern Russia? *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2014, no. 122, pp. 226–231. (in Russ.).
20. Allport G.W. *The nature of prejudice*. Cambridge, 1994. 121 p.
21. Shcherbakov G.V., Molostov A.V. Psychological support for the formation of a personnel reserve in the territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia at the present stage of the penal system development. *Vedomosti ugovnoispolnitel'noi sistemy = Vedomosti of the Penal System*, 2011, no. 8 (11), pp. 5–8. (In Russ.).
22. Trukhanovich D.S. Adaptation of civil service personnel: organizational and legal analysis. *Gosudarstvennaya sluzhba = State Service*, 2021, no. 232 (130), pp. 28–33. (In Russ.).
23. Hartley D.J., Davila M.A., Marquart J.W. et al. Fear is a disease: the impact of fear and exposure to infectious disease on correctional officer job stress and satisfaction. *American Journal of Criminal Justice*, 2013, vol. 38, no. 2, pp. 323–340.
24. Sleptsova E.V., Saprunova D. S. Features of person adaptation in the state service system. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and Business: Theory and Practice*, 2019, no. 8, pp. 151–154. (In Russ.).
25. Tschiedel R.M., Monteiro J.K. Prazer e sofrimento no trabalho das agentes de segurança penitenciária. *Estudos de Psicologia (Natal)*, 2013. Vol. 18, no. 3. Pp. 527–535.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

YURII E. SUSLOV – Candidate of Sciences (Psychology), associate professor at the Department of Psychology, Conflictology and Behavioristics of the Faculty of Political and Social Sciences of the Russian State Social University, Moscow, Russia, Head of Department 3 of the Research Center-2 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, zimbu-ru@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9824-748X>

SVETLANA V. KULAKOVA – Candidate of Sciences (Psychology), Senior Researcher at Department 3 of the Research Center-2 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, centr2nii@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8688-2021>

Received January 13, 2023

Original article

UDC 343.83

doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.012

Current State and Promising Directions of Professional and Pedagogical Training of the Penal System Employees to Work with Juvenile Offenders

SVETLANA G. KRYAZHEVA

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia,
kryazheva_sg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2246-3255>

LYUBOV' V. KOVTUNENKO

Voronezh State University, Voronezh, Russia
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
kovtunenkolv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5113-1735>

Abstract

Introduction. The current stage of society's development is associated with the actualization of the problem of professional and pedagogical training of specialists to work with juvenile offenders. More and more attention is paid to the procedure for selecting candidates for service in penitentiary institutions where this category of citizens is held, service conditions, and the system for improving and maintaining employees' professional and pedagogical competence. *Purpose:* to study the current state of professional and pedagogical training of employees of the penitentiary system to work with juvenile offenders. *Methods:* when studying the current state of professional and pedagogical training of employees to work with juvenile offenders, the authors apply methods of theoretical research (analytical, axiomatic, formalization, etc.) and empirical ones (observation, conversation, comparison, questionnaire, interpretation, etc.). *Results:* the current state of professional and pedagogical training of employees to work with juvenile offenders (training in the course of official activity, professional retraining, advanced training) is determined, problematic issues and promising development areas are highlighted; the experience of interaction between territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia and third-party educational organizations is described. *Conclusion:* professional and pedagogical on-the-job and off-duty training of employees of the penal system to work with juvenile offenders is carried out nowadays. In juvenile correctional facilities and pre-trial detention centers, classes are organized as part of official training to improve their professional and pedagogical competence. In juvenile correctional facilities of the Federal Penitentiary Service of Russia, advanced training and professional retraining programs are implemented, including topics (sections, paragraphs, etc.) reflect-

ing certain aspects of working with minors. In a number of territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia, contracts are concluded with third-party educational organizations. At the same time, despite its relevance, the topic of professional and pedagogical training of employees of the penitentiary system to work with juvenile offenders is currently insufficiently studied. Within the framework of the research presented in the article, the main problematic issues related, first of all, to the organization, consistency and purposefulness of the learning process are identified.

Keywords: vocational and pedagogical training; juvenile offenders; suspects, accused and convicted persons; programs of additional professional education; pre-trial detention center; juvenile correctional facility; penal system.

5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education.

For citation: Kryazheva S.G., Kovtunenکو L.V. Current state and promising directions of professional and pedagogical training of the penal system employees to work with juvenile offenders. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 1 (61), pp. 105–114. doi: 10.46741/2686-9764.2023.61.1.012.

Introduction

Service in the penal system, especially in institutions where juvenile suspected, accused and convicted persons are held, places high demands on personal and professional qualities of employees. When working with minors, an employee should not only establish psychological contact with them, resolve conflict situations, but also contribute to their correction and resocialization. One of the conditions for achieving the tasks set before the penal system is a high level of development of professional and pedagogical competence of employees of juvenile correctional facilities and pre-trial detention centers, compliance of their professional and personal qualities with their position.

Paragraph 2.11. of the Minutes of the Meeting with the Director of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 4 of December 9, 2015 stipulates that when appointing (moving) employees to positions in the juvenile correctional facility, it is necessary to conduct psychodiagnostic examinations in order to identify individual characteristics that allow successful interaction with the minor suspected, accused and convicted. This instruction also applies to the management of institutions.

At the same time, a juvenile correctional facility is not the only institution of the penal system in which juvenile offenders are held. Thus, the specified category of persons can

be held in a pre-trial detention center according to a court decision. A pre-trial detention center is an institution where a minor faces prolonged isolation from society for the first time, which, of course, entails a break in the usual circle of communication, forced distancing from his/her relatives, friends, and acquaintances. This circumstance can have a significant impact not only on his/her mental state [1], but also on his/her socio-psychological adaptation [2]. Given this circumstance, one should not underestimate the role of this institution in influencing results of correction and resocialization of the convicted person.

The analysis of modern research on the problem under consideration shows that there are significant differences between minors held in detention centers and juvenile correctional facilities. First of all, this difference concerns minors' adoption of criminal norms and values. Thus, according to the study [3], the level of acceptance of criminal norms and values among minors in pre-trial detention centers is higher than among those serving sentences in juvenile correctional facilities. Many convicts, despite their young age, have early criminal experience and anti-social orientation. Every ninth teenager is intoxicated when committing a crime [4].

According to V.N. Andreev, A.D. Glotochkin, D.V. Sochivko, A.I. Ushatnikov, it is in the

pre-trial detention center where a teenager understands his/her new legal status and consequences of the crime he/she has committed and rethinks values, etc.

E.V. Motova notes that minors in places of deprivation of liberty are characterized by increased anxiety, defectiveness of the value system, especially in the field of goals and meaning of life [5].

I.S. Ganishina and A.V. Vetra highlight that minors in custody are characterized by demonstrativeness of behavior, inability to assess their behavior, brusqueness, cynicism, egocentrism, superficiality in contacts, impulsivity, disregard for moral and ethical values, aggressive reactions, reduced guilt, emotional immaturity, conflict, propensity to physical and verbal aggression, increased conceit, etc. [6].

The results of another scientific study show that many juvenile offenders may have difficulties with self-control of emotional state and behavioral reactions, be embittered and vindictive, as well as show other negative qualities [7].

These circumstances impose additional responsibility on employees, primarily related to the psychological and pedagogical support of this category of citizens.

According to E.V. Zautorova, if a correctional institution employee has a positive attitude to the process of education and shows personal readiness for its implementation, professionalism and competence in this area, then he/she will certainly enthrall minors, thus ensuring effective organization of this process [8].

It should be noted that employees are a pattern of strict compliance with the rule of law and moral requirements for juvenile offenders to follow. An employee without appropriate qualities and competence cannot organize effective work on the education of juvenile offenders. Moreover, in case an employee does not comply with moral norms, but demand their observance from minors, it undermines the very essence of educational work, as well as reduces the authority and importance of the employee in the eyes of pupils.

According to E.V. Zautorova and N.G. Sobolev, the penal system employees fulfil the

following tasks in their work with juvenile offenders:

- to form a socially-oriented approach to life phenomena;
- to change their worldview;
- to stimulate the need and desire for activity;
- to organize specific types of activities, achieving a dialectical combination of consciousness and activity to change and develop the personality of a teenager [9].

Considering the role of employees of juvenile correctional facilities and detention centers in the lives of juvenile offenders, A.I. Savel'ev and A.A. Urusov note that if penitentiary institutions have not achieved or have low positive results in changing negative traits and behavior of adolescents, then the probability of repeated crimes commission increases [10]. To prove the stated above, we present the data of the research conducted on the basis of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, focused on repeat crimes of juvenile suspects, accused and convicted persons [11].

The study involved convicts who repeatedly served their sentences in places of deprivation of liberty, previously convicted at a minor age and served their sentences in juvenile correctional facilities. The sample consisted of 1,159 convicts released from juvenile correctional facilities no more than 10 years ago. According to the data obtained, with a simultaneous decrease in the number of articles for crimes against property and crimes against public safety among these convicts, there was an increase in the number of articles for crimes against the person, against health and public morality, against sexual inviolability and sexual freedom of the individual. In other words, adult convicts previously served their sentences in juvenile correctional facilities are more likely to recommit serious and especially serious crimes, for which they subsequently serve their sentences already in correctional institutions.

Penitentiary scientists (A.A. Andreev, A.V. Vilkov, F.I. Kevlya, L.V. Kovtunenkov, T.V. Kirillova, S.V. Kulakova, etc.) recognize fundamental differences in the work with mi-

nors from the one with other categories of the suspected, accused and convicted. The main purpose of professional and pedagogical training of the penal institution staff to work with juvenile offenders is to provide them with the basics of psychological and pedagogical knowledge and skills necessary for the organization of effective educational work with this category and promote the development of their pedagogical thinking.

Methods

To identify the current state of professional and pedagogical training of the penal institution staff in working with juvenile offenders, methods of theoretical and empirical research are used. The theoretical methods applied are analysis, comparison, generalization and systematization of currently available data (scientific literature, research, etc.) on the research problem, while the empirical ones – questionnaires, observation, conversation, analysis of regulatory documents on the research topic, as well as analysis of activities conducted by employees of various departments and services presented in journals of individual educational work with minor suspects, accused and convicted persons). In addition, the study includes the authors' personal experience in working with employees of the penal system and minor suspects, accused and convicted persons.

Results and discussion

The work presents data provided by 19 territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia, as well as 10 educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia (Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, Far Eastern Interregional Training Center of the Federal Penitentiary Service of Russia, Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, Tomsk Institute of Improvement of Professional Skills of Workers of FAEP of Russia, Saint-Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, Academy of the FPS of Russia, Pskov Branch of the Academy of the FPS of Russia, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, Kirov IPKR of the FPS of Russia).

The study was conducted in 38 pre-trial detention centers, where juvenile suspected, accused and convicted persons are held, and in 11 juvenile correctional facilities. In total, 415 employees took part in the study: 83 of them were employees of the psychological laboratory, 83 – of the educational work department, 83 – of the operational department, 83 – of the regime and supervision / security department (hereinafter referred to as the regime department), 83 – of the duty service.

The author chose penitentiary institutions with regard to the Instruction of the Director of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 01-63156 of December 23, 2014, stipulating that penal institutions, where minors are held, should organize the work as follows: employees of the psychological laboratory and educational work, operational and regime departments should guide minors in order to carry out a comprehensive impact on minors' personality.

At the same time, employees of the psychological laboratory are not included in the study, since most often it is they who carry out professional and pedagogical training of other institution employees involved in guiding juvenile offenders. We will consider results of the survey of employees of the educational, operational and regime departments, including the duty service (332 people).

Before proceeding to the description of the content of professional and pedagogical training of the penal institution staff to work with juvenile offenders, we will consider the level of their education.

According to the Instruction of the Director of the Federal Penitentiary Service of Russia No. 01-63156 of December 23, 2014, candidates from among persons with psychological and pedagogical education or possessing psychological and pedagogical knowledge are prioritized for positions providing the educational process with minor suspects, accused and convicted persons. However, as our research has shown, most employees of regime / security, operational, educational departments, duty shift have higher legal education (50.6%), 12.7% – higher economic, technical and other higher education, 11.7% –

higher pedagogical education, 9% – secondary full general education, 8.4% – secondary specialized vocational education (legal direction), 6.6% – secondary specialized vocational education (pedagogical direction), 2.1% has completed advanced training courses and professional retraining in pedagogy and psychology [12].

We will present results of the analysis for each department and service in more detail:

100% of the interviewed employees of the operational department has higher legal education (8.4% – higher pedagogical education, 3.6% – higher economic, technical or other higher education, 1.2% – higher psychological education).

Most employees of the regime department also have higher legal education (61.4%), 30.1% of the respondents – higher economic, technical and other higher education, 7.3% – higher pedagogical education, 2.4% – higher psychological education, 2.4% has completed advanced training courses and professional retraining in pedagogy and psychology.

All employees of the educational department have higher education (39.8% – higher legal education, 27.7% – higher pedagogical education, 16.9% – higher economic, technical or other higher education, 9.6% – higher psychological education, 6% has completed advanced training courses and vocational training in pedagogy and psychology).

Among the duty service employees, most employees have secondary full general education (36.1%), 32.5% – secondary special / vocational education (legal direction), 26.5% – secondary special / vocational education (pedagogical direction), 3.6% – higher pedagogical education, 1.2% – higher legal education.

As follows from the presented data, the majority of the penitentiary system employees involved in guiding juvenile offenders do not have psychological and pedagogical education and have not passed advanced training courses and professional retraining in this area of activity.

According to the results of the study of the most typical conflict situations arising between suspects, accused and convicted per-

sons and employees of penitentiary institutions conducted on the basis of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia [13], officers with superficial psychological and pedagogical knowledge are more likely than other employees to appear in conflict situations with suspects, accused and convicted persons. If we consider the result obtained in relation to the positions held, then these are employees of operational and regime units.

Nowadays, in order to form professional and pedagogical readiness of employees of penitentiary institutions and bodies to work with juvenile offenders, their targeted professional training is organized. Training is carried out both out of work and on-the-job.

Training of juvenile correctional facility and pre-trial detention center employees in pedagogical support of juvenile offenders is carried out as part of official training. These classes are organized mainly by psychologists of psychological laboratories of institutions and include various areas of training, for example, increasing the conflictological and communicative competence of employees, awareness of issues of age pedagogy and psychology, training in basic forms and methods of psychological and pedagogical interaction with these persons, etc.

The study shows that most employees of regime, operational and educational departments (74.7%) believe that conducting these classes is a prerequisite for effective work with juvenile offenders. Moreover, 55.7% of them note that without this training it is quite problematic to effectively interact with this category of citizens.

Today, the regularity of these classes is often determined by psychologists of psychological laboratories of institutions independently. So, in some institutions they are held quarterly (the most frequent option for conducting classes), in some – monthly or once every six months or less.

It is important to find a favorable time to start conducting professional and pedagogical training. According to the study, most surveyed employees of educational, regime and operational departments believe that it should be started in advance, before the

appointment to a position involving interaction with minors. In addition, it is necessary to involve not only employees whose job responsibilities are directly related to minors, but also employees who perform duties of primary employees in case of their temporary absence (vacation, business trip, sick leave, etc.).

Special attention should be paid to the staff of duty shifts who take up daily duty and whose activity involves interaction with juvenile offenders, as well as their direct leadership (assistant on duty to the head of a correctional facility / pre-trial detention center, deputy assistant on duty to the head of a correctional facility / pre-trial detention center). The main feature of the service of these employees is their round-the-clock presence next to minors, even during those hours when most employees have already finished their working day. Many practitioners note that timely prevention of minors' destructive actions often depends on competence of the duty shift staff.

Thus, it is possible to distinguish the following categories of employees recommended to participate in classes aimed at the formation of professional and pedagogical readiness to work with minor suspects, accused and convicted:

- employees of the educational, regime and operational departments, whose activities are directly related to interaction with minor suspects, accused and convicted;
- employees of educational, regime and operational departments who perform duties of primary employees in case of their temporary absence e;
- duty shifts who take up daily duty and whose activity involves interaction with juvenile offenders, as well as their immediate heads.

When selecting employees for a position involving work with juvenile offenders, it is necessary to take into account employees' personal desire, as well as institution psychologists' recommendations.

The conducted research results show that the employees' personal desire to work in this direction is often neglected. Thus, a significant number of the surveyed employees

(47.0%) note that their desire to work with underage suspects, accused and convicted persons has not been considered before being appointed to the appropriate position. This trend is especially pronounced among employees of the pre-trial detention center (88.0% of the employees of pre-trial detention centers against 38.0% of the employees of juvenile correctional facilities).

Neglect of employees' personal desire to work with minors partially determines these employees' attitude to their position. So, according to the study, employees of pre-trial detention centers are dissatisfied with their position and want to have another equivalent position, not related to the work with adolescents, more often than employees of correctional facilities.

Undoubtedly, the employee's lack of desire to continue service in the position also affects his/her general desire to engage in this type of activity, satisfaction with the work functions performed, attitude to him/herself as a professional in this field, current psycho-emotional state, susceptibility to the development of such negative conditions as professional deformation and professional burnout [14].

Our earlier research aimed at identifying the level of professional burnout among pre-trial detention center employees dealing with various categories of the suspected, accused and convicted revealed that the highest rates of professional burnout were among employees engaged in the work with minors. They had high indicators in the following categories: "exhaustion", "depersonalization", "reduction of personal achievements" [14].

In the course of the study, we also identified problematic issues related to the organization and conduct of classes to form professional and pedagogical readiness in employees to work with minors. So, the most common problems are the following:

- a lack of sufficient working time to search and prepare material for classes;
- difficulties in organizing regular classes;
- insufficient amount of theoretical and practical material (textbooks on legal, pedagogical and psychological issues; reference and periodical literature; visual aids, etc.);

- insufficient motivation of employees themselves to participate in these classes;
- insufficient support for the organization and conduct of these classes on the part of administration, etc.

In addition, the quality and effectiveness of these classes can also be influenced by the staffing of staff positions in a particular institution.

Professional and pedagogical training of employees to work with juvenile delinquents is not limited only to service training within penitentiary institutions, but is reflected in the framework of additional professional education.

The analysis of the programs of additional vocational education implemented in educational organizations of the Federal Penitentiary Service of Russia in 2020–2021 shows that during this time 7 programs of additional vocational education (2 professional retraining programs, 5 advanced training programs) were implemented, in which there was a section (paragraph, topic, etc.) revealing various aspects of interaction with juvenile offenders. These programs had 18 relevant sections, while only 8 of them fully reflected the work with minors. In other cases, such work, not appearing in the title of the section, was considered in them as one of the subsections, or issues of one of the topics.

It should be noted that nowadays there is only one professional development program entirely aimed at training employees serving in institutions where juvenile offenders are held. It is “Concepts and legal bases for the application of restorative justice (mediation) programs to juvenile suspects, accused and convicted persons”).

In addition to the presented types of professional and pedagogical training of employees to work with juvenile offenders, some territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia have concluded contracts with third-party educational organizations of various types (general education, professional educational organizations, as well as higher education organizations, organizations of additional education, additional professional education, etc.).

Forms of classes by teachers of educational organizations, the number, and topics under consideration are different. However, it can be noted that issues of mediation and conflict-free communication are the most common topic studied within the framework of the concluded agreements, and study groups include mainly employees engaged in psychological, educational, less often social work. Such a choice of employees is quite natural, since, first, these departments more often contact with minors in the course of their official activities; second, it is employees of these departments who most often conduct classes with employees of other departments and services interacting with minors to improve their professional and pedagogical competence; third, conduct of such classes, trainings and meetings involving teachers of third-party organizations are provided for in Paragraph 2.7. of the Plan of key activities of the Federal Penitentiary Service of Russia up to 2027, held within the framework of the Decade of Childhood. At the same time, employees of these departments most often already have basic knowledge about fundamentals of age pedagogy and psychology, while for employees of operational and regime departments such training is more relevant and in demand due to the lack or insufficient development of relevant competencies.

Conclusion

At present, the relevance of the topic of professional and pedagogical training of penitentiary system employees in working with juvenile offenders in isolation circumstances is beyond doubt, since employees' readiness to carry out this activity largely depends not only on the effectiveness of their work, attitude to their duties, motivation to continue service, but also on the effectiveness of influencing the personality of a teenager who finds him/herself in a difficult life situation. Every employee who interacts with a minor in penal institutions is, first of all, an educator who contributes to the correction and development of the personality of a teenager.

As part of professional and pedagogical training, classes are organized in penal institutions in the framework of service training. In addition, educational organizations of the

Federal Penitentiary Service of Russia implement professional development and retraining programs, which include topics (sections, paragraphs, etc.) reflecting certain aspects of working with minors.

Involvement of competent teachers of third-party educational organizations in the educational process is an important condition for the formation of professional and pedagogical readiness of employees of penitentiary institutions where juvenile offenders are held. Nowadays, some territorial bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia have contracts with third-party educational organizations of various types (general education, professional educational organizations, as well as higher education organizations, organizations of additional education, additional vocational education, etc.).

At the same time, noting advantages, it is necessary to point out some drawbacks, primarily related to the organization, regularity and purposefulness of the learning process. Thus, in penal institutions, there is no certain circle of persons to undergo such training, no requirements for the form and regularity of these classes and topics necessary for mandatory study.

Topics studied in the framework of various types of vocational training are rather narrow. Most classes, including those implemented by teachers of third-party educational organizations, are aimed at increasing the conflictological competence of employees. Within the framework of these classes, the issues of mediation and conflict-free communication are studied, which, in our opinion, is not sufficient. It is necessary to expand the subject of classes, include topics that address psy-

chological and pedagogical characteristics of juvenile offenders, traditional and innovative methods and technologies of working with them, etc.

Participation of invited teachers of educational organizations is an important condition that contributes to the deeper professional and pedagogical training of employees in working with minors. However, employees without psychological and pedagogical education, interacting with minor suspects, accused and convicted should undergo such training. For example, employees of operational and regime departments, including employees of the duty service.

Special attention should be paid to the professional and psychological selection of employees standing in reserve for positions related to interaction with suspects, accused and convicted persons, taking into account their personal desire to work with this category of persons.

In conclusion, we would like to note that the circumstances presented in this article require a qualitatively different attitude to professional training of employees in working with minors, focusing on the psychological and pedagogical nature of their activities. We are convinced that any employee, regardless of their position, rank and work experience, involved in working with minors, makes a special contribution to their individual and personal development. However, at present, features of professional and pedagogical training of the penitentiary institution staff in working with minors remain insufficiently studied, which is reflected in the level of practical work with this category of persons.

REFERENCES

1. Debol'skii M.G., Mel'nikova D.V., Mesnichenko A.S. Identification of the mental states of minors accused and convicted as a precondition for preventing their destructive behavior. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2020, vol. 10, no. 2, pp. 35–50. (In Russ.).
2. Gur'eva V.A. *Podrostkovaya psikhiatriya* [Adolescent psychiatry]. Moscow, 2001. 448 p.
3. Zautorova E.V., Debol'skii M.G., Tsvetkova N.A. et al. *Provedenie psikhologicheskikh treningov po vyrabotke u nesovershennoletnikh, sodержashchikhsya v uchrezhdeniyakh UIS, ustanovok na nepriyatie kriminal'noi subkul'tury (metodicheskie rekomendatsii)* [Conducting psychological trainings on the development of attitudes towards rejection

- of criminal subculture in minors held in penal institutions (methodological recommendations)]. Moscow, 2020. 88 p.
4. Zautorova E.V., Koldunova D.A. Prevention of conflict behavior of minors as a socially vulnerable category of convict. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika = Penal Law: Legal Theory and Law Enforcement Practices*, 2022, no. 2 (32), pp. 73–76. (In Russ.).
 5. Motova E. V. Psychological readiness of employees of educational colonies to work with juvenile convicts prone to destructive behavior. In: Chirikov A.G. (Ed.). *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodeistvie nauki i praktiki : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. (25–26 oktyabrya 2017 g.)* [Penal system today: interaction of science and practice: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (October 25–26, 2017)]. Novokuznetsk, 2017. Pp. 231–235. (In Russ.).
 6. Ganishina I.S., Vetra A.V. Personal characteristics of suspects, accused and convicted minors in pre-trial detention. *Vestnik samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2020, no. 2 (38), pp. 111–120. (In Russ.).
 7. Litvishkov V.M., Vilkova A.V. Stimulation of juvenile convicts' feelings for the committed crime. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo = Penal Law*, 2015, no. 3 (21), pp. 148–152. (In Russ.).
 8. Zautorova E.V. Professional and pedagogical training of employees of the penal enforcement system for the process of moral and aesthetic education of convicts. In: *Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie" (k 20-letiyu vstupleniya v silu Ugolovno-ispolnitel'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii): sb. tez. vystuplenii i dokladov uchastnikov (g. Ryazan', 21–23 noyab. 2017 g.): v 8 t. T. 4. Ch. 1.* [3d International penitentiary forum "Crime, punishment, correction" (to the 20th anniversary of the entry into force of the Penal Code of the Russian Federation): collection of speeches and reports of participants (Ryazan, November 21–23, 2017): in 8 volumes. Volume 4. Part 1]. Ryazan, 2017. Pp. 44–50. (In Russ.).
 9. Zautorova E.V., Sobolev N.G. *Formy i metody vospitatel'noi i psikhologicheskoi raboty s nesovershennoletnimi podozrevaemymi, obvinyaemymi i osuzhdennymi: prakticheskoe rukovodstvo* [Forms and methods of educational and psychological work with juvenile suspects, accused and convicted persons: practical guide]. Vologda, 2019. 84 p.
 10. Savel'ev A.I., Urusov A.A. Psychological features of the personality of minors with illegal behavior. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh = Psychopedagogy in Law Enforcement*, 2008, no. 2 (33), pp. 54–56. (In Russ.).
 11. Bovin B.G., Suslov Yu.E., Kochin A.A et al. *Analiz retsidivnoi prestupnosti sredi lits, osvobodivshiesya po kontsu sroka otbyvaniya nakazaniya iz vospitatel'nykh kolonii: analiticheskii obzor* [Analysis of recidivism among persons released at the end of their sentence from the juvenile correctional facility: analytical review]. Moscow, 2021. 54 p.
 12. Kryazheva S.G., Novikov A.V., Kovtunenkov L.V. Professionally significant qualities of employees of the penitentiary system who communicate with juvenile suspects, accused and convicted. *Pedagogicheskii zhurnal = Pedagogical Journal*, 2022, vol. 12, no. 3A, pp. 846–859. (In Russ.).
 13. Suslov Yu.E., Zautorova E.V., Sergeeva M.G. et al. *Snizhenie konfliktov sredi osuzhdennykh, podozrevaemykh, obvinyaemykh, profilakticheskaya rabota s vysheukazannoi kategoriei lits: prakticheskie rekomendatsii* [Reduction of conflicts among convicts, suspects, the accused, preventive work with the above category of persons: practical recommendations]. Moscow, 2022. 40 p.
 14. Kryazheva S.G. K On the problem of the influence of professional burnout of employees on the effectiveness of pedagogical support of underage suspects, accused and convicted persons. In: *Nauchnye trudy FKU NII FSIN Rossii* [Scientific works of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia]. Moscow, 2021. Pp. 168–172. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

SVETLANA G. KRYAZHEVA – Senior Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, kryazheva_sg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2246-3255>

LYUBOV' V. KOVTUNENKO – Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, professor at the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Voronezh State University, Voronezh, Russia, Senior Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, kovtunenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5113-1735>

Received October 21, 2022

JOURNAL INDEXING IN DATABASES

eLIBRARY.RU: yes (contract 407-10/2019)

DOIprefix: yes (10.46741/2686-9764)

RSCI: yes

Core of the RSCI: no

HACLlist: yes

CrossRef: yes

East View Information Services: yes

GARANT system: yes

On the Web of Science platform: no

Web of Science: no

Scopus: no

EBSCO: yes

WorldCat: yes

CyberLeninka: yes

DOAJ: yes

<https://jurnauka-vipe.ru/?lang=en>